She was the woman who shared John's love.
LOVING JOHN
The Untold Story
by May Pang and Henry Edwards

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мэй Пэнг было всего двадцать два года, но она стала очень полезным человеком для Джона Леннона и Йоко Оно. Она сортировала их письма и подбирала за ними одежду, которую они бросали, где попало… Она перевозила их записи и бумаги из Нью-Йорка в Англию. Она составляла бюджеты и контракты их альбомов, нанимала 365 пар голых ног для фильма Леннона за мир, даже протаскивала чемоданы, набитые одеждой Йоко, через таможню. Капризы Леннонов были для нее законом, и какими бы чудными ни были приказы, Мэй ухитрялась выполнять их. И вот однажды утром в "Дакоте" Йоко сказала Мэй, что она должна начать

ЛЮБИТЬ ДЖОНА

"ЛЮБИТЬ ДЖОНА" — это история взаимоотношений между тремя людьми: Джоном Ленноном, Йоко Оно и Мэй Пэнг. В основе этой книги лежат собственные воспоминания Мэй Пэнг, а также интервью с рядом людей, знавших Мэй и Джона, когда они были вместе. После размышлений над полученными сведениями, авторы пришли к выводу, что связь между Мэй и Джоном в основном была инициирована, контролируема и разорвана Йоко Оно.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Линде Лим Пэнг,
храброй и решительной женщине,
от которой ее дочь унаследовала
свою силу

В то августовское утро, едва зазвенел будильник, я вскочила с кровати и пошла принять душ. Был понедельник, которого я никак не могла дождаться весь уик — энд, потому что больше всего я любила наблюдать за Джоном во время записей, и вот он после более, чем года безделья готовился провести свою вторую неделю в студии. Всего тринадцать дней назад он преподнес нам удивительную новость. «Мне нужно заставить себя работать», — сказал он и на моих глазах заперся в соседнем со мной кабинете апартаментов Джона и Йоко в Дакоте и начал неистово писать. Через два дня он появился с законченным набором новых песен. По совпадению, Йоко только что закончила свой новый альбом «Feeling The Space» («Чувство Космоса»). Она использовала новую группу. «Не отпускай их, — распорядился Джон. — Я хочу в этот раз поработать с новыми музыкантами.

И тогда Йоко сказала мне, что я должна быть ЕДИНСТВЕННЫМ ассистентом Джона в студии для работы над новым альбомом.

Я любила Джона и Йоко. Я работала на всю катушку, порой круглые сутки, исполняя обязанности их личного помощника с конца 1970 года, делая все, что от меня требовалось. И теперь мне предстояло быть рядом с ним каждый вечер в студии.

Когда мы отправились в студию в первый раз, Джон очень нервничал, но все равно начал работать. К концу той недели он записал основные партии всего альбома. Несмотря на свою нервозность и годовое отсутствие, Джон показал, что способен работать в своем обычном изумительном темпе.

«Так продолжайте играть в те игры сознания бесконечно», — напевала я чуть слышно в то время, как мы подъезжали к Дакоте в то прекрасное летнее утро. Это была строка из «Mind Games» («Игры Сознания») — песни, которую Джон записал на предыдущей неделе. В

этой песне он хотел продержать слово «mind» пять долгих тактов, но ему не хватало дыхания. «Я соединю два куска вместе», — решил он после нескольких попыток и продолжил работу. В течение той недели мы увидели результаты той и других бесчисленных проб и эффектов.

Дождь ли, солнце ли, ночь или день — у Дакоты всегда ктонибудь околачивался в ожидании божественного появления Джона. В то утро это была какая — то безликая женщина. Я быстро прошла, замедлив шаг только для того, чтобы взглянуть в суровое лицо индейца, охранявшего главный вход. Было так солнечно и радостно, что индеец не выглядел столь свирепо, как обычно. «Отличный денек сегодня», — сказал охранник, когда я проходила мимо него через ворота.

Дакота состоит из четырех секций, и Джон с Йоко жили в секции А. В каждой секции есть главный вход и вход для прислуги. Я прошла через двор к секции А, вошла во вход для прислуги и поднялась на лифте на седьмой этаж. Взяв почту, что лежала перед входной дверью апартаментов Леннонов, я открыла двери из розового дерева, ведущие прямо в кухню. Когда я прошла в свой кабинет и села за стол, в дверях появилась Йоко.

«Мэй, мне нужно поговорить с тобой», — сказала она. Босая, в свисающем до пола голубом в клеточку фланелевом халате, со спутанными вокруг лица черными волосами, в то утро она походила на маленького несчастного ребенка.

Йоко закурила «Кул», после чего села передо мной. Я автоматически достала свой стенографический блокнот, готовясь записать задание на день. Ей, похоже, было трудно начать.

«Послушай, Мэй, — наконец выдавила она, — у нас с Джоном что — то не ладится. Мы поссорились. Мы расстаемся.»

Я положила блокнот и с удивлением посмотрела на нее. Йоко редко бывала со мной откровенна, и я была удивлена. До меня доходили разговоры о том, что Джон и Йоко будто бы проходили курс секс — терапии Мастерса и Джонсона в Сент — Луисе по причине своих сексуальных проблем.

В течение предыдущих двух недель, предшествовавших тому дню, я отметила, что они

избегали находиться вместе в одной комнате, а если встречались, то не разговаривали. Я предположила, что Джон и Йоко переживают такую фазу — они были женаты уже четыре года и были вместе уже пять лет. Прожив пять лет, считала я, любая пара начинает испытывать проблемы, особенно когда они так активно вовлечены в дела друг друга, как это было у Джона и Йоко. Я была уверена, что они преодолеют это и игнорировала все эти слухи.

«Джон, наверное, начнет гулять с другими, — продолжала Йоко. — Кто знает, с кем он свяжется?» Она пожала плечами. Потом улыбнулась мне. «Мэй, я знаю, ты очень нравишься ему.»

Я не могла поверить своим ушам. О чем она говорит?

«Я? Нет, Йоко, не может быть», — сказала я. Мне не хотелось, чтобы Йоко думала, что ее проблемы с Джоном как — то связаны со мной.

«Мэй, все нормально. Я знаю, ты нравишься ему. Если он попросит тебя пойти с ним, — иди.» Йоко посмотрела мне прямо в глаза. «Я действительно думаю, что тебе следует так сделать», — снова сказала она.

К тому времени я знала, что пожелания Йоко на самом деле были приказами. Это новое «пожелание», однако, было похоже на безумие.

«Я не могу гулять с Джоном», — пробормотала я.

«Но почему же?»

«Он женат, он мой хозяин.»

«Все нормально, Мэй, все нормально. Я СЧИТАЮ, ЧТО ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ПОЙТИ.»

«Но я не хочу гулять с Джоном, и он не хочет меня. Откуда у тебя такая бешеная идея?»

Йоко немного помолчала. Затем она решила зайти с другой стороны: «Мэй, сколько тебе лет?»

«Двадцать два.»

«Ты очень много работаешь. У тебя нет времени пообщаться с людьми. У тебя нет мужчины. Не так ли?»

«Да.»

«Ты не хотела бы иметь своего мужчину?»

«Да.»

«Но у тебя нет времени, чтобы найти кого — нибудь. Так ведь?»

Я промолчала.

«Разве это не было бы проще?»

Тут у меня начала кружиться голова, однако Йоко не отставала.

«Разве ты не понимаешь? Тебе ведь будет лучше, если ты будешь с Джоном. Тебе что, не нравится Джон?!»

«Нравится, конечно.»

«Ты хочешь, чтобы ему нагнилили?»

«Нет.»

Йоко видела, как я разнервничалась, однако не собиралась отступать.

«Я знаю, что Джон начнет гулять с другими. Мне бы хотелось, чтобы с ним был кто — то, с кем ему будет хорошо. Ты согласна?»

«Да.»

«Разве ты не хочешь, чтобы с ним был кто — нибудь, вроде тебя, чем кто — то, кто нагнилит ему?»

Я не отвечала.

То, что я не отвечала, раздражило ее и сделало еще более решительной. «Я предпочитаю, чтобы он был с тобой. Тогда он будет счастлив.»

Она снова ищуще посмотрела на меня.

«Все будет отлично. Он будет счастлив. Все нормально.»

«Я не могу, Йоко. Я не могу гулять с Джоном», — твердо повторила я.

Она не слушала. «По — моему, сегодня вечером, когда вы поедете в студию, будет самое время начать. А теперь, успокойся. Не беспокойся ни о чем.»

Йоко встала и смяла свой окурок «Кула».

«Я все устрою.»

И она выскользнула из комнаты.

* * *

Я знала, что это было задание. Слова Йоко всегда были заданием. «Йоко такой человек, который всегда старается заставить тебя делать то, что ты не хочешь делать, — любил говорить Джон. — Например, она хочет, чтобы вы построили дом. Это будет десятиэтажное здание, и она хочет, чтобы вы построили его на следующий день. Вы говорите, что не можете этого сделать, но она уже все решила и заставит вас сделать это в любом случае. Она вытрясет из вас душу, пока вы не сделаете этого. И самое интересное, что она просто

звонит вам и говорит: «Давай, начинай.» Она будет звонить и звонить тебе, старина. Типа: «Ну, сколько ты сделал? Ну, сколько ты сделал?» Она будет продолжать в таком же духе, и ты скажешь: «Ладно», и она будет продолжать подталкивать и подталкивать тебя, и ты вдруг неожиданно для себя построишь дом. Вот так она это делает. Йоко просто восхитительна!»

Мне предстояло столкнуться с этим. Наблюдая за совместной жизнью Джона и Йоко, я знала о ее сверхъестественной способности заставлять его делать все, что ей захочется. Она умела убедить его, что все, чего хочет она всегда в ЕГО собственных интересах. Может, она уже убедила его, что это в его же прямых интересах — уйти со мной? Может, мне предстояло быть примером того, как она просит кого — нибудь построить дом? И чего она захочет потом?

Спокойствие Йоко просто шокировало меня. Было неприятно, что она с такой легкостью вручает тебе собственного мужа, человека, которого уважает и любит столько людей.

Я не хотела ссориться с Джоном и Йоко. Я любила свою работу и не хотела терять ее. Я просто хотела поговорить с Йоко, чтобы уйти. Но этого не произошло. В моей голове все время вертелось: «Я предпочитаю, чтобы он был с тобой… По — моему, сегодня самое время начать». Я не могла поверить в происходившее со мной, я чувствовала, что попала в ловушку, и мне было дурно. Чем больше я ходила по комнате, тем хуже мне становилось. Я остановилась у окна и посмотрела на Центральный Парк. Залитый солнечным светом, в то чудесное летнее утро парк казался, как никогда красивым. Я стояла, глядя в окно, и вдруг расплакалась.

Я никогда не мечтала встретить Джона Леннона, тем более стать его личным ассистентом. Осенью 1969 года, после учебы в нью — йоркском городском колледже, мне так захотелось окунуться в настоящую жизнь, что я решила бросить школу и наняться на первую попавшуюся работу. Я пришла в компанию, занимавшуюся велосипедами на Бродвее, 1700, и служащий сказал, что даст мне знать. Когда я снова оказалась в приемном холле этого здания, я взглянула на указатель. На нем, в качестве одного из подразделений «АВКСО Индастриз» значилась компания «Эппл Рекордз». Эппл — БИТЛЗ! Я вновь поднялась по

лестнице.

К моему великому изумлению меня взяли сезонным служащим в контору: секретарь, приемщик, оператор на коммутаторе, машинопись, рассыльный и канцелярская работа — все за самую низкую в компании зарплату в девяносто долларов в неделю. Мне сказали, что в следующий понедельник мне необходимо явиться к десяти часам, чтобы начать работать в компании, занимавшейся делами БИТЛЗ и Роллинг Стоунз!

Я очень хорошо помню тот понедельник. Изнемогшая от нетерпения, я пришла на полчаса раньше. Во всем офисе было пусто. Без четверти десять явилась секретарша, и я представилась. Едва взглянув на меня, она поняла, что я волнуюсь. «Выпей кофе, — сказала она, — расслабься. Ни о чем не беспокойся, он скажет, что тебе делать.» Алан Горовиц был управляющим АВКСО Индастриз.

Секретарша, которую звали Марси, сделала мне кофе.

«Сейчас единственное спокойное время дня, — сказала она, — ты не поверишь, сколько у нас здесь работы.» Через 15 минут, точно в десять, явился Горовиц. В своем деловом костюме он был похож на молодого банковского служащего. Он провел меня к маленькому столу, стоявшему перед большим кабинетом.

«Будешь работать здесь. Кабинет позади тебя принадлежит Гарольду Сидеру. Он наш юридический консультант. Если ты понадобишься ему, его секретарь скажет тебе, что надо делать. Между делом можешь рассылать по почте чеки.»

Первые три дня я рассылала чеки, а также шаталась по конторе, чтобы расслабиться. К концу первой недели я также работала на коммутаторе, и когда снова усаживалась за приемный столик, то впивалась глазами в лифт. Каждую секунду я ждала, что двери распахнуться, и появится кто — нибудь из БИТЛЗ или Роллинг Стоунз. Вскоре стало понятно, что мои фантазии напрасны. В АВКСО царил БИЗНЕС.

Я ожидала, что АВКСО будет походить на те компании звукозаписи, о которых я читала в журнале «Роллинг Стоун». Думала, что все стены будут завешаны золотыми пластинками, и в каждой комнате будет звучать музыка. Я также думала, что там будут постоянно торчать всякие рок — звезды, и все будут

целыми днями разговаривать о рок — н-ролле. Я ожидала, что все там будут так же, как я, любить музыку. Я ошибалась. Все служащие выглядели, как молодые банкиры или страховые агенты. Их секретарши были, в основном, женщинами средних лет, которые уже много лет работали в компании, — милые, приветливые женщины, никогда не упоминавшие о рок — н-ролле.

Большой организации в АВКСО не было, но работы было много. Работали с большим напряжением. Причиной тому был Аллен Клайн, президент АВКСО, который хотел показать своим новым клиентам, БИТЛЗ, что они не ошиблись в выборе своего нового менеджера, и что его метод — полный финансовый контроль, дающий максимальную прибыль, — это тот путь, которым следует идти.

Клайн ухитрился создать компанию, в которой контролировались абсолютно все расходы и приходы — компанию по делам рок — н-ролла во вкусе традиционной бухгалтерской фирмы.

Управление делами Роллинг Стоунз и БИТЛЗ сделало Клайна одним из самых влиятельных людей в музыкальном бизнесе. В прессе кто — то назвал его Робин Гудом поп — музыки. В конце 1950–х он начал свою карьеру в шоу — бизнесе бухгалтером. Обнаружив, что одному его клиенту — ведущей рок — звезде — не доплатили гонораров на 100000 долларов, он принялся раскапывать и другие значительные суммы денег, которые не были выплачены исполнителям, чьи интересы он представлял. Когда в 1965 году он обстряпал аванс в несколько миллионов долларов в качестве гонорара для Роллинг Стоунз — сногсшибательная сумма по тем временам — Клайн упрочил за собой репутацию человека, который может принести богатство своим музыкантам, а также защищать их интересы. Так что, для поддержания своей репутации он был весь в делах.

У Клайна была звукозаписывающая компания, «Камео Парквей Рекордз». Держатели акций затеяли судебный иск против него из — за подозрений по поводу того, что он управляет этой кампанией. На Нью — Йоркской бирже была приостановлена продажа акций Камео Парквей, и велось расследование дела со стороны страховой комиссии. Кроме этого, против Клайна было еще пять — десять других судебных исков, и его

преследовал за неуплату налогов с прибыли государственная налоговая служба.

И вот, 3 февраля 1969 года, по настоянию Джона и несмотря на протесты Пола, БИТЛЗ назначили Клайна своим менеджером.

К концу первого месяца работы в АВКСО я все еще не видела легендарного Клайна. Но вот однажды утром на своей пятой неделе там я услышала, как юридический консультант Гарольд Сидер закричал: «Убирайтесь из моего кабинета!»

«Гарольд, я всего лишь прошу вас поговорить пять минут с этим парнем», — услышала я хриплый голос.

«Я сказал вам, Аллен, что у меня ни хуя нет никаких пят минут. Я не могу растрачивать свое время впустую!»

Я услышала, как захлопнулась дверь Сидера, когда оттуда вышел приземистый толстяк. Он был похож на молодого Джеймса Кани, особенно во «Враге народа», фильме, в котором он кидает грейпфрут в лицо Мэя Кларка. Клайн постоял, глядя на дверь Сидера, потом открыл ее. «Разве я не сказал вам убираться на хуй из моего кабинета?» — заорал Сидер и захлопнул дверь прямо перед лицом Клайна. Клайн открыл ее. «Вы что, никогда не стучитесь?» — прогремел Сидер, снова хлопая дверью. На этот раз Клайн постучал, и Сидер открыл дверь. «Я же сказал, у меня нет ни хуя пяти минут! — закричал Сидер — Убирайтесь на хуй из моего кабинета!» Я во все глаза разглядывала Клайна, который, бормоча что — то себе под нос, шел прочь от кабинета Сидера. И это был Робин Гуд поп музыки?

Через две недели секретаршу Клайна уволили, и я временно была назначена на ее место. Большинство его секретарей или увольняли, или они сами не выдерживали напряжения. Я решила про себя, что со мной этого не должно случится. Каждое утро перед тем, как идти на работу, я гляделась в зеркало и говорила: «Мэй, сегодня ты должна быть в превосходной форме». После этих слов трудно было удержаться от смеха.

Клайн был лучшим из всех «актеров», каких я когда — либо встречала. Человеком, менявшимся полностью в зависимости от ситуации. Сидя за своим огромным столом спиной к горизонту, за которым лежал Нью — Джерси, в то время как сверху на него падал свет от постоянно включенной лампы, он мог производить зловещее впечатление. Я часто находила его в этом

положении, погруженным в раздумья. Как — то днем, когда он был в таком задумчивом настроении, я подняла трубку звонившего телефона и услышала:

«Это Джон. Мне нужно поговорить с Алленом.»

Не узнать этот голос было невозможно.

Я попросила Джона Леннона подождать и позвонила Аллену.

«С вами хочет говорить Джон.»

Клайн ответил нерешительно: «Э — э… Скажите ему, что меня нет… Нет, скажите ему, что я на совещании.»

Я сделала, как было велено.

«Он избегает нас, — услышала я, как Джон говорит кому — то, — тогда скажите ему, что мы звонили. Скажите, что мы разыскиваем его», — и Леннон повесил трубку.

Проработав в АВКСО шестнадцать месяцев, я поняла, что единственно настоящие хлопоты там доставляли Джон и Йоко, все равно по какому бы поводу они там ни были или как бы далеко они ни находились. Они наняли большие рекламные щиты в двенадцати крупных городах мира и развесили их, с лозунгом: «Война окончена! Если ты этого хочешь». Они дали концерт в Лондоне, а затем отправились в Торонто, чтобы объявить о фестивале за мир. который должен был состояться там следующим летом, а также встретиться с премьер — министром Пьером Трюдо, министром здравоохранения Канады Джоном Мунро и Маршаллом Маклюэном. Джон также поставил фанам автографы на своих эротических литографиях. Каждый раз, когда они что — то делали, у нас трещал телефон. Часто эти звонки — просьбы об интервью, отзывы об их политических акциях, предложения о новых эффектных выступлениях — были столь же сумасбродными, как и они сами.

Вскоре мне пришлось сделать заявку на авторские права для песни Йоко «Почему?» из ее первого сольного альбома, который было запланировано выпустить одновременно с сольным дебютом Джона, «Джон Леннон/Пластик Оно Бэнд». Текст Йоко состоял из одного слова «Почему?», которое она выкрикивала и булькала всю дорогу.

Агентство по авторским правам отказывалось регистрировать текст, если в нем было менее восьми строк. Невзирая на правила, Ленноны требовали, чтобы «Почему» получила авторские права. Пытаясь разубедить

их, мы до бесконечности звонили в Лондон, но они твердо стояли на своем: «Почему» должна быть зарегистрирована! Мы звонили в агентство, но тамошнее руководство было столь же непреклонным, как и клиенты Клайна. Позвонили юристам, специализировавшимся по авторским правам, но они говорили, что ничего не могут поделать. Джон и Йоко звонили в АВКСО и выражали свое неудовольствие Клайну. Клайн звонил и выражал свое неудовольствие своим сотрудникам. Мы звонили Леннонам. Несколько недель мы так звонили друг другу, пытаясь решить проблему. В конце концов мелодия песни «Почему» была зарегистрирована, а ее слотекст из одного слова — нет.

Наконец, я повидала некоторых Битлов. Ринго и Джордж, по одному разу каждый, побывали в офисе, напомнив мне, как однажды в 1965 году я проходила мимо отеля «Плаза», когда БИТЛЗ были в Нью — Йорке. Тысячи визжащих, кричащих девочек напирали на полицейское оцепление, выкрикивая имена своих кумиров. Стоя в сторонке, я наблюдала за происходящим. Тогда мне казалось невероятным, что кто — нибудь из них — кто — нибудь, кого я знаю, я сама, когда — нибудь встретится с одним из БИТЛЗ.

Хотя встреча с Ринго и Джорджем были очень волнующими, этого было недостаточно для того чтобы я хотела остаться в АВКСО. Мне хотелось заниматься чем — то творческим в музыкальном бизнесе. По возможности я слушала записи, поступавшие в компанию от новых исполнителей, которые хотели, чтобы ими занималась АВКСО. Мне казалось, что у меня хороший слух, и что с практикой я смогу отбирать потенциальные хиты, но это никого не интересовало. В АВКСО не разрабатывались какие — либо творческие проекты, этим занимались сами исполнители. А АВКСО просто работала на этих исполнителей — таких, как БИТЛЗ. Собственной творческой жизни у нее не было.

Особенно я загрустила, когда в конце ноября в офисе появились экземпляры сольных альбомов Джона и Йоко с Пластик Оно Бэнд. Я проиграла песню Йоко «Почему». Как и ожидала, она оказалась очень шумной. Остальное из ее альбома я проигрывать не стала. Что же касается альбома Джона, он был просто чудесным. Это, как нам сказали, был альбом, вдохновленный курсом примальной терапии, который прошли Джон и Йоко, и

этот альбом стал известен, как «примальный». Джон, прочитав книгу психолога Артура Янова о примальной терапии, разыскал Янова, и они с Йоко провели с ним три недели в Англии. Позже, в июне 1970 года, они поехали в Лос — Анджелес и провели четыре месяца в клинике Янова.

Песни Джона были простыми и исполненными искренности о наболевшем — о детстве, о своих личных противоречиях. Для меня этот альбом был новым взглядом на Джона, не связанного с феноменом БИТЛЗ. Это был человек, решивший найти самого себя, обрести реальность. После этого невозможно было не проявить к нему интерес как к человеку, а не только оригинальному исполнителю рок — н-ролла.

Этот альбом просто очаровал меня, однако в АВКСО все, похоже, принимали его, как должное. Это был «продукт»; он существовал лишь для продажи. И я решила, что после рождественских праздников поищу работу поинтересней в какой — нибудь крупной пластиночной компании.

Однажды в начале декабря я пришла на работу, как обычно, в половине десятого. Когда я вошла в фойе, там в ожидании лифта стояли Джон и Йоко.

Они оба были на удивление лохматыми. Их волосы, которые во время кампании за мир были коротко острижены, вновь отросли и были нечесаными. У Джона — короткая, неряшливая борода, а сам он — в камбинезоне. Йоко была в своей обычной форме — черные штаны и черный свитер. Я знала, что когда — нибудь они зайдут в офис; тем не менее от встречи с ними у меня захватило дух, и от неожиданности я лишилась дара речи.

В этот момент появился казначей АВКСО Генри Ньюфилд. Уж онто знал, что делать. Двери лифта распахнулись. Джон и Йоко вошли. Я последовала за ними, а Ньюфилд — за мной. Таким образом, он не видел Джона и Йоко, пока не вошел в лифт и не оказался с ними лицом к лицу. И тут, даже он, будучи представителем компании, тоже лишился дара речи. В 1970 году неожиданное появление Джона Леннона могло кого угодно лишить языка. Мы все поднимались наверх в АВКСО в неловком молчании.

Когда я подходила к своему столу, на нем трещал телефон.

Я подняла трубку.

«Они в кабинете Аллена. Предложи им чего — нибудь», — нервозно сказал Ньюфилд. Я быстро направилась туда. Когда я вошла в кабинет Аллена, они сидели на кушетке, довольные и веселые. «Меня зовут Мэй, — сказала я, подойдя к ним. — Могу я приготовить вам чай или кофе?» Они улыбнулись мне. «Нет, спасибо, Мэй», — тихо сказал Джон. Он говорил тем хрипловатым, сухим голосом, который запомнился мне по фильму «Вечер трудного дня». «Спасибо, не надо», — произнесла чуть слышно Йоко, как маленькая застенчивая девочка.

«Если вам что — нибудь понадобится, — ответила я, — пожалуйста, позвоните мне.»

«Не беспокойся, Мэй, — тихо сказал Джон с мягкой улыбкой на губах, — если ты нам понадобишься, мы так и сделаем.»

На следующее утро после моей встречи с ними, мне позвонил Алан Горовиц. Он сказал, что Джон и Йоко приехали в Нью — Йорк, чтобы сделать два полнометражных кинофильма, которые они будут сами снимать, монтировать и официально демонстрировать в течение двух недель. «Элджин Театр», кинотеатр, специализирующийся на всякого рода диковинных фильмах, уже включил в программу «Кинофестиваль Джона и Йоко». Горовиц сказал мне, что почти все служащие Леннона пребывают в Англии в Титтенхерст Парке, огромном доме Джона и Йоко в Эскоте. В Нью — Йорке им нужна была помощь, и мне поручено работать с ними. Я была в экстазе: это новое задание должно было быть более творческим, чем сортировка бланков по авторским правам.

Горовиц сказал, чтобы я отправилась к Полу Мозьяну, молодому директору АВКСО по художественной части, который объяснит, что мне делать. Пол постарался ввести меня в курс дела. «Первый наш фильм называется «Вверх по вашим ногам навеки» Джон и Йоко хотят снять триста шестьдесят пять пар ног во имя мира.»

«Как это может помочь миру?» — спросила я.

Пол пожал плечами. «Я всего лишь здесь работаю.» Затем он сказал, что моя задача — помочь найти триста шестьдесят пять человек, согласных постоять перед камерой, пока их ноги будут медленно панорамировать.

«А о чем второй фильм?» — спросила я.

«Он называется «Муха». Йоко хочет снять фильм, в котором муха ползает по телу обнаженной женщины. Нам надо найти женщину, которая сможет спокойно лежать, пока муха будет ползать по ней, — продолжал Пол, — и нам надо найти муху, которая будет делать, что ей говорят.»

«Как же найти такую женщину?»

«Они собираются проводить кинопробы.» Мы посмотрели друг на друга и засмеялись.

«Не смейся. Сейчас декабрь и на улице мороз. Если ты думаешь, что трудно будет найти женщину, то подумай, как трудно будет найти муху зимой, тем более ПОДХОДЯЩУЮ.»

Мы снова засмеялись. Идеи Йоко не походили ни на что, с чем мне приходилось до этого сталкиваться. Они казались безумными, но в то же время это было забавно и, конечно, уж лучше, чем сидеть в конторе. Я сгорала от нетерпения.

В тот день я во второй раз встретилась с Джоном и Йоко. Они были в той же одежде, что и днем раньше, и выглядели такими же лохматыми. Увидев меня, они приветливо улыбнулись. Джон то глотал из баночки «Доктора Пеппера», то затягивался сигаретным дымом. У него был спокойный и расслабленный вид.

«Мэй, ты знаешь, что тебе надо делать?» — спросила Йоко. Я ответила, что мне предстоит помочь найти людей для съемки в фильме «Вверх по вашим ногам навеки». «Вот наша книжка с адресами, — сказала она, протягивая ее мне, — начинай обзванивать всех подряд. Говори им: «Джон и Йоко хотят, чтобы вы срочно пришли и дали снять ваши ноги во имя мира.» Она посмотрела на меня, чтобы убедиться, что я поняла. «Называй наши имена, — повторила она. — И обязательно говори им, что это во имя мира.»

Я согласно кивнула головой.

«Не забывай говорить, что это за мир», — сказал Джон.

Я как и прежде недоумевала, как съемка ног может помочь миру, но не спросила: об этом никто не спрашивал.

Ленноны привезли с собой из Англии одного из своих служащих — ребячливого, дружелюбного, энергичного мужчину по имени Дэн Ричтер. Дэн был

хореографом в эпизодах с обезьянами в фильме «2001: Космическая одиссея». Он также сыграл главную обезьяну, которая бросила в воздух кость, превратившуюся в космический корабль — момент, заинтересовавший Джона. Дэн познакомился с Йоко в середине 60–х годов в Японии. На него произвела впечатление необычность ее работ, а также ее решимость добиться успеха, и они стали друзьями. Позже, в Лондоне, они с женой жили по соседству с Йоко и ее вторым мужем, Энтони Коксом. Йоко и Тони Кокс жили через дорогу от Ричтеров в семикомнатной квартире, в которой все было устлано ковром и не было никакой мебели. После того, как Йоко вышла за Джона, 20 марта 1969 года, она попросила Дэна работать на них, и с тех пор он был с ними.

Дэн сказал мне, что уже начались приготовления к съемкам «Вверх по вашим ногам навеки». Был нанят оператор, молодой мужчина по имени Стив Гебхардт, который имел технические навыки, чего не было у Джона и Йоко, но который не будет вмешиваться в режиссуру фильмов.

Рано утром, на следующий день я отправилась в большую танцевальную студию возле Линкольн Центра, где должны были проходить съемки. Там уже все было готово. В одном конце комнаты было установлено возвышение, которое отгораживалось от остальной части комнаты белым экраном. Перед возвышением был установлен подъемник, а на нем — камера. При нажатии на кнопку подъемник начинал поднимать камеру, и стоявшего на возвышении можно было медленно снимать, начиная со ступней и до верха бедер.

Стив Гебхардт сидел перед возвышением. С ним был его друг, молодой архитектор Дик Ворд, которого он посадил за кнопку подъемника. Другой его друг, Боб Фрайз, его партнер в одной кинокомпании, с минуту на минуту должен был приехать из Цинтиннати, чтобы вести запись на магнитофон, установленный рядом с возвышением. Йоко хотела записать на ленту имена всех снимающихся и их отзывы об этой съемке. Она собиралась сделать из этих записей коллаж звуковой дорожки к фильму.

Джон и Йоко, все такие же лохматые, беспрерывно курили. Похоже было, что они собирались усесться в кресла перед платформой и «дирижировать» съемкой.

Вооруженный двумя новыми скоростными камерами, Джон решил также сделать съемки для собственного удовольствия, пока Дэн Ричтер будет ставить снимающихся на платформу и репетировать с ними, как им демонстрировать свои ноги.

Студия была оснащена телефонами. Я села и достала адресную книжку Джона и Йоко. Весь день я названивала их «друзьям», включая Энди Уорхола, Роберта Раушенберга, Джона Кейджа и Джаспера Джонса. Ответы в основном были дружелюбными, и некоторые говорили, что сейчас же приедут. Никто не спросил, как съемки ног могут помочь делу мира.

Тем временем, Пол стоял в дверях с пачкой расписок. Адвокаты наказали Джону и Йоко, чтобы они с каждого, кто будет сниматься, взяли расписку, что они согласны за плату в один доллар участвовать в фильме.

Когда участники прибывали, их провожали в гримерную, где они переодевались в купальные халаты. Затем их ставили на платформу. Дэн говорил: «снимите, пожалуйста, ваш халат, или просто приподнимите его, если вам так удобней.» Некоторые сбрасывали с себя одеяние и, не испытывая никакого стыда, стояли голые на глазах у Джона, Йоко и всех остальных. Я смотрела на них, поражаясь такой смелости.

Когда одна женщина подняла свой купальный халат, Йоко наклонилась вперед, изучающе глядя на ее ноги. «Поставьте ваши носки вместе», — сказала она. Женщина повиновалась. «Поднимите халат повыше.» Та подняла. «Можете поднять еще чуть выше?» Женщина выполнила указание. «Ваши бедра очень хороши», — объявила Йоко, взглянув на Джона, который стрекотал своей камерой.

Джон улыбнулся женщине. «У вас прелестные бедра, моя дорогая, — сказал он, но нам нужно снимать дальше.»

Снова и снова в своей роли режиссеров, особенно Йоко, а за ней и Джон, испытывая ее влияние, давали указания незнакомым им людям, как им выставлять напоказ свои ноги. Похоже, Йоко испытывала удовольствие, заставляя людей делать то, что она хотела.

Когда участники проходили мимо Джона, он снимал их. Они кивали ему головой, и он кивал им в ответ. Похоже, ему все это очень нравилось. Порой кое — кто останавливался возле него, чтобы перебросится парой

фраз или попросить автограф. Когда Джон разговаривал с людьми, его ответы всегда были интересными и остроумными, часто усыпанными упоминаниями названий песен, телевизионных передач, имен политических деятелей и цитат из литературных шедевров. Люди ожидали увидеть в нем Джона из «Вечера трудного дня», и он оправдывал их надежды. Надо ли говорить, что все были в восторге от общения с таким веселым и интересным человеком. Помню, я была удивлена, что нет никакой охраны. Я считала, что такие знаменитости, как Джон, не могут так свободно общаться с публикой, однако Ленноны сказали, что они не хотят по — другому.

Время от времени Пол Мозьян подходил к Джону, чтобы поставить его в известность о расходах, как того просил Джон. Тот просто принимал к сведению и никогда не предъявлял никаких возражений. После обеда, когда я снова звонила по телефону, ко мне подошла Йоко. Она встала возле меня, глядя мне в лицо сверху вниз. Я улыбнулась ей, но она, зная, что я смотрю на нее, не обращала на это внимания и молчала. Наконец, она пробормотала почти что про себя: «Знаешь, я была знаменитой еще до встречи с Джоном», — и ушла. Было похоже, как будто Йоко хотела, чтобы я подслушала ее мысли, изображая, что не видит, что я рядом. Было очень странно. Этот день был вообще наполнен странностями. К концу его я наговорилась со многими знаменитостями и насмотрелась на немыслимое количество голых ног. То, что другим могло показаться сумасшествием — вся эта суета и бесшабашность — меня только веселило. Я не могла дождаться понедельника, чтобы возобновить работу.

После выходных лента с фильмом «Вверх по вашим ногам навеки» была проявлена и отправлена на редактирование. Меж тем мы нашли место для съемок «Мухи» — чердак верхнего этажа старого здания на Броуэри. Йоко всю дорогу твердила нам, что собирается режиссировать «Муху» сама, без Джона, и требовала, чтобы каждая деталь была «в совершенстве». Однако она не могла четко сформулировать, что она понимала под совершенством. Так что все делалось на пробу: «Ты должен угадать, что имела в виду Йоко, затем сделать это, а потом выяснить, правильно ли сделал. Ей было трудно объяснить, чего она хочет, поэтому создать

обстановку, которая удовлетворила бы ее понимание совершенства было поручено Дэну Ричтеру и Стиву Гебхардту. Ричтер достаточно хорошо знал Йоко, чтобы правильно угадать, что ей нужно. Они со Стивом выкрасили угол чердака в белый цвет, купили восточный ковер и устлали им пол, нашли красивую кровать, в которой будет лежать актриса, по которой будет ползать муха. Затем нужно было найти саму актрису, и были заданы тесты, чтобы найти женщину, которая сможет изящно лежать сколько угодно часов. Актрисы снимали свою одежду, взбирались на кровать, и их испытывали на то, как долго они могут лежать без движения. Позднее я узнала, что называлось даже мое имя, но меня сразу же забраковали. «Она слишком невинна, — сказала Йоко. — Ее нужно поберечь.» В конце концов Йоко выбрала женщину с длинными ногтями, которая произвела впечатление пребывания в полном параличе.

Когда в понедельник вечером я пришла туда, та женщина ужа лежала на кровати. Были установлены две камеры, каждая со специальной линзой, дающей возможность поместить во весь экран увеличенную до огромных размеров часть ее тела. Одна пора на лице могла быть увеличена так, что казалась гигантской расщелиной. Джон, Йоко, Дэн и съемочная группа толклись вокруг нее.

«Положите муху на сосок», — сказала Йоко. Муху положили на сосок женщины. Она улетела. Джон и Йоко посмотрели друг на друга. Йоко нахмурилась.

«Положите снова», — сказала она, и повторилось то же самое.

Были предприняты новые и новые попытки с тем же результатом. Те мухи не слушались Джона. Они не слушались даже Йоко. Им было наплевать на концептуальное искусство, им было наплевать на желание одного из экс — Битлов помочь своей жене. Женщину намазали медом. Не помог и мед. Не помогли также и сахар, мука и вода. Ее обтерли губкой и оставили лежать в то время, как все уселись обсуждать эту проблему с мухами. Дэн Ричтер рассказал, что когда он работал в «2001», был похожий случай. Выход заключался в том, чтобы «газануть» мух двуокисью углерода. Тогда бесчувственную муху можно будет положить на тело женщины. Мы стояли в ожидании, когда муха очухается настолько, что сможет начать

ползать.

«А когда она очнется, она будет делать то, что я хочу, чтобы она делала?» — спросила Йоко.

«Муха будет делать то, что ОНА хочет, Йоко, — ответил Дэн. — Но по крайней мере, она останется на ее теле достаточно долго, чтобы мы сделали съемку.»

Йоко промолчала, но все почувствовали ее разочарование. Все же это, похоже, было единственное практическое решение.

Почти все мухи кончились, и нам была нужна новая партия, а также баллон двуокиси углерода. Пол Мозьян нашел шестерых учеников колледжа, желавших подзаработать немного денег. За плату два доллара в час им вручили сачки для мух и дали указание идти в кухни ресторанов района Гринич Виллидж и наловить как можно больше мух. «Если кто — нибудь спросит, говорите, что эти мухи — для Джона и Йоко», — наказали ребятам. Исполненные энтузиазма, они отправились, к досаде местных владельцев ресторанов.

Другая партия охотников за мухами была направлена на окраину города, где, как мы слышали, кафетерии кишели мухами; мы также сказали нашим друзьям, что Джон и Йоко платят двадцать пять центов за каждую живую муху, доставленную на чердак. Был заказан ящик мух, разведенных для медицинских исследований, но, распаковав его, мы обнаружили, что большая часть мух мертва.

К полудню наш чердак был переполнен людьми: целая армия сотрудников АВКСО пришла убедиться, что у Джона и Йоко есть все, что им нужно, старые нью — йоркские друзья пришли поприветствовать Йоко, а также разнообразные приспешники. Все утро обмытая влажной губкой главная актриса «Мухи» пролежала в кровати и не шелохнулась. Она не двигалась весь день, а фильм снимался полдня.

«Ну как она, нормально?» — спросила я Дэна.

«Она не чувствует боли, совершенно никакой боли», — ответил тот.

Я посмотрела на нее и поняла свою наивность: женщина, наверное, так застыла, что не могла пошевелить ни одним мускулом.

Чуть после полудня было собрано достаточно мух, чтобы мы могли попробовать снова. С чердака удалили всех посторонних.

Муху поместили затем в пластмассовый стаканчик и дали ей газа.

«Положите муху на ее сосок», — сказала Йоко. Муху осторожно вынули из стакана. При этом ей сломали крылья. Дали газа другой мухе. «Положите ее на сосок», — повторила Йоко. Эту муху успешно перенесли из стакана на сосок, с которого она сразу же упала. Газанули третью муху. «Положите муху на сосок», — снова сказала Йоко. На этот раз муха осталась на месте, и съемка началась.

Работа с мухами продолжалась как в кошмарном сне, и казалось, что потребуется вечность, чтобы сделать хорошие кадры. Йоко и Джон следили за съемкой. Через некоторое время Джону стало скучно и он начал бренчать на гитаре. Йоко направилась в угол комнаты. Она начала икать, шипеть и стонать — это была ее интерпретация звуков мухи, ползающей по обнаженному телу женщины. Она собиралась записывать эти звуки и использовать их в качестве звуковой дорожки к фильму. Никто из нас ничего подобного раньше не слышал. Йоко полагала, что ее вокал был «музыкой ее сознания».

Часто Йоко прерывала свои трели, чтобы отдать распоряжения. Хотя она никогда не повышала тона, в ее голосе была какая — то резкость, выводившая всех нас из равновесия. Каждый, кто был вовлечен в эту работу, старался делать все, что мог. Мы готовы были сделать все, что угодно для Джона и Йоко — и сделать как можно лучше — так что настороженный вид Йоко нервировал людей. Так же действовало на них то, что она постоянно меняла свои решения. Мух надо было класть то на одну грудь, то на другую, то под каждую грудь, то над ними, в то время как она пыталась решить, чего же она хочет.

Джон, похоже, проявлял беспокойство — ему было как будто скучно, но он был исполнен решимости поддерживать Йоко. Они часто перешептывались между собой. Йоко слушала, обдумывала слова Джона, а затем выходила вперед и издавала новое распоряжение. Но она не позволяла Джону распоряжаться самому. Один раз он встал и посмотрел, как оператор сфокусировал линзу. Понаблюдав за съемкой, Джон вслух высказал предположение. «Джон, это не твое дело», — сказала Йоко. Когда он предложил направить камеру под другим углом, она сказала: «Ты ничего не смыслишь в этом,

Джон. Оставь это тем, кто в этом разбирается.» Таким образом, Джон тихо наблюдал, что происходит. Время от времени он прохаживался взад и вперед или уходил в заднюю часть чердака поболтать с кем — нибудь.

В два часа ночи, после двенадцати часов непрерывных съемок, конца «Мухи» не было видно. Джону принесли пакетик героина. Его глаза остекленели, и он стал покачиваться при ходьбе. Мне было невыносимо видеть, как он губит себя. Я не принимала наркотики. Меня воспитали так, что я всегда должна контролировать свои действия, и мне было противно видеть, как Джон потерял над собой контроль. Мне хотелось ринуться к нему и сказать: «Брось это!», но я не сделала этого. Никто не сделал этого. Никто. Меня начинало все больше и больше поражать, что никто не осмеливался критиковать Джона, даже во имя его блага.

Через два часа, в четыре утра, я увидела Гебхардта, маячившего за камерой. «Положите муху ей на промежность», — приказала Йоко. Оператор уставился на нее и не пошевелился. «Я не могу», — наконец сказал он. «Я хочу, чтобы муха вошла внутрь, а потом вышла.»

«Сделай это сама», — сказал Гебхардт.

Йоко взяла муху и склонилась над распростертым телом. Она прищурилась и выпрямилась. Явно с неудовольствием посмотрела снова вниз. Затем она наклонилась вновь и взяла рукой тесемочку «тампакса», торчавшую из женщины. Йоко выдернула «тампакс» и положила муху.

В ту ночь, после более сорока часов работы, фильм был почти закончен. «Я хочу, чтобы муха вылетела в окно», — сказала Йоко. Однако не было никакого способа заставить муху сделать это. «Муха должна вылететь в окно», — настаивала Йоко. Оставалось совсем немного мух, и никому не хотелось тратить их впустую. Все же, чтобы угодить Йоко, мы попытались заставить мух делать, как она хочет. Почти все они кончились, и не одна не стала сотрудничать с нами. В конце концов осталась одна муха. Как только она очнулась, она ринулась на свободу.

«Ловите ее», — сказала Йоко. Мы все погнались за мухой.

Джон взобрался на стул и стал махать руками, пытаясь схватить ее.

«Джон, — сказала Йоко, — ты ведь боишься мух. Что

ты делаешь?»

Поймать муху было невозможно, и Гебхардт решил направить камеру на окно так, — очень быстро — что создавалось впечатление у зрителей, будто муха сама вылетела в окно. Ранним утром все собирали вещи, чтобы идти домой. Я была в числе последних, кто уходил. Обвела взглядом чердак. Пять — десять человек в течение двух дней бродили по нему, и это был какой — то кошмар, Повсюду валялся мусор: пачки от сигарет, пустые пивные банки, тарелки с недоеденной пищей. Взглянув наверх, я увидела, что потолок покрыт тучей мух. Пойманные, принесенные на чердак и обработанные газом, они очнулись и неистово жужжали, тычась в стекло.

Я устремилась вниз по лестнице и вышла на ночную улицу. После этих двух жутких дней я была рада вернуться в уютный дом к своей маме.

Пока в отеле «Редженси» шел спешный монтаж фильма, Йоко и Пол Мозьян отправились осматривать «Элджин Театр». В Элджине шел «Эль Топо», крутой сюрреалистический эпический фильм чилийского режиссера Александро Джодоровского. Йоко была в бешеном восторге. Она посмотрела его снова вместе с Джоном, и Джону он тоже понравился.

Джодоровский встретился с Джоном и Йоко. Он был привлекательным мужчиной и очень обаятелен. Ленноны сделали ему комплимент, и он, в свою очередь, сделал им. Он превосходно умел заговаривать зубы и льстить, и пока все бились над завершением их фильма, Джон и Йоко дали уговорить себя финансировать «Волшебную Гору», новый фильм Джодоровского.

Тем временем, ритм работы по завершению нашего фильма не замедлялся ни на секунду. «Не беспокойтесь. Ни о чем не беспокойтесь», — повторяла Йоко, постоянно всех поторапливая. Она даже уселась в одной редакционной комнате в «Редженси» и сама сделала кое — какой монтаж.

Когда до начала фестиваля остался один час, фильмы все еще не были готовы, и Боб Фрайз кинулся в Элджин просить еще немного дополнительного времени. Наконец, фестиваль начался. Публика высидела несколько короткометражных фильмов Джона и Йоко, включая «Сооружение» — короткое исследование Джона постройки лондонского международного отеля. Затем

они посмотрели «Вверх по вашим ногам навеки», который длился час двадцать минут, «Муху», которая длилась пятьдесят минут. Когда на экране стали появляться одна за другой пары ног, народ забеспокоился. «Это утомительно», — выкрикнул кто — то, и некоторые захлопали. «Какого черта нам показывают?» — крикнул кто — то еще. Зрители попробовали утихомирить забияк. Однако аудитория шумела все больше и враждебней и начала улюлюкать и свистеть. Джонас Мекас, лидер нью — йоркского кино — объединения авангардистов и старинный друг Йоко, вдруг встал и закричал: «Это — искусство. Работа двух великих артистов. Как вы можете так вести себя?» Аудитория взорвалась и освистала Мекаса.

***

Джон и Йоко не пришли на демонстрацию фильмов. Они уже уехали в Японию, в страхе перед остановкой в Лос — Анджелесе, потому что Джона попросили дать показания следствию по делу Чарльза Мэнсона по поводу смысла нескольких текстов песен БИТЛЗ. Мэнсон сказал, что считал БИТЛЗ четырьмя длинноволосыми ангелами, о которых упоминалось в Библейском Откровении 9. Руководствуясь своей интерпретацией таких песен из «Белого Альбома», как «Helter Skelter» и «Piggies», он водил свою «семью» на кровавую резню.

Джон не мог представить себе, как это кто — то может извлекать из этих песен призывы к насилию. Он знал, что Мэнсон — ненормальный, и сказал, что его беспокоит, что всякие психопаты используют музыку БИТЛЗ для оправдания своих безумств. Он сказал, что видел подобное безумие когда — то в глазах своих поклонников, дожидавшихся его. Как бы то ни было, он не хотел давать показания.

«Почему я должен? — спросил он. — Не я же написал «Helter Skelter». Это Пол написал.

Сейчас, когда вспоминаешь об этом, некоторые вещи видишь гораздо ясней. Тогда участие в делах Джона и Йоко заняло ценнейшее место в моей жизни. Я продолжала работать в АВКСО и ждала, когда они вернуться. Я ХОТЕЛА, чтобы они вернулись. Три месяца после их отъезда из города были сплошной скукой,

которую оживляли лишь слухи и информация, доходившие до нас из Англии. После своей поездки в Японию они вернулись в Титтенхерст Парк в Эскоте, и Джон сразу же засел в своей домашней студии (несмотря на то, что она все еще ремонтировалась), чтобы сделать новый сольный альбом, «Imagine», который, как он надеялся, покажет всему миру, какое место он занимает по отношению к альбомам Пола МакКартни. Он должен было стать серьезной заявкой и не быть «обойной музыкой» — термин, которым Джон и Йоко определяли музыку БИТЛЗ. Он также был настроен, что этот альбом будет успешней сольных альбомов МакКартни.

В нашем офисе бурно обсуждали, что происходило во время записей «Imagine». Говорили, что все партии инструментов были расписаны и Йоко постоянно напоминала музыкантам, что они не должны отклоняться от них. Вряд ли такая работа была по душе такому клавишнику, как Ники Хопкинс. Особенно был возмущен попытками Йоко все контролировать Джордж Харрисон. Говорили, что когда он не записывался, Джордж уходил в биллиардную комнату и ругал ее перед всеми, кто там находился. Был еще момент, когда Джон готовился к записи «Imagine», заглавной песни альбома, и Йоко, как передавали очевидцы, заявила, что играть на клавишных нужно Ники Хопкинсу, а не Джону. «Ники играет лучше тебя, Джон», — говорила она ему в присутствии остальных музыкантов. Джон отклонил ее предложение и сам сыграл в «Imagine» на рояле.

Наконец, в апреле мне позвонил Алан Горовиц. «Они будут здесь в любую минуту. как только их самолет совершит посадку, сразу поезжайте прямо в Парк Лейн Отель.»

К тому времени я уже понимала, что никогда не знаешь, чего можно ожидать от Джона и Йоко, но когда я приехала в отель, я обнаружила, что сюрпризом были ОНИ сами. Каждый как будто похудел на пятнадцать фунтов (7,5 кг. — перев.). Оба были в шикарной, отлично сшитой одежде и выглядели здоровыми и ухоженными. Как обычно, они непрерывно курили, а Джон жадно заглатывал «Доктор Пеппер». Как он сказал мне, он не отрывал глаз от телевизионного экрана, лишь изредка поглядывая на Йоко. Он возбужденно рассказывал, что приехал в Нью — Йорк, чтобы записать аранжировки к «Imagine». Уже было заказано время работы на Рекорд

Плант, единственной студии в Нью — Йорке, оборудованной сложной квадрофонической аппаратурой. Квадрофонический — или четырехдорожечный — звук был редкостью в то время. Джон рассказал мне, что они нашли Торри Энто, который напишет струнные аранжировки, и что Кинг Кертис будет играть на саксофоне в ряде вещей альбома. Его разрывало от нетерпения отправиться на следующий день в студию.

Йоко молчала, а когда Джон смотрел на нее в ожидании поддержки, ее лицо оставалось невозмутимым, и она лишь тускло улыбалась. Когда Джон закончил, Йоко сказала, чтобы я распаковала их чемоданы. Она хотела, чтобы их одежда была развешена в шкафу. Она также сказала мне, чтобы я собрала их разбросанную по комнате одежду. Я посмотрела вокруг. Походило на то, что они сбрасывали с себя одежду, где попало. Закончив, я сказала, что возвращаюсь в офис и буду в их распоряжении в любое время, когда понадоблюсь.

На следующий день Джон и Йоко отправились в Рекорд Плант на первую запись, на которой Джон просто продублировал некоторые гитарные партии, а Йоко — вокальные.

Рой Сикала, управляющий Рекорд Плант, который должен был вести звукорежиссуру «Imagine», попросил Йоко пройти в маленькую кабинку барабанщика для записи ее вокальных сопровождений. Джон остался в контрольной кабине с Роем и Джеком Дугласом, ассистентом Роя. За спиной Роя стоял Деннис Феррант, беззаботный двадцатилетний паренек, работавший на Рекорд Плант подсобным. Феррант заглянул в кабину барабанщика и увидел искаженное злобой лицо Йоко; ее наушники не держались на голове и спадали на шею. Она гневно встряхнула их и снова надела на голову. Как только она начинала, они опять соскальзывали вниз. Деннис почувствовал ее гнев. Он вошел в кабину и вежливо спросил: «Йоко, тебе помочь?»

Она посмотрела на него: «Наушники сломаны». Деннис понял, что у нее не было опыта работы в студии. Первое, что делает музыкант, перед тем как записываться, это устанавливает металлическую скобу между двумя головными телефонами так, чтобы они плотно сидели на голове. Он взял у нее наушники и подладил скобу. Затем он надел их себе на голову и

проверил каждый телефон, чтобы убедиться, что он работает. «Теперь все нормально», — сказал он, возвращая ей наушники. Она взяла их и надела на голову. Они сидели отлично.

«Теперь все хорошо?» — спросил он. Йоко уставилась на него. Она все еще злилась и молчала. «Все хорошо?» — повторил он. Йоко по — прежнему молчала. «Если будут проблемы, пожалуйста, позови меня, и я все сделаю…» Деннис повернулся, чтобы вернуться на пульт.

Вдруг Йоко излила на него всю свою злость. Она так быстро говорила, что он ничего не понял, кроме двух последних слов: «Ебись ты!»

Деннис обернулся. «Сама ебись», — автоматически ответил он. После минутной паузы он вдруг осознал, что наделал: он только что сказал Йоко Оно, жене Джона Леннона, ебать саму себя. Деннис нервно вышел из ее кабины, уверенный, что его тут же уволят и его карьера в звукозаписывающей индустрии закончится, еще не успев начаться. Рой, Джек и Джон удивленно смотрели на него. С заплетающимися ногами, он медленно шел к ним.

«Ты знаешь, что ты наделал?» — сказал Рой, как только Деннис вошел в контрольную кабину.

«Я виноват, — робко ответил Деннис, — но я хотел помочь.»

Готовый разразиться слезами, он посмотрел на Джона. «Я не знаю, что на меня нашло, — сказал он ему. — Прости меня, пожалуйста. Я хотел помочь ей. Я не хотел ее обидеть.»

«Ты знаешь, что это значит?» — спросил Рой.

«Дайте мне один шанс, — попросил Деннис. — Всего один!»

Неожиданно Джон вскочил и подошел к Деннису. На мгновение тот испугался, что Джон сейчас ударит его. Однако Джон протянул руку. «Деннис, — сказал он, — ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты работал с нами.»

Деннис с благодарностью потряс руку Джона. Джон повернулся к Рою и Джеку. «Он мне по душе! Он — молодец! — сказал он. — Мне нравятся ребята с заскоками.» Все засмеялись. затем он снова повернулся к Деннису: «Больше так не делай». Слова Джона означали: «На первый раз прощается, второй раз — запрещается.»

Деннис был на всех записях «Imagine», работая рука об руку с Джоном. Со временем Джон стал доверять ему, потому что он всегда высказывал Джону свое искреннее

мнение. К чести Джона, он ценил тех, на кого мог рассчитывать в том, что они скажут ему правду, вместо того чтобы поддакивать ему, потому что он — Джон Леннон.

Другой яркой фигурой, время от времени присутствовавшей на записях был Фил Спектор. Как и Джон, я считала, что Спектор — величайший продюсер в истории рок — н-ролла. С 1958 года он создал целый ряд легендарных хитов: «Be My Baby, «Walking In The Rain», «You've Lost That Loving Feeling», «Da Doo Ron Ron» и многие другие для большого числа разных артистов. Как никто другой, Спектор знал, что рок — н-ролл — это бунт и романтика, и чтобы внедрить это в сознание, он использовал целую армию музыкантов, а также свою технологическую проницательность для развития знаменитой «стены звука» Спектора, в которой мощная ритм — секция, вокальный хор, духовые, струнные, эхо и электронные эффекты выливались в пышное, пульсирующее оркестровое звучание.

Вместе с Джоном Спектор был сопродюсером основных дорожек «Imagine» на сессиях в Титтенхерсте. Он был знаком с БИТЛЗ с 1963 года, и был в свое время приглашен Алленом Клайном смонтировать их злосчастный альбом «Let It Be» в 1970 году. Затем он был продюсером сингла Джона «Instant Karma!» и работал с Джоном над его первым сольным («примальным») альбомом. Он также был сопродюсером альбома Джорджа Харрисона «All Things Must Pass» и продюсером альбома «Концерт для Бангладеш».

Невысокого роста, жилистый, нервный мужчина, Спектор заслужил среди музыкантов репутацию экстравагантного человека, и таким его и изображали в музыкальных журналах. По — моему, он был первым, кого я встречала, кто ходил в сопровождении телохранителя. Тем не менее, во время нью — йоркских записей он держался в стороне. Он, возможно, и был КАКОЙ — ТО легендой, но НАСТОЯЩЕЙ легендой был Джон.

Три недели в студии прошли гладко. Джон точно знал, что ему нужно, и не тратил попусту времени, чтобы добиться этого.

С другой стороны, Йоко была тихой. Похоже было, что они поменялись ролями, которые они играли во время съемок фильма Йоко «Муха». В течение записей

Джон всячески демонстрировал свою любовь к «пассивной» Йоко. Он то и дело подходил и обнимал и целовал ее, и она с обожанием улыбалась ему в ответ. Все автоматически ожидали, что Йоко будет просто чудовищем. Вместо этого всякий, кого знакомили с ней во время работы над «Imagine», находил ее самым спокойным и приятным человеком, за исключением случая с Деннисом, о котором все готовы были забыть.

Однажды Йоко подошла к Арлин Рексон, приветливой молодой приемщице в Рекорд Плант, с которой я близко подружилась. «Нам нужны люди для работы в Штатах, — мягко сказала она, — не могла бы ты нам помочь?» Арлин изучала дизайн и кино и проработала три года дизайнером обуви. Затем она решила, что должна работать в музыкальном бизнесе — в конце 60–х годов музыкальный бизнес был самым притягательным поприщем — и она бросила все ради работы на Рекорд Плант. Ленноны обратили на нее внимание и впоследствии давали ей всякие необычные задания. Поскольку она училась на модельера, Джон даже просил Арлин делать покупки для Йоко, которая абсолютно не интересовалась одеждой и могла носить одно и то же каждый день. «Я хочу, чтобы она выглядела шикарно», — сказал он Арлин.

Время от времени лимузин Леннонов заезжал за Арлин. Шофер возил ее от магазина к магазину, и она выбирала блузки, брюки, туфли, ботинки и куртки для Йоко. С ней была договоренность, что она будет покупать на свою американскую экспресс — карточку, а АВКСО возместит ей расходы. Поскольку у нее было не много денег, и она всегда пользовалась своей кредитной карточкой экономно, шикарный лимузин и непривычное расточительство в кредит действовали ей на нервы, особенно когда она уже к полудню, истратив несколько сотен долларов, заканчивала свой поход по магазинам. Тем не менее, она разъезжала от Бонвит Теллера к Бергдорфу Гудмэну и Блумингдейлу в поисках хорошей, стильной одежды для Йоко. Закончив, она приезжала в Парк Лейн, выкладывала покупки и уезжала. То, что Йоко не нравилось, она просто выбрасывала в мусор.

Я обычно одевалась в стиле «слоеный вид»: свитер с высоким воротом, поверх него блузку, а поверх блузки жилет — все нежного черного цвета. Однажды вечером, когда я вошла в студию во время записи, я впервые

заметила, что Джон ходит в «слоеном» стиле. «Мне понравилось, как ты была одета сегодня утром, и я скопировал это», — сказал он, увидев, что я уставилась на него. Я посмотрела на Йоко. Она тоже была в «слоеном». «Мне понравилось, как оделся Джон, — сказала она, — и я скопировала его.»

Несмотря на ту легкость, с которой делался «Imagine», беспокойство и нервозность Джона проявлялись в двух областях. Он утверждал, что он «не великий певец» и хотел как можно больше специальных эффектов, чтобы придать его голосу некую уникальность, которой, по его мнению, ему не хватало. «Подхуярьте мой голос», — требовал он и был в восторге, когда инженеры сдабривали его вокал эхом и электронным искажением. Джон так же считал себя посредственным гитаристом. Деннис сказал ему: «Средний гитарист знает всего три аккорда. Ты знаешь больше трех, Джон, значит, ты лучше среднего.» В ответ Джон становился еще более нервным. В этом он был совершенно убежден, не слушал никаких доводов и продолжал настаивать, что он вовсе не выдающийся вокалист и не мастерский гитарист, хотя соглашался с тем, что он хороший композитор и поэт.

Его неуверенность беспокоила меня, главным образом потому, что я еще недостаточно долго была рядом с ним, чтобы знать, было ли это обычным или это были сигналы будущих мрачных времен.

После того, как Джон закончил «Imagine», они с Йоко остались в Нью — Йорке. Обычно они вставали из постели где — нибудь между 10 утра и 4 пополудни. когда они просыпались, они звонили, чтобы им принесли их «лекарство» — маленькие белые таблетки, которые они запивали апельсиновым соком. На мой вопрос Джон ответил, что принимает метадон.

Джон был человеком большой энергии и продуктивности, но когда у него не было определенного плана занятий, он становился ленивым и мог весь день провести в постели, смотря телевизор. Йоко же работала без остановок. Она все время раскручивала идеи своих новых проектов. Для выполнения их ей нужен был Джон. В дело шли его деньги, так что, когда он отказывался работать, она ничего не могла сделать. У Джона был чрезвычайно активный ум. Когда он бездельничал, его ум мог буйствовать, и его нервозность и паранойя выходили наружу. Именно в эти моменты он обращался

к Йоко.

Йоко была экстремистом и еще более ревностной, чем Джон, доводя любую его мысль или замечание до предела. Если, например, он жаловался на кого — нибудь из БИТЛЗ, она намекала, что тот всегда был его врагом, подразумевая, что Джону больше никогда не следует с ним иметь дела. Ее экстремистские настроения восхищали Джона и помогали ему не затруднять себя раздумьями. Но когда она сама впала в такое состояние — ее паранойя обычно была связана с ее карьерой, ее славой и с тем, что все плели интриги против нее, чтобы она не стала еще более знаменитой — у Джона не стало убежища. Его неуверенность в своей сольной карьере, своем детстве, своих отношениях с остальными Битлами, в том, как публика преследовала Йоко, поглотила его, и он все больше и больше уходил в наркотики.

Скоро они попали в замкнутый круг паранойи: весь мир против них, никому нельзя верить. Джон предался своей постели, которая стала его убежищем, где он мог расслабиться. Только когда он был один в постели с Йоко, он мог считать себя в безопасности. Они оба стали настолько пугливыми, что когда выходили из своего гостиничного номера и видели кого — нибудь в коридоре, они возвращались в комнату и прятались там, пока в коридоре не становилось пусто.

Я наблюдала со стороны, как Джон и Йоко превращались в жертв паранойи. За то короткое время, что я их знала, я видела их в разных ролях: Джон был преданным, любящим, заботливым мужем; блестящим профессиональным музыкантом. Йоко была агрессивной концептуалисткой; кроткой, застенчивой женой, а потом — тоже жертвой. Они были явно разносторонними личностями, и их могло заносить в ту или иную «степь». Они походили на актеров, которые могут браться за любые роли и играют их с таким убеждением, что становятся пленниками этих ролей.

Как только они ложились в постель, единственным, что могло вытащить их из нее, была поездка по магазинам. Так как Джон не записывался, они могли делать себе покупки сами. Их шофер обычно отвозил их к магазинам дамских принадлежностей на Шестнадцатой восточной улице — одним из самых их любимых был магазинчик «Мадонна», — затем — к Денойеру, который они оба любили, а потом в центр города в магазин

лекарственных растений, где Йоко брала свои любимые духи, пахнущие яблоком, которыми она пропитывала всю свою одежду.

Принцип покупки вещей заключался в том, что Йоко примеряла их и смотрела, нравится ли это Джону. Если она находила что — либо, что нравилось Джону, она покупала эту вещь всех цветов. Если не было цвета ее размера, она покупала на размер меньше или больше. Казалось, что у нее потребность демонстрировать самой себе, что у нее достаточно денег, чтобы купить все. Поскольку она все время меняла свои решения, но хотела выглядеть так, будто знает, что хочет, она также убедила себя, что ей доступен каждый предмет — даже если ни один из них не подходил ей. В их номер в отеле доставили два больших стеллажа для одежды, и они скоро были набиты новыми шмотками Джона и Йоко.

Когда Джон и Йоко не хотели ходить по магазинам, я звонила в их любимые магазины, чтобы в отель прислали служащего с образцами последней моды.

Частенько я заставала их днем, лежащими в постели и взирающими, как кто — нибудь с энтузиазмом демонстрировал им модные наряды в надежде продать одежду стоимостью в несколько тысяч долларов. По окончании такого «шоу» Джон и Йоко выбирали, что хотели, и эту одежду им привозили в отель и вешали на стеллажах.

Время от времени Йоко охватывало такое беспокойство, что даже поездки по магазинам не удовлетворяли ее. У нее была цель — создать в Нью — Йорке имидж для себя и Джона. Она хотела встречаться с престижными людьми и появляться в престижных местах. Понятие престижных людей включало в себя художников — авангардистов и типов, вроде Джерри Рубина, олицетворявших «радикальный шик».

Йоко поручала мне звонить этим людям и приглашать их в отель. Много раз, после того как встреча была назначена, Йоко откладывала ее, переносила на другое время, а затем вновь откладывала. Никто не возмущался этими бесконечными перепланировками, ибо все хотели встретиться с Джоном и Йоко. Мне пришлось трижды назначать встречу с Энди Уорхоллом. Когда нужная персона являлась, его или ее провожали в спальню Леннонов, и Джон и Йоко давали прием. Когда Йоко надоедало, она извинялась перед

визитером, что им с Джоном НЕОБХОДИМО заняться неким делом. Поддаваясь на ее уловку, гость уходил, не подозревая, что Йоко просто дала ему пинка.

Джон большей частью смотрел телевизор. Его восхищали телевизионные дебаты — особенно Джонни Карсонза — и он всегда смотрел новости. Он считал, что средства массовой информации были наполнены людьми, которые что — то продают: звездами, продающими свои новые фильмы или пластинки, политиканами, продающими свою новую политику или свой привлекательный имидж. Для него масс — медиа были средством рекламы всего, что хотят продать. Йоко была творцом «акций». Поскольку каждый шаг Джона отражался в прессе и телевидении, они с Йоко решили провести серию акций, которые стали бы рекламой делу мира. Они провели акции «в постели» за мир, кампанию «Желуди за мир», развешивали по всему миру плакаты и помещали в рекламных газетах объявления с лозунгом: «Война окончена! Если ты этого хочешь», а также записали тематическую песню за мир «Дайте миру шанс». Джон считал, что если бы все выдающиеся люди делали рекламу во имя любви и мира, жизнь на земле в общем улучшилась бы.

Во многом у Джона были весьма наивные и утопические представления о том, как живет мир: именно поэтому на него произвела впечатление бурная активность Джерри Рубина. Джерри представил Джона Дэйвиду Пилу, уличному музыканту — радикалу, возглавлявшему группу уличных музыкантов, которые неожиданно появлялись где — нибудь на углу и исполняли антиправительственные песни. Джону нравилось то, что Пил был человеком улицы. Он считал. что он сам по натуре человек улицы, но который теряет контакт с массами из — за того, что богат и живет в дорогих отелях. «Мир считает тебя героем рабочего класса», — говорила Джону Йоко, давая понять, что в действительности он принадлежит улице. Она также предложила, что ему надо начать писать песни, побуждающие к социальным переменам, а не просто «обойную музыку». Йоко предложила, чтобы Джон повернул свою музыку в русло уличного политического театра и давал «акции» и «события», а не концерты. Она предложила оказать поддержку тем радикалам, которые выступали перед людьми на улицах, и начать играть на

улицах самим. Джон, который любил бросаться в новые дела, заглотил крючок.

После двух недель бурной активности вперемежку с валянием в постели целыми днями Джон и Йоко решили вернуться в Англию, чтобы снять киноверсию «Imagine» в дополнение к выходу этого альбома. Йоко позвонила мне и попросила, чтобы я поспешила в отель, упаковать их вещи, так как они планировали отъезд на следующее утро. Я прибыла в 6 вечера.

Начав собирать вещи в 7 вечера, я закончила в 2 ночи. Двумя месяцами раньше Джон и Йоко прибыли в Нью — Йорк с двумя чемоданами; теперь они уезжали с тремя чемоданами и пятью большими пароходными сундуками, четыре из которых были набиты одеждой, а пятый — до краев заполнен одной лишь обувью.

На следующее утро я была в отеле в восемь тридцать. Йоко, в халате, рассматривала десять нарядов. Она перебирала один за другим, выбирая подходящий. В девять тридцать прибыл лимузин, чтобы отвезти их в аэропорт, однако Йоко все еще не решила, что ей надеть.

«Нам пора, — отрезал Джон. — Одевайся.»

Йоко, казалось, была парализована нерешительностью. Наконец, сделав гримасу, она взяла один наряд, побежала в ванную и переоделась в него. Я собрала оставшиеся девять костюмов и бросила их в сундук. Затем я вызвала коридорного. Зазвонил телефон. Это был администратор отеля. Пора было ехать, иначе они опоздали бы на самолет. Джон схватил Йоко за руку и потянул ее к двери. Они помахали на прощанье и ушли.

Я села на один из сундуков, чтобы перевести дыхание. Понадобилось четыре коридорных, чтобы вынести их багаж из номера.

Неделю спустя (это было в середине июня 1975 года) к моему столу подошел Ален Горовиц. «Джон и Йоко просят вернуть копию фильма «Сооружение» в Англию, причем немедленно. Как нам известно, у тебя есть паспорт. Мы хотим, чтобы ты отвезла эту копию завтра.»

Чего я меньше всего ожидала, так это поездки в Англию, о чем я ему и сказала. — Послушай, — ответил Горовиц. — Мы хотим, чтобы кто — нибудь слетал за полцены, и ты — единственная из сотрудников, кому еще нет двадцати одного и кто может поехать. Так что ехать — тебе. Буквально уже на следующий вечер я с копией

фильма Джона Леннона «Сооружение» выехала в большом лендровере через огромные деревянные ворота и по змеившейся дороге — к дому Леннонов, Титтенхерст Парку. Даже в темноте этот старый, величественный дом выглядел огромным. Внутри его Джон и Йоко разрушили кое — где стены и соединили маленькие комнаты в большие современные залы. Каким — то образом казалось, что внутренности дома во вражде с его наружностью. Меня удивляло, зачем кому — то нужно покупать красивый старинный дом только для того, чтобы разрушить в нем все ради ультрасовременного лоска.

Через несколько минут после моего прибытия в комнату вошли Джон и Йоко. Они выглядели очень уставшими. — Привет, Мэй, — сказала Йоко. — Как добралась? — Отлично, — ответила я. — Хорошо, что ты приехала, — сказал Джон. — Спасибо, — поблагодарила я. — Увидимся завтра, — сказала Йоко, и они ушли. Интервью окончено.

Я прошла в кухню, где наткнулась на Дэна Ричтера. Пока я делала кофе, Дэн рассказал о жизни в Титтенхерсте, в частности, о том, что произошло за неделю до моего приезда. Среди поклонников Джона были, как он их называл «фанаты», которые НАСТОЙЧИВО стремились увидеть его лицом к лицу. Один из них, которого я назову Стивеном, прислал множество телеграмм из больницы для душевно больных где — то на юго — западе, утверждая, что он может «вылечиться», только взглянув в глаза Джона. Дэн предсказал, что однажды Стивен появится у их ворот. Не мудрено, что как только Стивена выписали из больницы, он нашел Титтенхерст Парк и стал поджидать Джона. Джон не хотел видеть его. «Я не хочу, чтобы кто — то считал, что я могу вылечить его. Я — Джон, всего лишь Джон," — сказал он и оставался затворником в доме. Полицейские то и дело убирали Стивена с дороги, но куда бы они не закидывали его, он снова приходил к дому и торчал тут день за днем. — Я не знаю, что с ним делать, — сказал Джон Дэну. — Не хочется обижать его, но я хочу, чтобы он ушел отсюда. Дэн попытался убедить Джона, что единственный способ избавиться от Стивена — это посмотреть ему в глаза. Джон еще больше расстроился. Дэн продолжал убеждать его, и наконец, после долгих дискуссий, Джон уступил. Затем у Дэна

появилась мысль заснять эту встречу для фильма «Imagine». Джон снова уперся. Он не хотел эксплуатировать Стивена. Но Дэн убедил его, что поскольку этот фильм должен был быть кинодокументом его жизни — а это был довольно необычный момент в его жизни — то такая съемка будет оправданной. А позже они смогут решить — использовать или нет этот эпизод в фильме, когда он будет закончен. В назначенный день, под прицелом съемочной группы, Джон пошел к воротам. Стивен подошел к Джону и вперил свой взгляд ему в глаза. Джон тоже смотрел на него. Стивен молчал. Он не мог поверить, что его мечта свершилась. Он пытался найти какие — нибудь слова, но был слишком ошеломлен, чтобы говорить. Он продолжал таращиться на Джона, в течение длительного времени. Затем, со слезами на глазах, он повернулся и медленно пошел по дороге. Больше его не видели. Дэн, съемочная группа и Джон — все поняли, что Джон «вылечил» Стивена. Джон повернулся и пошел назад в дом. Он был потрясен этим инцидентом, и молва о поразительном исцелении продолжала будоражить поклонников.

* * *

На следующее утро после своего приезда я снова была на кухне, когда вдруг туда вбежала группа детей. Среди них был Джулиан Леннон, сын Джона от его первой жены, Синтии. Джулиану было восемь лет, и он был маленьким для своего возраста. Он был жутко похож на своего отца, и его глаза были такими же проказливыми и умными. — Доброе утро, Джулиан, — сказала я, протягивая руку. Он вежливо пожал ее. — Поиграйте со мной, — сказал он. — Валяйте, — раздался чей — то голос. — Джон и Йоко все равно не встанут до полудня. У вас много времени. — Я последовала за Джулианом, который шел прямо к спортивному автомобильчику, стоявшему рядом с домом. — Я прокачу тебя, — сказал он. Он уселся на место водителя, и я села рядом с ним. — Тебя легко напугать? — спросил меня Джулиан. — Нет.

Джулиан ехал быстро. Единственным его намерением было напугать меня. Он несся на огромные камни и объезжал их в последнюю минуту. Он делал

вид, что собирается врезаться в дерево. Заманив меня в машину, он вознаградил меня с лихвой. Я действительно была очень напугана, но ухитрялась смеяться вместо того, чтобы кричать. Когда Джулиан увидел, что не может напугать меня, он успокоился. К тому времени как я вернулась домой, день официально начался. Дом был наполнен людьми, и никто из них, похоже, не знал, что делать. Садовник, дворники, горничные, шофер, секретарша Леннонов — все просто слонялись по дому. Они ждали распоряжений от своих хозяев, которые еще сегодня не показывались. Съемочная группа тоже похаживала взад и вперед. Им было нечего делать, пока Джон и Йоко не встали. «Поверишь, или нет, — сказал Дэн, — но это самое легкое время дня, пока они не встали.» Затем он добавил: «Ты видела систему сигнализации против ограбления?» Я последовала за ним к пульту возле лестницы. Дэн объяснил, что эта система в отличие от других была сделана так, что запирала находившихся в доме. «Ночью, после того, как Джон и Йоко лягут спать, последний, кто ложится, должен включить эту кнопку. Тогда никто не сможет войти в их спальню, и они не смогут выйти из нее без того, чтобы не включилась сигнализация. Когда она включается, то звонит и в полицейском участке, и через какие — то минуты полиция уже здесь.» Вскоре в комнату влетели Джон и Йоко. Джон был, как никогда, в спешке. У Йоко был чрезвычайно напряженный вид. — Ты осмотрела дом? — спросила она меня. — Конечно. Он очень красивый. — Тебе показали сигнализацию против грабителей? — Да. — Не правда ли, здорово? Я не знала, что ответить людям, которым нравилось быть пленниками в своем собственном доме. После того, как они торопливо переговорили со своей съемочной группой, Йоко попросила меня подняться с ней наверх. Несколько маленьких комнат были объединены в большое пространство, которое было пустым за исключением матраса возле одной стены. С этого матраса можно было увидеть красивое озеро. Я подошла к окну и посмотрела на него. — Джон хотел видеть воду, когда он встает… — сказала Йоко. — …Поэтому я заставил их соорудить для меня озеро. Оно почти настоящее, только дно резиновое, — закончил Джон, смеясь. — Взгляни на нашу ванную, — сказали они. Я последовала за ними в ванную комнату. Она была

больше, чем комната, в которой я жила вместе с моей мамой. В ванне могли удобно разместиться четыре человека — такое увидишь разве что в голливудских мюзиклах. — Какая большая ванная, — сказала я. — Очень большая, — сказал Джон счастливо. — Это большая ванная, — эхом отозвалась Йоко. — Кто — нибудь объяснил тебе, что за фильм мы снимаем? — спросил Джон. — Нет. — В общем, в этом фильме я — Эррол Флин, а Йоко — Рита Хейворт. Теперь нам надо переодеваться. Спускайся вниз и жди нас. — Вам нужна моя помощь? — спросила я. — Нет, — сказала Йоко, — не сейчас. Позже!

Я присоединилась к съемочной группе, все еще ожидавшей начала работы. Через двадцать минут Джон спустился по лестнице вниз. Он был одет, как Гаучо. Йоко, в вечернем платье, вышитом бисером, шла за ним. Спустившись, они остановились, ожидая восхищений. Йоко изучающе посмотрела на Джона. Хотя он был в хорошем настроении, я почувствовала, что она думает, будто он не очень — то в восторге от ее наряда. «Я переоденусь» — сказала она и побежала вверх по лестнице. Через десять минут она вновь появилась с сигаретным патронташем и длинным шарфом. — Вам нравится патронташ? — спросила она. Мы все ответили, что нравится. Однако теперь мы не проявили достаточного энтузиазма. «Я снова переоденусь," — сказала она. «Я тоже," — сказал Джон, и они оба побежали вверх. Спустя пятнадцать минут они вернулись, одетые в совершенно другое. Они посовещались со съемочной группой, после чего Йоко снова решила переодеться. Дэн рассказал мне, что предыдущим днем Йоко переодевалась приблизительно сорок раз до того, как начать работу. После того, как она ушла вверх по лестнице, Дэн сказал: Снимать фильм легко. Самое сложное — это дождаться, когда они приготовятся. В тот день ушло три часа, прежде чем Йоко была готова начать съемки. Фильм «Imagine» должен был быть одиссеей жизни Джона и Йоко. В начале 1970–х годов многие рок — звезды делали фильмы на основе своей жизни. Часто эти фильмы показывали красивую частную жизнь рок — звезды. «Imagine», похоже, должен был стать ярким образцом этого жанра. Сначала их снимали бегущими по лесу. После этого они переоделись и снялись возле оранжереи.

Затем они снова переоделись. Съемки постоянно прерывались, и все ждали, когда главные герои появятся в новых костюмах. Когда стемнело, все пошли в дом. Йоко и Джон приготовили себе жареные орехи и жареную картошку по — французски — они пользовались микроволновой печью. За десять дней своего пребывания в Англии это была единственная еда, которую я видела на их столе. Утомившись весь день наблюдать, как Йоко переодевается, после того, как они, поев, заперлись в своей спальне, я тоже отправилась в постель. На следующий день Йоко и Джон появились в полдень, одетые в черное. Когда камеры начнут работать, они планировали выйти из дома и сесть в свой автомобиль. Затем Дэн должен был отвезти их к искусственному озеру, Джон и Йоко выйдут из машины, сядут в весельную лодку, и Джон погребет к острову, сооруженному посередине озера. В домике на острове был установлен небольшой столик, а на нем — шахматная доска. Джон и Йоко собирались медленно подойти к домику, сесть за столик и начать играть в шахматы. Для того, чтобы снять эту сцену, камеру установили на вертолете. Как только Джон и Йоко выйдут из дома и направятся к машине, вертолет должен будет подняться в воздух. Он будет подниматься все выше и выше, чтобы к тому времени, как они сядут за шахматную доску, они казались просто пятнышками в центре экрана. Дэн Ричтер дал сигнал, и Джон, Йоко и он пошли к автомобилю, в то время как вертолет начал взлет. Автомобиль поехал по дороге, а вертолет поднимался все выше. Когда он достиг верхушек деревьев, подвешенная к нему камера зацепилась за одно дерево. Опускаясь и поднимаясь, пилот пытался освободить камеру, но чем больше он старался, тем больше она запутывалась. Мы все, как загипнотизированные, смотрели, как дерево сражается с вертолетом. С земли казалось, что дерево вот — вот стянет вертолет вниз. Это была какая — то сюрреалистическая сцена. Джон и Йоко плыли в лодке к острову, не подозревая, что их не снимают. Вдруг вертолет освободился, и мы зааплодировала. Когда Джон и Йоко узнали, что произошло, они отнеслись к этому относительно спокойно. Позже этот эпизод был повторен без каких — либо помех. К концу дня с фермы привезли огромного борова. Это Джон придумал спародировать

фотографию на конверте альбома Пола МакКартни «Баран», где Пол показан борющимся с бараном. Джон же будет бороться со свиньей. Мы все вышли во двор и устремили взгляд на большое и сердитое животное. Никто не представлял, что свинья может быть такой огромной. Джон воинственно обошел животное. Ему нравилась идея, но не нравился боров. Дэн стоял наготове, чтобы снимать картину. «Заберись ему на спину, Джон, и схвати за уши.» Джон, похоже, сомневался. Он подошел ближе. Свинья издала резкий, неприятный звук. Джон отступил назад, но мы все продолжали убеждать его. «У тебя получится, Джон», — сказала я. Он снова приблизился к борову. «Я не могу держать эту ебучую свинью слишком долго. У тебя только один кадр, только один», — сказал он Дэну. Джон вскарабкался на спину борова и схватил его за уши. Тот завизжал. Дэн щелкнул фотоаппаратом. Джон соскочил со свиньи и пошел в дом, Йоко за ним. Там они съели свой ужин из микроволновой печи и заперлись в спальне. На следующее утро Джон и Йоко снимали сцену, в которой звучала заглавная песня «Imagine». Джон сидел за роялем и играл эту песню, в то время как Йоко отдергивала одну за другой занавески. Пока Джон играл, комната становилась все светлее и светлее. К концу его песни комната была вся залита ярким солнечным светом. Это было просто и очень трогательно. Поскольку они были начинающими кинематографистами, Джон и Йоко работали путем проб и ошибок. Там, где чутье не подводило их, то, что они делали, получалось очень красивым. Дней через десять, в полдень, Джон и Йоко вошли в кухню, и Йоко сказала: «Мэй, тебе пора ехать домой. Через несколько дней мы последуем за тобой. Упакуй всю нашу одежду.» Я вновь оказалась перед теми пятью сундуками, что я упаковывала две недели назад. Рано вечером, когда я как раз заканчивала, Джон и Йоко вошли в спальню. «Мэй, ты поедешь утром, — сказала мне Йоко. — Сундуки возьмешь с собой.» «Не будет ли проще отправить их теплоходом?» «Нет, Мэй, — ответила Йоко. — Нам нужно, чтобы когда мы будем там, наше одежда уже ждала нас, а мы доверяем только тебе. Больше мы никому не доверяем.» Она нервно посмотрела на Джона. «Мы доверяем тебе, Мэй», — отозвался Джон. «Вы можете отправить их с курьером», — сказала я. «Мы не

доверяем никакому курьеру, — ответила Йоко. — Мы доверяем только тебе. Я считаю, что ты должна отвезти нашу одежду.» Я попробовала другой довод. «В аэропорту наверняка будет большая пошлина на эту одежду. По — моему, вы хотите, чтобы я заплатила ее в аэропорту.» «Я думаю, что на них не будет никакой пошлины», — сказала Йоко. Джон пожал плечами: ему было все равно. Йоко посмотрела мне в глаза. «Не беспокойся. Никакой пошлины не будет.» Она сказала это с таким убеждением, что я должна была поверить ей. «А почему бы тебе не взять с собой и эту штуку, — сказал Джон, вручая мне старый «Рикенбахер». — На этой гитаре я играл в БИТЛЗ. Я взяла ее с благоговением. Мне хотелось сказать ему, как это меня взволновало, но прежде чем я успела раскрыть рот, они вышли из комнаты. На следующее утро я поехала в аэропорт с пятью сундуками и гитарой. Когда пришло время проверки сундуков, я раскрыла их. Таможенный инспектор уставился на меня. «Это моя одежда — сказала я порывисто. — Я привезла ее с собой из Америки.» Инспектор посмотрел этикетки, которые все были американскими. Он, должно быть, подумал, что я — богатая молодая женщина, которая всегда ездит в Лондон со множеством сундуков, набитых самой дорогой одеждой. «Закрывайте». Я отправилась на посадку. Что более важно, Йоко оказалась права. Пошлины не было. Я села в самолет, размышляя о том, что только что произошло. Что побудило меня сказать то, что я сказала инспектору? Что это такое было в Йоко, что заставляло людей верить ей? Что это такое было в ней, что заставляло людей делать вещи так, что ее предположения оказывались верными? Если Титтенхерст был причудливым, странным, непредсказуемым, то это было только начало. Следующим месяцам предстояло быть еще более чудными. Когда я вернулась в Нью — Йорк, в офисе АВКСО все «стояли на ушах». Во время моего отсутствия Джордж Харрисон приезжал в Нью — Йорк повидаться с Алленом Клайном. Друг Джорджа, индийский ситарист Рави Шанкар, рассказал ему о бедствии в Бангладеш, восточной части Пакистана, и Джордж решил дать концерт в пользу жертв. Аллен Клайн одобрил эту затею, и на 1 августа 1971 года в Мэдисон Сквер Гарден был назначен «Фестиваль для Бангладеш», благотворительный концерт с главным

действующим лицом — Джорджем Харрисоном. С момента объявления концерта воцарился кромешный ад. Все билеты были проданы за три часа, и сейчас их «толкали» по тысяче долларов за пару. Публика также считала, что впервые за пять лет БИТЛЗ выступят вместе на этом концерте. Говорили, что сам Джордж отчаянно надеялся на воссоединение БИТЛЗ благодаря этому событию, что было для него очень важно. Ряд суперзвезд выразили желание принять участие в этом концерте. Джордж, однако, знал точно, что ему нужен, и он отверг среди других Мика Джэггера, Кросби, Стиллз и Нэш и Джоан Баэз, выбрав вместо них своих друзей — Билли Престона, Леона Рассела, Эрика Клэптона и, конечно же, Ринго. Я подключилась к работе. С утра до вечера мы заказывали и подтверждали места в самолетах и отелях и нанимали лимузины для музыкантов, многие из которых ехали из Лос — Анджелеса и Лондона. Нужно было найти место для репетиции и нанять аппаратуру. В дополнение ко всему концерт собирался снимать и записывать никто иной, как Фил Спектор. В то время как Ринго сразу же согласился принять участие в концерте, ни Джон, ни Пол, похоже, не были способны решиться. Сначала позвонил Пол, потом — Джон: оба обдумывали, присоединятся ли они к Джорджу. Пол вроде бы соглашался, если будет Джон. Джон сказал, что придет, если будет Пол. Затем на поверхность всплыли их старые проблемы из — за денег и они вспомнили свои обиды. В конце концов Пол отказался, а Джон остался пребывать в неопределенности. Прошло несколько недель до того, как приехали Джон и Йоко. Джон продолжал без толку трепаться о своем выступлении с Джорджем. Он хотел участвовать, однако его беспокойный, напряженный ум подсказывал ему, почему этого не следует делать. Если он пойдет на это, то ему придется снова стать битлом, а это будет противоречить всему, что он публично заявлял со времени распада группы. Йоко же решила все без затруднений. Она хотела принять участие и появиться на сцене в качестве сольной артистки — идея, приведшая в ужас Джорджа. Он хотел Джона и только Джона и отказался от выступления Йоко. Йоко сказала Джону, что ему следует употребить все свое влияние на Джорджа, чтобы она могла выступить как сольная артистка. Джордж, однако, был непреклонен. За день — два до концерта, когда я была в офисе АВКСО, мне вдруг

позвонил Дэн Ричтер. Он убедительно попросил меня срочно приехать в отель. Когда я прибыла туда, Дэн сидел в жилой комнате номера один. «Что мне надо делать?» — спросила я. «Просто прибрать здесь. У нас, вероятно, будут гости.» Номер Леннонов был, как всегда, в беспорядке, и я начала прибирать. В углу на полу я нашла очки Джона в оправепроволочке. Они были раздавлены и лежали узлом. «Где Джон?» — спросила я. «Он ушел. Йоко еще здесь. Она в ванной.» Я провела весь день в номере, ожидая распоряжений. Время от времени появлялся Дэн, чтобы сказать мне, чтобы я не уходила. Голодная весь день, я вызвала по телефону прислугу. Принесли еду, и я села за стол. Пока я ела, позвонили в дверь. Открыв ее, я увидела Джорджа в компании бас — гитариста Клауса Формана и Мэла Эванса, который раньше был дорожным менеджером БИТЛЗ. «Мне надо увидеться с Джоном», — сказал Джордж. «Он ушел.» Джордж был явно озадачен. «Куда он ушел?» «Я не знаю.» Джордж стал еще более озадаченным. Похоже, он был в тупике. Затем он решил попробовать снова. «Так Джона нет?» «Джона нет, — повторила я, — но есть Йоко.» «А Джона нет?» «Нет, его нет, почему бы вам не позвонить Аллену?» — предложила я. «Как ты думаешь, он вернется?» «По — моему вам нужно позвонить Аллену.» «Пойдемте», — Джордж отправился восвояси.

Позже я узнала, что как раз в то утро у Джона и Йоко вышел серьезный спор, во время которого Джон сказал Йоко, что думает выступать на фестивале и, далее, что имеет смысл делать это лишь в облике дружелюбного Битла, и фестиваль не может быть ни средством демонстрации авангардистских штучек Йоко, ни пропагандой за мир Джона и Йоко. Если он будет выступать, Йоко будет стоять за кулисами. Во время спора Джон пришел в такую ярость, что смял руками свои очки. В конце концов он решил, что единственный способ решить эту проблему — это уехать. Он приказал Дэну отвезти его в аэропорт. Они рванули из отеля, вскочили в такси и поехали в аэропорт имени Кеннеди. Там Джон сел в первый же самолет в Европу и улетел в Париж. Позднее Йоко поехала к Аллену Клайну. Когда она вернулась, она сказала: «Аллен сказал мне ехать за ним. Упакуй мои чемоданы.» Я уложила ее вещи, и, как только я все сделала, она тоже уехала.

* * *

Двумя неделями позже, 12 августа 1971 года, мне снова пришлось распаковывать те самые сундуки, которые я упаковывала и распаковывала уже четыре раза менее чем за два последних месяца. Джон и Йоко прибыли жить в Нью — Йорк. Джон, как обычно, не отрываясь смотрел телевизор, а Йоко лежала рядом с ним. «Англия — мертвая страна», — сказала Йоко. — «Я не могу жить там, где нет полного действия, — добавил Джон. — А в НьюЙорке телевидение работает двадцать четыре часа в сутки.» Они действительно приехали в Нью — Йорк, чтобы жить там. Уже на следующий день Ленноны заняли большую часть семнадцатого этажа отеля «Сент — Роджерс». Они жили в номерах 1701, 1702, 1703. Мне выделили комнату 1707, чтобы я могла там заниматься, когда было слишком много работы для Джона и Йоко, чтобы не ездить домой. Из Лос — Анджелеса приехала группа музыкантов, включая таких профессионалов, как барабанщик Джим Келтнер, чтобы записывать «Муху», заглавную песню в фильме Йоко. Джон намеревался каждый свой альбом выпускать одновременно с альбомом Йоко. «Муха», комплект из двух пластинок, должен был быть выпущен вместе с сольной долгоиграющей пластинкой Джона «Imagine».

Обычно каждый день я приезжала к десяти утра, стучала в их спальню и вызывала прислугу, чтобы заказать им завтрак: гренки с корицей, чай и кофе. После того, как они ели, вставали, принимали душ и одевались, Йоко давала мне поручения и список людей, кому нужно позвонить. Я также должна была отвечать на звонки и сортировать их. Поручения могли состоять в том, чтобы съездить в китайский городок и купить любимые травы Йоко или съездить в магазинчик «Годива», чтобы купить Джону его любимые шоколадные конфеты. Джон, как и я, питал слабость к шоколаду. Приходилось также искать какую — нибудь одежду для Йоко. Я также работала с корреспонденцией, держала мелкие расходы и следила за своевременной выплатой по счетам. В дополнение ко всему этому я забронировала время работы в Рекорд Плант и следила за тем, чтобы была необходимая аппаратура, и музыканты могли работать должным образом каждый вечер. Я работала в какой — то безостановочной кутерьме. Помимо

съемочной группы, мотавшейся в их номер, здесь были Том Бассалери, их водитель; Дэн Ричтер и Питер Бенди, которые были в Англии с Леннонами; ряд других помощников, присланных АВКСО; несколько музыкантов, которые поселились в отеле вместе со своими женами, помощниками и детьми; ряд приходивших с визитами художников — авангардистов и модных деятелей культуры; юристы, бухгалтеры, а также демонстраторы моделей одежды, поскольку Ленноны по — прежнему с охотой покупали новые вещи. Кейт МакМиллан, английский фотограф, который сделал снимок на обложку «Abbey Road», был нанят Джоном и Йоко сфотографировать их так, чтобы их лица на лейбле пластинки при ее вращении сливались в одно лицо. Вскоре после того, как Джон и Йоко поселились в «Сент — Роджерсе», они встретились со мной. Джон поведал мне, что хочет, чтобы о Йоко как можно больше хорошего написали в газетах. Он чувствовал, что очень многие ее ненавидят и винят в расколе БИТЛЗ. Джон хотел, чтобы люди узнали, что это артисты как Йоко, а не БИТЛЗ, имеют реальное видение мира, и только они могут действительно изменить этот мир. Йоко кивнула головой в знак согласия. «Это принесет пользу миру.» План заключался в том, чтобы дать серию интервью. Журналисты встретятся с Джоном и Йоко. Джон расскажет о том. как травили Йоко, а потом уйдет, оставив Йоко наедине с интервьюерами. Перед каждым интервью я должна была немного побеседовать с репортерами и проинформировать Йоко об их настроениях, о чем с ними можно говорить и каких тем следует избегать. Йоко ранее наблюдала за Джоном, который всегда был с репортерами веселым и приветливым и во время своих собственных интервью играла роль обаятельной, приветливой, мягкой женщины. Все те журналисты, кого я видела после, говорили мне, как, несмотря на свое мнение о ней, они нашли ее прекрасным человеком. Перед прессой и всеми, кто слушал, Джон и Йоко с полным убеждением говорили, как они любят друг друга, как во многом они поддерживают друг друга и как сильно они привязаны друг к другу. Они говорили это; они подразумевали это, они верили в это — они делали это. Я верю, что они любили друг друга, но их любовь совсем не похожа ни на одну концепцию любви, о которых я знала или читала.

Они проводили огромное количество времени в постели, но редко целовались или касались друг друга. Насколько я могла видеть, в их отношениях не было ничего чувственного. Я встречалась с другими парами, занимавшимися рок — н-роллом и для них было естественным ласкать друг друга. У Джона и Йоко этого не было: они вели себя как дети, потерявшиеся в ночи и прижавшиеся друг к другу спинами, чтобы отпугивать злых духов.

* * *

Фильм «Imagine» еще не был завершен, и Йоко беспощадно гоняла съемочную группу. В ответ некоторые из них закрутили огромные сигары с марихуаной и курили их на крыше «Сент — Роджерса».

Затем, как — то в сентябре, произошло вдохновляющее событие. Джон узнал, что в гостинице остановился Фред Астэр. Он был тогда моей любимой кинозвездой; Джон тоже любил его. На Йоко это произвело меньше впечатления. «Он не авангардист», — сказала она Джону. Тем не менее Джон послал меня в комнату Астэра пригласить его встретиться с ними.

Я постучала в дверь Астэра, и он открыл ее. Астэр был одет в голубой купальный халат поверх голубых брюк и бледно — голубой рубашки, и выглядел он совсем как Фред Астэр!

Я объяснила ему, что работаю на Джона и Йоко. «Они очень хотели бы встретиться с вами. Они в номере семнадцать — ноль — один», — сказала я ему.

Астэр ответил, что ему нужно на самолет и он опаздывает. Он сказал мне, чтобы я поблагодарила их за проявленный к нему интерес и передала его извинения. Он был чрезвычайно грациозен. Выйдя, я вернулась назад в 1701 и объяснила Джону ситуацию. Когда я рассказывала, зазвонил телефон. Я взяла трубку. Это был Астэр, и я дала трубку Джону, который поговорил с ним несколько минут, затем он положил трубку. «Давайте — ка приберем это ебучее местечко, — закричал он. — Фред идет к нам.»

«Давай переоденемся», — сказала Йоко, и они с Джоном рванули в ванную.

Я была в замешательстве от беспорядка и

закрутилась, пытаясь прибрать в комнате как можно скорее. Через несколько минут вышел Джон, одетый довольно консервативно в элегантный темный костюм с галстуком. Йоко появилась на несколько минут позже, и ее выбор был отнюдь не консервативным. Она надела трико с оголенными бедрами, большую красивую шляпу и лакированные туфли со сверхвысоким каблуком. Это был очень необычный костюм.

Когда Астэр пришел, я проводила его в спальню к Джону и Йоко. Они поговорили некоторое время, затем Джон рассказал о фильме «Imagine». Он спросил Астэра, не примет ли тот участие. Кинозвезда ответила, что с удовольствием, и в номер позвали съемочную группу.

Эпизод с Астером заключался в том, что он вместе с Йоко входит в номер. Прорепетировав, он проделал это. Он постоял там, раздумывая, а затем пожал плечами. «Мне кажется, я смогу сделать лучше, — сказал он. — Можно попробовать еще раз?»

Джон и я посмотрели на него с уважением. Фред Астэр был непревзойденным профессионалом и всегда хотел достичь совершенства, чтобы он ни делал. Мы с Джоном были просто в восторге от встречи с ним.

Менее привлекательным событием была запись песни «Happy X — mas (War Is Over)» (Счастливого Рождества (Война Окончена)), которая состоялась в конце сентября. Для записи были наняты гарлемский хор баптистской церкви, и детский хор из негров. Дети и их родители с уважением разглядывали Джона и Йоко.

«Дай — ка мне ебучую сигарету», — сказала Йоко. Всех передернуло. Йоко то и дело решала, что «ебучий» — это единственное слово, чтобы охарактеризовать любой предмет. Она говорила о «ебучих детях, ебучей погоде, ебучих музыкантах, ебучих песнях».

Джон становился все более и более возбужденным. Он понимал, что это плохо — сквернословить перед детьми — даже для Йоко — и ему не нравилось это. В конце концов он не выдержал. «Йоко, кончай, — крикнул он. — Хватит.»

Йоко замолчала. Бормоча, она отошла в угол, возмущенная тем, что ей не разрешалось делать то, что она хочет. Ей было трудно поверить, что Джон публично одернул ее.

* * *

«Я придумала новый стиль одежды, — сказала однажды мне Йоко. — Это одежда будущего, и я хочу, чтобы ты демонстрировала ее.» Она показала мне свои эскизы, среди которых были тенниски с вырезами на груди и штаны без промежностей.

«Что ты хотела бы демонстрировать в первую очередь?» — спросила она.

«Нет уж, спасибо» — ответила я.

«Да ты стыдлива? Ты что, стесняешься своего тела? Тебе нужно раскрепоститься.»

«Не сегодня» — твердо сказала я.

«Ты могла бы быть моей младшей сестренкой, — сказала Йоко покровительственно. — Моя задача — помочь тебе освободиться от своих предрассудков.»

* * *

Несколько дней спустя я восторженно рассказывала Джону о шоу Чака Берри, на котором была прошлой ночью. Заметив, что Йоко внимательно смотрит на меня, я быстро закончила свой рассказ.

«Я бы хотел сходить тоже, — сказал Джон. — Будут и другие концерты," — ледяным голосом сказала Йоко.

Позже, зайдя в комнату, она увидела, что мы проигрываем альбом Чака Берри. Он был любимым рок — н-роллщиком Джона.

«Выключите. Я не хочу, чтобы это играли здесь.» Рок — н-ролл был изгнан из этого номера.

* * *

Почти весь сентябрь мы провели в активной подготовке выставки Йоко «Это не здесь» в музее искусств Эверсона в Сиракузах, Нью — Йорк. Выставка была назначена на 9 октября, тридцать первый день рождения Джона. Все мы были заняты тем, что составляли, надписывали адреса и отправляли по почте тысячу приглашений по списку нужных Йоко людей. Каждое приглашение погружалось в пластиковую коробочку, заполненную водой. Поскольку выставка была водяным мероприятием, приглашения должны были прийти мокрыми. Пятьсот артистов и

знаменитостей получили просьбу сделать какие — нибудь водяные вклады в это шоу, и Йоко поручила мне донимать их до тех пор, пока их вклады не прибудут в Сиракузы. Я должна была позвонить Джону Кейджу, Даку Кэветту, Орнетте Коулмен, Уиллему де Кунингу, Бобу Дилану, Генри Гельдцалеру, Деннису Хопперу, Джасперу Джонсу, Полу Красснеру, Спайку Миллигену, Джеку Николсону, Изаму Ногучи, Энди Уорхолу и Фрэнку Заппе и спрашивать, отправили ли они свои водяные штучки на выставку.

После настойчивых убеждений в музей в Сиракузах полились компасы, паровые двигатели, стихи о воде, пробирки с цветной водой, индийские чернильные бутылки, микрофоны, погруженные в бачки с водой, массонские банки, кубики льда, аквариумы, рефрижератор и пачки промокательной бумаги.

Я составляла пресс — бюллетень. Я заказывала самолеты. Я снимала номера в гостинице. Неожиданно Йоко поручила мне провожать заказанные в Сиракузы самолеты.

В аэропорту был один ужасный момент. Я пыталась посадить в самолет продюсера Фила Спектора, Ринго, представителя Эппл Нила Эспинола, бас — гитариста Клауса Формана, барабанщика Джима Келтнера и клавишника Ники Хопкинса. Однако наш рейс был отложен. Следующий рейс тоже был отложен, и нам сказали, что придется ждать самолета, возвращавшегося из Сиракуз.

Спектор взбесился. Я постаралась успокоить его, но он ничего не хотел слушать и только орал. Он повернулся к Форману и закричал: «Ты когда — нибудь слышал об этой авиалинии?»

«Конечно», — ответил музыкант.

«Да. Только после крушения!» Он показал на музыкантов. «Вы… вы… и вы — пошли со мной!» Его вид был таким драматическим и впечатляющим, что все последовали за ним.

«Фил! Фил! Послушайте!» — закричала я.

Спектор не слушал. Он увел музыкантов на другую авиалинию и настоял на том, чтобы лететь на самолете по его выбору, а не по нашему. В ту ночь на вечеринке по случаю дня рождения Джона у него был резкий спор с Полом Красснером, помимо всего прочего, о смерти Ленни Брюса, и Джону пришлось вмешаться, чтобы

успокоить их.

Казалось, что где бы ни присутствовал Фил Спектор, всегда возникала суматоха.

Когда все мы приехали в музей, он уже был набит тысячами поклонников БИТЛЗ, надеющимися увидеть Джона. Все водопроводные трубы были сорваны, и фаны затопили туалеты, переполнили ванны и разбили наполненные водой баллоны. За один час пол был залит слоем воды толщиной в несколько дюймов. Вместе с мрачной Йоко и Джоном я села в библиотеке музея. Они уже несколько дней были на ногах и оба выглядели очень раздраженными. Появился обслуживающий персонал и сообщил о новых повреждениях. «Они только что разбили стеклянные молотки», — сказал кто — то.

«Ты знаешь, сколько стоят эти ебучие молотки? — нахмурился Джон. — По тысяче каждый.»

«Если их разбили, значит так должно было случиться», — угрюмо ответила Йоко со спокойствием дзэна.

«Я же говорил тебе положить их под стекло. Я же говорил тебе положить всю эту ебучую выставку под стекло. Я же говорил тебе, что нельзя позволять им касаться всего этого. Я же говорил тебе, что они разобьют все, до чего дотронутся своими ебучими руками!» — заорал он.

Йоко была непроницаема. «Что должно было быть, то должно было быть», — снова сказала она.

Вдруг появился музейный служащий. «Еще один туалет затоплен.»

«Я полагаю, что эта хуета тоже должна была быть», — сказал Джон.

«Да, — ответила Йоко, — Да.»

В ту ночь мы допоздна отмечали день рождения Джона. На следующий день, изможденные, мы влезли в лимузин. «В Нью — Йорк, пожалуйста.» Весь путь домой мы проделали в автомобиле.

После музейного шоу было принято решение переехать из отеля «Сент — Роджерс» в квартиру. Йоко села на телефон и стала говорить об этом со всеми, кого знала. Джо Батлер из группы «Лавин Спунфул» хотел передать в субаренду свои апартаменты на Бэнк — стрит в Гринич — Виллидж. Там были две комнаты: маленькая жилая комната и большая спальня. Там была также крохотная кухонка.

Я сказала Йоко, что эта квартира слишком мала для них.

«Слушай, Мэй, артисты всегда живут в Гринич — Виллидже, — ответила она. — Это такая квартира, которую следует иметь людям нашего типа».

В течение шестнадцати месяцев жизни на Бэнк — стрит Джон и Йоко появились на таких крутых мероприятиях, как вечер в честь заключенных «Аттики» в гарлемском театре Аполло (ноябрь 1971) и вечер в честь детройтского радикала Джона Синклера в Энн Арбор, штат Мичиган (декабрь 1971 г.). Они также вели борьбу с иммиграционными властями. Срок въездной визы Джона истек, а в ее продлении ему отказали, мотивируя это тем, что в 1968 году он был пойман с поличным за хранение марихуаны. Похоже было, что его ожидает депортация. Шли постоянные консультации с юристами, как ему остаться в Штатах.

В течение этих шестнадцати месяцев Джон и Йоко сделали свой первый совместный альбом «Sometime In New York City», а Йоко выпустила еще один свой двойной соло — альбом «Приблизительно Бесконечная Вселенная». Джеральдо Ривера попросил их дать концерт для приюта умственно отсталых детей Уиллобрук, и они дали два благотворительных концерта 30 августа 1972 года в Мэдисон Сквер Гарден. «Это будет наш Бангладеш», — постоянно говорила всем Йоко.

Чтобы записываться и дать этот концерт, им нужна была сопровождающая группа, и Джерри Рубин устроил встречу Джона со «Слоновой Памятью» («Elefants Memory»), нью — йоркской группой из шести человек с репутацией радикалов. «Слоновая Память» регулярно играла в то время в рок — клубе Мэкса «Канзас — сити». Музыканты были в возрасте под двадцать и немного за двадцать. Им нравилось принимать участие в вечеринках, и они постоянно околачивались в Ист — Виллидже, а их громкая, неистовая музыка снискала им хорошую репутацию среди шикующих радикалов, которых принимали у себя Джон и Йоко.

Все последующие недели Джон, Йоко и «Слоновая Память» играли вместе. Джон был дружелюбен, без каких — либо претензий и временами злоязычен, но группа была в восторге от его высказываний. Все в группе увидели, что он очень нервно работает, но они считали такую нервозность нормальной для творческого артиста,

который поставил себе задачу написать ряд политических песен — песен об «Аттике», Джоне Синклере, Анджеле Дэвис, угнетении женщин и ситуации в Северной Ирландии — песен, звучавших больше как лозунги, чем как музыка.

В апреле 1972 года вышел сингл из альбома Джона и Йоко «Женщина — негр в этом мире». Успеха он не имел. В июне последовал сам альбом. Обозреватели отзывались о нем весьма скверно, и распродано было удручающе мало экземпляров — 164000 копий, что не шло ни в какое сравнение с 1,5 миллионами «Imagine». На радио сингл не проигрывали из — за слова «ниггер», и Джон был в бешенстве. «Все, что они хотят — это «Imagine», — ворчал он, искренне расстроенный. — Это как мантра. Ты выдаешь какое — нибудь заклинание. «Она любит меня, йе, йе, йе. Она любит меня йе, йе, йе.» После этого можешь говорить в таком духе все, что угодно. Типа «Дайте миру шанс… Дайте миру шанс.»

На этот раз мантра Джона не сработала. Это так его оттолкнуло, что он больше года отказывался работать.

К тому времени все были заняты подготовкой, длившейся восемь недель, к концерту Леннонов «Один другому» в пользу больницы Уиллоубрук. На Джона так угнетающе действовала мысль, что надо выступать на сцене, что он начал давиться, когда ел. Его также беспокоила Йоко Он не хотел, чтобы ее освистали, чтобы в нее бросали что — нибудь из зала. Все усердно репетировали в Баттерфляй Стьюдио в Ист — Виллидже. На время последних двух недель они переехали в Филл — Мор — Ист и репетировали каждую ночь, устанавливая аппаратуру на сцене так, как — будто они играли в Мэдисон Сквер Гардене.

Однако, когда они переехали в Гарден, усилители не работали, звук был наполнен эхом и оборудование не функционировало. Были также проблемы с безопасностью. В Мэдисон Сквер Гардене фаны забрались в костюмерные комнаты и за кулисы. Список приглашенных был составлен наспех, так что посторонним было не трудно «повесить лапшу» и пройти за сцену. Все это ужасно нервировало меня.

* * *

Через несколько дней после концерта Гарольд Сидер устроил Леннонам апартаменты Роберта Райана в Дакоте, старом величественном многоквартирном доме на углу Сентрал Парк Вест и Западной семьдесят второй улицы. Сидер был юридическим консультантом Аллена Клайна. После того, как Джон уволил Клайна, он нанял Сидера своим представителем, вычислив, что, поскольку Сидер знал всю подноготную Клайна, он лучше кого — либо другого защитит интересы Джона, на которого Клайн подал в суд за разрыв контракта.

Когда в феврале 1973 года они выехали в Дакоту, меня взяли туда на постоянную работу. В первый день мы с Йоко осматривали апартаменты. Двойные двери открывали вход в гостиную, а затем в большую жилую комнату. Йоко решила, что множество спальных комнат надо переделать в большой гардероб для ее одежды. Там были еще три спальни, маленькая комната, в которой будет офис, столовая, комната дворецкого и большая кухня, а также множество ванных комнат.

«Не правда ли, здесь здорово? — спросила она. — Я сама нашла это».

«Красивая квартира, — сказала я. — Вам будет здесь очень хорошо.»

Йоко выглянула из окна. Говоря, она как будто обращалась к Центральному Парку.

«Наша жизнь здесь обречена, — тихо сказала она, закурив «Кул». — Несколько дней назад мы с Джоном были на вечеринке. Он напился. Здорово напился.» Йоко покачала головой, как бы подтверждая свои слова. «Он пошел в спальню и выебал одну девицу, пока я была в другой комнате. И все видели это.»

Я промолчала. Мне было очень неловко. Мы обе молчали. Йоко встала и стала смотреть на Центральный Парк. Она тихо заговорила: «Я проходила вместе с ним примитивную терапию. Я видела, как он возвращался в свое детство. Я знаю его самые глубокие страхи.»

Это был мрачный, ужасный момент, и мне хотелось забыть о нем как можно скорее.

Каждый день в «Дакоте» случался какой — нибудь кризис, а реакция Йоко всегда была одной и той же: «спроси Мэй». Но это не беспокоило меня. Я наслаждалась интересной работой и тем, что для меня постоянно было что — то новое.

В течение того времени Джон вел себя

исключительно тихо. Временами, однако, он терял выдержку и громко орал, если ему что — либо не нравилось. Или он мог уставиться на тебя неистовым, пугающим взглядом. Он, похоже, хорошо знал, что ему стоит лишь повысить голос или изменить выражение лица, чтобы обидеть и напугать кого угодно. Вот почему мы всячески старались угодить ему. Нам было очень неприятно видеть его расстроенным, и он знал это.

Через один или два месяца после переезда в Дакоту Джон заявил нам, что хочет попрактиковаться в печатании на машинке. Он занял кабинет рядом со мной и пару раз в день заходил туда и показывал мне, как идут его успехи. Эти визиты были короткими, забавными, дружескими и, как я думала, невинными.

Весной Йоко решила записать новый альбом «Чувство Космоса». Она больше не хотела работать со «Слоновой Памятью» и попросила барабанщика Джима Келтнера собрать для нее новую группу. В эту группу предполагалось включить талантливого, энергичного гитариста с приятной внешностью по имени Дэвид Спиноза. Бывая каждую ночь в студии с Йоко, я видела, что Спиноза восхищал ее.

Позднее я узнала, что она, прослышав о его разводе с женой, которую он любил с детства, написала Спинозе несколько сочувственных писем. Во время записей она, тем не менее, оставалась отчужденной, за исключением одного — двух моментов, когда они со Спинозой, закругляя, разговаривали или пересмеивались. Спиноза был в восторге от того, что Йоко интересуется им. В конце концов она была женой Джона Леннона, Йоко Оно, буквально половиной дуэта «Джон и Йоко», а он — просто молодым, относительно неизвестным гитаристом.

Однажды во время записи Йоко послала меня назад в Дакоту привезти для нее тамтам.

Джон смотрел телевизор. Он встал и нашел этот барабан на полке в гардеробе. Когда я вернулась в студию, Йоко спросила: «Джон был там?»

«Да», — ответила я.

«Он был голым?»

«Нет»

Йоко хихикнула. «Иногда Джон ходит по дому голым.»

«Я никогда не видела Джона в голом виде.»

«Да? — сказала она. — Ты уверена?»

Йоко выглядела разочарованной. Было похоже, что она хотела, чтобы я увидела Джона голым, что очень смущало меня.

В тот момент я и не предполагала, что было у нее на уме.

В тот август я была с ними уже более трех лет, когда Джон вдруг снова стал писать. К тому времени я понимала, что Джон и Йоко занимают центральное место в моей жизни. И вот настал тот понедельник, когда Йоко сделала свое ужасающее «предложение». Я вдруг поняла, что нравится мне это или нет, мне предстояло тоже занять центральное место в их жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ее слова продолжали звенеть в моих ушах. Это будет здорово. Он будет счастлив. Все нормально… Все нормально…

Это было ненормально. Таковой была моя единственная реакция на то, что Йоко придумала для нас с Джоном, и я не хотела ничего такого. Моей единственной надеждой было, что пока я буду усердно работать весь этот день, новая затея Йоко просто потухнет.

В полдень она появилась в дверях. «Я все еще уговариваю Джона поехать сегодня вечером в студию. Это будет самым удобным моментом для вас, чтобы начать.» В два она появилась вновь. «Джон, похоже, сегодня не хочет идти в студию. Вероятно, он отложит это.» В четыре она вернулась: «Джон, вероятно, отложит, но не уходи домой, пока он не решит окончательно.» В начале седьмого я пошла на кухню попить воды и встретилась с ней лицом к лицу. Сразу после этого Джон позвонил из спальни. Я уставилась на телефон. Впервые с тех пор, как я познакомилась с Джоном, мне было страшно говорить с ним.

«Мэй, возьми трубку, это Джон.» Я автоматически подняла трубку. «Да, Джон…» Молчание Джона было вполне красноречивым — он тоже был в курсе плана Йоко. «Джон?» — сказала я.

«Йоко там?»

Я передала ей трубку, а затем встала и вышла из кухни. Мне не хотелось слышать, как она уговаривает его поехать в студию. Через несколько минут она вошла в мой кабинет. «Сегодня в студию не пойдете. Ты можешь ехать домой, Мэй.»

Медленно шагая по Западу Центрального Парка, я пыталась проанализировать все, что произошло в тот день. Я чувствовала какое — то оцепенение. Мне приходилось распутывать всякие затруднения — это была моя работа — но предложение Йоко выходило за грани всех моих пределов.

Ожидая автобуса, я думала о том, чтобы уволиться. Мне не хотелось увольняться. Я очень любила Джона и Йоко. Я также понимала, что такую интересную работу мне нигде больше не найти. И — если бы я уволилась —

не сочтет ли Йоко необходимым испортить мою репутацию, чтобы никто не поверил мне, если бы я стала обсуждать с кем — либо ее «предложение»? Что она сказала бы в ответ на запросы о рекомендациях? Я думала, что Йоко, всегда бывшая экстремистом, имела силу и волю на то, чтобы сделать затруднительным для меня найти работу где — то в шоу — бизнесе, если бы она посчитала, что я предала ее тем, что ушла. Я решила держаться до конца, сколько возможно.

* * *

На следующее утро планы Йоко не переменились. Ровно в девять сорок пять она вошла в мой кабинет. «По — моему, сегодня все случится. Вечером вы с Джоном поедите в студию». Она сладко улыбнулась. «Ни о чем не беспокойся.»

Снова я занималась работой, все время размышляя, что она скажет мне еще, но Йоко оставила меня в покое до конца дня. Я стала думать, что ее отсутствие значит то, что Джон заартачился, и постепенно стала успокаиваться.

К концу дня Джон вошел в мой кабинет. «Вечером поедем в студию», — сказал он спокойно. Это походило на обычную работу: ничего не говорило в нем о том, что у него на уме есть что — то еще кроме работы, а его профессиональный тон указывал на то, что драма окончена. Я подумала, что Джон и Йоко как — то преодолели все это, и я с облегчением и благодарностью стала собирать листки с текстами песен Джона, сигареты и взяла из ящичка для мелких расходов немного денег на случай, если мне придется купить что — нибудь Джону во время записи. Затем я позвонила привратнику, чтобы удостовериться, ждет ли нас лимузин.

Когда я выходила из своего кабинета, Джон был уже у входной двери. Мы вышли из квартиры и вызвали лифт. Ни один из нас не проронил ни слова. Когда подошел лифт, мы оба вошли в него. Как только двери закрылись, Джон повернулся ко мне, схватил и прижал к себе, обхватил мое лицо руками, прижался ртом к моим губам и стал целовать меня. «Я мечтал об этом весь ебучий день», — сказал он.

Я оттолкнула Джона. Он увидел, что я очень

огорчена, и это его озадачило. Йоко дала ему ЦУ. Он всегда верил, что, каким бы диким ни было то, что она говорит ему — она всегда права. Мы молча вышли из лифта и направились через двор Дакоты к лимузину, припаркованному на Западной Семьдесят Второй улице. В смущении и тяжелом молчании мы ехали в студию, тогда как раньше вовремя этих поездок между нами обычно происходила легкая беседа.

Это была первая запись, во время которой работали над наложением вокальных и гитарных партий. Джон собирался добавить двухили трехголосье к большинству вокальных партий, записанных им на прошлой неделе. На это обычно уходит много времени, поэтому в течение одной ночи можно полностью сделать лишь две — три песни. Как обычно, он был обеспокоен своими вокальными возможностями. Он хотел услышать, как звучал его голос, когда на вокальные партии накладывалось эхо.

В тот вечер у Джона был чудесный голос, и запись, несмотря на напряжение, шла гладко, как и всегда. Время от времени Джон подходил ко мне и спрашивал: «Ну, как тебе? Ну, как тебе?» Иногда, говоря со мной, он был так возбужден, что даже подпрыгивал. «Мэй, ты сердишься? Тебе что — нибудь нужно?» Я поняла, что у Джона два способа ухаживания за женщиной: интересоваться ее мнением и пытаться сделать что — нибудь приятное.

В то время как Джон был в наилучшей форме, мне было не по себе, особенно, когда он начал петь «Mind Games» (Умственные Игры). Я поняла, что каким — то образом попала в умственные игры, которые шли между Джоном и Йоко. Мне казалось, что инцидент в лифте был подготовлен Йоко и что, когда Джон вернется домой, он обо всем ей доложит. Она найдет какое — нибудь оправдание тому, что в ее план вкралась ошибка. А на следующий день с восходом солнца Йоко встанет с другим грандиозным планом — и я молила Бога, чтобы на этот раз меня в нем не было.

Когда кончили записываться, Джон зачехлил свою гитару, подошел ко мне и сел рядом. «Я хочу поехать к тебе домой». «А я не беру тебя с собой.» Я встала и направилась к двери. Он взял меня за руку и потянул к себе. «Пойдем, Мэй. Я хочу к тебе.» Я отстранилась: «Нет!» — «Ну пойдем. Пойдем». Он походил на

подростка, уговаривающего девчонку.

«Джон, я не беру тебя с собой, и это все!»

Он не отвечал. Вновь, когда мы ехали в лимузине по Восьмой авеню, в машине царило безмолвие и было очень неуютно. Автомобиль наконец подъехал к Дакоте, и Джон открыл дверь, чтобы выйти. Он наклонился к распахнутой двери. «Берегись маленьких зеленых человечков, — сказал он загадочно. — Они могут войти к тебе сегодня ночью.» После этого он закрыл дверь.

* * *

На следующее утро Йоко вошла в мой кабинет. «Вы были вместе прошлой ночью?» Я не смотрела на нее. С опущенной головой я продолжала работать, но чувствовала, что она пристально смотрит на меня. Затем с удивительной мягкостью она сказала: «Если что — нибудь случится, не бойся.» Постояв немного, Йоко вышла из кабинета. Она не появлялась весь день. Не появлялся и Джон, пока в шесть часов не настало время ехать в студию. В тот вечер Джон был самим собой, как прежде. Он не делал попыток приставать ко мне, мы добродушно подшучивали в лифте и в лимузине и дурачились в студии. Запись, во время которой снова накладывали вокальные партии, прошла гладко. Я позволила себе расслабиться.

Однако, когда запись была закончена, Джон снова объявил, что хочет ехать ко мне. Я ничего не ответила, но, сев в лимузин, сразу же приказала водителю ехать сначала в Дакоту.

«Маленькие зеленые человечки могут прийти к тебе ночью», — сказал он, когда машина подъехала к зданию.

Лежа в ту ночь в постели, я думала о Джоне. Какая — то часть во мне говорила, что он привлекателен. Мне нравилось его остроумие, его приятная наружность, его ум, его талант. Мне нравились его мягкие ореховые глаза и его царственный нос. Почему же тогда я не отвечала на его попытки? Может, я трусиха? Может, мне настолько промыли мозги строгим католическим воспитанием и мой строгий отец, что я даже не могла позволить себе и думать о романе с Джоном? А что бы я делала, размышляла я, если бы это было идеей Джона, а не Йоко? Вела ли бы я себя по — другому? Но это не

могло быть идеей Джона. Я понимала, что даже несмотря на то, что я была умна и хорошо работала, мужчины вроде Джона — талантливые и знаменитые — никогда не заводят любовь с такими женщинами, как я. Мы работали для таких мужчин, как Джон, но не заводили с ними интриг. В конце концов я выбросила все эти мысли из головы. Я уверилась, что это была идея Йоко, а не Джона, и решила не пользоваться ни той, ни другой возможностью.

В среду все повторилось: Йоко не появлялась весь день, а Джон появился лишь тогда, когда пришло время ехать в студию. Все было, как в старые времена, но из — за событий в предшествующие дни я по — прежнему чувствовала себя неловко. В этот вечер записывали сольные гитарные партии Джона, и это было восхитительно. Каждый раз, когда у него была сольная партия, он проигрывал ее множество раз, изобретая всякий раз новые фразировки. Затем он записывал три версии, прослушивал их и выбирал понравившуюся, чтобы включить ее в альбом. Даже несмотря на его неуверенность в себе как гитаристе, тщательность, с которой он работал в тот вечер, ясно показывала, что он — непревзойденный рок — н-роллщик.

Часто, записав гитарную партию, Джон возбужденно спрашивал меня: «Тебе нравится? Тебе нравится?»

Мне нравилось, как он играл, и я так и говорила ему. Услышав мою похвалу, он, светясь улыбкой, брал гитару и снова начинал играть.

В конце вечера Джон в третий раз за эту неделю заявил мне, что хочет ехать со мной домой.

«Нет, Джон», — сказала я.

«Мы вызовем такси до твоего дома».

«Мы отвезем тебя домой в лимузине».

«Лимузина нет… Он отпущен.» Джон дико уставился на меня.

«Я вызову другой.»

«Ты же знаешь, как долго придется ждать. Поедем на такси.»

Джон взял меня за руку и вывел из студии на улицу. Была жаркая августовская ночь. Восьмая авеню была почти безлюдна, и очень мало автомобилей ехало на окраину города. Наконец, появилось такси, и мы остановили его.

«Нам нужно два», — сказала я.

«Ты не можешь поехать домой одна, и я не хочу стоять на этой ебучей улице один. И тебя не хочу оставлять одну. Садись.» Джон впихнул меня в такси. Закрыв дверь, он сказал: «Скажи водителю свой адрес.»

«Мы поедем в Дакоту.»

Джон вдруг вышел из себя и заорал: «Ни хуя подобного! Я поеду к тебе домой.»

Водитель посмотрел в зеркало и начал вглядываться в лицо Джона. Внезапно он обернулся, с изумлением глядя прямо на Джона Леннона. «Скажи ему, где ты живешь», — приказал Джон. Я всегда боялась оказаться вовлеченной в публичный скандал с кем бы то ни было, а с Джоном это было особенно не желательно. Я видела, как таксист ухмыляется в зеркало, как будто ему было отрадно видеть, что даже у Джона Леннона бывают трудности с тем, чтобы какая — нибудь девчонка дала ему свой адрес.

«Восемьдесят девятая и Третья», — выпалила я. Я не дала точный адрес, надеясь, что доехав до своего перекрестка, как — нибудь уговорю Джона ехать в Дакоту. Доехав до своего квартала, я сказала водителю ехать дальше в Дакоту, но Джон не согласился. «Я провожу тебя до двери.» Он заплатил таксисту, и мы вышли из машины. «Где ты живешь?» — снова спросил он на углу улицы. «Нам нужно взять для тебя такси», — ответила я. «Я хочу проводить тебя до двери». «Ладно, Джон, хватит. Давай возьмем такси, и ты поедешь домой.» Джон снова заорал: «Мэй, я хочу проводить тебя до двери!» Мне стало страшно, что если я буду продолжать сопротивление, Джон еще больше расшумится. И я пошла к своему дому, ничего не говоря, надеясь, что, немного пройдя в безмолвии, он успокоится, и я смогу уговорить его поехать домой. Когда мы подошли к дому, я посмотрела на него, чтобы сказать «спокойной ночи». Джон открыл мне входную дверь. «Мэй, — сказал он очень тихо, — я поднимусь с тобой по лестнице.» «Йоко внушила тебе какие — то идеи, которые не верны», — спокойно ответила я. «Я хочу подняться с тобой по лестнице, потому что хочу этого. И Йоко тут ни при чем. Совершенно ни при чем. Все, что сделала Йоко — это сказала тебе правду. Понятно? Йоко очень умная и знает, что ты нравишься мне. Вот и все.» Джон пристально посмотрел на меня. Он явно не собирался уходить. «Ну ладно, Джон, — сказала

я тихо. — Но только на несколько минут.»

Мы медленно стали подниматься по лестнице. Когда подошли к моей двери, Джон сказал: «Открывай.» Я открыла и вошла, а Джон последовал за мной. Я включила свет и остановилась. Было два часа утра, и мы с Джоном стояли в центре моей маленькой квартиры, глядя друг на друга в молчании. Я не знала, что он собирается делать, не знала, что произойдет в следующий момент. Для меня это было уже слишком, и я начала плакать. «Джон, — рыдала я, — у меня была ужасная неделя. Все это очень страшно. Я очень боюсь. Я не знаю, что делать.» Джон сел на пол, скрестив ноги, и притянул меня к себе. Он взял меня за руки. «Мэй, я ведь так же боюсь, как и ты. И чем ты думаешь?» Я скептически посмотрела на него. «Посмотри на это.» Он указал на свою шею. На его горле был порез, который я раньше не замечала. «Я брился в ванной, когда зашла Йоко и сказала мне, что устроила все это. Я не понял, что значила эта хуйня. Она сказала: «Я все так утроила, что ты сможешь ходить с ней.» От неожиданности я порезался. И поэтому не выходил из спальни весь день. Я ни хуя не мог решиться на это.»

«Откуда у Йоко появилась эта бешеная идея?»

«Йоко уверяла, что почувствовала вибрации между нами. Но, возможно, это из — за того, что я говорил во сне, потому что я не знаю, что делаю. Я просто думаю о тебе, Мэй, уже очень давно. Ты просто не знаешь, а у Йоко хватило ума засечь это.»

«Ты не мог так думать обо мне. Как ты можешь так говорить?»

Джон иронически посмотрел на меня. «А зачем, по — твоему, я занял кабинет рядом с твоим? Это для того, чтобы я мог видеть тебя в любое время дня. Ты просто была с другой стороны. Ты что, не понимаешь? Я хотел быть ближе к тебе, то так ближе, чтобы не быть с тобой в кабинете. Ты что, думаешь, что я сижу там лишь для того, чтобы быть ебучим секретарем?»

Я покачала головой с недоверием. Джон уставился на меня. Мы оба молчали. Затем Джон мягко сказал: «Я хочу быть близким тебе, но ты боишься. Послушай, Мэй, я знаю не больше твоего. Так давай примем все как есть.»

Мне было трудно поверить: «Джон, ты можешь найти себе кого — нибудь другого», — пробормотала я.

«Я мечтал о тебе давно. У тебя такая красивая кожа,

такие миндальные глаза…»

Я сидела в оцепенении. Мне приходилось и раньше спать с мужчинами, но никто так не говорил со мной.

«Все музыканты говорят о том, какая ты милая и хорошенькая, и как они хотят тебя, но ты всегда занята, и они не знают, как подойти к тебе поближе, не так ли?» Джон своими глазами приковывал меня к себе. Затем он придвинулся ближе, протянул руку и нежно вытер мои слезы.

«Ты знаешь, как я живу, Джон. Я слишком занята. Мне никто не нужен.»

«Ты познала мужчину?»

«У меня было несколько парней.»

«Неужели ты не хочешь меня?»

«Не знаю. Я слишком смущена.»

«Мне так же неловко, как и тебе.»

Джон потихоньку привлек меня к себе и, обхватив руками, начал нежно целовать. Я чувствовала себя неопытной, неуклюжей и неподходящим выбором для такого мужчины, как Джон. Я была уверена, что он будет разочарован. Чувствуя, что мне неловко, он прошептал: «Все будет хорошо». Я почувствовала, что хочу его. Страсть и желание, которое он возбудил во мне, победили чувство вины и неловкости. Джон обнял меня и встал, чтобы подвести к постели. Он выключил свет и слегка приоткрыл занавески, так, чтобы свет с улицы проникал в комнату. Затем он начал раздевать меня. Его желание овладеть мной перешло в натиск, и я напряглась. Почувствовав мое напряжение, он попробовал расслабиться, но не смог. Я изо всех сил старалась быть на высоте своих способностей, но мы оба очень нервничали.

Когда все кончилось, мы несколько минут полежали молча, и Джон выкурил сигарету. Затем на меня обрушилась реальность. Я лежала рядом с мужчиной. Этот мужчина был Джоном Ленноном, и он был женат на Йоко Оно, а я была их помощницей. Вдруг я залилась слезами. «Пожалуйста, иди домой, — рыдала я. — Я хочу, чтобы ты ушел домой.»

«Ну, если ты этого хочешь…» Он попытался приласкать меня, но я оттолкнула его. «Пожалуйста, иди домой, — снова сказала я. — Вся эта сцена действует мне на нервы.» Джон встал, включил свет и начал одеваться. Он остановился у двери. Автоматически я

вспомнила свои обязанности: «Я вызову тебе такси». Джон засмеялся: «Не надо. Я сам, Мэй. Увидимся утром.» Он подмигнул мне и ушел.

Я выключила свет и попыталась заснуть, но не смогла. Я думала о Йоко. Мне не хотелось, чтобы она знала о том, что произошло между нами. Мы с Джоном переспали, и все кончено», — говорила я себе. Я была уверена, что это не повторится. Но я и не могла не признать правду: я знала, что хочу снова быть с Джоном.

* * *

На следующий день, когда я одевалась, у меня была нервическая лихорадка. Как я буду себя чувствовать, когда увижу Джона? Не будет ли он игнорировать меня? Не будет ли все это неуклюже и ужасно? Я не знала, что делать и говорить.

День оказался на редкость спокойным. Джон заходил в кабинет, но ни разу не обмолвился о прошедшей ночи. Я тоже. Мы лишь поговорили о том, что он собирается написать песню обо мне — которая вошла под названием «Сюрприз, сюрприз» в альбом «Стены и Мосты».

В тот вечер мы вместе поехали в студию, чтобы начать нелегкую работу по микшированию альбома. В какой — то степени микширование является самой творческой частью процесса записи. В течение микширования каждая из шестнадцати вещей альбома балансируется так, чтобы все звучание было цельным. Это требует «слуха» — интуитивного чувствования звучания окончательной записи — и это, возможно, было одним из самых больших талантов Джона. Он мог «слышать» конечную запись в своей голове и точно знал, что надо технически сделать во время микширования, чтобы достичь нужного результата.

На микширование уходит много времени и терпения, и от этого я всегда неспокойна, хотя в ту ночь все шло без каких — либо срывов. Запись шла и шла, а я сидела, размышляя, что будет, когда она закончится. Наконец запись окончили, и Джон сказал «Пошли».

Как только мы вошли в мою квартиру, сразу занялись любовью. В эту ночь, в отличие от предыдущей, никто из нас не колебался. «Закрой глаза и просто отдайся чувству, — говорил Джон. — Думай о себе и о

том, что тебе хорошо.» Джону нравилось ласкать и целовать мои пальцы. Он взял рукой мою ногу и стал дуть на кончики пальцев, а затем прижался к ним губами. Он намеревался возбудить меня до неистовства, чтобы я испытала как можно более сильное сексуальное наслаждение. Ни один мужчина не думал обо мне прежде в этом плане: доставлять себе удовольствие, доставляя удовольствие мне. В эту вторую ночь я позволила себе допустить мысль о том, как сильно я его возбуждаю. Когда я провела рукой по его голой ноге, он вздохнул. Каждый раз, когда я касалась его тела, он стонал от наслаждения, и эти звуки возбуждали меня и делали более смелой.

Джон сказал: «Мы с тобой подходим друг другу, как перчатки. Мы вместе — совершенство.» Между нами была кака — то мощная химическая связь, и я чувствовала себя очень счастливой.

Джон вдруг приподнялся: «Мне нужно принять душ. Прошлой ночью Йоко сказала: «Ты был с Мэй, не так ли? Она сказала, что чувствует твою парфюмерию на мне. Я не из — за того, чтобы она не знала, что мы с тобой были вместе. Просто не хочу, чтобы она огорчалась всякий раз, когда почувствует твои духи.»

Это казалось довольно противоречивым. В конце концов, Йоко сама подбивала Джона. Заметив, что я озадачена, Джон взял меня за руку. «Давай примем душ вместе», — сказал он. Одевшись он обнял меня за плечи, притянул к себе и попытался объяснить, почему он беспокоится о Йоко. «Йоко сказала, что хочет доставить мне удовольствие. А ты знаешь, что она имела в виду: поебаться, и только. Если она узнает о моих чувствах к тебе, я знаю, ей будет больно. А мне не хочется делать ей больно.»

Он посмотрел на меня в надежде, что я пойму. Мне меньше всего хотелось, чтобы Джон оказывал мне внимание на глазах у Йоко. «Джон, — сказала я, — тебе не нужно меня бояться. Мне, конечно же вовсе не хочется выставляться перед Йоко.»

* * *

Таким образом, я продолжала работать, приходя утром в то же время и действуя в том же духе, что и

всегда. Во время работы Джон по — прежнему обращался со мной, как с ассистенткой и не более, а Йоко, которая больше не затрагивала вопрос обо мне и Джоне, по — прежнему выдавала мне длинные перечни того, что нужно сделать.

Держать наши отношения в тайне оказалось легче мне, чем Джону. В течение дня он любил забегать в мой кабинет, чтобы поцеловать меня. Только коснувшись меня, Джон приходил в возбуждение, но нам ничего не оставалось, как дожидаться окончания вечерних записей. По ночам в студии он выходил из — за пульта, подходил ко мне и начинал обнимать и целовать. Это также провоцировало сексуальную реакцию. В студии все заметили его поведение, но делали вид, что смотрят в другую сторону. А сами наблюдали за каждым его движением, усмехаясь между собой на тем, что у Джона был такой вид, будто он уверен. что никто не замечает происходящего. В такие моменты я отстранялась, изо всех сил стараясь образумить его. «Джон, — шептала я, — не сейчас». Всегда — порождение импульса, Джон не мог остановиться. «Я хочу поцеловать тебя. И сделаю это прямо сейчас.»

В течение двух последующих недель мы после записей каждый раз направлялись ко мне домой и занимались любовью. Мы были похожи на подростков, впервые познавших страсть, и наша страсть захватила нас. Джон знал, как неопытна я в сексе, и это будило в нем нежные, покровительственные чувства; он стал моим учителем. Снова и снова он заставлял меня концентрироваться на том, чтобы получить как можно больше удовольствия. «Я хочу знать, на что ты реагируешь», — все время говорил он и вел меня все дальше и дальше в напряженную сексуальную активность. Во время любовных действий было похоже, что наши тела говорят друг с другом: была какая — то удивительная взаимосвязь между нашими ласками и звуками. Я не могла поверить, что мы так чувствовали друг друга. «Мы любим друг друга нашими сердцами, душами так же, как и телом», — объяснил Джон. Он рассказал мне, что во времена БИТЛЗ к его услугам были сотни шлюх. По его словам, это были «обычные самки» с быстротечным оргазмом и без каких — либо настоящих эмоций. Джон же считал, что секс должен быть связан как с желанием, так и с эмоциями. «Тут должна быть

страсть. Ты должна чувствовать.» В течение тех двух недель мы провели много времени вместе и много говорили. В своей роли учителя Джон в основном спрашивал, а я отвечала. Он восхищался Китаем, и когда узнал, что мое китайской имя — Фанг Йи (Fung Yee), что означало «Птица феникс», стал называть меня наедине Фанг Йи. Джон сказал, что всегда хотел побывать в Китае. Он был первым мужчиной, которого интересовало мое прошлое. «Расскажи мне о себе, Фанг Йи, — просил он снова и снова.

Я рассказывала, что мои родители родились и выросли в Китае. По старому китайскому обычаю, их брак был устроен родителями. Моя мама была покорной женщиной, но отец все равно ее бил — рассказывала я. В нашей культуре с женщинами не принято церемониться. Джон внимательно слушал мой рассказ из истории нашей семьи. Через три года после женитьбы, в 1935, отец уехал в Америку, и лишь в 1945, через два года после окончания войны, он наконец послал вызов своей жене. К тому времени мои родители были женаты уже пятнадцать лет, но вместе прожили лишь четыре из них…

Было трудно прочесть реакцию Джона на мой рассказ. Из — за своего прошлого он был настроен чрезвычайно критически к родителям, особенно к отцам, потому что его собственный отец бросил его в раннем детстве. «Знаешь, — говорила я, — мой отец, когда вызывал маму, поставил ей условие: он не хотел, чтобы его ребенок, девочка, ехал в Америку. Он послал маме денег, чтобы усыновить мальчика, и привезти его с собой, а дочь — оставить.»

«Ни хуя себе!»

«В Китае супружеская пара, которая не может родить мальчика, может его купить. Моя мама купила десятилетнего мальчика за пятьсот долларов. Она бросила девочку и уехала в Штаты. Я родилась через три года после приезда мамы, 24 октября 1950 года. Мой отец пришел в ярость, узнав, что у него родилась девочка, а не мальчик, и не захотел прийти в больницу посмотреть на меня. Мое появление в доме не доставляло отцу никакой радости, к тому же у него был крутой нрав. Я также не нравилась Питеру, его тринадцатилетнему приемному сыну. Однажды, когда мне было два месяца, он вытащил меня из кроватки,

положил на гладильную доску и ошпарил. Я показала Джону ожоги на руках и запястьях.

«Он был ебучим ублюдком, Фанг Йи».

Чтобы переменить тему, я показала Джону желтовато — зеленую цепочку, которую подарила мне мама. «Это амулет на счастье. Я обещала никогда не снимать ее.»

Мы говорили о моей католической школе. Хихикать было греховно, разговаривать — греховно, даже ходить в ванную было как бы греховно. Я действительно верила в ад.

Мы говорили часто о рок — н-ролле. Я рассказала, как в возрасте семи лет открыла для себя программу Дика Кларка, которая называлась «Сцена американских групп», и как я бросала все дела, чтобы смотреть это шоу. «Эта музыка буквально гипнотизировала меня», — говорила я. «В семь лет! — воскликнул Джон. — Раньше, чем я.»

Рок — н-ролл был нашей общей страстью. Дома Джон редко слушал рок, потому что Йоко не любила или не понимала его. Для нас же эта музыка была убежищем от призраков несчастливого детства; она означала свободу. Мы переключались со станции на станцию в поисках вещиц, которые нам обоим нравились. Мы любили слушать новые песни, новые группы, новое звучание, а также новые хиты. Джон отмечал необычные ходы — в аранжировках, инструментовке, записи пластинок. Слушая, он очень возбуждался. «Послушай, Мэй. Послушай, как они наложили здесь две гитары.» Мы знали слова всех популярных рок — н-роллов и ритм — энд — блюзов. Он также знал и сторону «Б» каждой сорокопятки и часто отдавал предпочтение песням, не ставшим хитами, например, «Я Не Могу Принять Этого» Карла Томаса. Когда его любимую песню проигрывали по радио, он обычно начинал подпевать, потом говорил: «Мэй, подпевай!», и мы пели вместе. Это было то, о чем я мечтала подростком — иметь любящего друга, который бы слушал со мной музыку. Я подозреваю, что мы оба были подростками.

* * *

В свои рабочие дни, со времени начала нашей с

Джоном связи, я старалась избегать находиться в одной комнате с Джоном и Йоко. Это удавалось мне около двух недель, пока однажды мы все трое не очутились вместе в одной из жилых комнат. Мне было не по себе, и я незаметно взглянула на Джона, но он смотрел в другую сторону. Йоко же, похоже, чувствовала себя прекрасно. Она посмотрела на меня довольно весело и начала хихикать. Джон, посмотрев на Йоко, тоже начал смеяться. Мне, однако, было не до смеха.

«Мне было паршиво, когда мы встретились все трое, — сказала я Джону в ту ночь. — Я хочу уволиться.»

«Это было ужасно, — ответил Джон. — Такое дурацкое чувство.» На следующую ночь Джон сказал мне: «Йоко говорит, что если бы не она, мы не были бы вместе и считает, что это будет очень нечестно с твоей стороны — уволиться только из — за того, что тебе неловко. Так что подумай об этом перед тем, как предпринять что — либо.» Джон внимательно смотрел мне в лицо, наблюдая за моей реакцией: «О'кей?»

«Мне все равно это не нравится».

«Мне не хочется огорчать Йоко.»

Мысль, что Йоко будет расстроена, похоже, волновала Джона. Я не могла видеть, как он переживал, и в конце концов ответила, что пока останусь.

Джон находился в странном положении: его жена и любовница сосуществовали большую часть времени под одной крышей. Путь, по которому он пошел, заключался в игнорировании этого факта. С другой стороны, Йоко, похоже, с удовольствием наблюдала и пыталась контролировать положение дел. Я знала, что традиционно в Японии жена и любовница часто бывали подругами. Однако, я не была японской любовницей, и такое положение меня смущало.

На следующее утро Йоко вошла в мой кабинет, и спросила, как мои дела. Потом сказала: «Я знаю, что тебе неловко слушать это, но у вас с Джоном есть право побыть некоторое время вместе. Так что я решила отправиться на конференцию феминистов в Чикаго. Меня не будет неделю. Думаю, так будет правильно.» Затем она добавила: Я сказала Джону, что вы вдвоем будете продолжать работу, как обычно, пока меня не будет, так что никто не будет болтать о том, что происходит. Почему бы и тебе не делать вид, что ничего такого нет? По — моему, это тоже было бы правильно.

«Она сказала тебе, что уезжает?» — спросил потом меня Джон. Он ухмыльнулся. «Нам просто нужно делать вид, что ничего не происходит.» Джону очень понравилась эта идея «делать вид».

В ночь, когда уехала Йоко, Джон настоял, чтобы я осталась в Дакоте. Сначала эта мысль меня смутила, но Джон сказал, что мне будет очень хорошо, добавив, что двенадцать комнат в Дакоте гораздо удобней для нас, чем моя маленькая квартира — кабинет. Первоначальная неловкость от пребывания в Дакоте скоро перешла в огромное наслаждение от того, что наконец — то можно быть всю ночь вместе с Джоном. Я не хотела спать в их спальне, поэтому Джон перетащил матрас в гостиную. Но даже после этого я была слишком взволнована и не могла заснуть. Джон, который спал спокойно, всю ночью держал меня в своих объятиях. К рассвету я все же заснула.

Утром, за кофе я сказала ему, что не могу больше ночевать в Дакоте. Мне было слишком не по себе. Джон согласился со мной «Как только закончу альбом, мы уедем отсюда к черту», — объявил он.

До этого я никогда не задумывалась над тем, чтобы поехать куда — нибудь вместе, и эта идея застала меня врасплох.

В течение недельного отсутствия Йоко мы с Джоном исполняли ее пожелания. Днем я делала свою работу, а Джон смотрел телевизор, сочинял музыку или играл на гитаре. Вечером мы становились молодой парой, приходящей на свидания. Йоко любила лимузины и, чтобы доставить ей удовольствие, Джон повсюду разъезжал в лимузине. «Тебе понравится ходить пешком, — уговаривала я его. — Вот увидишь, так лучше. Когда сидишь в лимузине, невозможно рассматривать витрины.» Он не выносил никаких упражнений. В конце концов, после долгих уговоров мы прошлись один или два квартала. «Мне это нравится», — сказал Джон. Вскоре мы ходили пешком по кинотеатрам и ресторанам или проводили вечер, гуляя по Центральному Парку. Затем шли ко мне — как и договорились после моей первой (и единственной) ночи в Дакоте. Он уходил до рассвета, чтобы никто не подумал, что он ночевал не дома.

Как бы странно это не звучало, но именно Йоко устроила мне любовную связь — связь, принесшую мне

небывалое счастье, о котором я и не мечтала.

Однажды Джон вошел в мой кабинет с макетом обложки альбома «Умственные Игры» в руках. На конверте на переднем плане была изображена маленькая фигурка Йоко на фоне огромного, как гора, портрета Йоко лицом вверх. На обратной стороне Джон был взят камерой с гораздо более близкого расстояния и принимал угрожающие размеры.

«Эта идея пришла мне во сне, я просто вычислил ее. Посмотри.» Я внимательно изучила конверт, потом вновь посмотрела на Джона.

«Что я делаю — это ухожу от Йоко. Неужели ты не видишь?»

Я посмотрела снова. Он уходил прочь.

В ту неделю Йоко звонила несколько раз. Наш разговор был всегда одним и тем же.

«Все идет нормально?»

«Да.»

«Никаких проблем?»

«Нет.»

«Хорошо.»

Затем она просила позвать Джона. Их разговор всегда был сердечным и легким. Йоко держала свое слово. Похоже, она делала все, чтобы мы с Джоном стали ближе друг другу. К концу недели Джон закончил со своим альбомом «Умственные игры». Узнав, что Йоко собирается прилететь на уик — энд, он сказал: «По — моему, надо смотаться куда — нибудь на время. Давай поедем в Лос — Анджелес. Там будет Гарольд и еще кто — нибудь для компании. Эллиот тоже там. Можем пошататься и с ним.» Эллиот был Эллиотом Минцем, работавшим на лос — анджелесском радио и телевидении. Он стал другом Йоко после интервью с ней, во время которого высказал ей множество комплиментов, и польщенная око стала звонить ему, и вновь слышала лестные слова. После нескольких телефонных разговоров око сказала Джону, что с Эллиотом «все в порядке» и подтолкнула Джона к дружбе с ним.

В ту ночь, а потом утром Джон высказал мысль о поездке в Лос — Анджелес. Хотя мысль о том, чтобы поехать с Джоном и пугала меня, ноя была готова к этому, так как эгоистично хотела владеть им безраздельно. Но, поскольку Йоко держала свое слово, я

попросила Джона позвонить ей и сообщить, что мы уезжаем на отдых. Мы не могли просто смыться. Джон был согласен со мной. Позднее он сказал, что уже поговорил с ней. «Она очень счастлива за нас, — сообщил он. — Очень рада, что у нас все идет нормально.» У него был вид облегчения.

Я знала, что Тони Кинг, с которым я познакомилась вовремя одной из своих поездок в Лондон от АВКСО, был в Лос — Анджелесе, и мне хотелось увидеться с ним. Тони всегда говорил, что хотел бы узнать Джона лучше. Я была уверена, что им будет приятно общаться друг с другом, и позвонила Тони, чтобы сказать, что мы едем в Л. А. Оказалось, что он только что закончил работу над новым альбомом Ринго Старра «Ринго» и собирается ехать домой в Лондон. «Пожалуйста, останься», — попросила я его, и Тони согласился задержаться еще на несколько дней.

«Мы его не разочаруем», — сказал мне Джон, когда я рассказала ему об этом.

В субботу к Джону пришел Гарольд Сидер, чтобы назначить дату переговоров о разделе компании Эппл. Джон позвонил мне домой и попросил прийти: «Я оставлю входную дверь открытой. Приходи в Дакоту и проходи прямо в спальню. Я не хочу, чтобы Гарольд видел, что ты здесь». Я приехала в Дакоту и нашла Джона в спальне: он смотрел телевизор и ждал меня. Заперев дверь, мы занялись любовью. Затем я вышла из квартиры и позвонила перед дверью. Джон вышел впустить меня. «Мэй пришла поработать», — сказал он Гарольду. В конце встречи Гарольд объявил, что ему нужно ехать в аэропорт — вечером он вылетает в Лос — Анджелес. Джон ринулся в мой кабинет. «Мэй, мы едем в Л. А!»

«Когда?»

«Семичасовым рейсом.»

Все произошло так быстро, что у меня не было времени на раздумья. Я спустилась вниз, взяла такси и поехала домой собрать кое — какие вещи. Потом я позвонила матери и сказала, что уезжаю в Лос — Анджелес по делам. «С кем ты едешь?» — спросила она.

«С Джоном.»

«А Йоко едет?»

«Она в Чикаго.»

«Понятно.»

Я думаю, что она что — то подозревала. Я никогда не врала маме и знала, что если она спросит меня о чем — либо, то скажу ей правду, даже если это будет вызовом всем ее убеждениям. То, что я уезжала с Джоном, противоречило и всем моим прежним убеждениям, и все же мне не терпелось отправиться.

Пока ехали в аэропорт, Гарольд еще раз разъяснил Джону закон о деньгах. «Джон, вы очень богатый человек, — говорил он ему, — но в настоящий момент вы должны понять, что у вас нет наличных. Все ваши деньги вложены в Эппл. Пока лишь одному Господу известно, когда эта корпорация будет расформирована. Это дело может тянуться вечность. Единственные деньги, которые вы можете расходовать, идут от вашего спорного имущества. Все это тратит Йоко. Те деньги, на которые вы жили до сих пор, были выданы вам авансом Алленом Клайном. Теперь их тоже нет. В настоящий момент у вас реально нет и цента. Расходы на юридические дела Вы можете вести в кредит и списать, но все деньги, которые вы тратите теперь, — это деньги не Аллена Клайна, это деньги, к которым у вас нет доступа или которые вы еще не заработали. Единственные доступные вам деньги — это заем. Чтобы вы могли действовать дальше, вам нужен заем. «До чего же хуево!» Джон повернулся ко мне: «Терпеть не могу брать взаймы», — твердо сказал он.

Отношение к деньгам сложилось у Джона еще в детстве, как и у меня. Я была приучена никогда не брать взаймы, так же был приучен и он. Джон, которого с детства приучали быть бережливым, по природе был скромным человеком.

«Мы будем занимать как можно меньше», — сказал Сидер. — «В настоящий момент единственно разумным будет для вас реальный контроль. Вы понимаете меня?»

«Мои родители никогда не зарабатывали больше четырех тысяч в год», — сказала я Джону. — «Я знаю, как надо тянуть.»

Сошлись на том, чтобы занять в последний раз 10000 долларов у Кэпитол Рекордз. Джон был весьма обескуражен тем, что он одновременно очень богат и очень беден.

Гарольд очень хорошо знал, что происходило между нами. Он понимал, что мы решили изображать, будто ничего такого нет, и молчал. Я знала, что другие тоже

все поймут — было просто невозможно не понять — однако Джон, помня о том, как Йоко озабочена своим имиджем, считал, что мы обязаны скрывать наши отношения. «Мы должны держать все это в секрете, — сказал он в самолете. — А то Йоко просто сойдет с ума.» «Это я сойду с ума, — ответила я. — Что будет, если это попадет в китайские газеты? Моим родителям будет стыдно ходить на работу.» «А как насчет монахинь? Что скажут они, когда узнают, что их невинная маленькая Мэй сбежала со мной?»

Эта воображаемая картина заставила меня вздрогнуть и засмеяться одновременно. «Они скажут, что я все — таки поддалась искушению.»

* * *

Перед самой посадкой самолета Гарольд спросил: «Где вы собираетесь остановиться?» Прежде, чем Джон ответил, Гарольд сказал: «Останавливайтесь у меня. А я поживу у друзей.» У Гарольда были квартиры в Нью — Йорке и Лос — Анджелесе.

«Гарольд, вы уверены, что так будет нормально?» — спросил Джон. «Мне лучше, если вы сэкономите денежки. Помните, что вы очень богаты и разорены также. В следующем году сможете позволить себе жить в отеле.»

Гарольд жил на Вест — Харпер — авеню в симпатичном квартале западного Голливуда, застроенном большими особняками и многоквартирными домами, которые выглядели, как старые испанские замки. Его квартира была в одном из комплексов прямо около бульвара Сансет. Ступеньки из плитки вели прямо с этой улицы в красивый двор — ландшафт. Этот комплексный дом состоял из двенадцати двухэтажных апартаментов, каждый из которых имел свой вход со двора. Перед каждым входом росли пальмы и обильные кустарники. Вся атмосфера была приятной и успокаивающей. Гарольд дал нам связку ключей. «Когда будете в квартире, держите ключ во внутреннем замке. Если вы потеряете его, то не сможете выйти», — предупредил он.

Квартира Гарольда была двухэтажной. Первый этаж состоял из гостиной и маленькой кухни. По лестнице

можно было подняться в спальню и ванную. «Это меблированная квартира, если вы еще не догадались, — сказал он — поэтому все выглядит так, будто прибыло из срочной праздничной распродажи.»

Мы осмотрели кровать Гарольда. Это была большая кровать с пологом на четырех столбиках и покрытая балдахином. Она абсолютно не сочеталась с остальной мебелью.

«Не спрашивайте меня, откуда здесь эта штука. Это Л. А., и ничто здесь не имеет большого смысла.» Он сказал, что если нам понадобится что — нибудь, то в соседнем квартале имеется ночной магазин, а также объяснил, ка пройти к ресторанам. «Ну что, ребята, все будет О. К?» Мы заверили его, что да.

«Я позвоню вам завтра и что — нибудь организую. Ведь вы оба не водите машину. Он направился к двери. «Ну, до завтра. Спокойной вам ночи и не сорите деньгами.»

После ухода Гарольда Джон включил телевизор, и мы взобрались на кровать.

«Эта ебучая кровать просто ужасна.»

«Давай сэкономим деньги на новую пружинную тахту», — ответила я. Джон взглянул на меня и засмеялся. Он поцеловал меня, и мы занялись любовью. Поздно ночью мы проголодались и вышли на прогулку. Была нежная летняя ночь, и мы чувствовали себя великолепно. На нас произвели впечатление огромные светящиеся рекламные щиты над бульваром Сансет. «Эй, погоди — ка», — вдруг воскликнул Джон. Он вспомнил о ночном магазине — кафе на бульваре Сансет, и мы пошли туда. Кругом кишела разномастная публика: проститутки, сутенеры, какие — то хиппари и парочка трансвеститов. «Многие музыканты после своей ночной работы завтракают здесь в четыре утра, — сказал Джон. — Это и есть Л. А.», — добавил он, разглядывая меню. — В этом городе все мотаются по ночам, не зная, куда себя деть. Это город Миллиона и Шизиков.»

Мы поели и обрадовались, узнав, что с нас меньше десяти долларов. Джон засмеялся, когда взглянул на счет. «Вот как проводить субботнюю ночь с одним из БИТЛЗ, — сказал он. — По — моему, я еще могу позволить себе подцепить такую девочку.» После ужина мы вернулись домой. Раздевшись, я забралась в кровать рядом с Джоном. Он обнял меня. «О чем ты думаешь?» —

спросил он. «У нас нет денег, — сказала я. — У нас нет квартиры, у нас нет машины. Но я счастлива, как никогда в своей жизни.»

«Это просто здорово!» — ответил Джон. И в объятиях друг друга мы заснули.

На следующее утро мы встали рано. «Что мы сегодня будем делать?» — спросила я Джона.

«Давай осторожно позвоним кому — нибудь. Как ты думаешь, кому можно довериться?»

«Я позвоню Тони Кингу и скажу, что мы здесь.»

«Потом я звякну Мэлу Эвансу.»

Джон знал Эванса с начала 60–х, когда тот был дорожным менеджером БИТЛЗ.

«Нам надо позвонить Гарольду и сказать, что все нормально.»

«Потом звякнем Эллиоту Минцу.»

«Эллиоту?» — переспросила я.

Йоко все равно ему скажет. Ты же знаешь, они разговаривают каждый день. Как только он узнает, что мы здесь, мгновенно примчится, так что надо позвонить и ему.»

«Есть еще кто — нибудь?» — спросила я.

«Я хотел бы повидать Джима Келтнера». Келтнер к тому времени работал уже с Джоном над альбомами «Imagine», «Some Time In New York City» и «Mind Games» а так же с Йоко над альбомами «Муха» и «Чувство Космоса». Джон считал его превосходным барабанщиком и любил за добрый нрав. Я разделяла чувства Джона. «Это отличная идея.» Мы позвонили Гарольду, который сказал, что заскочит попозже. Потом мы провели остаток утра в постели, разговаривая по телефону. Особенно обрадовался Тони Кинг. «Я приду завтра после работы и свожу вас пообедать, — радостно сказал он. — Вы уговорили меня остаться, и я думаю, что нам необходимо отметить нашу встречу.»

Затем Джон поговорил с Эллиотом Минцем: «Он сделал мне предложение: если мы найдем машину, он будет нашим шофером.»

«Это подойдет на один — два дня, — сказала я. — Вообще — то, я могу водить машину и собираюсь получить лицензию. Тогда мы сможем арендовать машину себе.»

Джон также переговорил с Мэлом Эвансом и Джимом Келтнером и тоже назначил им встречи. Я

позвонила маме сказать, что у меня все хорошо. Джон внимательно слушал, пока я разговаривала с ней, старательно изучая меня. Затем он сказал: «По — моему, нам надо позвонить Йоко, сказать ей, что у нас все в порядке.» Он нашел ее чикагский номер в записной книжке и набрал его. Первым делом Йоко узнала наш номер в Лос — Анджелесе. Джон ответил на ее вопросы о полете, дороге из аэропорта и о квартире. «Мне нравится здесь, Йоко, — сказал он. — Я и не думал, что будет так здорово. Может быть, я даже захочу здесь записываться.» Джон посмотрел на меня. Он хотел подтверждения, и я улыбнулась в ответ. До этого у меня и в мыслях не было, что Джон задумывает записываться в Л. А. Я думала, что мы здесь на пару недель, и только. Мне было странно, что он собирается задержаться здесь надолго. Он передал мне трубку: «Йоко хочет поприветствовать тебя.»

«Мэй, как ты?»

«Отлично.»

«Как погода?»

«Погода прекрасная, Йоко. А как в Чикаго?»

«Очень сыро. Скоро здесь будет осень. Когда я вернусь в Нью — Йорк, хочу пересмотреть свою осеннюю одежду.» Она помолчала.

«Ты счастлива, Мэй?» — спросила она вдруг.

«Очень счастлива.»

«Хорошо. Джон, по голосу, тоже в отличном настроении. Хорошее начало. Я так рада за вас двоих. Мне бы хотелось, чтобы вы отлично провели время.» Я поблагодарила ее и передала трубку Джону. Они попрощались.

«Я рад, — сказал Джон, положив трубку. — Мне бы не хотелось, чтобы Йоко огорчалась.» Он налил себе кофе. «Интересно, может, Йоко найдет себе кого — нибудь?» — «Даже не знаю…» — тихо ответила я. «Надеюсь, что да» — он улыбнулся мне. «Джон, ты что, действительно думаешь записываться в Лос — Анджелесе? Я думала, что мы здесь только на пару недель.»

«Посмотрим, как получится.»

В ту ночь зазвонил телефон. Джон привык к тому, что на все звонки отвечала Йоко, и настоял на том, чтобы сначала я взяла трубку. Это была Йоко. Она хотела рассказать, что делала днем и спросить, как мы провели время. Она посмеялась надо мной, а затем над Джоном.

Рано утром она снова позвонила. Было очевидно, что теперь она будет звонить в начале и в конце каждого дня. Йоко, конечно намеревалась не давать нам покоя. Однажды она рассказала мне о японском кукольном театре. В отличие от американского, у них кукольники находятся на виду у аудитории, и у кукол нет нитей. Будучи за три тысячи миль от Йоко, я вдруг почувствовала себя куклой в ее руках.

После утреннего звонка Йоко мы решили сходить позавтракать. На этот раз мы пошли в другую сторону, к Бульвару Святой Моники, и обнаружили Международный Дом Блинов.

«Отлично! Ебучие блинчики с черникой — я люблю их!» — воскликнул Джон.

Наш завтрак прошел в радужной атмосфере. Нам нравились простые, недорогие вещи, и у нас не было комплекса наряжаться, ходить в изысканные места, есть изысканные блюда. Джон знал, что он — звезда, но в тот момент ему не нужно было доказывать это, щеголяя своим богатством, славой и экстравагантной жизнью.

За завтраком он сказал мне, что с нетерпением ждет встречи с Тони Кингом, и я заволновалась. Живя в Дакоте, Джон никогда не хотел знакомиться с новыми людьми или видеться со старыми друзьями, и чувствовал облегчение, когда Йоко прикрывала звонки к нему, читала его почту и тщательно изучала посетителей, прежде чем позволить им встретиться с ним. Джон полагал, что люди чего — то ждут от него, потому что он — Джон Леннон. Мысль, что он может не оправдать их ожиданий, действовала ему на нервы, и он предпочитал видеть как можно меньше людей. В Дакоте Йоко составляла график общественной жизни Джона, и он проводил время с ее друзьями или людьми, с которыми ему, по мнению Йоко, следовало встретиться. Когда Джон встречался с незнакомцами, он всегда обрушивал на них каскад ослепительного остроумия. Большинство людей находили его несомненно выдающейся личностью и очень веселым человеком. Это был Джон Леннон из «Вечера Трудного Дня» — Джон, которого они ожидали встретить. Эту роль он мог играть в совершенстве. Люди часто ошибочно принимали его публичные выступления за самоуверенность, не догадываясь, что своим остроумием Джон маскировал глубокий душевный дискомфорт и держал таким образом людей на

расстоянии.

Джон не доверял большинству людей. Не хотят ли они знать его только потому, что раньше он был Битлом? Не охотятся ли они лишь за его деньгами? Ему требовался длительный срок, чтобы поверить в кого — нибудь, чтобы отбросить свой щит и показать свою более мягкую, более чувствительную сторону. Я считала, что он, как и прежде, будет держаться на расстоянии от всех, даже от Тони, с которым был немного знаком во времена БИТЛЗ. Вместо этого он весь день с нетерпением ожидал ужина.

Когда Тони прибыл, Джон был в отличном настроении. Тони, однако, весьма нервничал от того, что видит Джона.

«Я знаю отличный ресторан, — выпалил он. — Называется «Потерянный на Ларраби». Все таскаются туда.»

Когда мы приехали, Тони никак не мог припарковать свою машину. Каждый раз, когда он заезжал на стоянку, автомобиль становился неправильно. Наконец Джон не выдержал: «В чем дело, Тони?» «В тебе, — ответил смущенный Тони. — Сидеть в машине с Джоном Ленноном — это нервирует.»

Джон взял меня за руку, и мы оба вышли. Тони по — прежнему не мог припарковаться.

«Но ведь теперь я не в машине», — сказал ему Джон. Это был подкол — мягкий подкол. Джон улыбнулся Тони, и тот засмеялся. Джон повел меня в ресторан. «Тони никогда не припаркуется, пока я в поле зрения. Он действительно возбужден, но теперь, посмеявшись, он может успокоиться.» Когда Тони вошел в ресторан, мы все снова засмеялись. «Спасибо за понимание," — сказал Тони Джону.

Они поговорили о тех временах, когда встречались в Англии в клубах Скотч, Св. Джеймс и Эд Либ. Они припомнили вечер в Скотче, когда столик БИТЛЗ был отдан принцессе Маргарет, и их заставили сесть за другой. Они весело посмеялись, вспомнив, как были раздосадованы тем, что принцессе Маргарет оказали предпочтение перед БИТЛЗ. Тони и Джон поговорили о своем безотцовском детстве. Тот факт, что у Тони тоже не было отца, произвел впечатление. Это помогло Джону решиться сделать Тони своим настоящим другом. Затем они долго говорили об одном из самых старых друзей

тони, Элтоне Джоне, который в то время был самой популярной рок — звездой в мире.

«Элтон всегда страшно хотел повидаться с тобой», — сказал Тони.

«Серьезно? — ответил Джон со смехом. — Тогда я хотел бы встретиться с ним.»

Только один раз они оба стали очень серьезными. «Америка… — сказал Джон. — Я всегда чувствовал себя американцем. Тони, хотя ты и англичанин, я говорю тебе, что в действительности ты американец. ЗДЕСЬ МОЖНО ДВИГАТЬСЯ.» — Джон буквально впился глазами в Тони, и тот понял значение каждого его слова.

Недавно Тони сказал мне: «Я никогда не забуду того момента. Джон изменил всю мою жизнь в ту ночь. Он знал, что почем».

***

Мне казалось, что наши первые дни в Лос — Анджелесе были каким — то волшебством. В самом деле, прошло всего несколько дней, когда мы вдруг нашли себе красивый дом — волшебный замок, который был нашим.

Мы были в «Радуге», популярном рок — клубе Лос — Анджелеса, когда вдруг наткнулись на Эндрю Олдхэма, старого друга Джона, который был пресс — агентом НЕМС Энтерпрайзез в начале 60–х, открыл группу Роллинг Стоунз и был их первым менеджером и продюсером.

«Где ты живешь?» — спросил Олдхем Джона.

«В квартире Гарольда», — ответил Джон. Олдхэм знал Гарольда. «Гарольд представляет меня в деле Клайна.»

«А как насчет дома? Дело в том, что один мой друг одолжил мне огромный дом, где я и жил до сих пор. Но послезавтра я еду назад в Англию, и в доме никого не будет. Может, вы поселитесь там и поддержите домашний очаг?»

Другом, о котором шла речь, был Лу Адлер, гигант музыкального бизнеса, который был продюсером «Мамаз энд Папаз», а потом — нашумевших альбомов Кэрол Кинг. Лу Адлер жил в своем доме на побережье, и его городской дом пустовал.

«Но я не знаком с Лу Адлером», — сказал Джон.

«Я поговорю с ним," — ответил Эндрю.

На следующий день Олдхэм позвонил нам и сказал, что Лу Адлер будет рад, если мы поживем в его доме. «Дом ваш, — сказал он. — Я завтра уеду. Ключ оставлю в почтовом ящике. Приходите завтра в любое время и заселяйтесь.»

«Прямо волшебство," — сказал Джон. Так и было. Затем Джон с искрящимися глазами добавил: «И ведь бесплатно!»

В тот вечер мы снова ужинали с Тони Кингом. Во время десерта Джон вдруг вручил ему кассету с «Mind Games». «Вот мой новый альбом, — сказал он. — Что мне с ним делать?» Тони взял кассету и уставился на Джона. Возможно ли было, что Джон Леннон не знал, как рекламировать альбом?

«Нам с Йоко очень нравилось, как ты действовал с нашими альбомами в Англии. Теперь мне нужна твоя помощь. Я хочу знать, что мне делать.»

Тони молчал.

«Ну, давай. Ты всегда можешь говорить мне правду. Я славлюсь этим.»

«Честно говоря, Джон, ты должен дать интервью, много интервью. И начать нужно прямо сейчас. Из — за твоего интервью в Роллинг Стоун и твоего альбома «Some Time In New York City» все считают тебя злым человеком. Вот все, что ты выдал о себе за последние три года. Публике надо знать, что с тобой все в порядке. Тебе следует поговорить с прессой. Сказать им, что ты в норме. Пусть они сами это увидят. Что ты не злой. Что ты не радикал. Ты — умный, чувствительный, мягкий, добрый человек. И ты также музыкант, а не крестоносец. Вот что пресса должна донести до публики. Когда ты понравишься людям, Джон, они захотят покупать твои альбомы. Когда же ты не нравишься им, или они боятся тебя, они не хотят твоих пластинок в своем доме. Все это элементарно.»

Когда мы вернулись домой, Джон был в бешеном восторге от совета Тони. «Тони прав. Это важно, чтобы ты нравился, — сказал он. — Всем нравились БИТЛЗ, и смотри, что вышло. Мне никогда не удавалось сделать так, чтобы Йоко понравилась прессе. Если бы она понравилась прессе, то, возможно, она начала бы нравиться и публике. Тогда кто — то из них, может быть,

и купил бы ее пластинки. Я пытался протолкнуть Йоко и радикальные дела в последние несколько лет, и это, похоже, не сработало. Я немного устал от этого. Я хочу просто делать альбомы. Вот и все. Сейчас для Йоко лучше всего быть с Тони. (Он имел в виду Тони Кокса, второго мужа Йоко). Он знает эти дела лучше меня, и знает, как действовать».

Через час позвонила Йоко.

«Йоко, — сказал возбужденно Джон, — сегодня мы ужинали с Тони Кингом. Помнишь его?» (Йоко не помнила, и Джон объяснил ей.) «Он собирается провести в прессе кампанию по рекламе «Mind Games». Ты помнишь, как хорошо он работал с нашими альбомами в Англии. Посмотрев на Джона, я увидела, как он менялся в лице, пока разговаривал. «Да… как хочешь… Да, Йоко… да… да…» Когда разговор закончился, у Джона было какое — то затравленное выражение лица.

«В чем дело?» — спросила я.

Джон рассказал, что Йоко не повела и ухом на его сообщение о «Mind Games». Вместо этого она стала говорить о другом. Обеспокоенная своим имиджем, Йоко боялась, что пресса узнает, что они расстались. Если репортеры будут спрашивать, она хотела, чтобы Джон говорил, что это она вышвырнула его, что он ушел не по своей воле. Она хотела, чтобы он пообещал ей, что не предаст ее, и Джон согласился с ее версией. После этого Йоко успокоилась, сказал он.

По словам Джона, Йоко сказала, что мы с ним будем, конечно, возвращаться по ночам домой вместе, чтобы избежать проблем с прессой, мы должны были продолжать притворяться, что между нами ничего нет. Тогда пресса никогда ничего не узнает о нас, и вполне вероятно, что не будет и никаких вопросов. Джон сказал, что Йоко сослалась на каких — то своих «друзей», что нас видели на публике державшимися за руки и целующимися. Мы недолжны были касаться друг друга на публике. Она предложила нам ездить в разных машинах и сказала, что нам следует притворяться даже перед такими друзьями, как Тони Кинг и Гарольд Сидер, которые все знали. Она предположила, что нам не следует принимать гостей в своем доме.

«Если для самолюбия Йоко будет утешительно, что публика будет думать, что она тебя прогнала, то мне все равно, — спокойно сказала я. — В конечном счете я в

более счастливом положении. Но ты должен понимать, что во всем этом нет смысла. Будем ли мы или не будем ездить в разных машинах, люди все равно узнают правду, не так ли?

Джон уставился на меня. «Никто не управляет мной, — сказал он. — Иначе я не был бы с тобой.»

«Джон, я сделаю все, что ты хочешь, но мы должны говорить друг другу правду. Ты не можешь обманывать сам себя и верить, что все это притворство имеет успех. Йоко хочет, чтобы мы все время занимались этим для того, чтобы мы все время думали о ней. Таким образом она хочет не допустить, чтобы мы были слишком близки.»

«Йоко очень умна. Она многому научила меня. Я не хочу обижать ее.»

«Йоко — удивительная женщина. И меня она тоже многому научила. Но это не причина чтобы мы были изолированы и одиноки. Тебе не нравится быть в обществе? Тебе не нравится заводить новых друзей? Ты действительно хочешь проводить время, прячась со мной от людей в страхе о том, довольна нами Йоко или нет?»

Я видела, что Джон очень расстроен. Когда он снова разговаривал с Йоко, то сказал, что я не согласна с ней. Положив трубку, он сказал, что Йоко обиделась. «Я так любила ее, — процитировал он Йоко. — Я помогла вам быть вместе. Я всегда хорошо с ней обращалась. Разве можно идти по такому пути?» Джон неодобрительно смотрел на меня. Он сочувствовал Йоко, а я каким — то образом причинила ей боль. Я понимала, что Джон в дурацком положении. Он беспокоился обо мне. но он беспокоился и о Йоко. Похоже было, что Йоко могла задевать самые больные места Джона, и для него было важным делать то, что она говорит, защищать ее от критики и верить ей, если она критикует меня. Такая цепь не поддавалась никакой логике, и я, видимо, должна была согласиться, хотя это огорчало и пугало меня. Мне хотелось во что бы то ни стало помочь Джону поверить в себя, чтобы он не спрашивал ни у кого, что ему делать. Я также надеялась, что мне никогда не придется звонить Йоко и просить ее помощи, потому что я не могла разговаривать с Джоном так, как она.

Джон сел рядом со мной. «Вот мы с тобой здесь в Лос — Анджелесе вдвоем у себя дома. Я люблю тебя, Фанг Йи. Ноя буду говорить Йоко, что мы делаем то, что

она хочет. А потом мы будем делать то, что мы хотим. Это единственный способ сохранить мир.»

***

Йоко позвонила на следующее утро, и жаль, что мне не хватило смелости вырубить телефон. Джон несколько раз повторил, что будет выполнять все ее указания. Он также дал ей номер телефона в доме Лу Адлера, так что она могла достать нас, как только мы заселимся. Затем он повесил трубку и взглянул на меня. «Йоко успокоилась», — сказал он мне и подмигнул.

Позже, когда позвонил Тони, Джон сказал: «Я очень хочу, чтобы люди слушали «Mind Games», так что я буду делать то, что нужно, и буду говорить со всеми, кто захочет говорить со мной. Никому не отказывай — пусть приходят по одному и все вместе. Я больше не злой и я готов.»

Несколько часов спустя мы переселились в дом Адлера. Как и говорил Олдхэм это был небольшой элегантный особняк на Стоун — Каньон — роуд в Бел — Эйр, одном из самых шикарных районов Лос — Анджелеса. Как и обещал Эндрю, ключи были в почтовом ящике. Мы с Джоном прошлись по дому, он оказался комфортабельным и просторным. Позади дома был маленький бассейн, в котором мы могли плавать, и площадка для солнечных ванн.

«Я бы назвал нашу первую неделю в Лос — Анджелесе успешной. Не так ли, Фанг Йи? — счастливо сказал Джон. — У нас прекрасный дом…» «И Тони — потрясающий новый друг», — добавила я.

Джон посмотрел на меня и улыбнулся. Внезапно он поднял меня на руки, затащил в спальню и бросил на кровать. Он наклонился, схватил руками мою тенниску и разорвал ее пополам. Раньше ни один мужчина не срывал с меня одежды. Это немного пугало, но и очень возбуждало. Мы занимались любовью несколько часов. Нас остановило только одно: постоянно звонил телефон. Он звонил и звонил. Наконец Джон встал и взял трубку. Я слышала его голос из другой комнаты: «Да, Йоко… Хорошо… Хорошо… Как скажешь, Йоко… Да… Да, Йоко.» Мне хотелось треснуть телефоном о стену.

Этот проклятый телефон! Джон считал, что

поскольку он получил свободу от Йоко, он был в долгу перед ней и должен отвечать на каждый ее звонок. Вместо того, чтобы сказать ей, чтобы звонила только по важным делам. Скоро Йоко стала звонить целыми днями. «Зачем она звонила в этот раз?» — спрашивала я. «Она пошла в магазин», — отвечал он. Время от времени она звонила, чтобы сказать Джону, что ей плохо или не хочется жить или что мне наплевать на нее. В эти моменты Джон изо всех сил старался успокоить ее. Мне казалось, что таким способом Йоко давала Джону иллюзию, будто это он контролирует ее. Верил Джон ей в действительности или нет, но он настаивал на том, что должен быть любезен с ней, в противном случае, если она убьет себя, в ее смерти будем виноваты мы.

Я не выносила эту телефонную игру, но не знала, что с этим делать, так как знала, что, как бы я ни поступила. это будет истолковано Джоном как доказательство того, что Йоко права в отношении меня, и я веду себя дурно с ней, а она со мной — нет.

В глубине души у меня были и собственные причины не пытаться останавливать Джона отвечать на эти звонки. Всю жизнь Джона окружали люди, которые желали манипулировать им и его чувствами. Мне не хотелось стать одной из них. Я не хотела стать новой мамочкой Джона. Он уже начал спрашивать мое мнение о каждом своем шаге. Он хотел, чтобы я была Мамой, ноя не хотела этого. Мне хотелось, чтобы Джон стоял на своих ногах, и я хотела быть с ним честной. Вместо того, чтобы предавать его, пытаясь управлять им, я надеялась помочь ему почувствовать в себе силы прекратить эти бесконечные звонки.

* * *

На следующий день после нашего переезда начались интервью по «Mind Games». Тони рассказывал мне, что каждый раз, когда он приводил журналистов в наш дом, они были взволнованы до истеричности. «Джон не знает, как его любят, — говорил он. — Все, абсолютно все, преклоняются перед ним.»

Интервью проходили отлично. Джон знал, что его работа — это быть самим собой. Он был так обаятелен, что репортеры, следуя за ним, не пытались вести себя

вызывающе и не настаивали на прямых ответах на трудные вопросы о расколе БИТЛЗ, о возможном воссоединении БИТЛЗ или о его противоречивых действиях с тех пор, как он встретил Йоко. Когда его спросили, почему он уехал в Л. А., Джон объяснил свой визит так: «Здесь живет Фил Спектор, не так ли? Фил Спектор — мой любимый продюсер. Может быть, я запишусь с ним.»

Среди интервью, организованных Тони, было одно с Рекорд Уорлд — журналом, специализирующимся на коммерческой стороне музыкального бизнеса. Тони сказал Джону, что очень важно показать промышленникам (которые, по мнению Тони, считали Джона махровым радикалом), что он снова в своей колее и что не пугает людей, а доставляет им удовольствие.

Слушая эти интервью, я увидела еще кое — что, чего бы мне не хотелось видеть. В глубине души Джон боялся всего на свете. Из — за своего страха перед женщинами он позволял им манипулировать собой, а из — за своего страха перед мужчинами, он манипулировал ими. Он делал это, впиваясь в них взглядом, разговаривая с ними жестко и авторитарно. Он делал это также, изображая на публике человека поразительной искренности и общительности. На деле же Джон никому не позволял стать его близким другом. Хотя его правдивость и прямота создавали иллюзию удивительного откровения, своей резкостью он держал людей на расстоянии.

Наедине со мной Джон всегда был простым, прямым и легким в общении. Но во время тех интервью он действовал.

Обладая великолепной артикуляцией, он имел голос оратора и умел пользоваться им. Вдруг мне стало страшно. Мне не хотелось думать о том, что Джон может «включить» свой ораторский голос, когда захочет. Это заставило бы меня сомневаться в правдивости его отношений со мной. Я решила всегда верить ему, что бы он ни говорил. Я должна была верить ему или я не смогла бы остаться с ним.

В середине рекламной кампании, развернутой Тони Кингом вышел «Mind Games». Этот альбом достиг девятого места в списке популярных пластинок, а этот сингл дошел до восемнадцатого места. Люди, похоже, почувствовали, что «Mind Games» — слабый альбом, но после «Some Time In New York City» он был приятным

облегчением. Джона обескуражил столь средний успех альбома, но он увидел в этом и рациональное зерно: «Теперь они знают, что я не выдаю автоматически хиты номер один. Они ожидали, что каждый альбом будет на первом месте. Теперь на меня не будут давить, чтобы я продолжал делать новые пластинки.»

* * *

В начале нашей третьей недели в Лос — Анджелесе как — то за чашечкой кофе Джон сказал: «Знаешь, какой бы я хотел сделать альбом? Я хотел бы записать все те песни, из — за которых я полюбил рок — н-ролл больше всего на свете. Все те песни, которые любил, когда был подростком. Это я хотел сделать еще до того, как стал Битлом.

Это походило на отличную идею, но то, что он сказал дальше, не очень мне понравилось.

«Это следует сделать Филу. Он величайший продюсер рок — н-ролла. Я хочу дать ему продюсировать, а сам буду просто певцом в группе.» «Но люди уже и так знают заслуги Фила», — попробовала возразить я. Я не понимала, почему Джон, сам отличный продюсер, хочет сделать альбом Спектора, тогда как в прошлом он нанимал Спектора делать альбомы Леннона.

«Я люблю его и его музыку, — сказал Джон. — Его и его ебучую «стену звука».

«А ты не можешь быть с ним сопродюсером?»

Джон не слушал. Он был захвачен идеей, что Спектор мог бы сделать для него в 1973 году то, что сделал в начале 60–х для таких групп, как Ронеттс и Кристалз. Я подумала, что, если даже Спектор будет соло — продюсером, этот альбом неизбежно выльется в совместное предприятие. Поэтому я решила не беспокоиться и поверить Джону. Студия звукозаписи была тем единственным местом, где Джон всегда знал, что делал.

После ряда телефонных звонков туда и оттуда — Спектор всегда быт тяжел на подъем — продюсер предложил встретиться на следующий вечер. Джон сказал, что у нас нет машины, но Спектор настоял на том, чтобы мы все равно приехали к нему. Он не знал, что мы не брали такси и не нанимали лимузинов, а

зависели от Эллиота Минца, бывшего нашим шофером.

Йоко, как обычно, звонила в тот день много раз, и во время одного из разговоров Джон сказал ей об идее нового альбома. Я слышала, как он говорил: «Йоко, это песни, на которых я воспитывался, и я хочу записать их.»

Позвонив на следующее утро, она вновь затронула эту тему. «Эти песни — классика, Йоко. Мне не нужно каждый раз делать альбом из новых песен. Я не авангардист, Йоко. Я — рок — н-ролльщик.»

Между своими бесконечными рассказами о том, как она проводит время и расспросами о нас Йоко то и дело высказывала критические замечания о новом проекте Джона. Это была легкая критика, которую можно было просто не замечать, но Джон резко отвечал на каждое замечание. Тем не менее он остался в хорошем настроении и с нетерпением ждал встречи с Филом Спектором, чтобы услышать его реакцию.

Перед самым нашим уходом к Спектору снова позвонила Йоко.

«Йоко, я ухожу, — сказал Джон сверхлюбезно. — Я, конечно, передам Филу твои заверения в любви.»

Спектор жил в Беверли Хиллз, рядом с бульваром Сансет. Когда Эллиот вез нас в гору к дому Спектора, Джон со смехом показал на устройство, которым этот продюсер оберегал себя от внешнего мира. Дом Спектора был окружен небольшой кирпичной стеной. «Кирпичная стена», — обозревал Джон. Стена была окружена колючей проволокой от дерева к дереву. Эту проволоку можно было легко перешагнуть или прорезать, тем не менее она была. «Смотри, колючая проволока, — сказал Джон. — Металлические ворота… Предупреждающие знаки…» На воротах висели шесть знаков. предупреждающих о юридической ответственности за посягательство. Когда подходишь к воротам, нужно протянуть руку и нажать на кнопку на коробке. В доме раздается сигнал, и дверь, в зависимости от настроения Спектора, может открыться или нет. Я нажала кнопку, и ворота раскрылись. «В пасть дракона», — весело сказал Джон, когда мы въезжали в ворота.

У этого дома, как и у многих особняков в Л. А., не было первого этажа. Дворецкий Спектора провел нас по мрачному коридору в полутемную гостиную, где провозгласил в пустой комнате о нашем прибытии.

Мы сели и стали ждать. Я почувствовала

беспокойство. Джон заметил это. «Может быть, Фил в ванной», — сказал он. Мы подождали еще. «Фил любит держать тон, — объяснил Джон. — Ему нравится, когда его ждут. Это его стиль.» Но через пятнадцать минут забеспокоился и Джон. Мы уже собрались уходить, когда вдруг увидели Спектора, спускающегося по лестнице. Джон, вскочив, пожал ему руку. «Ты помнишь Мэй?» — сказал он ему. Я протянула спектору руку. Он, однако, не подал мне руки. Вместо этого он отступил назад и сердито сказал Джону: «Она из конторы Клайна. Я узнал ее. Как можно доверять ей?»

«С ней все в порядке, Фил», — ответил Джон.

Спектор уставился на меня. «Со мной все в порядке, Фил» — сказала я тихо. Спектор глядел на меня в упор. «Почему я должен доверять тебе?» «Ты можешь верить мне.» — сказала я. «Ничего не знаю. С чего мне доверять тебе?» «Я же говорю тебе, — сказал Джон, — что ты можешь верить ей.» «Но она работает на Клайна. Ты что, не понимаешь? Я видел ее у Клайна.»

«Теперь она работает со мной. Ей можно верить.»

«Но она может быть связана с Клайном. Ты связана с Клайном?» — спросил он.

«Нет.»

«Фил, я хочу кое о чем поговорить с тобой», — отрывисто сказал Джон.

«Ты хочешь разговаривать со мной при человеке, которому, может быть, нельзя доверять? Что это с тобой?»

«Фил, сядь.» — оборвал Джон.

Фил посмотрел на меня. На его лице было какое — то загадочное выражение. Он отнесся ко мне очень враждебно. Он должен был бы знать, что хоть я и работала на Аллена Клайна, я не могла быть посвященной в какую — либо секретную информацию.

Было так, словно он двигался в отблесках гнева, страха и драмы. Спектор здорово подействовал мне на нервы, и я изо всех сил старалась не обращать на него внимания.

Джон же, напротив, был чрезвычайно терпелив с ним. Он допускал, что гений Спектора шел рука об руку с его непредсказуемостью. Как это ни парадоксально, он расслабился в присутствии Спектора. Когда он был со Спектором, он не беспокоился о том, что ждут от него, потому что если в комнате был Фил, невозможно было

уделять внимание кому — либо еще.

Джон объяснил, что хочет записать подборку своих любимых стареньких вещей и хочет, чтобы Спектор был продюсером этого альбома.

«Кто будет руководить этим альбомом?» — спросил Спектор.

«Ты.»

«Я буду полностью контролировать процесс?»

«Да, да. Ты будешь. Я хочу быть певцом в группе».

Спектор молчал. «Другими словами, — наконец сказал он, — у меня полный контроль.»

«У тебя полный контроль.»

Спектор уставился на меня, пытаясь определить мою реакцию. «Мы должны подумать, какие выбрать песни, — сказал он. — А затем начать подбирать музыкантов. Я с тобой свяжусь потом.»

«Значит, ты берешься за это дело?» — сказал Джон, сияя.

«Только если у меня полный контроль.»

По дороге домой Джон не скрывал своей радости.

«Ты слышала, — говорил он мне. — Фил будет делать этот альбом.»

Меня беспокоил «полный контроль» Спектора Тем не менее, я уже видела, как Джон записывал «Imagine», «Some Time In New York City», и особенно близко, «Mind Games». Хотя у него и были моменты нервозности, он всегда знал, что делает. Я всегда старалась не беспокоиться.

В ту ночь Джон рассказал Йоко, что Спектор согласился делать альбом, и что он дал ему право контроля. На следующее утро, во время одного из ее звонков, я услышала, как Джон резко говорит: «Когда ты хочешь делать рок — н-ролльный альбом, надо идти по самому лучшему пути! А Фил — самый лучший!»

После обеда Джон, после множества попыток, дозвонился до Спектора. Спектор, видимо, был наполнен диким энтузиазмом, а Джон был в восторге. «Это будет конец всему, — сказал он Джону. — Это будет величайший альбом. Малыш, это будет классика. Вот, что это будет — классика. А теперь ни о чем не беспокойся.»

От имени Джона я позвонила финансовому директору Кэпитол Рекордз и сообщила ему о планах Джона. В таких случаях обычно составлялся бюджет

альбома, затем бронировали время работы в студии, и нанимали музыкантов и представляли смету фирме. конечно, все интересовались расходами, но в начале 1970–х музыкальная индустрия переживала небывалый бум. На популярных альбомах можно было нажить целое состояние, и когда в деле участвовали такие суперзвезды, как Джон, деньги просто текли рекой. Ни одна звукозаписывающая компания не стала бы ограничивать деятельность такого артиста, как Джон, если только он не станет расшвыривать сотни тысяч долларов без какого — либо видимого результата. Я знала, что Кэпитол оплатит счета по новому альбому Джона безо всяких вопросов. Все же я считала, что, поскольку мы держим домашний бюджет, мы не должны бездумно тратить деньги в студии.

Я позвонила в офис Спектора и поговорила с его секретаршей. В конце концов, после многих попыток, я дозвонилась до Спектора. «Я раньше уж составляла контракты альбомов Джон, — сказала я ему, — и я готова снова заняться этим. Мы можем посидеть вместе и составить бюджет альбома.»

«Все сделают в моем офисе», — сказал Спектор.

«В те дни музыкантов нанимали за плату в девяносто долларов за три часа записей. Необходимо было заполнять платежные ведомости и направлять соответствующую информацию в налоговую службу союза музыкантов.

«Если вы скажете, кого хотите нанять, я могу заключить договоры с музыкантами и позаботиться о документации», — сказала я.

«В моем офисе позаботятся о музыкантах.»

В то время студия стоила сто пятьдесят долларов за час. Когда работаешь неэффективно, эти расходы могут вылиться в астрономическую сумму.

«Я могу забронировать время в студии», — вызвалась я добровольно.

«Мы об этом позаботимся.»

«Когда придут счета, я могу изучить их и потом отправить в Кэпитол.»

«Мы сразу отправим счета по почте. Ни о чем не беспокойся.»

Мне ничего не оставалось, как позвонить в Кэпитол Рекордз и сказать, что наши счета придут прямо из офиса Спектора.

Джон слышал мои разговоры по телефону и посмеивался. «Ты не привыкла к полному контролю, — сказал он. — Ты из тех, кто любит делать всю работу. А тебе нужно просто сесть и расслабиться.»

Тем временем вокруг стали поговаривать о том, что Спектор и Джон собираются записать альбом из классики рок — н-ролла, и что Спектор решил приглашать на записи в качестве гостей всех лучших музыкантов Лос — Анджелеса. Когда эти слухи расползлись по городу, все решили, что они должны играть на этом альбоме. Нам стали звонить разные друзья, желавшие играть с Джоном и желавшие порекомендовать также своих друзей. Джон посылал их к Спектору. Затем он спрашивал Спектора, как идут дела, а тот ничего ему не говорил.

Джон был в восхищении от игры Спектора. Его молчание еще больше подогревало любопытство и энтузиазм Джона. Тем не менее он настоял, чтобы играть на барабанах наняли его любимого Джима Келтнера. Он также сказал Спектору, что хочет задействовать своего собственного инженера, Роя Сикалу. Несмотря на свой полный контроль, продюсер охотно согласился с выбором Джона. Тогда я поняла, что Спектор так же загорелся этим альбомом, как и Джон. С облегчением я немедленно занялась вызовом Сикалы из Нью — Йорка. После этого я действительно смогла расслабиться. Независимо от того, что делал Спектор, Джон окружал себя своим музыкальным «семейством», — чрезвычайно умелыми людьми, любившими Джона, верившими Джону, который сам и любил и верил им.

Затем Джон решил нанять гитариста Джесси Эда Дейвиса, и тот вечером пришел к нам, чтобы обсудить альбом.

«Он плохо на меня действует», — сказала я Джону, когда тот ушел.

«Фанг Йи, — ответил Джон тоном школьного учителя, поучающего среднего ученика, — он может сыграть на гитаре все, что угодно. Он охуевающе изумительный гитарист. Как это такой человек может на тебя плохо действовать?»

Между тем Йоко продолжала осыпать нас своими звонками — раз пятнадцать в день — с враждебными выпадами против Спектора. Однако никакие ее слова не могли повлиять на энтузиазм Джона. Йоко напомнила ему, что Спектор, после того как они два раза провели у

него в гостях, прислал им счет.

«У Фила есть чувство юмора», — ответил Джон.

Она сказала ему, что не следует доверяться Спектору, потому что за его домом следят. «Он чертовски клевый продюсер», — ответил ей Джон.

Как — то поздно ночью она разбудила нас и спросила Джона, как он может доверять кому — либо, кто носит револьвер, как это делал Спектор.

«Он никогда ни в кого не стрелял, — обрубил Джон. — Кроме того, я уверен, что он заряжен холостыми». И Джон повесил трубку.

Все эти проблемы — таинственность Спектора, предположения Йоко о Спекторе, мое неудовольствие Джесси Эдом Дейвисом — на Джона не имело воздействия. Он был весел и с нетерпением ждал начала работы, чему я была очень рада.

Джон и Спектор стали договариваться по телефону о том, чтобы назначить ряд общих сборов для обсуждения альбома. Было трудно застать Спектора, когда же вы заставали его, было трудно заставить его принять решение. Для того, чтобы назначить первый сбор, понадобилось четыре или пять звонков. Затем Спектор передумал, и снова надо было звонить три — четыре раза. Спектор отказывался выходить из дома до заката солнца и настаивал на возвращении домой до восхода. Мы с Джоном прозвали его Вампиром.

Однажды в тот период, когда Джон встретился с Гарольдом Сидером, этот юрист сказал нам, что снова возникли проблемы с музыкальным издателем Моррисом Леви. Леви подал в суд на Джона, обвинив его в том, что когда Джон написал «Come Together», он содрал одну строчку из песни Чака Берри «You Can't Catch Me», которая была опубликована издательской компанией Леви.

«Замните это дело, — сказал Джон Гарольду. — Выясните, чего он хочет от меня.»

Леви потребовал, чтобы Джон включил в свой новый альбом три песни, опубликованные его издательством. «Это просто, — сказал Джон. — Он же опубликовал кое — какие величайшие старые вещицы.» Он начал просматривать каталог Леви, чтобы найти песни, которые он хотел сделать на альбоме Спектора.

Найденные вещи они обсуждали со Спектором во время своих вечерних встреч; когда Спектор приходил,

он проявлял огромное возбуждение. Как только он входил, его энтузиазм так заражал вас, что вы забывали, что он опоздал. «О, старина, — снова и снова повторял Спектор, — это будет величайшая вещь. Это будет охуевающая вещь. Я не могу поверить в это. Я не могу поверить, как велика она будет.» Джон и Спектор походили на пацанов, подзадоривающих друг друга, и Джон, сидя, внимательно слушал ходившего из угла в угол Спектора, рассказывающего об истории рок — н-ролла, о голливудской жизни и последние слухи о самых видных студийных музыкантах Лос — Анджелеса.

В конце концов они переходили к обсуждению материала. После того, как достигалось соглашение о выборе песни, они проигрывали ее на гитарах и разрабатывали основу и аранжировку исполнения. Они договорились в первый вечер записать основные партии «Bony Moronie», хит Лэрри Вилльямса 1957 года, а во второй вечер — «Angel Baby», хит Роузи Энд Ориджиналз.

Один или два дня спустя после очередного звонка Йоко, Джон повесил трубку и повернулся ко мне со смущенным выражением лица. Он уже что — то хотел сказать, когда телефон снова зазвонил. «Я не знаю, кто это», — услышала я слова Джона. Звонки продолжались, и я видела, как он все больше и больше раздражался от игры Йоко «Угадай кто?».

«Что она хочет?» — наконец спросила я его.

«Йоко говорит, что хочет пойти с кем — то. С кем — то, от кого она без ума. Она не говорит мне, кто это. Что ты об этом думаешь?»

Мы начали перебирать различные имена. «Держу пари, Это Дейвид Спинозза», — сказал наконец Джон, имея в виду молодого гитариста из группы Йоко, которого она назначила продюсером своего нового сольного альбома.

Джон взял телефон и позвонил ей, чтобы высказать свою догадку. Похоже было, что Йоко не возражала.

«Ты не огорчен?» — спросила я его, когда он отошел от телефона.

«Я хочу Йоко счастья, — ответил он. — Я не хочу, чтобы она была одна. Больше всего я боялся, что она никого не найдет.» Он помолчал. — «Я просто хочу, чтобы она была счастлива».

Через несколько минут Йоко позвонила снова, и я

взяла трубку.

«Мэй, выйди в другую комнату. Мне нужно поговорить с тобой.»

Я сделала, как мне велели. Джон не возражал. Он был рад, что Йоко отвязалась от него на время.

«Да, Йоко," — сказала я, взяв с напряжением трубку.

«Что с тобой такое?» — прошептала она.

«Ничего».

«Я разочарована в тебе. Я просто в шоке.»

«Почему?»

«Я думала, что ты понимаешь. А ты просто не понимаешь.»

«Не понимаю, о чем ты говоришь.»

«Это ты сказала Джону о Дейвиде. Это меня просто разозлило. Я очень расстроена.»

Я достаточно хорошо знала Йоко, чтобы понять: что бы я не говорила, у нее было настроение задать мне жару. ЗАщищаться значило бы только подливать масло в огонь.

«Ты не понимаешь, как я расстроена? Ты расстроила меня. Ты ничего не понимаешь.»

Я молчала.

«Ты ничего не понимаешь.»

«Да, видимо, я не понимаю.»

«Ты что, не знаешь, что это не твое дело — давать Джону какие — либо сведения? Эти сведения должны идти от меня. Ты занимаешься не своим делом».

Она держала меня на телефоне, выговаривая за самодеятельность, за то, что лезу не в свое дело, что не оправдываю ее доверия.

После того, как я повесила трубку, она снова продолжала звонить и настаивать на конфиденциальном разговоре со мной. Во время этих разговоров она продолжала свою безжалостную экзекуцию, пока не убедилась, что я больше никогда ничего не скажу Джону до тех пор, пока не согласую это с ней. Джон не обращал на все это внимания. «Эта ебучая Йоко, — сказал он. — Она не знает меры.» И Джон просто отмахнулся от всего, что произошло.

Позже он сказал мне: «Представь, что она начнет с Дейвидом Спиноззой, когда будет с ним в студии». Он помолчал — «Может, она думает, что у нее может быть Дэйвид, а у меня — ты, и все мы можем жить в Дакоте, и никто ни хуя не узнает.»

Я задумалась над тем, что Джон мог случайно набрести на истину, а потом поняла, что сама я, наверное, никогда не узнаю эту истину.

* * *

Таким образом, наш «тихий» отдых в Лос — Анджелесе начал «разогреваться». В тот уик — энд мы съездили в Лас — Вегас с Эллиотом Минцем, чтобы посмотреть Фэтса Домино, который играл в отеле Фламинго. Назад ехали вместе с Тони Кингом и его другом, композитором Майклом Хейзелвудом, остановившись по пути в заброшенном городе с привидениями в пустыне. Мы побродили вокруг и пофотографировали друг друга в жутких позах. Лас — Вегас и этот город с привидениями походили на два различных по типу кладбища, и оба действовали нам на нервы.

На следующий вечер Эллиот повез нас и своего друга Сэла Минео в одну занятную дискотеку/кабаре. Джон был поглощен тем, что творилось вокруг него. Его занимали всякие сексуальные штучки и слухи о том, кто с кем спит, кто ведет беспутную жизнь, а кто правильную. Джон не осуждал гомосексуализм, но его очень интересовало, кто «голубой», а кто — нет.

Он знал, что его появление в этом увеселительном заведении может повлечь слухи о его собственной гомосексуальности, и это его забавляло. Он рассказал мне, что когда — то ходили слухи о нем и его первом менеджере Брайане Эпстайне и что он всегда отрицал это. Ему нравилось, что людям щекотало нервы подозрение о его мужественности. Тогда стала смеяться и я. «Как это может кто — либо поверить, что мужчина, так не равнодушный к женщинам, как ты, может быть «голубым»?» — сказала я ему.

После шоу мы вернулись в квартиру Минео. Меня мучила жажда, и Минео сказал мне заглянуть в холодильник.

Там ничего не было кроме бутылки с амил — нитритом.

Минео сказал Джону, что знаком с Эвой Гарднер. «Я ее настоящий поклонник. Я люблю Эву», — взволнованно сказал Джон.

Минео пошел к телефону, позвонил в Лондон, разбудил Гарднер и сказал, что с ней хочет поговорить Джон. Джон взял трубку. «Эва, это ты? Эва, я считаю тебя прекрасной актрисой. Я видел все твои картины. Боже, неужели это действительно ты?» Они поговорили минут пять, после чего взволнованный Джон передал трубку назад Минео.

* * *

Когда на следующий день я позвонила маме, она сказала, что меня уже несколько дней разыскивает Арлин Рексон. Она оставила свой телефон в Вудстоке. Я подумала, что было похоже на то, будто я исчезла. Я позвонила Арлин.

«Мэй, где ты? Что происходит?» — спросила она.

Я объяснила, что Джон неожиданно решил поехать записываться в Лос — Анджелес и попросил меня поехать с ним. Я не сказала ей, что мы состояли в связи.

«Что ты делаешь?» — спросила она.

Я объяснила, что у Джона ограниченный бюджет и что Джон, как Арлин знает сама, ничего не делает сам. Я перечислила свои обязанности: хождение за продуктами, приготовление пищи, уборка дома, ответы на телефонные звонки, расписание встреч, координация перевозок, работа с корреспонденцией и планирование общественной деятельности Джона. Я также рассказала ей, что через два дня мы идем в студию и начинаем записывать новый альбом Джона.

«И все это ты делаешь сама?» — спросила Арлин.

«Я же сказала тебе.»

«Я хотела бы съездить куда — нибудь и мне бы хотелось увидеться с тобой. Почему бы мне не приехать? Я сама заплачу за полет и буду помогать вам по дому.»

Я любила Арлин. Кроме того мне не хватало подруги и нужна была помощь. «Дай мне обговорить это с Джоном», — ответила я.

Джон согласился с этим предложением, и я позвонила Арлин сказать, что мы ждем ее.

Когда на следующий день она приехала, мы обнялись, как давно потерявшие друг друга. «Я так рада видеть тебя, — воскликнула она. — Я очень скучала по тебе.» Я провела Арлин в гостиную, чтобы она поздоровалась с Джоном. Ту же зазвонил телефон. «Это Йоко, — нервно сказал Джон. — Ничего не говори. Я не хочу, чтобы она знала, что ты здесь.»

Арлин была явно озадачена. Она не знала, что Джон обещал Йоко, что у на с не будет гостей.

В тот вечер к нам приехал Спектор, чтобы в последний раз встретиться с Джоном до начала записей.

Когда Джон представил Спектору Арлин, тот настоял, чтобы она присутствовала во время их встречи. Арлин изо всех сил старалась быть внимательной, но непрестанное шатание Спектора по комнате нервировало ее. Она стала делать глазами знаки Джону. Он заметил, что ей нехорошо.

«Спасибо, Джон, — Арлин вылетела из комнаты, и я последовала за ней. Мы уселись в кухне, достаточно далеко от Спектора, чтобы его голос слышался лишь как глухой рокот.

Затем я отвела Арлин в ее комнату и пошла спать. У меня всегда чуткий сон, и я проснулась, как только Джон забрался в постель рядом со мной.

«Вампир уже ушел домой?» — пробормотала я.,

«Да», — засмеялся Джон и начал нежно целовать меня.

«Ну и как вы там?»

«Фил говорит, что это будет великая вещь.»

«Будет.»

«Фанг Йи, это будет величайшая вещь, — сказал Джон с энтузиазмом. — Этот альбом будет великим!»

«Я знаю, что Фил — крутой, — говорил Джон Йоко, — но дело того стоит. Я говорю тебе, я знаю, что все может случиться. Без этого не обойтись… Я люблю таинственность, Йоко, люблю!»

В первый день записей Джон, как обычно, был взволнован и напряжен. Йоко звонила уже три раза, снова высказывая свои сомнения о Спекторе. Я дивилась, почему Йоко именно в этот день решила еще раз сказать Джону, что он, возможно, совершает ошибку. Джон повесил трубку и повернулся ко мне. «Фанг Йи, как ты думаешь, я все правильно делаю?» Он внимательно посмотрел на меня, желая, чтобы его успокоили. «Нельзя пропускать эту запись, — сказала я спокойно. — Пошли. Сегодня отличный день. Давай посидим возле бассейна. «Я готовила завтрак, когда Йоко позвонила снова. В то утро она решила, что настало время, чтобы ей снова записываться, и хотела обсудить свой новый альбом с Джоном. «Йоко расстроена, — сказал мне Джон после разговора. — Она хотела сделать двойной альбом, я сказал ей, что не могу себе этого позволить. Гарольд предупредил нас обоих насчет денег. Сейчас не время делать альбом за сто пятьдесят тысяч долларов, который никто не купит.»

«Ты не хотел бы прокатиться?»

«Нет, я хочу посмотреть телевизор.»

Йоко позвонила снова. «Ты не поверишь, — сказал Джон, отойдя от телефона. — Она забронировала выступления в Кенниз Каставейз. Собирается начать в конце месяца. Надеюсь, у нее будут не слишком высокие сборы.» Затем он пожал плечами. «Мне не хочется видеть Йоко обиженной, но ты можешь догадаться, какими будут отзывы в прессе». Потом он засмеялся: «По меньшей мере она сможет провести остаток месяца, сводя с ума своего «музыкального директора», в то время как я делаю свой альбом.» «Музыкальным директором Йоко должен был быть Дейвид Спинозза.

После обеда позвонил инженер Джона, Рой Сикала, и сказал, что задерживается. Барабанщик Джим Келтнер позвонил, чтобы сказать, что предвкушает удовольствие от предстоящей в этот вечер работы. Позвонил Тони Кинг и пожелал удачи Джону. Джон смеялся и шутил с каждым из них. Спектор отказался сообщить Джону о подробностях предстоящей записи, и любопытство Джона достигло высшей степени. Он спрашивал всех звонивших о том, что тот думает о планах Спектора на этот вечер и сколько музыкантов он приведет в студию. Каждый отвечал примерно одно и то же: будь готов ко всему. Под самый вечер мы вместе смотрели телевизор. «Мне не о чем беспокоится», — сказал Джон во время рекламы. Затем он сказал: «Там будет Джим, и у меня свой инженер. Так что, все, что мне нужно делать — это петь и не волноваться.» Он посмотрел на меня, ожидая одобрения, и я кивнула головой в знак согласия. Джон засмеялся. «У меня есть девушка по имени Бони Марони…», — игриво запел он мне.

Позже позвонила Йоко. Она хотела рассказать Джону об астрологе, с которым решила посоветоваться, и он выслушал ее с интересом. Вдруг он оборвал: «С Филом все будет в порядке». Что бы не говорила Йоко, настроение у Джона не портилось. Вечером мы начали собираться. Джон подошел к бару и набрал фляжку водки из большой бутылки на полке и засунул ее в свою наплечную сумку. Он заметил мой удивленный взгляд. «Мне необходима предосторожность, Фанг Йи, — сказал он несколько робко, а затем, пытаясь успокоить меня, добавил: — Я, возможно, немного выпью, чтобы расслабиться». Я обняла его, и мы постояли так, крепко

обвив друг друга руками.

Арлин, весь день выполнявшая поручения, присоединилась к нам, и мы все уселись ждать Эллиота, чтобы тот отвез нас в студию. Джону очень нравилась Арлин, и с того времени, как она стала жить с нами, он приглашал ее на все мероприятия. Мы были тремя приятелями, с удовольствием проводившими время вместе.

В шесть тридцать просигналил Эллиот, и Джон ломанул в дверь. Зазвонил телефон. Я была уверена, что это Йоко. Джон не слышал, потому что уже садился в машину. Я оставила телефон звонить.

«Будет не более восьми музыкантов, — уверенно сказал Джон, когда мы поехали по бульвару Сансет. — Всегда, когда мы раньше работали с Филом вместе, было не более восьми.»

Наш автомобиль попал в час пик, и у нас было время рассматривать рекламные щиты над бульварами. Мы шутили над каждым из них. «Я представляю себе новый альбом Джона Леннона здесь наверху», — сказала я Джону, и мы все засмеялись.

«Йоко думает, что это будет альбом одного Фила Спектора к тому времени», — ответил Джон.

Наконец мы подъехали к студии А и М Рекордз, где мы должны были записываться. У ворот стояла кучка фанов, и они помахали Джону, когда мы проезжали. Он с неудовольствием передернулся. Джон не выносил неожиданного вмешательства в свою частную жизнь. «Как они узнали, что я здесь? — спросил он. — Это просто удивительно, еби их. Я не понимаю этого.»

«Я позабочусь об охране.» Мы оба привыкли к работе в Рекорд Плант в Нью — Йорке, где все считали своим долгом охранять Джона так, чтобы запись проходила без помех.

У ворот Эллиот объявил охраннику: «Это Джон Леннон».

«Куда вы идете?» — спросил охранник.

«Это Джон Леннон», — повторил Эллиот.

«Скажи ему, что на запись к Спектору», — сказал Джон, подумав, что Спектор, вероятно, сказал охраннику не пропускать в студию никого, если только не сошлются на его имя.

«Почему нет списка?» — спросила я, подумав о Рекорд Плант в Нью — Йорке с его простыми и

эффективными порядками.

«Да, почему нет?» — ответил Джон, пожав плечами.

«Студия А, — объявил охранник. — Вам направо. Он поднял ворота, и мы въехали во двор. Бывшая сначала студией Чарли Чаплина, эта звукозаписывающая компания отремонтировала деревянные здания в два этажа, построенные еще в 1920–х годах, но выкрасила их в довольно темный сверкающий цвет. Монотонная монохроматическая поверхность давала странный эффект: здания выглядели так, словно А и М Рекордз не была настоящей, а просто декорацией к фильму.

«Очень по — голливудски, — сказал Джон, когда вышел из машины и осмотрелся. — Очень по — голливудски.»

Как только мы вошли в студию А, мы сразу увидели Роя Сикалу и его ассистента, Джимми Йовина, которого Рой взял с собой из Нью — Йорка. Он помахал нам. Мы также увидели за барабанами Джима Келтнера. Студия, очень большая, была оборудована для восьми музыкантов. Джон вошел в контрольную кабину поприветствовать Роя и Джимми. «Это наша студия? — спросил он. — Кто — нибудь еще пришел?» Сикала пожал плечами. Он так же ничего не знал, как и мы. Джон оглядел сложное оборудование: стерео — магнитофон, многодорожечный магнитофон, микшер. Затем он вышел из кабины. Один за другим в студию вошли саксофонист и трубач.

«Похоже, у нас сегодня будет настоящая духовая секция," — сказал Джон.

Подошли двое ассистентов и представились. После рукопожатий они отошли в сторону, и переговариваясь, разглядывали Джона. В Нью — Йорке во время записей почти не было посторонних. Если возлюбленное чадо продюсера горело желанием посмотреть, как Джон записывается, оно должно было тайком проскользнуть в студию и не высовываться, если только с ним не заговорят. В Лос — Анджелесе же каждый такой ребенок вел себя, как твой старый забытый друг. Посетители все прибывали, мотались и уходили. Я подошла к студийным ассистентам. «Что происходит?» — спросила я, но они сказали, что лишь Спектор властен закрыть студию.

«Да это же Стив Кроппер!» — шепнул Джон. Он заулыбался легендарному гитаристу из Мемфиса, и было

видно, что он рад присутствию Кроппера на записи. Один за другим, музыканты заполняли комнату, и Джон отмечал среди них Леона Рассела, Барри Манна, Джеффа Варри, Пита Кандоли, Лэрри Карлтона. Джон откинулся спиной к стене, восхищенный собранной Спектором группой. Он был взволнован и нервозен. Затем прибыл Джесси Эд Дейвис. Он посмотрел вокруг и сказал Джону: «Похоже, что будет хорошая вечеринка». Джесси озорно улыбнулся.

В течение получаса в студию набилось двадцать семь музыкантов, а оборудование было установлено для восьмерых. Здесь были хиппи, мужчины среднего возраста, легенды рок — н-ролла и студийные музыканты Лос — Анджелеса. Никто из них не знал ничего.

«Где же Фил?» — все спрашивал Джон. «Где Фил?» — спрашивали все остальные. Однако все знали, что Фил, любивший театральные выходы, будет ждать, пока не соберутся все.

И точно: как только пришел последний музыкант, внезапно появился Спектор. Через плечо у него висел пистолет. Его телохранитель Джордж шел сзади. Спектор поприветствовал всех и сказал: «Давайте устанавливать».

Обычно рабочие места устанавливают до начала записи. Студийное время никогда не тратят на это. Где же были ассистенты Спектора? Мне было странно. Если таким было только начало, подумала я, то на выпуск этого альбома уйдет целое состояние.

«У него нет Мэй, которая позаботилась бы о деталях», — сказал Джон, когда мы смотрели, как студийные ассистенты заметались вокруг в поисках двадцати семи стульев и двадцати семи стоек.

«Он не заслуживает этого», — ответила я.

В то время, как ассистенты расставляли стойки и инструменты, Спектор прохаживался по студии, давая советы музыкантам. На установку ушло изрядно времени, ибо никто кроме Спектора не знал, что будет двадцать семь музыкантов. Наконец оркестр занял место, и каждый был оснащен партитурой. Джон, просто вокалист, сел с края.

«Давайте попробуем», — сказал Фил. Он взял гитару и сыграл «Бони Марони» в самой простой форме. Не было абсолютно ни одного пассажа. Когда Спектор кончил, он выдержал короткую паузу, а затем сказал:

«Вот так. А теперь давайте сыграем все вместе». Все сыграли эту песню в такой же простой форме.

Некоторые музыканты понимающе переглядывались. Они уже играли раньше со Спектором и знали, что он творил свое волшебство в контрольной кабине, беря простое исполнение мелодии и с помощью студийного оборудования превращал ее в нечто такое, что звучало гораздо более возбуждающе и сложнее, чем когда музыканты играли при основной записи. Музыканты же, не игравшие ранее со Спектором, выглядели смущенными и ждали от него указаний. «О'кей, то что надо», — сказал он и пошел в контрольную кабину, оставив всех ждать в студии, пока он энергично обсуждал что — то с двумя инженерами. Через двадцать минут он попросил ритм — секцию сыграть «Бони Марони». Были задействованы семеро музыкантов — три гитариста, два барабанщика и два клавишника, в то время, как двадцать других, включая Джона, оказались совершенно без дела. Ритм — секция проигрывала тему снова и снова. Трубач бросил счет после десятого или пятнадцатого раза. Ни одну запись не проигрывали, никто не получал никаких указаний. Ничего не объясняя, стараясь держать всех в смущении и на грани, обращаясь со всеми, как с машинами, а не с людьми, Спектор создавал атмосферу бедлама и путаницы, от которой он один испытывал подлинное удовольствие. Тем не менее никто не жаловался. Мифический характер сотрудничества между Джоном и Спектором, а также талант и слава участвующих музыкантов производили такое впечатление, что каждый старался изо всех сил.

Тем временем, в контрольной кабине, Спектор был занят тем, что создавал свою легендарную «стену звука». К тому времени, когда он закончит, ритм — секция, струнные, специальные эффекты, духовые и вокал Джона сольются вместе в то, что сам Спектор называл «приливной волной звука мощностью, достаточной, чтобы слушатель улетел».

Те музыканты и работники студии, которым он особенно симпатизировал, могли входить в кабину и смотреть на работу мастера. Все остальных Спектор прогонял криком. Джон спокойно наблюдал.

«Вот так он и делает свою стену звука, — сказал он мне. — Медленно, очень медленно.» Он был в восхищении от работы Фила. Медленно, кропотливо

Спектор подлаживал звучание каждого инструмента в ритм — секции. Он экспериментировал с громкостью, заставляя каждый инструмент звучать на полную катушку, а затем уменьшая звук и смотрел, каков новый эффект, когда он наконец определялся с громкостью, он удваивал или утраивал эхо, соединяя вместе все инструменты и накладывая эхо на новое образование. Всю дорогу он прикладывался к бутылке бренди.

Джон тоже пару раз выпил, но алкоголь, похоже, не подействовал на него. Он слишком напряженно старался быть в хорошей форме. Этой ночью партию вокала записывали последней, и Джон хотел быть на высоте.

Я стала размышлять, для чего Спектор нанял самых лучших музыкантов, чтобы играть простую партию снова и снова. Но вскоре я поняла, что каждый раз, когда они играли, неизбежно появлялись какие — то тонкие вариации. Из этих нюансов Спектор и строил свою стену звука. Мне было удивительно, зачем ему нужно бесконечное повторение основы. Инженер отметил, что такого же эффекта можно было достичь с помощью электроники, но он был бы лишен специфического звучания Спектора.

Джон засмеялся, увидев, как я хмурюсь от того, что столько музыкантов слоняются без дела. Мы оба знали, что в более обычных условиях эти игроки могли проработать три часа и записать все свои партии в альбоме.

«Выключи калькулятор в своей голове, — сказал Джон со смехом. — «Все покроет конечный результат.»

Наконец Спектор удовлетворился ритм — секцией. Он собрал вместе духовиков. Саксофонист, потом трубач, а потом тромбонист прорепетировали свои партии. После этого он вернулся в кабину и приказал начать саксофонам. Саксофоны сыграли свою партию пять раз. «Снова», — приказал он. Похоже было, что саксофонистам придется играть «Бони Марони» до бесконечности. Они, однако, не жаловались.

В это время в студию заглянула Джони Митчелл. Она записывалась в соседней студии и решила навестить Спектора. Она уселась рядом с продюсером и стала смотреть, как он работает. Время от времени она посматривала на Джона и похотливо улыбалась. Было видно, что она флиртует с ним, и он был смущен этим. Поглядывая на Джона, она поворачивалась к Спектору и

задавала ему вопросы по его работе. Продюсер бегло отвечал ей, а она говорила ему, что он ошибается. Это только еще больше злило его. Пока Спектор спорил с Джони Митчелл, запись остановилась. Наконец она ушла, и работа возобновилась.

И вот в три часа утра, через шесть часов после того, как мы начали, всех музыкантов снова собрали вместе, чтобы сыграть «Бони Марони», как это было в начале записи, а Джон пел вокальную партию.

Джон подошел к микрофону. «Я пою для Мэй, — объявил он. — Иди сюда, Мэй, я хочу петь тебе.» Я вошла в кабину и села рядом с Джоном. Я даже не подумала о предписании Йоко. Мне было приятно, что Джон будет петь для меня. «Я люблю тебя, Мэй», — сказал Джон. Затем он надел наушники. «Включайте запись», — сказал Спектор. Опытный певец, Джон записал вокальную партию менее, чем за полчаса.

«Проиграйте», — сказал Спектор.

Все слушали с напряжением. К тому времени мы все так выдохлись, что любая запись показалась бы нам чудесной.

«На сегодня все», — сказал он, и первая ночь в студии закончилась.

Джон ликовал. Я тоже была счастлива и чувствовала облегчение.

«Слушай, Мэй, — начала Йоко по телефону рано утром, — Я слышала, что прошлой ночью вы в студии держались за руки.» У нее, должно быть, были повсюду шпионы, и я чувствовала себя, как в фильме о самураях. «Ты же знаешь, что тебе нельзя этого делать.»

Я не хотела, чтобы Джон расстроился из — за нее, и сказала: «Я позабочусь об этом впредь». Джон еще спал, и Йоко сказала, что позвонит снова. В течение дня они с Джоном периодически разговаривали, но, что бы она ни говорила ему, он оставался в приподнятом настроении.

В тот вечер Спектор пришел к нам поработать над «Ангел Беби», которую они с Джоном планировали записывать на следующую ночь. То что у них не был спланирован весь альбом, и они работали от одной вещи к другой, казалось мне неэффективным, но Джон только смеялся надо мной. Они со Спектором наслаждались этими вечерами — вечерами, дававшими Джону возможность балдеть от фиглярства Спектора.

Перед второй ночной записью Джон снова налил

себе фляжку водки. Он посмотрел на меня. «Тебе вовсе не нужно подстраховываться», — шутя сказала я.

«Да… но я все таки возьму с собой глоток.»

Когда Джон, Арлин и я вошли в студию, атмосфера там была несколько иная, нежели в первую ночь. Загадочность и неопределенность первой ночи исчезли, все знали, что впереди — долгий, изнурительный вечер. Музыканты, общавшиеся в первый раз между собой сдержанно и профессионально, теперь приветствовали друг друга, как старые боевые товарищи, которых вдруг призвали еще раз тряхнуть оружием. Все были слишком расслаблены, слишком веселы.

Когда музыканты собрались, Спектор в сопровождении Джорджа прошел в студию. Он был одет в белый халат хирурга со стетоскопом на шее. Настроение у него было дикое. Он достал свою бутылку «Курвуазье» и сделал глоток. Затем выставил на показ свой револьвер. Все заулыбались и стали перешучиваться. Снова понадобилось устанавливать стулья для оркестра. Спектор дико бегал от одного музыканта к другому, давая наставления по предстоящей работе.

Он пробежался по «Ангел Беби», а затем ее сыграли все вместе. Потом он пошел в кабину работать с ритм — секцией. В первую ночь музыкантам пришлось сидеть, ожидая распоряжений. Теперь же, зная, что ритм — секции предстоит длительная канитель, они встали и пошли в холл. Джон последовал за ними. Вместе с Джесси Эдом Дейвисом они начали по очереди глотать из фляжки с водкой.

«Давай, дарни еще», — говорил Джесси, и Джон повиновался.

«Давай еще», — говорил через несколько минут Джесси. И снова Джесси был в восторге от того, что он может манипулировать Джоном, а Джону нравилось, что у него есть напарник, который вдохновляет его безобразничать.

Затем они пустили фляжку по кругу. Неожиданно музыканты достали свои собственные бутылки. Мы с Арлин переглянулись в предчувствии беды.

Была уже глубокая ночь, а Спектор все продолжал работать с ритм — секцией. Они выглядели изможденными, уставшими, помятыми и отупевшими. «Снова, — приказывал Спектор, — снова.»

Один из музыкантов сказал Джону: «Эй, старина, зачем он позвал нас к семи? Уже одиннадцать, а мы еще ничего не играли. Мы здесь уже четыре ебучих часа!»

Один саксофонист сказал мне: «Кто хочет узнать, что такое ад, пусть послушает «Ангел Беби» сорок раз!»

Тем временем Джон и Джесси продолжали торчать в холле, балуясь водочкой. Пьянство Джона действовало мне на нервы. Он подошел ко мне, ухмыльнулся и поцеловал меня. Потом он поцеловал меня крепче и просунул руку под мою блузку.

«Пожалуйста, не пей больше», — сказала я, вырвавшись, в смущении.

«Почему? Я просто развлекаюсь с ребятами. Тебе не нравится, что я развлекаюсь с ребятами?»

«По — моему, нам надо домой».

«Я еще не спел свою партию.»

«Пожалуйста, давай уйдем отсюда.»

«Ни о чем не беспокойся. Ты просто сиди спокойно, чтобы здесь был кто — нибудь, кто знает, что происходит.»

Джон засмеялся и поцеловал меня в подбородок, а потом, покачиваясь, пошел снова к Джесси.

Когда я увидела, что приехала Джони Митчелл, я встала и пошла в студию. Джон последовал за мной. У нас обоих не было настроения видеться с ней. В студии Спектор работал с духовой секцией.

Вдруг кларнетист встал и положил свой инструмент. Спектор выскочил из кабинета.

«Эй, ты, какого хуя?» — заорал он на музыканта.

«Я потратил уже пять часов на двадцатиминутную работу», — ответил тот.

«Слушай, какие пластинки ты сделал, а? — рявкнул Спектор. — Записывался с такими дешевыми джазистами, как Джил Эванс? А ты знаешь, какие я записал пластинки, дружок? Ронеттс, Кристалз, Айк и Тина! Что ты сделал, а?»

Трубач в ответ тоже заорал на него. Добрых двадцать минут они со Спектором переругивались.

Джон занервничал. Он не выносил, когда люди оскорбляли друг друга. «Пойдем», — продолжала я уговаривать его, но он настаивал на том, чтобы остаться. Пока мы ждали, ждала и Джони Митчелл. Она не сводила глаз с Джона.

Наконец Джон вошел в кабину. «Когда ты

собираешься заняться мной?» — спросил он Спектора.

«Я займусь тобой, займусь тобой», — ответил Спектор, почти не обращая на него внимания.

«Ты займешься мной!» — Джон схватил наушники и хряпнул ими по пульту. Наушники разбились и кусками полетели на пол. Наступила минута зловещей тишины, пока все смотрели на Джона и Спектора.

Затем Джон засмеялся, и его смех снял напряжение.

«Ну и зачем ты это сделал? Ты портишь вещи», — проворчал Спектор.

Когда были записаны духовые и струнные, Спектор собрал всех вместе, и мы с Джоном вошли в кабину. Пока Джон пел «Ангел Беби», я держала его за руку. Как и в тот раз на запись вокала ушло мало времени.

Когда все закончилось, я взяла Джона за руку. Он слегка качался, когда мы выходили из студии. Во дворе он вдруг повернулся, дико посмотрел на Джесси, резко подошел и поцеловал его. Тому показалось это очень забавным. Он наклонился вперед и тоже поцеловал Джона. Джон размахнулся и врезал ему так, что он полетел через автомобильную стоянку.

«Пидор», — закричал Джон.

Я никогда не видела его таким. Глаза у него стали стеклянными, он не видел меня. Вдруг я поняла, что только спиртное давало ему возможность преодолеть свое страстное желание быть управляемым сильной женщиной. Очевидно, ни одна женщина — даже Йоко — не могла справиться с ним, когда он был пьян. Мои нервы были взвинчены, но я не хотела отходить от него.

Я посмотрела вокруг. Эллиот не видел нас. Спектор и Джордж вдруг забрались в одну машину, Рой Сикала закрыл за ними дверь.

«Сюда», — сказал Спектор, затаскивая меня в машину Сикалы, в то время как Джона и Арлин он усаживал и другую.

«Я хочу ехать с Джоном», — сказала я.

«Сюда», — приказал он.

«Делай, что говорит Фил», — сказал Джон пьяным голосом.

«Нет, я хочу ехать с Джоном.»

Мы быстро доедем». Спектор схватил меня за руку и затащил в другой автомобиль.

Было раннее утро, и на дорогах никого не было. Пока мы ехали, я слышала голос Джона в задней

машине. Он кричал вовсю силу своих легких. Сначала он кричал: «Мэй», затем: «Йоко». Снова и снова я слышала, как он кричал: " Мэй… Йоко… Мэй… Йоко…».

Когда мы подъехали к дому, я выскочила из машины. Арлин выскочила из другой и побежала ко мне. Она была очень напугана. «Джон сошел с ума, — сказала она. — Он пытался выбить ногой стекла в машине. Он колотил всех подряд и рвал им волосы. Джим Келтнер пытался сесть на него и придавить, но бесполезно.»

Я увидела, как Джон вывалился из машины, и подошла к нему.

«Пойдем домой», — сказала я, обняв его.

«У него одна кожа да кости, трудно поверить, что он такой сильный, — сказал мне Келтнер. — Я гораздо крупней его, но не смог удержать его. Не могу поверить — он сильнее меня. По — моему он неуправляем.»

«Нам надо уложить его в постель», — сказала я.

«Он слишком пьян, чтобы спать, — сказал Спектор. — Нам надо протрезвить его. Иначе алкоголь внутри него будет все больше и больше сводить его с ума. В таком состоянии он способен на все. Понимаешь? Нам надо протрезвить его. Сделай кофе. Иначе тебе будет плохо.»

«Надо уложить его в постель», — закричала я.

«Сделай кофе! — заорал Спектор. — Делай, что тебе говорят.»

Я сделала кофе, и Спектор попробовал напоить им Джона.

«Что вы здесь делаете, ублюдки? — вдруг закричал Джон. — Вы все козлы.»

«Все нормально, — сказал Спектор. — Все нормально. Пей кофе.»

Хотя Спектор говорил, что он пытается успокоить Джона перед тем, как уложить его спать, все, что он делал, в действительности имело совершенно противоположный эффект. Чем больше кофе пил Джон, тем больше он спорил и шумел. Вдруг я осознала, что Спектор полностью управлял тем, что происходило, так же, как и вовремя записи в студии. Такая же атмосфера враждебности, недоверия и грандиозного бедлама начала воцаряться и в нашем доме. «Уебывай из моего дома», — Джон, качаясь, пошел на Спектора. Он был слишком пьян и нескоординирован, чтобы причинить какой — нибудь вред, но Спектор отпрыгнул, как будто

его атаковали.

«Надо отвести его наверх, — сказал он. — Мы должны уложить его в постель, пока он не натворил чего — нибудь. Хватай его!» — крикнул Спектор.

Джордж схватил Джона за одну руку, а Спектор — за другую. Вдвоем они повели Джона вверх по лестнице. Я пошла за ними. «Не ходи с нами, — драматически сказал Спектор. — Этот человек способен на все. Держись подальше.»

Не обращая внимания на слова Спектора, я продолжала идти за ними. Они поднялись и завели Джона в спальню. Я последовала за ними, но Спектор захлопнул дверь перед моим носом. Вдруг я услышала крик Джона: «Я ничего не вижу. Ты, еврейский ублюдок, отдай мне очки. Я ничего не вижу!»

Я бешено застучала в дверь, а затем попыталась силой открыть ее, но кто — то держал ее с той стороны.

«Что вы со мной делаете? — кричал Джон. — Убирайтесь.»

Я услышала звуки борьбы и поняла, что мне нужна подмога. Я побежала к телефону.

«Куда ты звонишь? — закричала снизу Арлин. — Не в полицию?»

«Ты что, с ума сошла? Я звоню Тони Кингу. Мне нужен здесь человек, которого Джон послушает.»

Пока я набирала номер Тони, крики Джона становились все громче. Я сказала Тони, что Спектор со своим телохранителем находятся в комнате с Джоном, что Джон кричит и что мне нужна немедленная помощь.

Отойдя от телефона, я встала рядом с Арлин. Мы обе были в ужасе от криков. Наконец Спектор и Джордж стали спускаться по лестнице.

«Что вы с ним сделали?» — спросила я.

«Он пнул меня, — сказал Джордж. — Мы его связали.» Спектор вытаращился на меня. «Он был слишком опасен. Мы крепко связали его, так что он никого не тронет и сможет проспаться. Развяжи его утром. Пойдем, Джордж.» Они направились к двери. «Спокойной ночи, — сказал Спектор. — Кстати: не правда ли, это была ужасная ночь?»

После ухода Спектора несколько минут стояла тишина. Мы с Арлин молчали. Мы были слишком напуганы, чтобы подняться наверх. Затем мы услышали, как закричал Джон.

«Развяжи меня, Мэй, черт возьми. Лучше развяжи меня, а не то!»

Крики продолжались еще пять минут. Я не знала, что делать. Мне хотелось помочь ему, но в тот момент я была в панике. Затем я услышала, как Джон заметался и разбилось стекло. Очевидно, он развязал себя и швырнул чем — то в зеркальное оконное стекло в спальне.

«Фанг Йи! — закричал он. — Где ты?» Джон вывалился из спальни и встал на верху лестницы. На нем не было очков. Он разорвал связанные галстуком кисти рук. Два галстука свисали с его ног. Сощурившись, Джон стоял на верхней ступеньке лестницы.

«Йоко! Йоко! — закричал он. — Йоко, ты, раскосая сука, ты хотела избавиться от меня. Это все из — за того, что ты хотела избавиться от меня». Он постоял, затем стал, спотыкаясь, спускаться по лестнице. «Йоко, сейчас я тебе дам.»

У Джона был ночной кошмар. Его брови были покрыты потом, а на губах буквально взбилась пена. Он задрожал, как будто у него начались конвульсии. «Йоко, смотри, что ты со мной сделала», — ревел он, пытаясь сосредоточиться. Униженный и измученный, Джон, похоже, был охвачен смятением. Он стоял, не зная, что ему делать. Потом он застонал. Это был крик раненного зверя. Он посмотрел на меня, но не узнал, он не осознавал, где находится. «Йоко, я доберусь до тебя», — закричал он, слепо глядя на меня. Затем он дико пошел на меня. Никогда в жизни я не была так напугана.

«Джон», — крикнула я. Потом повернулась и ринулась через дверь.

За мной побежала Арлин. Когда я бежала по Стоун — Каньонроуд, на меня чуть не наскочил джип, и водитель резко затормозил. Я же продолжала бежать.

Наконец я добралась до отеля Бель — Эйр. Подбегая к входу, я услышала в ночи голос Джона: «Никто не любит меня! — ревел он. — Я никому ни хуя не нужен! Все только пользуются мной!.. Никто не думает обо мне!» Я надеялась, что никто из соседей не станет вызывать полицию.

Я вбежала в приемную отеля, сказала служащему, что не могу открыть свой дом, и попросила разрешения позвонить. Я позвонила нашим инженерам, Рою и Джимми. «Приезжайте скорей, — закричала я. — Джон обезумел, и я боюсь.»

Выйдя из отеля, мы с Арлин стали прохаживаться взад и вперед по дороге. Я слышала, как вдали кричал Джон. Он посылал ругань в адрес Йоко и Спектора. Он звал меня и кричал: «Почему никто не любит меня?» Я стояла посреди дороги, ожидая Тони. Снова раздался голос Джона, и от ужаса у меня по коже побежали мурашки. Я взглянула на Арлин и покачала головой. В ту прекрасную летнюю ночь все вокруг было таким мирным и красивым, а там Джон кричал, испуская дух, и я ничего не могла сделать.

Наконец я увидела Тони.

«Извини, что так долго, — сказал он. — На бульваре Сансет была жуткая автомобильная авария.»

В этот момент я поняла, что я ненавижу Лос — Анджелес. В этом городе столько безумцев. Послушав крики Джона, Тони сказал, что хочет один попробовать успокоить его. Он посчитал, что мне слишком опасно будет приближаться к Джону в таком его состоянии. Я сказала, что вызвала Роя и Джимми.

«Оставайся здесь, — сказал он. — Я его успокою. А ты жди Роя и Джимми.»

Тони поехал по дороге и увидел Джона возле дома. Джон оторвал большую пальмовую ветвь и держал ее в правой руке, как щит. Ослепленный фарами машины Тони, он прикрыл глаза свободной рукой. Даже издали я видела Джона, который походил на пойманного провинившегося ребенка. Было так грустно видеть его таким, что я не могла смотреть.

Тони вышел из машины и медленно пошел к Джону. Хотя Тони был явно потрясен измученным видом Джона, он подошел прямо к нему и сказал просто: «Что случилось, Джон?»

Джон долго смотрел на Тони, а затем рухнул ему в руки и заплакал. Тони взял его на руки и стал покачивать. Он похлопывал его и старался успокоить словами. «Никто не любит меня… всем наплевать на меня», — в отчаянии выкрикивал Джон.

«Мы любим тебя, мы заботимся о тебе», — продолжал повторять Тони. Джон стал вырываться из его рук, но Тони был достаточно силен, чтобы удерживать его. Как неистово не рвался Джон, Тони держал его. В конце концов Джон успокоился настолько, что можно было вести его домой. Я была ужасно расстроена и не могла туда идти. Наконец вышла Арлин и сказала:

«Джон спрашивает тебя».

Я пошла в дом. Джон снес все платиновые пластинки, висевшие на стенах у Лу Адлера. На полу лежал смятый альбом «Гобелен» Кэрол Кинг. Старинный стул был выброшен в окно. С потолка сорвана люстра. Медная кровать помята.

«Джон, все в порядке?» — мягко спросила я.

«Мне нужен этот еврейский ублюдок». Он начал ругать Спектора, настаивая, чтобы я дозвонилась до него. Он так возбудился, что я набрала номер Спектора и разбудила его секретаршу. «Джон хочет говорить с Филом», — сказала я. Спектор не подошел к телефону. «Джон, ты разделаешься с ним утром», — «Мы едем домой утром. Все кончено, хватит.» Затем он снова стал гнать на Спектора.

Наконец Джон уснул. Надо признать, что я все еще боялась его, но все равно легла спать рядом с ним, потому что я любила его.

В течение всей ночи Джон мирно спал. Я же совсем не могла уснуть.

Утром я почувствовала, как зашевелился Джон. Моим первым побуждением было — бежать. Он открыл глаза и, прищурившись, посмотрел на меня. «Привет», — мягко сказал он.

«Ты в порядке?» — спросила я.

«Да. А что?» Джон поцеловал меня и обнял одной рукой. Он ничего не помнил.

Я встала и сделала кофе. Когда он окончательно проснулся, я смягчая краски, рассказала, что произошло ночью.

«Я напугал тебя? — спросил он. — Мне не хотелось тебя пугать». Он крепко обнял меня. Я видела, что он искренне смущен, что был передо мной в таком виде, и искренне раскаивается.

Мы встали, и я показала ему, что он натворил в доме. Джон сказал, что все будет немедленно восстановлено. Мы вернулись в спальню и растянулись на кровати. «По — моему, тебе больше не следует пить вовремя записи», — сказала я.

«Небольшая порция всегда помогает мне расслабиться. Я знаю, что если напьюсь, становлюсь буйным.» Джон выпрямился и посмотрел на меня. «Фанг Йи, я просто смертельно устал от того, что все слишком много от меня ждут. А я всего лишь простой человек, как

любой другой.»

«Джон, я очень люблю тебя. Я не могу приказать тебе не пить. Я хотела бы, чтобы ты не пил, но не могу указывать, что тебе делать.»

Джон ничего не ответил. Он просто сидел, глядя на меня прищуренными глазами, и думал. Я знала, как страшна для него мысль о том, чтобы контролировать себя самому. Мне не трудно было допустить, что в глубине души он желал, чтобы кто — нибудь вошел и взял его под свою ответственность. Может, он хотел, чтобы Йоко приказала ему вернуться в Дакоту, потому что без нее он не может вести себя правильно? Я думала, как быть. Может, мне начать прятать от него спиртное? Может, Джон будет настаивать, чтобы я играла роль матери? Я не хотела становиться Йоко. Мне хотелось, чтобы Джон сам стоял на ногах, и я стремилась к собственной независимости.

Джон лег, и я лежала рядом с ним. Он обхватил меня и крепко прижал к себе. Так мы и лежали, прижавшись друг к другу, когда зазвонил телефон. Мы оба знали, что это Йоко. Новый день официально начался.

«Слушай, Мэй, — сказала Йоко, едва услышав мой голос. — Я уже слышала о том, что произошло. Ты же знаешь, что ты не должна давать ему спиртное.»

«Я ничего ему не давала!» — воскликнула я.

«Это твоя работа — следить за ним. Если бы ты следила за ним, в доме не было бы спиртного. Почему ты не следишь за ним?»

«Я слежу за ним.»

«Если бы ты следила, он бы не напился в студии. Ты меня удивляешь. Я не думала, что ты халатно относишься к своим обязанностям.»

Что бы я ни говорила, ничто не могло разубедить Йоко от того, чтобы винить меня за проступок Джона. На все у нее был свой ответ. И, в конце концов, в раздражении, я передала трубку Джону.

«Я в порядке, я в порядке», — сказал он ей. Потом он сказал: «Я сам знаю об этом». Когда Джон отошел от телефона, он как — то трусливо посмотрел на меня. — «Йоко предостерегла меня насчет Фила», — тихо сказал он.

Весь день Йоко звонила и звонила. С каждым разом ее озабоченность росла. Она беспокоилась, в какой

форме Джон, как я слежу за ним и что его альбом отражал тот факт, что они со Спектором оба неуправляемы.

Между ее звонками были также звонки от других. Джон отвечал сам и убеждал звонивших, что чувствует себя отлично. Это был дурной сон, который прошел, сказал он.

Когда мы готовились к очередной записи в тот вечер, Джон сказал, что как только он выпьет сколько — нибудь спиртного, в его теле происходит химическое изменение. После пары стаканов он обычно впадает в буйство и потом ничего не помнит, что было. Джон высказал предположение, что все те психологические наркотики, которые он принимал в 60–е годы, расшатали его нервную систему.

«Ты говоришь, что пьешь потому, что нервничаешь, — ответила я спокойно. — Из — за выпивки твое озлобление выходит наружу. Когда ты трезв, ты всегда избегаешь конфликтов. Ты ко всему подходишь однобоко. Джон, я помогу тебе. Давай относиться к вещам так, как есть.»

Он наклонил голову, немного подумал, но не ответил. «Пора идти» — резко сказал он.

Когда Джон входил в студию, все музыканты уставились на него. Они все уже знали о том, что произошло, и с любопытством ждали, как Джон поведет себя со Спектором. Когда Спектор прибыл, у него был огромный синяк под глазом. Джон очень извинялся. Спектор все время возился со своим синяком и напоминал Джону, что это его рук дело. Он еще некоторое время продолжал свой розыгрыш, а потом сказал нам, что нанял одного из лучших голливудских гримеров, чтобы сделать этот синяк. Джон расхохотался, и запись, хоть и лихорадочно, прошла без инцидентов.

* * *

На октябрь были запланированы еще четыре записи. На первой из них Спектор появился в фирменной одежде каратиста. Когда он вошел, музыканты разразились хохотом и аплодисментами. Спектор достал бутылку бренди и сделал большой глоток, запись началась.

Когда объявлялся перерыв, все ломились в

контрольную кабину. Там они поочередно прикладывались к спиртному, и в конце перерыва студийному ассистенту приходилось вытирать пролитую на аппаратуру выпивку. По Голливуду ходила молва, что эти записи — лучшие вечеринки в городе. В Лос — Анджелесе обычно все закрывается к полуночи, и после полуночи знаменитости, скучающие от безделья, всегда не прочь отправиться в какое — нибудь местечко. Наши записи стали этим местом. На первую из четырех явилась Джони Митчел на руках с Джеком Николсоном.

«У Джони трофей», — шепнул мне Джон, когда она вошла.

На второй вечер Джони пришла снова, а позже неожиданно явился Мик Джэггер. Он просто вошел в студию и тихо встал в стороне. Когда Джон заметил его, он подошел поздороваться. Давние приятели, они встретились очень тепло и свободно. В отличие от своего публичного имиджа Мик, как и Джон, казался весьма стеснительным и непретенциозным.

«Привет, Мэй, — любезно сказал он, когда Джон представил нас. — Я рад познакомиться с тобой.» Затем он сказал Джону: «Я не хочу здесь мешаться. Увидимся потом.» Мик вошел в контрольную кабину и тихо осмотрел ее. Ему абсолютно было не нужно давать знать о своем присутствии. Весьма спокойный и уверенный в себе, Джэггер не желал и не требовал, чтобы с ним обращались, как со звездой.

На третий вечер нанес визит Харри Нильсон. «Я же настоящий его поклонник!» — воскликнул Джон, увидев его. — «Мне нравится, как он поет.» Джон и Харри встречались в Англии, и им было приятно встретиться вновь. Харри тоже наблюдал спокойно. Позже в тот вечер явилась Джони Митчел — на этот раз в сопровождении Уорена Битти.

«Еще один трофей Джони», — заметил Джон.

Митчел и Битти вошли в контрольную кабину. В ту ночь Спектор был особенно раздражителен, и вот, когда он как раз собирался дать команду на запись, Митчел спросила: «Фил, ты не разменяешь доллар?»

Спектору только и надо было, чтобы ему помешали. В одно мгновение он вскочил и заметался. «Заприте двери! — кричал он. — Дайте мне ключ!» Ему дали ключ. Он швырнул его в воздух. «Сожрите его!» — заорал он. Спектор бушевал двадцать минут. «Здесь слишком

много посторонних, — гремел он. — Одни приводят других. Как они смеют приходить на мои записи? Откуда такая наглость?» Он уставился на Джони Митчел и Уорена Битти, а затем разразился тирадой о том, что его тошнит от всяких шлюх.

Во время этого буйства Спектора Джони Митчел стояла с невозмутимым видом, Битти же выглядел ошеломленным. Вряд ли когда — либо с ним так говорили, подумала я. Джона, который, к счастью, был в норме, явно потрясла выходка Спектора. К чести Джона, он всегда обращался с людьми спокойно и не любил без нужды смущать их, даже если они вмешивались в запись. Он постарался успокоить Спектора, но тот не умолкал.

Джон взял меня за руку. «Я ухожу отсюда». Он подошел к дверям и попробовал открыть их. Они так и не были закрыты.

Мы пошли к машине. «А как же Арлин?» — спросила я. Джон вернулся в студию. «Арлин, пойдем с нами», — крикнул он. Арлин встала и побежала. Когда мы уходили, Спектор все еще кричал, а Джони Митчел и Уорен Битти так и стояли там.

К концу тех вечеров почти все были вдребезги пьяны. В три утра, когда запись заканчивалась, автостоянка студии А и М походила на палату загудевших алкоголиков. В ту ночь инцидент с Митчел и Битти так подействовал на всех, что музыканты напились, как никогда. Один из них вскочил в свою машину и рванул. Утром мы узнали, что он устроил жуткую аварию и попал в больницу.

На следующую запись тот музыкант пришел с перебинтованной головой. Увидев Джона, он сказал: «Старина, мне нужно выпить». Джон не хотел давать ему спиртного, но тот ходил за ним по студии и донимал его. «Я знаю, у тебя есть выпить. У тебя же всегда есть. Ты ведь видишь, мне надо выпить.»

«Иди к Мэй, — сказал Джон. — Она тебе поможет.

«Чего ты отменя хочешь?» — спросила я.

«Дай ему чего — нибудь выпить. Я не выношу, когда у меня выпрашивают.»

Я была поражена тем, какими отвратительными были эти записи. Мне не доводилось раньше видеть, чтобы люди так себя не уважали и оправдывали свои пороки. Моей постоянной заботой было сдерживать Джона. Я понимала, что мне не удержать Джона от

выпивки — слишком глубоки были конфликты, в которых он участвовал. Когда он выпивал он не позволял себе терять голову — хотя бы на некоторое время.

Насколько ужасными были наши ночные записи, настолько чудесными оставались наши дни — несмотря на бесконечные звонки Йоко. Каждое утро мы просыпались счастливыми. Мы занимались любовью почти каждое утро, а иногда два раза в день. Лежа в объятиях друг друга, мы чувствовали себя самыми счастливыми.

Я сдала экзамены на водителя, получила лицензию, и мы взяли на прокат автомобиль, делали длительные поездки по побережью, проводили дни в прогулках по пустынным пляжам. Мы навестили Лу Адлера в Малибу и, загостившись допоздна, посмотрели восхитительный закат на Тихом океане. Мы также съездили за покупками на Родео Драйв в Биверли Хиллз. Точнее будет сказать, что по причине ограниченных финансов мы больше рассматривали витрины. Мы приезжали к самым дорогим магазинам одежды и прилипали носами к витринам, как дети возле кондитерского магазина, влюбленно глазеющие на обилие конфет, и почти ничего не покупая. Мы, шутя, рассуждали о том, что купим себе, если альбом Спектора станет хитом. Иногда мы не могли удержаться от покупки какой — нибудь одежды. Джон был очень худощав, и мы оба носили один размер. Нам нравилось покупать одинаковую одежду и одеваться, как двойняшки. Джон купил мне кожаные штаны, которые он тоже любил носить. Когда мы проходили мимо отдела фотоаппаратов, я остановилась посмотреть на камеру Х-70 Поларойд, которая была у Джона. Эту камеру он неожиданно подарил мне на день рождения, и я сразу стала делать снимки нашей совместной жизни.

Как — то ночью, после нескольких рюмок, Тони Кинг сказал нам, что сделал запись, где он подражает английской королеве. Он проиграл нам эту запись на магнитофоне. Было очень смешно. Они с Джоном решили снять рекламный ролик с " ", где Тони будет наряжен в королеву. Тони попросил у Джона разрешение на то, чтобы привести на съемки Элтона Джона. Съемки были запланированы на 24 октября — день, когда мне исполнялось двадцать три года.

* * *

24–го утром Джон поднялся раньше меня. «С днем рождения», — сказал он, когда я проснулась. Он крепко поцеловал меня, а затем вручил мне пару ключей от машины. «Иди, спустись в гараж», — сказал он с хитрой ухмылкой на лице. Я выскочила во двор. Возле гаража стоял плимут — барракуда, 1968 года, цвета ржавчины. Джон вышел на крыльцо. «Теперь у нас своя машина, — закричал он. — С Эллиотом Минцем покончено.» Я подбежала и обхватила его руками.

«Какая она красивая!» — воскликнула я.

«Я знаю, что тебе нужна машина, — сказал Джон. — Практикуйся теперь на этой.»

Автомобиль стоил 800 долларов, и я была очень горда этим. На других это, похоже, не произвело впечатления. В Лос — Анджелесе о тебе судят по тому, сколько ты тратишь. Сколько стоит твоя машина? Сколько в твоем доме комнат? Сколько ты потратил на шмотки? Этих людей просто шокировало, что такой богач, как Джон, покупает мне подержанную машину, а потом наслаждается поездками в ней. Они не могли понять, что для нас было совсем не важно иметь новую, дорогую машину. Джон сделал мне благоразумный подарок, подарок, который он мог себе позволить, основываясь на обязательстве жить экономно. Мне и не хотелось практиковаться на новейшем мерседесе — бенце. Как и Джон, я хотела, чтобы те 10000 долларов были нашим последним займом.

Позже в то утро мы поехали в телестудию посмотреть съемки рекламного ролика. Когда мы вошли, Тони уже был одет, как королева. Он поздоровался с Джоном, а потом представил Элтона Джона. Они пожали друг другу руки. Не знаю, как протекала бы эта встреча в более формальных обстоятельствах, но балдежный наряд Тони сломал лед. Джон и Элтон были оба остряками, и они начали подшучивать над Тони — над его скипетром, короной, платьем. Оба старались превзойти друг друга, подкалывая «королеву». Почти час они ржали и острили и под конец стали друзьями. Затем у них завязался серьезный разговор о музыке и о том, как трудно быть знаменитостью.

«Знаешь, у меня сейчас свой битловский период, — сказал Элтон Джон. — Не знаю, что я буду делать, когда он кончится. Ты замер на верхней точке, Джон. Ты никогда не скатываешься вниз.»

«Ну, по крайней мере ты знаешь, что у тебя будет пик. Это случится, и я советую тебе приготовиться. Мне этого никто не советовал», — ответил Джон.

Он пригласил Элтона на запись, и тот обещал прийти. Потом оба они сказали, что очень понравились друг другу. Тони объяснил мне, что поскольку они оба были англичане, Джон и Элтон смогли сразу составить мнение друг о друге. Им были хорошо понятны их «корни», и они могли говорить друг с другом прямо и откровенно, как старые, близкие друзья, несмотря на то, что раньше никогда не встречались.

Затем Эллиот Минц сказал нам, что Дейвид Кассиди, который находился в зените своей славы как один из главных героев в фильме «Семья Партридж» и был хорошим другом Эллиота, хочет познакомиться с Джоном. Джон был в таком хорошем настроении, что против обыкновения согласился пообедать с ним. Назначили дату. Эллиот с Дейвидом должны были приехать за нами около полудня и взять Джона, Арлин и меня в ближайший ресторан. я напомнила, что в тот вечер у нас была запись, но Джон болезненно воспринял мысль о том, чтобы отложить встречу. Он не хотел, чтобы Кассиди подумал, что он недружелюбен, и не смотря на запись решил пойти.

За полчаса до их приезда позвонила Йоко. В тот вечер у нее была премьера в Кенниз Каставейз, и она хотела обсудить с Джоном ряд вопросов. Они разговаривали очень долго. Убежденная, что в прессе о ней будет много отзывов, Йоко вновь и вновь напоминала Джону, что если ее спросят, почему она выступает без него, она скажет, что выкинула его.

Мне стало не по себе, и мы с Арлин вышли прогуляться. В это время подъехал автомобиль, из которого вышел Эллиот, за ним — Дейвид Кассиди. Мы познакомились, и я повела Дейвида в дом к Джону. Как только тот увидел Кассиди, он сразу принял облик «публичного Джона» и обрушил на эту телезвезду каскад остроумия и мудрости.

Немного поболтав, мы отправились в итальянский ресторан на бульваре Сансет. В течение всего обеда разговор не умолкал, за исключением одного момента, когда к столу подошла женщина и попросила у Кассиди автограф. Джона, похоже, это не задело.

***

После обеда Эллиот пригласил нас к себе домой на вершине Лорел Каньон. Дом Эллиота стоял на опорах, и с него открывался захватывающий вид на Лос — Анджелес, который просто очаровывал нас с Джоном. Джон растянулся на кушетке и стал рассматривать город. Арлин занялась изучением голливудских холмов через телескоп Эллиота. Я же продолжала болтать с Эллиотом и Дейвидом Кассиди. Всем было хорошо и спокойно. Вдруг Джон встал и вышел из комнаты. Я последовала за ним. «Тебе плохо?» — спросила я.

Мысли Джона были где — то далеко. Что — то беспокоило его, и он не хотел говорить. «Я хочу домой», — резко сказал он. По дороге домой Джон молчал, а потом до самого вечера игнорировал меня. Он то и дело разговаривал с Йоко, которая все время повторяла ему, как она волнуется.

По дороге в студию Джон по — прежнему оставался замкнутым. Он пару раз выпил и немного ожил, лишь когда неожиданно пришел Элтон Джон. У них завязалась оживленная беседа. Элтон немного посмотрел и ушел. Через несколько минут в студию вошел Харри Нильсон, а затем приехала Шер. Спектор работал над песней " Love Comes Knocking " (Любовь Стучится ко мне). Пока все ждали, Шер сидела рядом со Спектором, вспоминая те дни, когда она пела в его вокальной группе. Шер захотела спеть на этой новой пластинке, но Спектор отказался. «Я могу это петь, Фил, ты же знаешь», — просила она.

«Нет!» — отвечал продюсер.

«Пожалуйста, позволь мне спеть.»

«Нет!» — снова обрубил Спектор.

Их разговор так раздражал, что я вышла из студии и посидела некоторое время в другой комнате. Когда вернулась, Джона не было.

«Куда ушел Джон?» — спросила я Спектора.

«Он смотался.»

Я села в барракуду и поехала вслед за ним. К моему приходу домой Джон уже успел напиться.

«Джон, скажи мне, пожалуйста, в чем дело?» — попросила я сразу.

Он не ответил и злобно посмотрел на меня. Я подошла к нему и попыталась обнять, но он оттолкнул

меня.

«Что я сделала?» — спросила я, снова приблизившись к нему. Он еще сильнее оттолкнул меня. Затем он схватил меня за волосы и так рванул, что моя голова запрокинулась.

«Джон! — закричала я — За что?»

Он отпустил мои волосы и начал ходить взад и вперед. Потом остановился и посмотрел на меня. Его взгляд был полон злобы. Я знала, что он может взорваться в любую секунду. казалось, он может даже ударить меня.

«Ты сама знаешь!» — наконец выпалил он.

«Не знаю! Не знаю!» — выкрикнула я.

Джон сделал большой глоток водки. «Ты флиртовала с Дейвидом Кассиди.»

Я была поражена. «О чем ты говоришь?»

Джон начал ходить вокруг меня кругами. «Ты сегодня ждала его во дворе, когда он пришел к нам. Потом в ресторане ты заказала то же, что и он.»

«И что это значит?»

«Это значит, что я всегда знал, что ты будешь обманывать меня, теперь у меня есть доказательство! — крикнул он. — Ты флиртовала с Дейвидом Кассиди.»

«У тебя разгулялось воображение, Джон, я люблю тебя. Мне не нужен Дейвид Кассиди.»

«Не ври мне. Я не выношу, когда мне врут!»

«Я не вру», — ответила я.

«Ты — лгунья! — крикнул он. — Ты что не знаешь, кто я? Я — Джон Леннон». Тут Джон взорвался. Он схватил мои очки, швырнул их на пол и растоптал их. На кофейном столике лежала камера, которую он купил мне, и Джон со злостью врезал ей по столу. Он заметался по дому, громя все, что было на пути. Вазы и лампы летали по комнате. Он набрасывался на мебель, переворачивал столы. Ломал стулья. Я стояла в оцепенении и в ужасе от всего этого.»

Вдруг позвонили в дверь. «Скажи Арлин, чтобы она ушла, — закричал Джон. — Я хочу быть с тобой наедине.»

«Я не могу прогнать ее, она здесь живет.»

«Прогони ее! Я хочу, чтобы в доме кроме нас никого не было.»

Джон подбежал ко мне, снял с моего плеча сумку, выпотрошил содержимое на пол и отыскал там ключи от

машины. «Пусть она уедет, а то я разобью машину. Скажи Арлин, чтобы она уехала на машине, а то я…» Я подошла к входной двери, открыла ее. «Я услышала, что здесь творится, и побоялась открыть своим ключом, сказала Арлин, увидев меня. — С тобой все в порядке?»

На мгновение мне захотелось уехать вместе с ней, но я знала, что должна остаться с Джоном и как — нибудь успокоить его. Уехать значило бы только убедить его, что я флиртовала с Дейвидом и что мне действительно наплевать на него. Хоть я и была напугана, я знала, что, если останусь, у меня будет шанс, которым можно воспользоваться. Я сунула Арлин ключи от машины. «Покатайся немного, — сказала я ей. — Переночуй у кого — нибудь.»

«У него зловещий голос. Ты уверена, что тебе не нужна помощь?» «Арлин, уходи, пожалуйста.»

Мы молча посмотрели друг на друга. Я знала, что Арлин хочет, чтобы я ушла с ней. Но я так же знала, что она понимает, что я не пойду.

«Я позвоню тебе», — сказала она и ушла.

Когда я вернулась в гостиную, Джон был у телефона. «Я звоню Йоко! — закричал он. — Я все ей расскажу.»

Джон нашел Йоко за кулисами в Кенниз Каставейз, когда оставалась минута до начала премьеры ее шоу. Когда она подошла к телефону, он закричал: «Йоко, ты была права. Ты была права.» Затем он приказал мне взять трубку параллельного аппарата в другом конце гостиной.

«Мэй, ты слушаешь?» — спросила она.

«Да.»

«Слушай, Мэй, я же говорила тебе не давать ему спиртного. Ты теперь знаешь, что происходит, когда он пьет.»

«Ты была права, Йоко» — снова сказал Джон.

«Джон, — ответила Йоко — ты пьян. Тебе нужно успокоиться. Сейчас тебе нужно успокоиться. Мне надо выступать. Я позвоню тебе позже.» Она повесила трубку.

Следующие полчаса Джон продолжал обливать меня потоком оскорблений и обвинений. «Тебя интересуют только мои деньги, — сказал он. — Ты знала, что в тот день, когда ты уехала в Лос — Анджелес, Йоко заморозила твою зарплату? У тебя нет денег Что ты об этом думаешь?»

«Я люблю тебя, Джон. Вот почему я здесь. Разве я не

помогала тебе экономить деньги?»

«Когда я уезжал, Йоко сказала, чтобы истратил на тебя не более одной тысячи долларов. Она была права. Ты охотишься за богачами, вот и все.»

Я встала, и начала ходить по комнате. Джон стал ходить за мной следом, пиная на своем пути валявшиеся предметы и повторяя все, что говорил раньше.

«Откуда у тебя эти бешеные идеи?»

Джон не останавливался, и казалось, что ему доставляет удовольствие свой собственный гнев, как будто это наполняло его силой. Он снова был жертвой, но на этот раз считал себя моей жертвой. Чем более беспомощным он себя чувствовал, тем в большую ярость он впадал.

Наконец зазвонил телефон. Это была Йоко. Она только что завершила свое выступление. «Возьми другую трубку» — крикнул он.

«Йоко, скажи ей, что ты говорила мне, что она будет обманывать меня.» Йоко молчала.

«Скажи ей, что ты говорила мне, что она со мной только потому, что я знаменит!» Йоко не отвечала.

«Ты была права, Йоко — она обращается со мной как со звездой. Скажи ей, что ты говорила мне, что она охотится за богачами, и со мной она только из — за моих денег.»

Она нервно хихикнула. я не знала, что делать. Мне было известно, что Джон запутался в себе и страдает паранойей. Я также знала, какой непредсказуемой могла быть Йоко. Я не подходила ни одному из них. Йоко навешивала Джону всякие вещи, чтобы сохранять свое превосходство над ним. Мне, наверное, следовало догадаться, что она будет наговаривать ему обо мне неправду, которой Джон будет верить, чтобы не подрывать свой идеализированный образ Йоко. Я знала, что Джон должен был считать Йоко совершенством. Таким образом он пребывал в уверенности, что у него всегда есть надежная защита с помощью при необходимости. Однако Йоко пришлось удалить от себя Джона. Манипулируя им таким образом, после того, как она выкинула его, Йоко подвергала меня опасности. Я была так поражена ее действиями, что мне стало дурно.

«Скажи ей, что ты мне сказала, что ей нужны только мои деньги.» Йоко хихикнула снова.

«Мэй, ты знаешь, как люди болтают, когда напьются,

скажи.»

«Она хочет использовать меня.»

«Видишь, что происходить, когда ты поишь его водярой.»

«Йоко, ты наверное его не видела таким. А если видела — звала кого — нибудь на помощь. Я здесь одна, ты знаешь, что Джон может стать опасностью. Он может сделать что — нибудь со мной или с собой. сейчас не время обвинять меня в том, чего я, как ты знаешь не делала» — спокойно ответила я.

«Скажи ей, что она будет обманывать» — убеждал Джон.

«Ты врала мне, Йоко, про Мэй!» — крикнул Джон и бросил трубку. Через несколько минут зазвонил телефон. Джон схватил его.

«Ты врала мне», — и он снова бросил трубку.

Телефон все звонил и звонил.

«Пусть звонит», — крикнул он. Потом он посмотрел на телефон и пнул его. «Вот, сука!»

Джону не сиделось. Он ходил по комнате и шумел на меня.

В конце концов он поднялся наверх и плюхнулся на кровать. В доме вдруг стало тихо. Я попыталась осмыслить случившееся. Как могло что — то столь обещающее и прекрасное обернуться ночным кошмаром. До самого утра я так и сидела, тихо плача. По крайней мере, когда Джон проснется, он все забудет.

Через час проснулся Джон. Он спустился по лестнице и со злостью посмотрел на меня. «Мы возвращаемся в Нью — Йорк.»

Я попыталась заговорить, но он не дал мне и рта раскрыть.

«Все кончено», — крикнул он.

«Джон…»

Я заказала авиабилеты по телефону. Потом я сообщила Арлин, что мы возвращаемся. По моему голосу Арлин могла понять, в каком отчаянии я была. «Я быстро», — сказала она. Я доложила Джону и заплакала.

Через час приехала Арлин и Джимми. По дороге в аэропорт все были чрезвычайно натянуты. Мы с Джоном молчали. Джимми неудачно шутил, но никто не смеялся. Полет также был напряженным. В аэропорту нас ждали Синтия и Ричард Росс — владелец ресторана «Дом», мой друг, которому симпатизировал Джон.

Джон уехал в Дакоту, а меня отвезли в Стэнхолл.

Я осталась с Синтией, которая выслушала меня. Потом позвонила Йоко: «Все нормально, он дома — спит. Успокойся, я не собираюсь ебаться с ним. Утром Джон тебе позвонит.»

Утром позвонил Джон и мы спокойно поговорили. «Не знаю, что на меня нашло, — мягко сказал он. — Ты не поехала бы со мной в Калифорнию?» «Я еду, потому что я люблю тебя.»

В начале ноября у нас были еще две записи, каждая из которых была такой же дикой, как и раньше. Затем все вдруг отложили, потому что Фил и Джон не знали, что же они хотят записывать.

Следующие две недели мы отдыхали и встречались с друзьями. Несколько раз у нас был Спектор, и они с Джоном начали писать вместе, а Джон сочинил несколько своих собственных вещей. Он также много встречался со своими адвокатами, которые хотели подготовить его к процессу по разделу компании Эппл. Мы также более успешно противостояли звонкам Йоко. Я стала отключать параллельный телефон в спальне, так что, когда внизу раздавался звонок, мы наверху его не слышали.

Как — то вечером мы решили сходить в Рокси. Когда мы ждали у входа в этот клуб, к нам подошел мужчина с приятной внешностью «Привет, Джон. Как дела?» — сказал он.

«Отлично.»

Этот мужчина был доктор Артур Янов. Янов был психологом, открывшим примальную терапию и опробовавшим ее на Джоне и Йоко. Джон поболтал с ним несколько минут, а потом, улыбнувшись, сказал: «А Йоко побила тебя, не так ли? Она выиграла.»

Когда мы вошли в клуб, Джон объяснил мне, что во время лечения Йоко все спорила с Яновым, что лучше для Джона. «Янов вел себя очень круто, — отметил Джон, — но он не мог тягаться с Йоко. Она наблюдала за всеми его действиями, проанализировала их и нашла, что можно сделать лучше.»

Я вспомнила, что сказала мне Йоко, когда я впервые пришла работать в Дакоту, и от этого воспоминания мне стало дурно.

Через несколько дней Йоко вдруг объявила, что немедленно вылетает в Лос — Анджелес посмотреть, как

у нас идут дела. И не успели мы узнать об этом, как уже ехали в ее дорогое бунгало в отеле Беверли Хиллз, чтобы пообедать с ней. Мне было неспокойно: что еще могло стрястись?

Йоко выразила неподдельное удивление, увидев Арлин, которую мы попросили присоединиться к нам. Тут она впервые узнала, что мы нарушили ее указ жить в изоляции. Однако Йоко промолчала. Позже она сказала нам, что все наши проблемы из — за того, что мы позволили Арлин жить с нами. При постороннем, сказала она, мы не можем стать более близкими друг другу.

За обедом, однако, Йоко сказала мне: «Я рада видеть, что он успокоился, и у вас все нормально.» В тот вечер Джон навестил ее в отеле и провел с ней один или два часа. Вернулся он в приподнятом настроении потому что Йоко была довольна всем. Через несколько дней она улетала назад в Нью — Йорк.

После отъезда Йоко все было спокойно и хорошо, и Джон в последующие десять дней был в отличном настроении. Когда у него было желание, он много читал, и вот Джон решил прочесть все книги в доме. Каждый день мы сидели возле бассейна и тихо читали.

Джона захватили две книги, подаренные ему Тони Кингом: «Страх и ненависть в Лас — Вегасе» Хантера Томпсона и «Портрет супружества» Нигеля Николсона, которая, как сказал Тони напомнит ему его женитьбу на Йоко. Джону очень понравилась книга Томпсона, в которой этот журналист, бывший наркоман, показал теневую сторону американской жизни. Его также захватила мысль сняться в главной роли в фильме по этой книге. С другой стороны, «Портрет супружества» сильно расстроил его. В этой книге анализировалась пятилетняя супружеская жизнь Виты Сэквилл — Вест и Гарольда Николсона. Оба они вели бисексуальную жизнь и изменяли друг другу, но все же смогли развить свои отношения до глубокой и долголетней дружбы, несмотря на несовершенство их брака. Джон был очень потрясен темой сексуальной несовместимости на фоне сильной эмоциональной привлекательности и тем, что, как ни старайся, брак, похоже, всегда остается несовершенным.

Ночные кошмары, которые были в октябре, похоже, прошли. Джон предложил съездить в Сан — Франциско, и мы пригласили Тони Кинга, Майка Хейзелвуда и

Арлин присоединиться к нам. Когда Йоко позвонила, Джон рассказал ей об этом плане. Позвонив потом снова, она предложила нам разыскать Джерри Рубина, который был в Сан — Франциско, а также Стива Мариша, молодого медиума, который произвел на нее большое впечатление своими способностями.

Джон пошутил: «Йоко хочет получить от них доносы на нас». Он, кажется, был в отличном настроении и вел себя так, словно его ничто не волновало в этом мире.

За день до нашей поездки в Сан — Франциско Джон, проснувшись утром, сел в постели, посмотрел на меня и нахмурился. Я села на краю кровати и что — то сказала ему, но он молчал. Я поняла, что его что — то беспокоит. «Джон, что мы будем делать сегодня?» — спросила я.

После долгой паузы он сказал: «Я хочу съездить на пляж».

Когда мы одевались, я повернулась к нему и сказала: «Ну ладно, Джон, говори, что такое.»

Он отрешенно посмотрел на меня. Потом сказал: «Я думал, что будет лучше сказать тебе это на пляже. Но, может быть, лучше, если скажу сразу, не откладывая. По — моему, нам пора расстаться.»

Я была поражена. «Почему? — спросила я. — Почему?»

«Мне так кажется. Просто пора.» Он не мог дать никакого другого объяснения.

«Ты уверен?»

«Да.»

Было видно, что он серьезен.

«Когда ты хочешь, чтобы я ушла?»

«Ну, когда соберешься с духом.»

Не было никакого смысла в этом поступке Джона. Мы были счастливы, как никогда. Все шло как никогда гладко. Я чувствовала себя так, как будто мне вмазали по лицу безо всяких причин. Мне хотелось поскорее убраться оттуда. Я достала свой чемодан и стала кидать туда мои вещи. Джон посмотрел на меня молча, и я молчала. Затем он встал и пошел поговорить с Арлин. Он сказал ей, что мы расстались и что он хочет, чтобы она оставалась со мной. Он даже предложил нам съездить в Европу.

Арлин вошла в спальню и обняла меня. «Не беспокойся, я позабочусь о тебе», — мягко сказала она.

Я была в шоке и говорила с трудом. «Я хочу уйти

отсюда — сейчас же», — выдавила я.

«Я иду с тобой».

Менее чем через полчаса мы с Арлин уже собрались и были готовы уходить. Мы отнесли чемоданы в машину. Я подошла к Джону. «Вот твой ключ», — сказала я. Вручив ему ключ, я выбежала из дома.

Нам с Арлин было некуда идти, и мы поселились в мотеле на бульваре Сансет. В комнате мы попытались осмыслить происходившее. Ни у одной из нас не было денег. У нас не было работы. Нам негде было жить. Джон неожиданно и необъяснимо подрубил сук, на котором мы сидели, и я чувствовала себя разбитой, подавленной и была в панике.

На следующий день мы узнали, что в предыдущую ночь Джон ходил в клуб Рокси вместе с одной черной девицей, которая была весьма известной шлюхой. Я еще больше расстроилась и чувствовала себя такой опустошенной, что молчала целую неделю.

В конце концов я поняла, что у меня нет выбора. Пора было возвращаться домой в Нью — Йорк и начать новую жизнь. На следующий день мы с Арлин купили билеты и улетели в Нью — Йорк. Я вернулась в свою квартиру. Несколько дней я чувствовала себя несчастной и одинокой. Все мои мысли были о Джоне. Мне не хотелось признавать это, но у него была темная сторона, наводившая на меня ужас, и, что хуже, сторона, которую понимала только Йоко. В воскресенье, к концу моей первой недели в Нью — Йорке, я решила позвонить ей.

«Это Мэй», — сказала я, когда она подняла трубку.

«Да, Мэй.»

«Йоко, я не хотела тебя беспокоить.» Она молчала, и я продолжила. «Я забыла, как здесь холодно в это время года.»

«Ты не в Лос — Анджелесе?»

«Я в Нью — Йорке.»

«Приезжай сюда. Прямо сейчас. Быстро. Я должна видеть тебя.»

Через полчаса я была у двери Йоко. Она тепло приветствовала меня, и мы уселись в гостиной. «Ты в порядке?» — спросила она.

«Я все еще в шоке», — ответила я.

«Что случилось? Рассказывай все по — порядку.»

Она напряженно слушала и понимающе улыбалась в то время, как я рассказывала о странном поведении

Джона. К концу моего рассказа она не удержалась от смеха. «Все нормально, все нормально, — сказала она. — Ни о чем не беспокойся.» Йоко улыбнулась мне и сказала: «Знаешь, а ты нравишься Майклу Бреккеру. Я попробую это устроить.»

Я не могла поверить в это. Она хотела решить мою проблему тем, чтобы свести меня с музыкантом из своей группы. «Мне не нужен Майкл Бреккер», — спокойно сказала я.

«Может, мы попробуем тогда Рика Маротту?» Маротта тоже был в ее группе.

«И Рик Маротта мне не нужен.»

«Мэй, — сказала она, — ни о чем не беспокойся. Ты по — прежнему можешь работать у меня. Оставайся здесь. Почему бы тебе не взять второй телефон для своих дел. Дай этот номер своим друзьям, и пусть они звонят тебе сюда. Пусть эта квартира будет твоим новым домом? Я хочу, чтобы ты работала у меня.»

«Просто восхитительна!» Эти слова Джона о ней пронеслись у меня в голове. Я всегда считала Йоко непредсказуемой, и в этот раз она была непредсказуемой более, чем когда — либо. Теперь я понимала, что непредсказуемость и сила Йоко позволяли ей плести интриги и убеждать собеседника, что все ее действия важны для какого — то большого плана. Я любила Джона. Мне нужна была помощь Йоко — и она как будто была готова оказать ее мне! Ее маневры восхищали и смущали, и я знала, что в любой момент, быть может, все повернется против меня, если только каким — нибудь образом Джон не решит освободиться от ее чар.

Остаток того дня и вечер я провела в Дакоте. Время от времени Йоко заглядывала ко мне, стараясь сделать так, чтобы я чувствовала себя свободно и хорошо. Вторник я также провела в Дакоте. В тот вечер мы пошли поужинать. За ужином она сказала: «Знаешь, я разговаривала с Джоном.»

«В самом деле? — спокойно ответила я. — Как он?

«Нормально. Он был с той черной пташкой. Ерунда. Он сказал, что раньше у него никогда не было черной и он хочет попробовать с одной. Он побудет с ней, а потом вышвырнет ее.»

Йоко пригласила меня ночевать в Дакоте, но я отказалась, сказав, что побуду с ней до тех пор, пока она не уснет. Я почувствовала, что она одинока. Йоко только

что закончила свои выступления в Кенниз Каставейз. Больше всего она любила славу. И вот, побыв немного в центре внимания, она снова беспокоилась от того, что она не на виду у публики. Мы немного поговорили, а потом Йоко захотела спать. Она встала и переоделась в ночной халат. Я села на краю ее постели и тихо разговаривала с ней, пока она не заснула. После этого я встала и покинула ее квартиру.

На следующий день, когда я была в Дакоте, зазвонил телефон. В трубке раздался голос Джона: «Привет, Йоко.»

«Одну минуту, Джон», — ответила я и пошла за ней. «Джон на телефоне», — сказала я. Йоко взглянула на мое смущенное лицо и засмеялась. Она поговорила с Джоном, а потом вошла в гостиную и села рядом со мной. «Он тоже смутился, услышав твой голос, — весело сказала она. — Ни о чем не беспокойся.»

С этого момента Йоко начала обмениваться бесконечными звонками с Джоном.

«Слушай, Мэй, — сказала она на следующий день. — Джону нужно, чтобы кто — нибудь был с ним. Сейчас его должен навестить Джулиан, а он боится увидеть своего сына. Ты знаешь, он не видел Джулиана почти три года. Я не могу быть там. Я не лажу с Джулианом.»

«Я могу вернуться к нему, если он хочет меня, но не потому, что ты хочешь этого», — ответила я.

Йоко пожала плечами. «Мы должны думать о Джоне, Мэй. Для того, чтобы Джон позаботился о Джулиане, кто — то должен позаботиться о Джоне. Вот и все дела. Джон уже сходит с ума. Ты же не хочешь, чтобы он снова потерял контроль над собой, не так ли? Как только Джулиан уедет, ты тоже можешь уйти. Это всего на пару недель.»

Мне хотелось вернуться, но не в роли мачехи. Я так и сказала Йоко, но ей было все ни почем. Она приложила всю силу своего убеждения, и я два долгих часа препиралась с ней. Наконец мы обе замолчали. Я спокойно сказала: «Мне нужно несколько дней, чтобы обдумать все.»

«Я скажу Джону». Она встала, чтобы позвонить. Вернувшись, Йоко сказала: «Мэй, ты должна ехать сегодня вечером. Джон сказал мне: «Йоко, мне нужен кто — нибудь сегодня ночью. Ты знаешь, что со мной.» «Мэй, ты понимаешь, что это значит, ты ведь знаешь, что с ним. Ты должна это знать теперь.»

Было семь часов. Йоко заказала мне билет на поздний рейс. Убеждая меня не беспокоиться, она быстро отправила меня. Я вернулась в свою квартиру, собрала вещи и направилась в аэропорт. Через семь часов, в четыре утра, я снова была в Лос — Анджелесе. За время полета я собралась с духом, и было похоже, что я хотела быть с Джоном. Мне также было ясно, что даже если наша связь возобновится, я не смогу рассчитывать на то, что Джон будет способен контролировать иррациональную часть своей личности.

За время моего отсутствия Джон вернулся в квартиру Гарольда Сидера в Западном Голливуде. Когда я приехала туда, никто мне не ответил. Я толкнула дверь, и она открылась. «Джон, — позвала я, — Джон.» В квартире было пусто.

* * *

Джон пришел только в шесть вечера… Потребовав, чтобы я приехала к нему немедленно, он отсутствовал более двенадцати часов.

Когда на лестнице послышались его шаги, я была в спальне. Увидев меня, он прыгнул на кровать, притянул меня к себе и крепко сжал. Затем прошептал: Прости меня, Фанг Йи. Прости. Я так скучал по тебе».

«Джон, — сказала я, почему тебя не было здесь, когда я вернулась?»

Он кинулся в объяснения.

«Я разнервничался в ожидании тебя. Мы с компанией пошатались. С той подругой я кончил в отеле. Я не хотел с ней. Я все время говорил, что моя хозяйка возвращается в Л. А., и что хочу только ее, хочу мою даму. Когда она увидела, что я не хочу с ней, она позвала других, и мы поехали в Маллхолланд Драйв и приняли немного кислоты.»

«Я посмотрела на него, и он нежно улыбнулся. «Когда я проснулся в тот день, мне стало ясно, как сильно я люблю тебя. Мне стало страшно. Мне было так страшно приблизиться к тебе, я был напуган. Потому я попросил тебя уехать.»

Он начал покрывать меня поцелуями, а потом сказал: «А я ведь надул Йоко.» Джон засмеялся. «Я стал названивать ей и говорить, что свихнусь, если со мной не

будет кого — нибудь. Я знал, что так она пришлет тебя ко мне, что и произошло. Я ведь не мог сказать ей, что скучаю по тебе, не так ли?»

Одни мужчины позвонили бы прямо мне, другие сказали Йоко правду — но Джон не мог.

«Понятно, Джон», — сказала я тихо. Мне хотелось быть с ним, и я понимала, что даже та его часть, что любила меня, была по — прежнему связана его игрой с Йоко. Я надеялась, что со временем я смогу сделать так, что он будет любить меня больше.

Тем не менее было неизбежным то, что время от времени я не буду знать, что со мной происходит. Это было ужасно, но мне верилось, что дело того стоит. Дело того стоило, потому что я сильно любила его.

Выпив свой утренний кофе, Джон сказал мне: «Ты знаешь, что Джулиан приезжает?»

«Йоко сказала мне.»

«Я волнуюсь, я не знаю, какой он теперь. Не знаю, как все это будет.»

Он часто повторял это. Его в самом деле ужасал визит Синтии и Джулиана. Он не видел своего сына уже более двух лет. Само понятие отцовства ужасно нервировало его. Как мог Джон играть роль отца, когда он чувствовал, что ему самому жизненно необходим кто — то, кто заботился бы о нем? К тому же, тот факт, что он игнорировал Джулиана, вызывал в нем чувство вины. Он предпочел бы в этой ситуации никогда не видеться с сыном, и поэтому его поведение заключалось в том, чтобы избегать неприятных чувств.

Ему также не хотелось встречаться с Синтией, которую он не видел уже четыре года. Она напоминала ему о трудных решениях, принятых им: покинуть БИТЛЗ, развестись с ней и жениться на Йоко, а также покинуть своего сына. После того как Джон сделал принял решение, он хотел, чтобы ему никогда о нем не напоминали или о том, что у него однажды был выбор. Когда с чем — то было покончено, то это было к лучшему.

Я поговорила с Джоном о предстоящем визите. Мы вспомнили мое детство, и я снова рассказала ему, как ужасно было мне узнать, что мой отец не хочет меня.

«Джон, можешь ты представить себе, как это должно быть трудно для Джулиана быть сыном такой знаменитости, как ты, в то время как весь мир знает, что

этот знаменитый, любимый всеми отец решил держаться от него подальше? Джулиану всего десять, а тебе тридцать три. Какими бы не были твои чувства ты должен быть максимально добрым и сердечным с ним.»

«Это трудно, Фанг Йи. Не знаю, что и делать. Постараюсь справиться с этим.» Джон снова надул губы. Затем вдруг сказал: «Мне хочется увидеть Синтию».

«Она тоже приедет, так что тебе предстоит и это.»

Чем больше мы говорили, тем больше Джон заводился, хотя он и согласился со мной в принципе. «Может, ты хочешь отложить этот визит?» — спросила я.

«Нет.»

Все же он был так неспокоен, что я решилась организовать все сама, стараясь, по — возможности, чтобы все проходило гладко, надеясь, что Джон увлечется приготовлениями, когда они начнутся. Так и было, но он все же порой нервничал и артачился, а затем снова впрягался.

Было решено, что Синтия и Джулиан приедут сразу после рождества и будут здесь встречать Новый Год. С согласия Джона я сняла для них номер в отеле Биверли Хиллз. «Джон, — сказала я, — Джулиан заслуживает того, чтобы пожить в клевой гостинице и посмотреть на знаменитостей.»

Гарольд Сидер предложил нам сводить Джулиана в Диснейленд и пройтись с ним по киностудиям. Через свой офис он устроил так, чтобы с нами обращались, как с ОВП (очень важными персонами), и мы не должны были толкаться в очередях.

Обо всех приготовлениях Джон информировал Йоко. После одного звонка он повесил трубку и сказал: «Знаешь, Синтия все еще любит меня. Она сделает все, чтобы вернуть меня.»

«Джон, вы с Йоко не видели Синтию уже четыре года. Вы что, читаете мысли на расстоянии? Откуда вам знать, что у нее в голове? И даже если это правда, что может она сделать, если ты не хочешь вернуться? О чем тебе беспокоиться?»

Джон пожал плечами и попробовал засмеяться, но мне было ясно, что он все еще под влиянием наговоров Йоко, и что она решила, по каким — то своим загадочным соображениям, настроить его против Синтии. Даже я, находясь в уязвимом положении, понимала, еще не встретившись с Синтией, что она не

представляла угрозы для Джона. Тем не менее Йоко продолжала гнуть свое. На следующий день после одного из ее звонков Джон снова повторил то, что говорил накануне. Я снова попыталась в шутливой форме разубедить его, но он продолжал повторять все те смехотворные заявления и каждый раз, повторяя их становился все более возбужденным и убежденным, что не хочет видеть Синтию. Думаю, что в тот момент я более чем кто — либо другой начала бояться силы влияния Йоко на Джона. Обратить Джона против Синтии значило, что он наверняка никогда не увидит Джулиана.

* * *

Через несколько дней после моего возвращения в Л. А., я поговорила с Арлин, которая осталась в Нью — Йорке. У нее не было работы. Они с Йоко симпатизировали друг другу, и я предположила, что Арлин может работать у Йоко. Ей понравилась эта идея. Я поговорила с Джоном. «Я предложу это Йоко, — сказал он. — Если она подумает, что это твоя идея, она не откажет.» Когда Йоко позвонила, Джон дал рекомендацию, и та одобрила затею. На следующий день Арлин отправилась на работу к Йоко. За почасовую оплату она должна была все время находиться в распоряжении Йоко в качестве компаньонки.

Как только Арлин прибыла, Йоко сказала ей, что она должна помочь ей сделать произведение искусства для выставки Шарлотты Мурман. Мурман, старая подруга Йоко, заявила о себе в кругах авангардистов тем, что дала ряд концертов игры на виолончели, выступая с обнаженным торсом. Иногда к ее соскам подсоединялся измеритель электричества, протекавшего по ее телу, когда она играла. Мурман получила в свое распоряжение поезд на вокзале Гранд — Сентрал и отвела по одному вагону каждому из своих друзей — авангардистов, где они могли выставить свои новые работы.

Йоко не могла решить, что же ей делать со своим вагоном. Наконец она сказала Арлин, что сделает что — нибудь о жизни и смерти. Арлин было поручено добыть гроб. «Он нужен мне к завтрашнему утру! — сказала ей Йоко.

На следующий день гроб, а также цветочный горшок

и старинный фонограф были доставлены на вокзал Гранд — Сентрал и установлены в вагоне Йоко. Арлин, одетая во все черное, с покрашенными в черное ногтями, провела весь день, сидя в вагоне перед гробом и загадочно улыбаясь публике.

Арлин и Йоко были чрезвычайно довольны обществом друг друга. Йоко часто готовила для Арлин, они вместе гуляли и ходили в кино. Арлин также было поручено заказывать лимузин. Джона не волновали лимузины, и, когда заказывали машину, он предпочитал седан, считая эту модель менее претенциозной. Йоко же говорила Арлин: «Всегда заказывай удлиненную модель.» Длинный лимузин был самой большой моделью. Йоко наказывала Арлин, чтобы у той всегда был наготове длинный. Если в Дакоту доставляли какой — либо заказ, Йоко хотела, чтобы его также привозили на лимузине. Несмотря на попытки Гарольда Сидера обуздать расходы Йоко, счета за лимузин всегда были чудовищными.

Большей частью Арлин и Йоко ходили за покупками вместе. Хотя Йоко уже говорили, чтобы она прекращала швырять деньгами в магазинах, она понимала, что не может совладать с собой. «Зачем я трачу все эти деньги?» — спросила она у Арлин.

«Некоторые люди ходят к психологу, — отвечала та, — а твое лечение — это покупки.»

Йоко согласилась и усилила свою магазинную терапию, тратя тысячи долларов на одежду, которую никогда не собиралась носить.

Они с Арлин побывали у Генри Бендела, и Йоко купила замшевое пальто из свиной кожи с лисьим воротником и лисьей подкладкой, пальто из черно — бурой лисицы, двустороннюю куртку на бараньем меху и четыре дизайнерских платья. Цена за все это была 2300 долларов. Выходя из магазина Йоко заметила пластиковые браслеты. «Это нравится Мэй, — сказала она. — Я куплю их ей на рождество». Эта покупка добавила к ее счету еще пятнадцать долларов.

Арлин нашла Йоко весьма щедрой. Всякий раз, когда они ходили по магазинам, она покупала ей подарок. Арлин сводила Йоко в дамский магазин в Верхнем Ист — Сайде, где продавщица была медиумом. Йоко потащила ее из магазина в свой лимузин и привезла в Дакоту. Там продавщица предложила налить в стакан воды,

заглянуть туда и рассказать о видениях. Йоко была в трансе.

Через несколько дней они посетили еще одну женщину — спиритуалистку, которая проводила «спиритуалистическое очищение». С ее помощью Йоко устранила все вредные вибрации, которые она чувствовала вокруг себя.

Йоко часто посылала Арлин в дом, где жил Дейвид Спинозза, чтобы передать через привратника записку или подарок для него. Она также гадала, что подарить ему на Рождество. «Он не выносит того, что я на всем оставляю след своей губной помады, — сказала она Арлин. И вот что Йоко сделала для Спиноззы: она взяла кофейную чашку, припечатала ее губной помадой и положила в подарочную коробку. Перевязав подарок ленточкой, Арлин отнесла его Спиноззе. Я никогда не видела, чтобы Йоко пользовалась губной помадой, и эта история показалась мне очень странной.

Йоко никогда не упоминала при Арлин о моей связи с Джоном. Она сказала ей, что может вернуть его в любой момент, но не хочет, потому что, выходя за него замуж, она ожидала тихой, богатой и легкой жизни, в которой посвятит себя своей работе, но с Джоном становилось жить все труднее. Она также чувствовала, что сама стала достаточно знаменитой и не хочет больше делить свою славу с Джоном. Он стоял на пути ее карьеры, а она была настроена идти самостоятельно.

Когда Йоко сказала Спиноззе, что Джон ей мешает, и что она сама — настоящий композитор. Спинозза спросил ее, если она настоящий композитор, то почему она на каждом своем альбоме помещает фотографию Джона. Он предложил ей съехать из Дакоты, отказаться от неге Джона и записать альбом без какой — либо поддержки Джона. Это, сказал он, позволит ей обрести своих собственных поклонников и доказать свои собственные возможности. Йоко обвинила его в нетворческом подходе.

Я ничего не повторяла из этого Джону. Это напомнило мне «Рошомон», японский фильм, который я однажды смотрела. В нем четыре человека по — разному рассказывали одну и ту же историю, и каждый настаивал, что его рассказ — правда.

Между тем, пока мы готовились к визиту Джулиана и Синтии, у нас возникли другие проблемы. Не

последняя из них была связана с Филом Спектором, который ввязался в тяжбу по вопросу опекунства со своей женой Ронни. Слушание должно было состояться в январе. О чем бы с ним ни заговаривали, Спектор желал говорить только о предстоящем слушании. «Что, по — твоему, будет делать судья? Что, по — твоему будет делать Ронни?» — было все, что он мог сказать.

На вопрос об альбоме Джона он отвечал вопросом о слушании. Даже если вы спрашивали его, который час, он в ответ задавал эти же вопросы. Только это и было нужно Джону накануне приезда Синтии и Джулиана.

Все это походило на беспокойные студийные сессии Спектора, несколько из которых были запланированы на начало декабря. К тому времени из — за буйного характера этих сессий нас выкинули из студии А и М, и мы перебрались в Рекорд Плант. Джон продолжал пить во время записей, но не буйствовал. Один раз в ответ на какое — то замечание Спектор вытащил свой револьвер и стал размахивать им. Вдруг он поднял револьвер над головой и выстрелил. Звук был слышен в соседнем помещении. Я вскочила и побежала в примыкающую игровую комнату, где Мэл Эванс и Джон стояли, глядя на Фила. Джон тер уши. Наконец он сурово сказал: «Слушай, Фил, если ты хочешь убить меня, убей. Но не наебывай по моим ушам. Они мне нужны.» На следующий вечер мы ужинали с Мэлом. «Я нашел пулю», — сказал он.

«Какую пулю?» — спросил Джон. Эванс показал ему пулю, которую нашел на крыше Рекорд Плант.

Джон был поражен. «Это действительно обычная пуля! — воскликнул он. — Настоящая пуля.»

В конце концов запись снова отложили. Несмотря на всю озабоченность Джона, когда мы оставались вдвоем, нам было спокойно и хорошо. К тому же со времени моего возвращения наше физическое влечение друг к другу еще больше усилилось. Занятие любовью было существенной частью нашей связи. Мы желали друг друга физически и находили в занятиях любовью огромное наслаждение, волнение и эмоциональную разрядку.»

Ожидая Синтию и Джулиана, мы также продолжали появляться в высшем свете Лос — Анджелеса. Нам стали нравиться вечеринки, и мы оба торчали, когда видели звезд. Джон сам был легендарной личностью, но это не

мешало ему в душе восхищаться другими звездами. Всякий раз, когда мы отправлялись в Голливуд, мы ожидали увидать каких — нибудь знаменитостей. Больше всех Джону хотелось встретиться с Бриджит Бардо. Мы оба согласились с предположением, что Бардо вряд ли можно поймать в Биверли Хиллз.

Нам казалось, что в Лос — Анджелесе живут одни лишь богатые, знаменитые и влиятельные люди. Мне также казалось, что все эти люди походят на детей, собранных в маленьком городе и названивающих друг другу в поисках развлечений. По вечерам звезды шатались по улицам в поисках чем бы заняться. Вот почему многие из них приходили на наши записи. Наконец — то им было куда пойти.

В один из таких вечеров мы вместе с Шер и Гарри Нильсоном ужинали в одном шикарном китайском ресторане возле отеля «Биверли Вилшир». Я всегда балдела от китайской кухни в Голливуде. Эти изысканные блюда были ничем иным, как едой, которую готовила моя мама.

После ужина мы поехали по окрестностям в поисках чем бы заняться. Шер предложила съездить в Плейбой Мэншон Вест.

«Разве для этого не нужно приглашение?» — спросила я.

«Нам не нужно приглашение», — ответила она. Шер подъехала к воротам, вышла и взяла телефон на входе. «Это Шер», — объявила она. Ворота поднялись.

Нас подошли поприветствовать несколько Кроликов. Поскольку визит был неожиданным, эти Кролики были одеты в уличную одежду, а не в свои наряды. У них не было меховых ушей и хвостов из хлопка, одеты они были в брюки и блузки. «Мистер Хефнер сейчас к вам выйдет, — сказали они нам. «Чувствуйте себя, как дома.»

Мы побродили вокруг. Всякий раз, когда мы сталкивались с Кроликом, она предлагала нам посмотреть лам в зоопарке мистера Хефнера.

Наконец, мы вошли в Мэшон, и из своей спальни вышел Хефнер. Он был в пижаме, и его окружали Кролики — по одной на каждой руке, а остальные сзади. «Добро пожаловать, — сказал он. — Все к вашим услугам. Будьте как дома.»

Мы прошли в Гротто — большой паровой бассейн, построенный Хефнером для купания в голом виде. Все

ждали, кто же из нас разденется и поплывет голышом. Лично я не собиралась. Тут Джону вдруг пришла идея искупать Гарри. Как озорной ребенок он шепнул нам, чтобы на счет три мы столкнули Гарри в воду. Джон зашептал: «Один… Два… Три!» — и мы неожиданно бросились на Гарри и столкнули его в воду. Тот с довольствием стал плескаться. Затем Шер взобралась на вершину скал.

«Здесь так парит, — сказала она, — я потеряла свою ресничку.»

Мы все стали на четвереньки и, ползая в темноте, занялись поисками накладной ресницы Шер. Когда наконец ее нашли, Шер прилепила ее назад. Затем она вошла в бассейн и стала плавать. После этого все мы пошли в Мэншон. Хефнер провел нас по дому, демонстрируя все роскошное оборудование, делавшее его дом символом реально воплощенной фантазии. Когда мы ушли, Джон с кривой усмешкой заметил: «Очень впечатляюще. Я никогда не видел человека, у которого столько пепельниц. Я никогда не встречал человека с таким количеством пепельниц, в каждой из которых обязательно есть трубка.» Затем он сказал: «Я хочу поехать в студию, а не домой.»

В Лос — Анджелесе было так скучно и безлюдно, что Джону, как и многим другим музыкальным звездам, здесь было почти нечем развлечься.

В воскресенье после обеда позвонил Мик Джэггер и спросил, что мы делаем. У нас не было планов. Мы позвонили Джиму Келтнеру, у которого тоже не было планов. В честь альбома Джорджа Харрисона был основан «Клуб поклонников Джима Келтнера», которому был отведен час работы в студии для импровизационных записей музыкантов под руководством Джима. Джон решил возглавить очередную сессию Клуба Джима Келтнера с имевшимися в его распоряжении музыкантами.

В течение того дня музыканты перезванивались, желая набрать солидную группу, и в тот вечер в клубе группа была просто великолепная. Мик сказал, что он будет лидер — вокалистом, а Гарри Нильсон будет подпевать. Джесси Эд Дейвис и Дэнни Корчмар должны были играть на гитарах, Джим Келтнер — на барабанах, Бобби Киз и Тревор Лоренс — на трубах и Эл Купер — на клавишных. Джек Брюс был в соседней студии и пришел

играть на басе. В студию также собрали целую армию девиц, которых пригласили подпевать вместе с Гарри.

Джэггер нашел сингл, очень понравившийся ему, который назывался «У семи нянек». Никто его раньше не слышал, но прежде чем кто — либо успел задать ему вопрос, он всех убедил, что они должны сделать эту вещь. Мик был прирожденным лидером. Похоже, ему доставило удовольствие быть организатором, и он точно знал. что хочет от каждого. В нем также было что — то таинственное. Он мог осмотреть на тебя и подмигнуть, как бы говоря: «Ты думаешь, что можешь наколоть меня, ноя просто подыгрываю тебе. Тебе никогда не узнать, о чем я на самом деле думаю.» Это был необыкновенно балдежный человек.

После того, как Мик проиграл пластинку и снял текст, он собрал музыкантов вместе. Джон пожелал быть продюсером и не играть самому. Он пошел в контрольную кабину регулировать уровень микрофонов. Музыканты несколько раз прослушали пластинку, а затем быстро разработали аранжировку. Мик пару раз прослушал игру группы, попутно делая кое — какие подсказки. Музыканты также вносили свои идеи. Когда Джон дал на микрофон Мика эхо, тот сказал: «Джон, я не выношу эхо. Пожалуйста, убери его.» И Джон повиновался. В отличие от Джона Мику нравился свой вокал, и он не требовал, чтобы его украшали специальными эффектами. Через полчаса они были готовы начать. Они сделали три или четыре пробные записи, и Джон был продюсером.

Все внимательно прослушали, что получилось. Вокал и инструменты звучали великолепно, Джон мастерски сделал запись. «У Семи Нянек» была обработана, отрепетирована и записана за час с небольшим, что не шло ни в какое сравнение с сессиями Спектора.

Все были в восторге: результат был достигнут так легко, профессионально и экономично.

Оставшееся время несколько музыкантов проиграли вместе, пока остальные мотались по студии, разговаривая и отдыхая. Была выпивка, марихуана, но в целом вечер этот был встречей профессионалов, собравшихся для любимого дела — занятия музыкой. Это была компания единомышленников.

В тот раз час Клуба поклонников Джима Келтнера выдался на славу. Было очень весело и легко — не то,

что у Спектора. Такой интересный состав музыкантов никогда больше не собирался вместе, но запись их совместной игры — документ о вечере, когда Джон и Мик делали музыку вместе со своими друзьями — существует и поныне.

* * *

С приближением визита Синтии и Джулиана Йоко стала звонить еще больше. В один день я насчитала двадцать три звонка. В среднем, однако, она звонила раз пятнадцать. К концу месяца ее счет за разговоры на дальние расстояния составил 3000 долларов. Ее звонки все время держали Джона в напряжении. В ту ночь, когда я дала ей уговорить себя вернуться в Дакоту, она сказала мне, что мне придется побыть с ним пару недель. Прошли уже три. Йоко все время намекала мне, что я задерживаюсь дольше положенного, ноя не отвечала на ее намеки. Когда она расспрашивала Джона о наших отношениях, он также был немногословен. У нее не было точного представления о том, как у нас дела, и в надежде что — нибудь выяснить Йоко продолжала звонить и звонить.

За день до приезда Синтии и Джулиана Джон со злостью бросил трубку. У него был мертвенно — бледный вид. «Фанг Йи, — закричал он, — случилось что — то ужасное.»

Я посмотрела на него. Его глаза сверкали огнем. «Что такое?» — спросила я.

Джон не отвечал.

«Что она тебе сказала?»

Хотя он не отвечал, по выражению его глаз было ясно, что накануне приезда Синтии и Джулиана может разразиться буря.

«Ладно, не говори. Но послушай хотя бы меня, — твердо сказала я. — Я никогда многого не просила. Но сейчас прошу тебя об одном. Твой сын не видел тебя уже несколько лет. Чтобы тебе ни сказали, ты завтра должен хорошо встретить Джулиана.»

Джон не ответил. В раздумье, он прошагал взад и вперед до самой ночи. Мне не спалось, и я не ложилась. Джон вышел в гостиную и спросил, в чем дело.

«Я не могу перенести мысль, что ты можешь обидеть Джулиана. Это напоминает мне мое детство.»

Джон вдруг переменился. «У Йоко просто паранойя, — сказал он со смехом. — Она боится, что я вернусь с Синтией в Англию и разведусь с ней, и она получит небольшую компенсацию за развод — так же,

как и Синтия когда — то.»

Джон улыбнулся мне, но это было не надолго. Вдруг он нахмурился и замолчал. Я поняла, что он попал в ловушку между своим беспокойством и чувством справедливости.

Когда на следующее утро Джон встал, он так нервничал, что стал курить сигареты одну за другой и непрестанно расхаживать. Мы наняли лимузин, чтобы поехать в аэропорт. Когда он подъехал к нашему дому, Джон сказал водителю подождать. Он еще немного походил по комнате с сигаретой, но не пил. Наконец он решился. «Поехали», — сказал Джон и пошел к двери.

В лимузине он был поглощен нервозностью и таким же оставался в аэропорте, пока мы ждали посадки самолета.

Джулиан заметил Джона, как только они с Синтией прошли через пропускные ворота. Лицо ребенка озарилось широкой улыбкой. «Папа… папа!» — позвал он, подбегая к Джону.

Джон подхватил сына на руки и крепко обнял его. Потом он поприветствовал Синтию и вежливо поцеловал ее в щеку. «Привет, Мэй», — сказала она, протягивая руку.

«Ты помнишь, Мэй, когда она была в Англии?» — спросил Джон Джулиана. Мне было приятно, что он помнит, что мы играли с ним в Титтенхерсте. Мы повели их в лимузин. Сначала все молчали, потом Джон спросил Джулиана о полете. Восторженная речь мальчика сломала лед, и когда мы приехали в отель, все чувствовали себя более свободно.

В номере Джон и Синтия поговорили о старых временах, а я поиграла с Джулианом. Джон, однако, вскоре забеспокоился. «Нам нужно идти, — сказал он. — Мы завтра пообедаем все вместе», — добавил он.

«Отличная мысль», — воскликнула Синтия.

Джон направился к двери, и я последовала за ним. Он провел с сыном меньше получаса — вот и все, что получил Джулиан в первый день.

На следующий день Джон смог побыть с ними два часа до того, как его нервы не выдержали.

Настоящим испытанием должен был стать следующий день, в который мы планировали сводить Джулиана в Диснейленд. Джон не хотел брать Синтию. Джулиан, однако, спрятался за диваном и не шел, пока

не пойдет его мама, и в конце концов Джон уступил. По дороге у Джулиана было смешанное чувство между легкостью и стеснительностью перед своим отцом. Он сказал Джону: «Мне не верится, что я теперь могу говорить с тобой, когда захочу». Джон был озадачен. «Ты помнишь, как я навещал тебя в Англии? Мне разрешали говорить с тобой только один или два раза в день. Иначе мне вообще не разрешали говорить с тобой», — рассказал ему Джулиан.

Джон начал расслабляться. Он спросил сына о школе и о друзьях, какая ему нравится музыка и учится ли он играть на каком — нибудь инструменте. Синтия, как настоящая англичанка, была очень сдержанна, но ко мне она относилась дружелюбно и очень сердечно. Было видно, что у нее остались чувства к Джону. Также было видно, что она приехала в Штаты не для того, чтобы увести его у Йоко. Синтия считала, что поскольку они когда — то столько времени были вместе, они могут легко разговаривать друг с другом. Все в ней говорило о том, что она ничего не ждет от Джона, и тот был тронут ее сердечностью. Все шло много лучше, чем я надеялась.

Перед тем, как мы приехали в Диснейленд, Джон твердо сказал: надо остерегаться фотографов. Мне не нравится, чтобы ребенка снимали только потому, что у него знаменитый папаша. Не выношу всех этих звезд, которые для рекламы фотографируются семьями. Если я увижу фотографа, я разобью его ебучую камеру.»

Когда мы вошли в парк, Джулиан очень оживился. Он носился от одного аттракциона к другому, уговаривая Джона идти за ним. Похоже, им было весело вместе. Когда они побежали куда — то вперед, Синтия повернулась ко мне. «Когда я узнала о вас с Джоном, я была очень рада. Я поняла, что Джулиан сможет снова увидеть своего отца. В самом деле, — сказала она на свой английский манер, — чтобы ни произошло между нами с Джоном, ему не следует разводиться и со своим сыном.»

Синтия тепло улыбнулась мне, и у нас завязался разговор о нашем детстве. Я понимала, что это довольно странная встреча первой жены и любовницы, но Синтия не испытывала никакой ревности. Я сказала ей, что мы счастливы, и что у нас возникают проблемы, только когда Джон напьется.

«Джон всегда пьет, когда чувствует себя

неуверенно, — ответила она. — Когда ему было девятнадцать, он отчаянно хотел добиться успеха как музыкант и боялся, что не сможет. Когда он был пьян, кому — нибудь всегда доставалось.»

Джон был в восторге от прогулки и от Джулиана. «Он как маленький мужчина, — все время повторял он мне. — С ним можно поговорить. Он может размышлять и обсуждать вещи. Я в изумлении.»

Через два дня мы вместе с Синтией ужинали в доме Мэла Эванса. Все немного выпили и после ужина уселись на полу, слушая, как весело Синтия и Джон вспоминают добрые старые денечки. Они позабавили нас рассказами о своем времяпрепровождении в ашраме Махариши Махеш Йоги. В конце Синтия заметила: «Знаешь, Джон, я всегда хотела еще одного ребенка.»

«От кого?» — спросил Джон, уставившись на нее.

Синтия помедлила. «От тебя», — ответила она небрежно.

«Я не могу больше иметь детей. Я стерилизован.»

«Не понимаю», — сказала Синтия.

«Я точно знаю, что не могу больше иметь детей. Меня проверяли медики, и у моей спермы слабый импульс из — за того, что я принимал наркотики.»

Вскоре после этого Джон решил уйти.

По дороге домой он размышлял о замечании Синтии насчет ребенка. Как только мы вернулись, он позвонил Йоко. «Ты была права, Йоко, — сказал он. — Она по — прежнему любит меня и сделает все, чтобы вернуть меня.»

Несколько дней спустя мы с Джоном решили пойти в «Трубадур». Он предвкушал это уже давно. Ему нравилось, как Энн Риблз исполняет «Я не переношу дождя», и он очень хотел пойти на открытие ее шоу в «Трубадуре». Перед концертом мы ужинали вместе с Джимом Келтнером и его женой Синтией, Джесси Эдом Дейвисом и его подружкой Пэтти. Джесси привел с собой какого — то дружка, типичного хиппи, оставшегося безымянным и почти все время молчавшим. Когда мы приехали в ресторан, я сразу заметила, что Джесси ведет себя как — то странно.

Джесси, как и Фил Спектор, любил, когда откалывались какие — нибудь штучки. Людей такого типа Джон и выбирал себе в друзья. Ему нравилось идти у них на поводу, но, к несчастью, когда он был с ними,

его склонность к саморазрушению выходила на поверхность.

Как только появился официант, Джон заказал выпивку, которую он недавно полюбил: бренди «Александр». Хотя он и пил водку, Джону нравились напитки со сливками и сладкие ликеры. Вкус у них был, как у молочных коктейлей, и он мог глотать и х быстро и легко. Джон пользовался алкоголем, как лекарством, чтобы успокаивать свои нервы. Словно ребенок, он предпочитал вкусные, сладкие лекарства, которые совсем не походили на лекарства.

«Я хочу есть, — сказала я. — Давайте закажем что — нибудь.»

«Еще рано», — сказал Джесси.

Подозвали официанта и заказали еще выпивки. Затем еще по двойной. Наконец заказали ужин. К тому времени Джон уже начал балдеть и немного терять контроль. Я поняла, что предстоит веселенькая ночь.

Во время ужина Джон сходил в уборную. Там в кладовой он раскопал коробку с санитарными салфетками и каким — то образом прилепил ко лбу гигиенический тампон. Джону это казалось забавным, Джесси, конечно, тоже. Келтнеры и я пытались снять с него этот тампон, но чем больше мы уговаривали его, тем более непреклонным он становился. «Мне так нравится, — сказал он. — Мне так нравится.»

Джон и Джесси заказали еще выпивки и так расшумелись, что управляющий сказал нам, что, если мы не утихомиримся, нам придется уйти. Джона уже пора было вести домой, но я боялась, что если увести его, не посмотрев Энн Риблз, то он может еще больше разбуяниться. В любом случае я знала, что предстоит шумный вечерок.

Джон решительно собирался идти в «Трубадур» с тампоном. «Молодец, Джон, — сказал Джесси. — Ты должен делать то, что тебе хочется.»

Когда мы пришли в «Трубадур», клуб был наполнен публикой. Наконец к нам подошла официантка. У нее было много работы, и она явно была в запарке. Вместо того, чтобы просто сделать заказ, Джон стал дразнить и подкалывать ее. «Это Джон Леннон. Ты знаешь, что это Джон Леннон?» — говорил ей Джесси. Джон ухмылялся ей. Официантка не отвечала и только со злостью смотрела в сторону. Джон еще подразнил ее, Наконец

напитки были заказаны и доставлены. Во время выступления Энн Риблз Джон выкрикивал непристойности. Его голос резко звучал по всему залу.

Некоторые смеялись, кто — то возмущался, а некоторые оборачивались и шикали на него. На все это Джон отвечал новым залпом ругательств, еще более громким. Аудитории не хотелось, чтобы шоу было испорчено. В то же время их завораживало, что это сам Джон Леннон публично борзеет.

Джон продолжал в том же духе, и публика разволновалась еще больше, так что в конце концов нас попросили оттуда. Когда мы вышли к автостоянке, Келтнеры попрощались и ушли.

Джим Келтнер, человек с мягкими манерами, весь вечер держался с юмором. Позже он как — то сказал мне, что слышал однажды о том, что когда БИТЛЗ были в Гамбурге, после выступлений Джон иногда напивался, и, притворяясь немцем, выходил и нападал на английских моряков, которые впоследствии обвиняли немцев в избиении и грабеже. Джим всегда считал, что в отличие от их публичного имиджа в БИТЛЗ была темная сторона, и его не удивили пьяные выходки Джона.

После ухода Келтнеров Джон все еще со своим причудливым головным убором стал настаивать, чтобы Джесси, Пэтти и тот молчаливый друг пошли к нам домой.

«Нет, Джон, — сказала я. — Достаточно на сегодня.»

«Мы хотели бы пойти», — твердил Джесси.

«Не будь невежливой с нашими гостями», — сказал Джон.

Когда я вела машину назад на Вест — Харпер авеню, Джон вдруг заявил: «Я хочу выйти».

«Мы почти дома, Джон», — сказала я ему.

«Я хочу выйти сейчас». Несмотря на то, что машина ехала, ДЖон открыл дверь и выпал на дорогу. Я подъехала назад и вышла к нему. Он был так силен, что чуть не сбил меня с ног. Наконец мне удалось втащить его в машину.

Когда мы пришли домой, Джон осмотрелся, хихикнул и сказал: «Здесь слишком светло». Он взял сковородку и разбил ею кухонный светильник. Вместе с Джесси они разразились хохотом.

Мы с Пэтти уселись в гостиной, наблюдая за Джоном и Джесси. Тот или другой говорили какую — нибудь

глупость, и оба заливались еще более истерическим смехом. Я встала и пошла в ванную, попросив Пэтти присматривать за ними. Вдруг я услышала глухой удар. Потом Пэтти закричала: «Ты убил его!»

Я побежала назад в кухню. Джесси лежал на полу.

«Ты убил его! Ты убил его!» — причитала Пэтти.

«Нет, не убил!» Джон взял из холодильника банку апельсинового сока и вылил его на Джесси. Тот пошевелился.

Джон ухмыльнулся. «Видишь, он вовсе не мертвый».

Он объяснил, что пошел в кухню за кока — колой. Джесси последовал за ним. Джон достал бутылку кока — колы и треснул ею по голове Джесси. Тот рухнул на пол.

«Ты убил его!» — снова завизжала Пэтти.

«Он в порядке», — заверила я ее.

«Джон убил его!» — вопила она.

Я постаралась поставить Джесси на ноги. «Ты убил его!» — кричала Пэтти, хотя видела, что Джесси, качаясь, идет к дивану. «Он умер!» — выкрикивала она, хотя тот уже сидел и улыбался.

В это время раздался стук в дверь.

«Кто там?» — спросила я.

«Полиция».

Я посмотрела в дверную щель и увидела униформу. «Кто это?» — снова спросила я.

«Полицейское отделение Лос — Анджелеса», — ответил сердитый голос.

«Блядство!» — воскликнул Джон.

Полиция всегда вызывала в нем страх. Их вид напоминал ему то, как в 1968 году он с Йоко был схвачен за хранение наркотиков. Он бросился вверх по лестнице и спрятался в спальне. Снова раздался стук полиции. Я попыталась открыть дверь, но кто — то запер ее изнутри и вытащил ключ из замка.

Полицейские постучали снова.

«Одну минуту, — сказала я. — Это глухой замок, и мне надо найти ключ.» Я стала искать ключ по квартире. Стук продолжался. У Пэтти его не было, у Джона и Джесси — тоже. «Кто взял ключ?» — кричала я. Потом я побежала назад к двери поговорить с полицией.

«Вы это ищите?» — это был друг Джесси, который молчал весь вечер. Он дал мне ключ, и я открыла дверь.

В лицо мне смотрели револьверы и яркие фонари. «Была жалоба, что в этой квартире стреляли», — сказал

офицер. Они продолжали держать револьверы, проходя мимо меня в квартиру.

«Посмотрите, — сказала я. — Мы просто выпили и подурачились, но никого не убивали.»

Полицейские чувствовали запах спиртного и не опускали свои револьверы. Ничего не найдя внизу один из них сказал: «Посмотрим наверху.»

«Сейчас», — сказала я и поднялась по лестнице. Полицейский с револьвером в руке следовал за мной. Увидев Джона, он занял боевую стойку, держа револьвер обеими руками.

«Джон, ты должен спуститься вниз», — тихо сказала я.

«Нет.» — Он был в необычайном напряжении.

«Ты должен спуститься, — спокойно повторила я. — Если они поднимутся за тобой, будет хуже.»

«Блядство.»

Джон медленно последовал за мной мимо полицейского и спустился по лестнице. Все полицейские с восторгом смотрели на него. Однако они все еще направляли свои револьверы и фонари в его сторону. Джон улыбнулся им.

Самый младший фараон почтительно спросил: «Как вы думаете, БИТЛЗ когда — нибудь соберутся вместе?»

«Кто знает, — нервно ответил Джон. — Кто знает.»

У полицейских не было ордера на обыск, но они все же внимательно осмотрелись вокруг — вероятно, в поисках наркотиков. Затем они сказали нам больше не шуметь и ушли. Их посещение подействовало на Джесси отрезвляюще, и вскоре они с Пэтти решили пойти, забрав с собой своего молчаливого друга.

Я проводила их до машины. Стоя на улице, я слышала, как Джон кричал: «Я ненавижу Романа Поланского. Он ебучий козел.» В его голосе слышались в равной степени ярость и мука. Он кричал так же, как и в ночь, когда Спектор связал его.

Я ринулась назад в квартиру. Джон был наверху. Трясясь от ярости, он пытался выломать одну из четырех стоек кровати. «Это все из — за Романа Поланского! — кричал он. — Во всем виноват Роман Поланский!» Мы встречали Романа Поланского на нескольких вечерах, и Джон никогда не выражал злости по отношению к нему. На моих глазах он начал методично разрушать все, что попадалось ему под руку. Он поднял телевизор и с силой

швырнул его об стену. Взяв светильник, он разбил им зеркало, а потом разбил светильник об стул. Он вытащил из шкафа ящик и стал рвать на клочки одежду. Я постаралась успокоить его, но когда я приблизилась к нему, Джон сорвал цепочку с моей шеи — цепочку, которую, как он знал, я обещала своей маме никогда не снимать — бросил ее на пол и растоптал.

Мои слова не действовали на него. Джон был в ярости из — за того, что позволил Джесси манипулировать собой и был унижен действиями полиции. У него снова случился заскок. Самым лучшим было держаться от него подальше. Я старалась сохранять спокойствие, нов таком состоянии Джон был очень опасен, и я боялась его.

Мне была нужна помощь, но я не знала, кого разбудить. Подумав немного, я решила позвонить Йоко. В конце концов я позволила ей уговорить себя вернуться — пусть знает, на что она меня подбила.

Пока я с ней говорила, ей были слышны звуки разрушения. Йоко не захотела участвовать в этом. «Позвони Эллиоту Минцу», — обрубила она и повесила трубку.

Я тут же позвонила Эллиоту, который сказал, что уже идет.

«Эллиот, — заорал Джон. — Я не потерплю этого еврейского ублюдка в моем доме. Я убью его, если он войдет сюда.»

Я опустилась вниз и старалась сохранять спокойствие, пока не придет Эллиот, а Джон наверху продолжал все крушить. Время от времени он выходил на лестницу и выкрикивал: «Если я увижу этого еврейского ублюдка, я убью его.» Однако Джон не спускался, и шум вскоре прекратился. Я подумала, что он вырубился и потихоньку поднялась, готовая убежать, если Джон все еще не спит. В комнате был завал, и Джон отрубился на сломанной кровати. Мне стало так грустно, что я заплакала. Эллиот так и не пришел.

Проснувшись утром, Джон посмотрел вокруг. «Я снова наделал дел? — спросил он, опять ничего не помня. — Что случилось?»

Я протерла глаза и дрожащим голосом описала, что было.

Джон поднял свою разбитую гитару «Мартин»: на нее упал телевизор. «Впервые за все эти годы я сломал

свою вещь». Он повернулся и печально посмотрел на меня. «На тебе нет твоей цепочки», — сказал он. Я показала ее. «Извини, извини, — тихо сказал Джон. — Я не хочу, чтобы Джулиан узнал об этом.»

Я встала и приготовила кофе. Позвонила Йоко. Она назвала три причины ночного происшествия, и Джон повторил их мне: Джон взорвался потому, что я не делала свою работу, что Синтия хотела вернуть его, и что он увиделся с Джулианом, несмотря на то, что ей было обидно от того, что она не может увидеться со своей дочерью, Киоко, которую, как утверждала Йоко, похитил ее отец, второй муж Йоко, Тони Кокс.

Вскоре позвонил Эллиот Минц и сказал, что подошел к входной двери, но услышав, как Джон кричит, что убьет его, решил не входить.

«Он очень смелый человек», — сардонически заметил Джон, когда я отошла от телефона. Затем он позвонил Джулиану и с удовольствием поболтал с ним. Похоже было, что они с Синтией ничего не знали о случившемся, и Джону стало легче.

Когда в полдень мы вышли из дома, перед зданием была небольшая толпа. Пока мы шли к машине, они тянулись за нами. Нам еще не было известно, что мы стали газетной сенсацией. На первой странице был помещен подробный материал об «Инциденте с «коктесом» в «Трубадуре», в котором приводились слова официантки о том, что Джон настойчиво повторял ей, что он Джон Леннон (что было неправдой), и что она ответила ему: «Ты просто придурок с «коктесом» на голове» (чего я от нее не слышала). Газета также описывала посещение нашей квартиры полицией и напечатала наш адрес. Теперь было понятно, почему возле дома месились люди. К вечеру их стало еще больше. Все время звонил телефон, и репортеры просили информации из первых рук.

Джон чувствовал себя в западне. Он не хотел выходить к толпе, но и торчать в заточении не хотелось.

«Нам надо убраться отсюда, — сказал он. — Давай переедем в отель.»

«А как мы за него будем платить?» — спросила я.

Джон задумался. «Мы внесем эти расходы в бюджет альбома. Поехали.»

Собрав вещи, мы переехали в отель «Биверли Вилшер». В течение трех месяцев мы дважды вселялись и

выезжали из квартиры Гарольда Сидера, въехали и выехали из дома Лу Адлера и слетали в Нью — Йорк, вернувшись на следующий день в Лос — Анджелес. Когда мы регистрировались в отеле, Джон повернулся ко мне и сказал: «Мне следует назвать род своих занятий — цыган».

На следующий день мы увиделись с Синтией и Джулианом. Хотя они читали обо всем в газетах, они ни словом не обмолвились об инциденте с «коктесом», и мы тоже молчали. Визит Джулиана приближался к концу, и Джон изо всех сил старался в эти последние дни доставить своему сыну как можно больше удовольствия. Поскольку Джулиану очень понравился Диснейленд, мы сходили туда еще два раза.

Когда они уезжали, мы отвезли их в аэропорт. «Я хочу снова приехать к тебе в следующие каникулы», — сказал Джулиан Джону перед посадкой в самолет.

Когда мы вернулись в машину, Джон откинулся на спинку сиденья и с глубоким облегчением выдохнул.

«Ты должен дать мне одно обещание», — сказала я по дороге домой.

«О чем?»

«Я хочу, чтобы ты звонил один раз в неделю Джулиану. Будет ужасно, если ты разочаруешь его, снова исчезнув. Ты для него теперь реальность и должен поддерживать с ним связь.»

Джон что — то промямлил. Потом сказал: «Это правильно. Я обещаю тебе, Фанг Йи.» Помолчав немного, он вдруг сказал: «Мне очень хотелось бы поддерживать отношения со своим сыном.»

После отъезда Джулиана наше внимание естественно переключилось снова на Спектора, который был озабочен одним: судебным слушанием дела об опекунстве. «Слушание завтра, и мне нужно, чтобы вы пошли со мной. Мне нужно, чтобы вы были со мной в зале суда. Мне нужно, чтобы вы сидели рядом со мной.»

Мы решили пойти. Джон действительно хотел помочь. Но как только Спектор увидел свою жену Ронни в зале суда, он вскочил и стал на всю комнату выкрикивать ругательства в ее адрес. Джон изо всех сил старался усадить его, и кончилось тем, что они стали спорить между собой.

«Я думал, ты хоть на этот раз будешь вести себя спокойно, — сказала Джон. — Неужели ты собираешься

прийти сюда днем и разораться перед судьями?»

Спектор снова разразился гневной оскорбительной тирадой. «Джон вздохнул. «Фил…, — сказал он устало. — Фил…», — героически пытаясь образумить его, но Спектора было невозможно остановить.

«Мне противно. Я больше не могу.» — Джон взял меня за руку, и мы встали, оставив Спектора на полу фразе. Мы так и не узнали, чем закончилось слушание. Джон не хотел звонить ему, а Спектор не позвонил нам.

* * *

Через несколько дней Гарольд Сидер сказал, что хочет обговорить с Джоном все проблемы Эппл. «Эти дела слишком запутанные, чтобы говорить по телефону. Лучше, если мы встретимся.»

Поскольку все юристы Джона базировались в Нью — Йорке, Сидер предложил нам на недельку вернуться в Нью — Йорк, чтобы встретиться сразу со всеми.

Сидер позвонил в тот момент, когда работа над альбомом Спектора совсем прекратилась, и Спектор не отвечал на наши звонки. В любой нормальной ситуации такой альбом мог быть завершен за месяц. У нас же уже ушло три месяца, и конца этому не было видно.

«Съездим на неделю в Нью — Йорк и по крайней мере выясним юридические дела», — сказал Джон. Он попросил Мэл Эванса встретиться в квартире Гарольда Сидера. Мы не были там после того, как Джон разгромил ее после инцидента с «коктесом». Сидя с Мэлом среди завала, Джон сказал: «Мэл, мы уедем на недельку. Я хочу, чтобы за это время все в этой квартире было восстановлено и расставлено по местам. Чтобы, когда мы вернемся, все было, как новое.»

«Я все сделаю», — ответил Мэл.

«Я также хочу, чтобы отремонтировали мою гитару.»

«Она будет как новая.»

Джон дал Мэлу мою цепочку.

«Это самое важное. Я хочу, чтобы ее починили и починили отлично.»

Мэл взял цепочку. «Я займусь этим в первую очередь завтра утром.»

* * *

Мы решили, что в Нью — Йорке будем жить в моей однокомнатной квартире, которую Джон всегда считал уютной и симпатичной. Предыдущие пять месяцев мне приходил счет за аренду жилья, и я платила 195 долларов из своих сбережений. Я никогда ничего не хотела от Джона, но мысль о том, что за пять месяцев я истратила 1200 долларов, действовала мне на нервы: я копила их три года.

Когда я сказала Джону, что не могу больше позволить себе платить за аренду, он сказал: «Я хочу, чтобы у нас всегда было. где остановиться в Нью — Йорке.» Мне не хотелось терять квартиру, и Джон посоветовал отсылать мой счет за аренду его бухгалтеру.

Потом Джон позвонил Йоко и сказал, что мы едем. «Если понадобится, найдешь нас у Мэй», — добавил он. Мы собрались и на следующий день уехали.

Когда мы добрались ко мне домой в Нью — Йорке, Джон растянулся на кровати. «Хорошо быть снова в Нью — Йорке! Я всегда чувствую себя лучше здесь!» Он не придуривался. Почти сразу произошла удивительная трансформация, и наша жизнь в Нью — Йорке стала исключительно нормальной, весьма напоминающей то время, когда мы были вместе в конце лета, когда Йоко была в чикаго. Мы рано вставали и ложились, как только заканчивалось шоу Джонни Карсона. По утрам мы пили кофе, читали газеты и звонили по телефону. Джону, раньше не любившему ходить пешком, нравилось бродить по Манхэттену, и после обеда мы обычно подолгу гуляли. Особенно нам нравилось прохаживаться по пятой авеню, рассматривая витрины магазинов. Время от времени люди обращали внимание на Джона, но, к их чести, не беспокоили его.

По соседству с моим домом мы обнаружили небольшой мексиканский ресторанчик и постоянно заходили туда отведать мексиканские комбинированные блюда. Больше всего Джон любил хопперы, и мы часто набирали их полную сумку и брали с собой домой. По вечерам мы иногда ходили в кино, стоя в очереди за билетами, как все. Больше всех нам понравился фильм «Как Все Было».

Вечером Джон также любил ходить в ресторан «Дом» Ричарда Росса. Ричард, которого я представила Джону, с удовольствием обслуживал его. Как только мы появлялись там, Ричард бросал все и не отходил от

Джона, считая за честь принимать его у себя. Джон понимал, что нам нужны друзья. В обществе он чувствовал себя хорошо только с друзьями — музыкантами. Однако он полагался на таких людей, как Росс и Эллиот Минц. Джон всегда считал, что посторонние чего — то ждут от него, чего — то, что он может не выполнить, и поэтому он всегда боялся их. Он знал, что никогда не разочарует Ричарда: один лишь вид Джона приводил того в трепет. Порой казалось, что такое рабское преклонение перед Джоном позволяет ему чувствовать себя на публике раскованно.

Джон несколько раз напился в «Доме», а также один раз в японском ресторане, но не буянил.

Кроме хорошего настроения были и другие показатели того, что он в отличной форме. Он отчаянно хотел писать новые песни, но в течение предыдущих четырех месяцев к нему ничего не приходило. Почти сразу, как мы прибыли в Нью — Йорк, когда Джон ложился спать, он начинал записывать слова, фразы и образы в блокнот, который всегда был возле кровати с его стороны. По утрам он с восторгом рассматривал свои записи.

С каждым днем он становился все более уверенным в себе. В конце нашей первой недели в Нью — Йорке я заболела, а в доме не было еды. К моему изумлению Джон вызвался сам сходить в супермаркет.

«Чего ты хотела бы?» — спросил он.

«Я сама схожу», — сказала я.

«Нет, у меня есть деньги. Я могу сходить.»

Мы составили перечень продуктов, и Джон пошел в магазин. Через полчаса он вернулся с двумя мешками. Он ликовал. «Я не ходил в магазин уже с детства. Мне это ужасно понравилось!» — воскликнул Джон. Прогулка в супермаркет может показаться тривиальной, но для Джона это было большим делом, ибо он сам в такие общественные заведения никогда не ходил. Он горел желанием снова пойти в супермаркет, что и сделал. Скоро у него вошло в привычку выбирать, что он хочет поесть, вместо того чтобы есть, что ему дадут. Джон также стал спокойно расплачиваться в кассе. В Лос — Анджелесе ему нравилось, когда за него платили другие, потому что считать мелкие деньги, как и набирать номер телефона, было нудно. Мне же хотелось, чтобы Джон действовал независимо, и на эти походы в супермаркет я

смотрела как на важный шаг в этом направлении, и очень ему радовалась.

Джон даже стал более решительно разговаривать с Йоко по телефону. Эти звонки начались в ту ночь, когда мы приехали. Оставаясь безучастным ко всему, что бы она ни говорила ему, он не желал тратить на нее много времени. Часто он отходил от телефона через три — четыре минуты. На следующий после приезда день Джон не на долго съездил в Дакоту. Это был визит вежливости, и он вернулся уже через полчаса. Йоко, видя отчужденность Джона, стала в конце концов звонить реже и, похоже, теряла интерес к руководству нами.

Через пару дней после нашего приезда была назначена встреча Джона с его адвокатами. Эту встречу проводили Гарольд Сидер, Дейвид Долдженос и Майкл Грэхем.

Если кто — либо из Битлов выпускал сольный альбом, как " M i n d G a m e s " Джона, деньги от продажи пластинок уходили в Эппл. В Англии эти гонорары были заморожены судом. Убежденный в том, что теперь у него будут самые успешные соло — альбомы, Пол МакКартни решительно хотел, чтобы гонорары за них шли непосредственно ему. Лучшим способом достичь этого было выработать удовлетворительное условие раздела Эппл. Пол, из БИТЛЗ настаивал на этом больше всех.

Разбирательство дел в Эппл выдвинуло новые проблемы. Предъявил иск Аллен Клайн. Он подал в суд на Джона, Ринго и Джорджа за нарушение контракта, а также на корпорацию Эппл, поскольку с ним было подписано соглашение об управлении этой корпорацией БИТЛЗ. Хотя Пол был партнером в Эппл и, как партнер, тоже попадал под иск Клайна, он не собирался отдавать ему деньги от своих сольных альбомов. Он настаивал на том, что остальные БИТЛЗ должны компенсировать ему деньги от его сольных альбомов, которые пойдут Клайну, если тот выиграет дело.

Было удивительно видеть, как много проблем возникало при разделе Эппл. Например, в недвижимое имущество корпорации входили и дома БИТЛЗ. Нужно было выработать решение, как разделить все имущество и состояние Эппл.

В добавок, все расходы Джона и Йоко в Нью — Йорке также относились к корпорации Эппл.

Джон сказал мне, что эти расходы оцениваются в два миллиона долларов. БИТЛЗ не хотели принимать их, а особенно расходы на выпуск альбомов Йоко. От Джона требовали, чтобы он вернул корпорации эти деньги.

Казалось, что Джону предстоит до бесконечности выяснять все эти проблемы. Во время встреч он внимательно слушал, время от времени задавая вопросы по каким — либо пунктам. Однако главное, что его заботило, был «конечный счет». Джон считал, что в любом случае он должен будет кому — то что — то отдать для решения проблемы. «Какую сумму мне придется отдать им? Придется ли мне отдать права на какие — нибудь альбомы или песни?» — спрашивал он в упор. Для него это было главным, и он не хотел, чтобы кто — то прибрал к рукам то, что, как он считал, по праву принадлежало ему.

В конце недели, когда одна из этих встреч подходила к концу, Дейвид Долдженос как — то нервно посмотрел на меня. Я поняла, что он хочет что — то обсудить с Джоном наедине. Джон тоже это почувствовал. Долдженос, однако, не попросил меня уйти, Джон тоже. Наконец адвокат сказал: «Есть еще один вопрос, который нам надо обсудить.» Он почувствовал себя еще более неловко. Потом, посмотрев на Джона, он сказал: «Мне трудно начать, потому что Йоко просит себе адвоката для развода.»

На лице Джона отразилось удивление. Однако он быстро овладел собой и мило улыбнулся. Так он улыбался, когда не хотел, чтобы кто — то понял, о чем он думает. В комнате стояла напряженная тишина, и Долдженос не знал, продолжать ли ему. Джон впился в меня взглядом, и я поняла, что он хочет, чтобы я вышла.

Я встала и, извинившись, вышла из комнаты и села в приемной. Должна признать, что я была удивлена, как и Джон. Эта новость застала нас обоих врасплох. Первой моей мыслью было, что она что — то задумала — что — то, чего я не понимала и чему не доверяла. Джон вел себя очень независимо, и мне казалось, что Йоко пытается подложить мину под его вновь обретенную уверенность в себе.

Я, конечно, была бы в восторге, если бы Йоко действительно хотела развестись с Джоном, но это было бы слишком просто. Конечно, я хотела, чтобы Джон женился на мне, но вряд ли он смог бы полностью

освободиться от своей нужды в Йоко. Мечтать о браке с Джоном было бы губительно для меня, поэтому я всегда гнала от себя эту мысль.

Как Джон отреагирует на это заявление Йоко? Я недоумевала. Не напугается ли он так, что начнет пить и буйствовать, как в Лос — Анджелесе? Я чувствовала себя выбитой из седла, как и в тот день, когда она предложила мне уйти с Джоном.

Волнуясь, я ждала в приемной, не зная, что ожидать от Джона, когда он выйдет, и, надеясь, что он не взорвется и не выльет на меня свой страх и злобу. Ждать пришлось полчаса, в течение которых я лихорадочно размышляла.

Когда Джон наконец появился, он добродушно улыбался. Подойдя, он поцеловал меня в щеку. «Я только что звонил Йоко, — сказал Джон. — Сейчас поеду туда. Хочу узнать, что у нее на уме.» Как ни странно, волновалась лишь я, и Джон, почувствовав это, обнял меня. Держась за руки, мы вышли из офиса. В такси он был в приподнятом настроении, как будто заявление Йоко доставило ему большую радость. Я знала, что он всегда был в восторге от ее игр, и подумала, что это и было причиной его удовольствия. Я не допускала мысли, что именно он и хочет развода.

«Я вернусь через час», — сказал Джон, когда такси остановилось у моего дома. Он еще раз поцеловал меня перед тем, как я вышла, а потом поехал в Дакоту.

Когда я поднялась, звонил телефон. Это была Йоко. Она даже не поздоровалась, когда я взяла трубку.

«Мэй, как настроение у Джона?» — спросила она.

«Похоже, что отличное», — ответила я.

«Знаешь, я боюсь его. Я очень боюсь его», — резко сказала Йоко.

«По — моему, тебе не о чем беспокоиться», — спокойно ответила я.

«Он точно в норме? А то я могу позвать слесаря, чтобы переделать все замки до его прихода. Мне не хочется, чтобы он что — нибудь сделал со мной.»

«Все будет нормально, Йоко, нормально.»

Она бросила трубку.

Через два часа Джон вернулся, держа в руках красивое пальто с енотовым мехом. Он вручил его мне, и я надела его.

«Откуда это у тебя?» — спросила я.

Джон хохотнул. «Сейчас все расскажу. Йоко не носит это пальто, и я сказал, что оно нужно нам. Ведь мы сейчас не можем позволить себе купить тебе пальто. Она сказала: «Дай мне сначала его примерить, идет ли оно мне.» Оно не подошло, и Йоко сказала: «Я отдам тебе это пальто при одном условии: скажешь Мэй, что это от меня.»

Джон громко захохотал. «У меня есть точно такое же пальто, Йоко сказала мне, что его взяла на время Арлин, и ей придется попросить Арлин вернуть его.» Он помолчал, а потом улыбнулся мне. «Знаешь, Фанг Йи, к июню я буду свободным человеком.»

Я внимательно посмотрела на него. «Это идея Йоко или твоя?» — спросила я.

«Мы обсудили это, и решили, что совместная жизнь у нас не получается, и будет лучше, если мы расстанемся, хотя мы и не безразличны друг другу.»

«Ты действительно этого хочешь?»

«Все к лучшему.»

Он подошел и поцеловал меня. «А теперь почему бы тебе не позвонить и не поблагодарить Йоко за пальто. Надо поддерживать добрые отношения.»

Я все еще подозревала неладное, но не могла отрицать, что была взволнована новостью, которую принес Джон. Он держал меня за плечи, пока я набирала номер Йоко.

«Йоко, это Мэй, — сказала я. — Джон только что пришел и передал мне пальто. Оно великолепно. Спасибо, что ты подумала обо мне. Спасибо большое.»

«Я рада, что оно тебе нравится. Я весь день думала о том, чтобы дать его тебе, — ласково ответила она. — Мэй, я не хочу, чтобы ты мерзла, и теперь тебе будет тепло. Я очень рада этому.»

«Спасибо тебе», — повторила я.

«Мэй, я хочу, чтобы ты была счастлива.» Йоко помолчала, а потом сказала: «Я хочу посмотреть свой остальной гардероб — что еще можно отдать тебе. Как только закончу, позвоню тебе.»

Когда я повторила Джону обещание Йоко, он скептически посмотрел на меня. С этого момента Йоко участила свои звонки, но хотела говорить только со мной. Эти звонки были «сестринскими» звонками: моя старшая сестра хотела посплетничать о реакции Джона на развод. «Как он сегодня… Как он воспринимает

новости?.. Он сказал что — нибудь?.. Какое у него настроение?..»

Мне был неприятен такой тон девичьих сплетен, и я настаивала на том, чтобы Йоко говорила с самим Джоном. Это только подстегивало ее выжимать информацию из меня. Ей, похоже, было трудно принять тот факт, что Джон весел и спокоен, с оптимизмом относится к разводу и даже смеется над ее бесконечными попытками добиться, чтобы я делилась с ней своими наблюдениями за его состоянием.

Я не позволяла себе всерьез думать об этом. В глубине души я была убеждена, что, если дойдет до дела, Йоко не станет разводиться с Джоном, и мне не хотелось планировать для себя какого — то будущего счастья. Все, что я хотела, это жить день за днем, и того, чтобы Джон был спокоен и счастлив, этого было достаточно для меня. К тому же меня вдохновляло то, что его зависимость от Йоко, похоже, действительно ослабевала.

* * *

Через несколько дней Йоко позвонила нам и сказала, что собирается устроить вечеринку и хочет пригласить Мика Джэггера. Она хотела, чтобы мы оба пришли. Если кто — нибудь спросит, сказала она Джону, она будет отвечать всем, что это она выкинула Джона, и что он ушел не по своей воле.

«Зачем что — то говорить?» — спросила я Джона. — «Ведь все увидят, что ты со мной, а она одна. Что бы она ни говорила, ты сам решил изменить свою жизнь и сделал это.» «Она — мой лучший друг, — отвечал Джон. — Мне — то по хую, но для нее эти вещи имеют большое значение. А мне плевать.»

Однако он был раздражен ее звонком. «Я не хочу идти на вечеринку, — заявил он. — Не хочу играть в ее игры. Не хочу плясать под ее дудку.

Начались один за другим звонки, целью которых было уговорить Джона пойти на вечеринку и согласиться с версией Йоко о том, что она выкинула его. Джону пришлось пообещать, что Мик Джэггер никогда не узнает, что он сам ушел от Йоко.

Эти звонки продолжались четыре дня, но Джон

решительно не желал идти на вечеринку. Наконец он не выдержал и заорал в трубку: «Мне плевать, что ты сказала Мику. Ты просто пытаешься играть со мной, но с меня хватит. Если тебе нужен этот ебучий развод, то поторапливайся.»

Я промолчала, зная, что все мои слова еще больше расстроят его. «Мы не пойдем на эту вечеринку, вот и все», — крикнул он.

После этого Йоко на несколько дней затихла. ЗАтем наше спокойствие было нарушено еще одним событием.

* * *

Раздался звонок в мою квартиру. Я подошла к селектору и спросила, кто.

«Это Дейви Блоттер. Джон пригласил меня с собой в Нью — Йорк.» После я узнала, что Блоттер был бродягой из Лос — Анджелеса, с которым Джон гулял после того, как он отправил меня из Лос — Анджелеса домой.

В одно мгновение Джон вскочил и ринулся в ванную «Дейви Блоттер? Отделайся от него. Смотри, чтобы он не узнал, что я здесь», — крикнул он из — за двери.

«Джона здесь нет», — сказала я в селектор.

Он не ответил.

Через несколько минут раздался звонок в мою дверь, и я посмотрела в дверную щель. Каким — то образом Дейви Блоттер проник в здание. Вместе со своим маленьким сыном, Блоттером, они стояли перед моей дверью. Джон говорил мне, что у некоторых его поклонников какой — то сумасшедший взгляд. Взгляд Дейви Блоттера в точности соответствовал описанию Джона.

«Я хочу видеть Джона», — снова сказал он.

«Его здесь нет. Я передам ему, когда увижусь с ним.»

«Джон пригласил меня в Нью — Йорк.»

«Он точно вас пригласил?»

Дейви пропустил этот вопрос мимо ушей. «Я должен увидеть Джона. Сейчас.»

«Пожалуйста, уходите.»

Он ухмыльнулся. «Мы с Блоттером подружились с вашими верхними соседями, и они разрешают мне побыть у них. Я буду следить за вами и, может быть, поймаю Джона, когда он будет на лестнице.»

После этого Дейви с сыном пошли наверх. Он сказал правду. Каким — то образом ему удалось добиться возможности торчать в квартире над нами. Из — за своей двери он мог следить за лестницей, и ему было очень легко засечь нас. Я была в трансе.

Джон чуть не впал в бешенство. «До чего же много этих безумных поклонников. Лучше бы у меня был только один, но настоящий поклонник, который действительно любил бы меня, а не был помешанным. И знаешь, что будет? Он, вероятно, доберется до меня. Вот, что будет.» — «Ты так думаешь?»

«Да, черт возьми, думаю.»

Джон так разнервничался, что отказался выходить из дома в тот день. Утром он сказал: «Давай смотаемся отсюда.» Деньги в этой ситуации не имели значения. Я тут же позвонила в отель «Пьерре» и забронировала номер. Затем мы собрали вещи, выскочили из дома, рванули к третьей авеню, остановили такси и помчались в «Пьерре», чтобы больше никогда не слышать о Дейви Блоттере.

Как только мы поселились в отеле, Джон успокоился. Хоть он и сказал Йоко, что мы переехали, но говорить с ней, когда та позвонила, не хотел. Всякий раз, когда он брал трубку, она снова говорила ему, что все еще собирается устроить вечеринку, хочет, чтобы мы пришли, и чтобы Джон согласился с ее версией их разрыва. Джон отвечал одним и тем же» «Я не приду», — и вешал трубку, а Йоко звонила снова.

ОН все время спрашивал ее о своей меховой куртке — пальто, и она говорила, что Арлин не вернула ее. В конце концов я позвонила Арлин, и та сказала, что отдала куртку назад в тот же день, когда Йоко попросила ее. «Я видела, как она повесила ее в шкаф», — сказала она.

Когда я сказала об этом Джону, он пожал плечами. Он не хотел вступать в конфронтацию с Йоко. «Мы ведь здесь будем не так уж долго, чтобы беспокоиться об этом», — сказал он и больше не спрашивал Йоко о куртке, хотя она продолжала жаловаться, что Арлин так и не вернула ее.

Похоже, что Йоко в конце концов устроила вечеринку без нас. Арлин рассказала мне, что Йоко обзвонила знакомых, в том числе и Мика Джэггера, и пригласила их в Дакоту. Однако она не наняла ни бара,

ни какой — либо провизии, ни закусок, хотя в доме не было ни выпивки, ни еды. «Она такая. Ей, вероятно, это и в голову не пришло», — заметил Джон.

* * *

Наша неделя в Нью — Йорке растянулась на месяц. Наконец дела Джона как будто закончились. Он имел четкое представление о том, что делалось от его имени по делам с БИТЛЗ и Алленом Клайном. Адвокатам теперь предстояло заняться своей работой. Джону не хотелось оставлять незаконченным альбом Спектора, и он решил, что пора возвращаться в Лос — Анджелес.

Отъезд мы запланировали после дня рождения Йоко, которой 18 февраля исполнялся 41 год.

В свой день рождения Йоко отказалась пойти с нами куда — нибудь и пригласила нас в Дакоту. В квартире было пусто. Йоко, одетая в ночной халат, решила провести свой день рождения в постели. Мы проследовали за ней в спальню, и она на наших глазах забралась под одеяла и натянула их до подбородка.

Джон сел на краю кровати. «С днем рождения, Йоко», — бодро сказал он, и, наклонившись, поцеловал ее в щеку.

«С днем рождения, Йоко», — эхом отозвалась я.

Она слегка улыбнулась. У нее был вид бодрившегося смертельно больного.

«Как ты себя чувствуешь?» — спросил Джон.

Она не ответила.

«Йоко, ты в порядке?»

Она снова выдавила бодрую улыбку. «Все отлично, — прошептала она. — Я счастлива, как никогда.»

Мы старались развеселить ее, и она продолжала уверять нас, что очень счастлива, но ее тон оставался похоронным, и в конце концов это подействовало и на нас.

«Я не переживаю, что мне уже сорок один», — мягко сказала она, умоляюще глядя на нас, словно ее только что приговорили к смертной казни, и только мы могли помиловать ее.

Джон зашагал по комнате. Потом сказал: «Пойдем», — и направился к двери. Наш визит длился

всего двадцать минут.

Через два дня, когда мы уезжали в Лос — Анджелес, Джон сказал мне, что хочет съездить в Дакоту попрощаться с Йоко. Пока я собирала вещи, он поехал. Джон всегда любил ездить в аэропорт и оттуда на лимузине, и, когда я все собрала, мы с водителем подъехали к Дакоте. Я позвала Джона, и через несколько минут он спустился.

По дороге в аэропорт Джон был странно молчалив. «Как она? — спросила я. — Ей лучше?»

«Все отлично.» Хотя в глазах Джона ничего не отражалось, я чувствовала, что он о чем — то напряженно думает. Очевидно, Йоко что — то сказала ему, что омрачило его. У нас был счастливый месяц в Нью — Йорке. Тем не менее, было видно, что всего за полчаса в Джоне снова была вызвана какая — то озабоченность.

«Всякий раз, когда на твоем лице такое выражение, это означает, что ты размышляешь о чем — то — о чем — то, что тебе сказала Йоко, сказала что — то обо мне. Что она сказала?»

«Ничего.»

«Точно?»

«Да.»

Как только самолет поднялся в воздух, Джон заказал водку. Он проглотил ее и заказал еще. За второй порцией последовала третья, а затем четвертая. Меня охватила паника. Я не могла запретить ему пить и боялась, что он может разбуяниться в самолете и начать все крушить, как в спальне Гарольда Сидера.

«Хватит пить, — тихо сказала я. — Пожалуйста, скажи мне, о чем ты думаешь?»

Джон повернулся и уставился на меня. Его глаза сверкали гневом. «Как ты могла так поступить со мной?» — крикнул он.

«Как поступить?»

«Я понимаю, что об этом не стоит говорить. Это не мое дело, но я ничего не могу с собой поделать. Я не могу выразить, какую боль ты мне причинила.»

Он заказал еще выпить. Его лицо выражало боль.

«Как ты могла так поступить со мной?» — повторил Джон, сделав глоток. Затем он допил и медленно повернулся ко мне. Схватив мою руку, он стал выкручивать ее. Он был похож на ребенка, играющего

какой — то игрушкой, которую он вдруг решил сломать. Я крикнула и попыталась вырваться. Он выкрутил руку еще сильней. Я замерла, не шевелясь. «Я не имею права говорить об этом», — снова сказала он.

«Скажи! Скажи, пожалуйста!»

Джон открыл было рот, но не смог говорить. Вместо этого он отпустил мою руку и схватил меня за волосы, откинув мою голову на спинку сиденья. Его сознание было помрачено. Такой вид у него был всегда, когда он напивался. Все места в салоне первого класса были заняты. Можно было убежать в салон для туристов, ноя боялась, что если я встану, Джон действительно взорвется. В такие моменты я до ужаса боялась Джона. Боясь пошевелиться, я ждала, что будет дальше.

Вдруг он закричал: «Йоко рассказала кое — что о тебе.»

«Что она тебе сказала?»

В конце концов Джон сказал мне, что Йоко разузнала о человеке, с которым я когда — то встречалась и которого Джон тоже знал, и она рассказала ему о моей связи с этим мужчиной. «Этот друг сказал, что у тебя слабое либидо», — выпалил Джон, снова дернув меня за волосы. Ревнивый до безумия, Джон всегда болезненно переживал мысль о том, что его женщина когда — то была, или возможно была с другим мужчиной.

Я посмотрела вокруг. Сидящие рядом с нами делали вид, что не слушают, но было видно, что они слушают. Я повернулась снова к Джону.

«Это было три года назад. Три года назад, и я даже не думала, что у нас будет что — нибудь серьезное.»

Джон дернул меня за волосы: «Йоко сказала мне, что ты спала с ним только один раз, и у тебя было слабое либидо.»

«Я не любила его так, как люблю тебя, — взмолилась я. — Мне было неловко, и я, вероятно, не дала ему удовлетворения.»

Я не смотрела в глаза Джону — не потому, что была смущена, а потому что не могла выдержать его безумного взгляда.

«Йоко поинтересовалась, как я могу быть счастлив с женщиной, у которой слабое либидо. Я защищал тебя перед Йоко. Я сказал, что у тебя достаточное либидо для меня. Я сказал ей, что у тебя отличное либидо. Мне пришлось защищать тебя.»

Я посмотрела на Джона. Мои слова и логика не доходили до него, и автоматически я вспомнила, как Йоко сказала мне, что знает, чего он больше всего боится.

Джон должен был знать, что женщина по — разному реагирует на разных мужчин и что я считаю его прекрасным любовником. Я не могла вспомнить и дня, когда мы были бы вместе и не занимались любовью, даже тогда — во время тех ужасов в Лос — Анджелесе. Однако Джон снова предпочел впасть в жалость к себе, игнорируя истину. Мне было не по себе, а он продолжал пить водку, кричать и набрасываться на меня. Вокруг все молчали, не обращая на нас внимания, хотя видели, что происходит. Время от времени проходила стюардесса, подливая Джону в стакан и глядя в другую сторону, когда он хватал меня за волосы и выкручивал мне руки.

Джон продолжал обвинять меня, все больше пьянея. «Из — за этого я должен был защищать тебя перед Йоко.»

Чем больше он говорил это, тем хуже мне становилось — не из — за того, что у меня было три года назад, а потому, что один его разговор с Йоко был способен перечеркнуть все счастье предыдущих недель. Джон бушевал еще целый час, и чем больше он свирепствовал, тем больше я понимала, что в любую секунду он может что — нибудь со мной сделать или начнет крушить самолет. Мне стало так плохо, что я почувствовала головокружение, а в желудке начались спазмы.

Вдруг Джон дернулся, наклонился и его начало рвать. Я схватила рвотный пакет и подставила. Джона все рвало и рвало, он буквально выдавливал из себя кишки. Закончив, он откинулся на спинку сиденья, побледневший и измученный.

К нам подошла стюардесса и, улыбнувшись, сказала: «Налить ему еще?»

В этот момент мне показалось, что даже стюардесса сошла с ума.

«Нет. Принесите нам салфетки, тряпку и несколько рвотных пакетов.»

Стюардесса вернулась с тем, что я просила, и я постаралась почистить Джона. Держась за живот, он стонал: «Мне обидно. Мне очень обидно.» Наконец, он вырубился.

У меня ужасно разболелась голова, и я зажала ее в

руках. В воздухе витал запах рвоты. Я была так расстроена, и мой желудок так дергался, что от этого запаха мне тоже хотелось блевануть, но я не смогла. Когда самолет прибыл в Лос — Анджелес, мы оба походили на трупаков.

В аэропорту нас ждал Мэл Эванс. По дороге к дому Гарольда Сидера Джон повернулся ко мне и спросил: «Что было в самолете?» Он ничего не помнил. Я спокойно описала происшедшее.

«Я не имел права поступить так. Я был не в себе», — сказал он, с трудом веря.

«Пожалуйста, давай забудем это.» Я все еще была слишком потрясена, чтобы обсуждать это.

«Просто я был задет тем, что сказала Йоко, тем, как она бросила мне это в лицо. Мне очень, очень неприятно.»

Чтобы переменить тему, я спросила: «Мэл, как там с квартирой?»

«Почти все сделано.»

«Мою гитару починили?» — спросил Джон.

Мэл поколебался. «Нет. Я отдал ее вчера.»

«А цепочка Мэй?»

«Какая цепочка?»

Джон нахмурился. «Я куплю тебе другую, — сказал он мне. — Я обещаю, что куплю другую.»

Открыв дверь квартиры, я с облегчением увидела, что в основном все уже было отремонтировано. В спальне, однако, мы обнаружили, что кровать все еще стояла сломанная. У Джона была способность забывать обо всем, и, пока он не увидел сломанную кровать, он совершенно не помнил, что буквально пытался разнести на кусочки квартиру Гарольда.

Джон сел на кровать. Было видно, что его грызет совесть. «Прости меня. Я здорово виноват. Мне было очень тяжело услышать, что кто — то еще был до меня. Мне было очень обидно. Это просто свело меня с ума.»

Я села рядом и взяла его за руку. «Мы вернулись, и у нас еще многое впереди. Что было — то было. Забудь об этом.»

«Я не могу этого забыть. Я чувствую свою вину. Я хочу, чтобы ты знала, как мне жаль.»

«Мне тоже жаль, что так получилось. Но мы прожили целый месяц без подобных происшествий и знаем, что можем весело и счастливо прожить месяц. Давай ляжем

спать, а завтра начнем все снова.»

Джон благодарно посмотрел на меня. «Ты все понимаешь. Ты первая женщина, которая так терпит меня.»

«Джон, быть с тобой — это самое лучшее, на что я могла рассчитывать в жизни. Мне, конечно, неприятны твои задвиги, но я могу терпеть их, и я не знаю, как покончить с ними.»

«Мне жаль. Очень жаль.» На глазах Джона навернулись слезы, и он заплакал. Затем он уткнулся головой мне в живот, как будто хотел забраться назад в чрево матери. Я обхватила его руками и крепко сжала, изумленная тем, как в подобные моменты Джон мог впадать в детство, словно он новорожденный или даже вообще нерожденный. Я тихо убаюкивала и покачивала его, пока его рыдания наконец не стихли. Затем, взяв салфетку, я вытерла его слезы. Когда он совсем успокоился, мы разделись и легли спать, нежно обнимая друг друга всю ночь.

Утром зазвонил телефон. Джон крепко спал. Без всяких колебаний я взяла трубку. «Доброе утро, Йоко», — сказала я. Прежде чем она успела ответить, я сказала: «Ты кое — что вчера сказала Джону — то, что ни его, ни тебя не касается.»

«Мэй, — ответила Йоко со смешком, — бывает так, что услышишь о чем — то и невольно повторишь. Ты же знаешь, как это бывает.» По ее голосу было видно, что она действительно удивлена, и я поняла, что она не знала, передаст ли мне Джон то, что она сказала, или нет.

«Я не знаю, как это бывает», — холодно ответила я.

«Мэй, я не думала, что он передаст это тебе.» Она снова хихикнула.

«Это не Джон виноват, что сказал мне. Это тебе не следовало бы выведывать сведения, а потом повторять услышанное.»

Она понимала, что попалась, и снова хихикнула.

«Нет ничего хуже, чем так вредить другим», — сказала я ей.

Йоко снова хихикнула.

«Это не твое дело — поставлять Джону информацию обо мне. О себе расскажу я сама. Йоко, ты суешься не в свое дело!»

На этот раз я бросила трубку.

Когда Джон проснулся, он спросил: «Все нормально?»

«Да.»

Я не знала, все или не все было нормально. Мне просто хотелось, чтобы все продолжалось дальше. «Позвони — ка лучше Йоко», — сказала я и пошла в кухню варить кофе.

В тот день мы снова начали названивать Филу Спектору. Тот не отвечал.

«Я заберу записи, найму студию и закончу эти ебучие вещи сам», — сказал Джон.

Мы позвонили в Рекорд Плант и узнали, что после каждой сессии Спектор забирал ленты с собой. Если бы мы нашли Спектора, то могли бы получить эти записи.

«Мы можем сделать какие — нибудь новые вещи», — предложила я.

«Я не готов делать что — то новое. Я хочу закончить то, что у меня есть», — сказала Джон тоном, не допускающим возражений. Он по — прежнему боялся работать самостоятельно, так что мы продолжали звонить Спектору. В конце концов нам сказали, что он попал в автомобильную катастрофу и сейчас в уединении отдыхает в санатории в Палм Спрингз.

Тогда мы позвонили Гарольду Сидеру и попросили его помочь вернуть пропавшие ленты и выяснить, какова наша юридическая позиция по отношению к спектору. Мы также позвонили в Кэпитол Рекордз, чтобы объяснить почему остановлена работа над альбомом.

Джон был в чрезвычайно мрачном настроении. Он вернулся в Лос — Анджелес, чтобы заниматься музыкой, а этот альбом был единственной музыкой, которую он готов был записывать. Однако делать было нечего, и он старался не поддаваться депрессии.

Через пару дней после нашего возвращения, мы через местных рок — н-ролльщиков узнали, что в городе находится Ринго. Джон очень любил Ринго, как брата, и по — прежнему всячески покровительствовал ему. Так что мы стали каждый день встречаться с ним и его близким другом Гарри Нильсоном. Гарри оказался ужасным говоруном, и Джон был в восторге от его болтовни и балдежности.

Должна признать, что и я была в восторге от Гарри. Он был необыкновенно веселым и умным человеком. Он также умел держать себя в руках, когда пил. С каждой

порцией выпивки Гарри, похоже, контролировал себя еще больше, в то время как Джон раскисал. Это подтверждало то, что Джон предпочитал общество более сильной личности.

Сначала ничего ужасного в их кутежах не было. Через некоторое время Ринго сказал, что уезжает и предложил нам поселиться в его двухэтажной квартире в Биверли Вилшир и занять спальню наверху, а внизу будет жить его менеджер Гилари Джеррард. Нам с Джоном понравилась эта идея. Прошло десять дней с тех пор, как мы вернулись в Лос — Анджелес, и вот мы снова собрали вещи и переехали. Через несколько дней Гарри предложил съездить в Лас — Вегас. Там мы все здорово повеселились, и когда вернулись, Джон сказал ему: «Мне хотелось бы быть продюсером твоего альбома.»

Гарри был замечательным певцом, сочинителем и аранжировщиком, и ему, как и Джону, очень хотелось записать хитовый альбом. Им обоим надо было чем — то серьезно заняться, и я надеялась, что это будет альбом.

Гарри понравилась идея. «А что мы будем записывать?» — спросил он.

«А что бы ты хотел?»

«Я хотел бы сделать свои любимые старые вещички.»

«Нет. Тебе надо записывать собственные песни. Мы можем записать половину своих и половину старых вещей.»

Мы виделись с Гарри ежедневно, и как только они встречались, они начинали говорить об альбоме. Они были в бешеном энтузиазме и перебирали названия песен. Джон брал гитару и бренчал каждую из этих песен, прикидывая: делать ее или нет. Когда они выбирали какую — то вещь, как «Ностальгический Блюз» Боба Дилана или одну из самых любимых старых хитов Джона «Оставь Для Меня Последний Танец», они обсуждали как ее лучше сделать. Джон несколько раз проигрывал эту песню в разных темпах «Как слушается?» — каждый раз спрашивал он меня, желая знать какие чувства вызывает во мне тот или иной вариант. Гарри также сыграл несколько своих новых вещей. Большинство из них звучали невесело. В жизни Гарри был период разочарований и потерь — и в жизни и в любви. И эти песни резко контрастировали с такими забойными старыми хитами, как «Rock Around The Clock», которые Джон и Гарри собирались делать.

Пока они занимались обсуждением материала, Брюс Грекал, общий адвокат Гарри и Ринго, занялся организацией записи альбома. Грекал был профессионалом и быстро все устроил. В начале апреля можно было начинать записывать в Рекорд Плант.

К концу недели вернулся Ринго. Узнав об альбоме, он заявил: «Я ни за что не пропущу этого». Джон также попросил Джима Келтнера играть на барабанах вместе с Ринго и пригласил из Англии своего любимого басиста Клауса Формана с его подругой Синтией Уэбб. На духовых попросили играть Бобби Киза и Тревора Лоренса, а на клавишных — Кенни Ашера. Джон также попросил Джесси Эда Дейвиса играть на гитаре.

Друзья Гарри, похоже, были самыми заядлыми выпивохами Лос — Анджелеса. Среди них был Кит Мун, с которым он когда — то вместе жил в лондонской квартире. Мун также пребывал в отеле Биверли Вилшир.

«Джон, я тоже хотел бы играть на этом альбоме», — сказал Кит, когда мы однажды столкнулись с ним в холле отеля.

«Буду только рад», — ответил Джон. Теперь у нас было три барабанщика: Ринго, Джим Келтнер и Мун.

Всякий раз, когда мы встречались с Муном, я отмечала в нем прекрасные манеры и удивительное благородство. В мире рок — музыки много рассказывали о диких выходках Кита, и одну из самых странных историй рассказал нам Мик Джэггер, когда спустя несколько дней мы ужинали в нашем любимом китайском ресторане.

«Недавно ночью я услышал шум в своем номере», — сказал Мик. (Джэггеры всегда останавливались в Вилшире). «Я подумал, что это грабитель. Моим единственным оружием была настольная лампа. Я взял ее и на цыпочках вошел в гостиную, собираясь обрушиться на голову грабителя. Им оказался Кит. Он вломился в мой номер.»

«Как же он вошел?» — спросил Джон.

«Вы не поверите. Он вскарабкался на террасу своего номера и переходил по стене от террасы к террасе. Он так и карабкался по всему зданию. Вы можете представить, как он висит на стене отеля в четыре утра? Вы можете представить, чтобы кто — то проделал это? Он ведь мог сорваться и убиться. Такие вещи проделывают только в кино. А что могло бы случиться,

если бы у меня был револьвер? Я мог сгоряча хлопнуть его в темноте.»

* * *

Наша жизнь становилась все более насыщенной. Так же, как из ниоткуда всплыли Кит и Мик, неожиданно вновь появился Элтон Джон, который рассказал нам о предстоящем дне рождения Рикки Мартина, сына Дина Мартина. Вечеринка должна была состояться в доме жены Мартина, Дженни, с которой он не жил и в списке гостей была Элизабет Тейлор.

Джон заволновался. «Я никогда не встречался с Элизабет, — сказал он. — Мне смертельно охота ее увидать там.»

Мы пришли на вечеринку в роскошный особняк в Биверли Хиллз, и там был огромный стол с закусками и бар. Мы с Джоном стояли в углу, разглядывая звезд, которых никогда прежде не видели в лицо. Пока мы разглядывали эту публику, все поглядывали на нас. Хотя Джону всегда нравилось встречаться со знаменитыми людьми, он все — таки был здесь самым знаменитым. Мы медленно ходили по дому, беседуя с теми, кто подходил к нам.

«Где же Элизабет? — спросил Джон. — Я хочу увидеть ее.»

Через сорок минут после нашего прихода в комнату величественно вошла Элизабет Тейлор. Все вокруг замерло, и каждый смотрел только на нее. Вот это была звезда! Я не ожидала, что она такая маленькая, потому что все, связанное с ней, было больше, чем жизнь. Ее волосы, уложенные в изысканную прическу, возвышались над головой. Необыкновенные фиолетовые глаза казались бусинками на фоне фиолетовых теней. Одетая в переливающееся оттенками розового цвета платье и с огромным брильянтом на шее, она была ослепительна.

Джон и Элтон, словно мальчики — тинейджеры, подошли к ней. Она засветилась, увидев их. «О, — сказала она, — мне очень приятно познакомиться с вами.» Джон и Элтон также восторженно отвечали ей. Оба старались доставить ей удовольствие, и она весело смеялась их шуткам и шутила сама.

Когда прибыл Дейвид Боуи, она взяла его за руку и спросила: «Дейвид, ты знаешь Джона?»

«Нет, но всегда хотел встретиться с ним.» Боуи

широко улыбнулся Джону. В его глазах было искреннее восхищение. Джон, который очень ценил музыку Боуи, сердечно пожал ему руку. Дейвид был очень обаятелен и тоже много шутил. Разговор все более оживлялся. Наконец Дейвид объявил: «Мне нужно идти». Позже в тот вечер мы нашли его вдвоем с Элизабет Тейлор, сидящими на кушетке в одной безлюдной комнате и увлеченно беседующими. Мы с Джоном с удивлением посмотрели на эту пару: кинобогиню и рок — звезду с фарфоровым лицом и оранжевыми волосами. Тем не менее, сидя там и глядя друг другу в глаза, они походили на давно не видевшихся старых друзей, которые делятся своими самыми интимными секретами. «Мэй, Джон, идите к нам», — позвала, увидев нас, Элизабет, и мы уселись рядом с ними. Через несколько минут в этой маленькой комнатке собрались все гости, и мы снова были в окружении любопытных глаз.

По пути домой мы с Джоном говорили о том, как нам понравилась Элизабет Тейлор. «Она не рок — н-роллльщица, — сказал Джон, — Она не такая, как мы. У нее другая школа. Мы, старея, сходим с ума. Она же научена справляться с этим.»

* * *

С каждым днем Джон и Гарри все с большим энтузиазмом относились к своей затее с альбомом. У них уже была согласована большая часть материала, и Джон был в отличном настроении. Неформальность их сотрудничества, похоже, давала результаты, и я была довольна тем, что не было секретности и сумятицы, которые всегда царили вовремя встреч со Спектором.

Когда звонила Йоко, Джон рассказывал ей об альбоме, но совершенно не отвечал на ее вопросы и замечания. Один раз, отойдя от телефона, он повернулся ко мне и сказал: «Угадай, что Спинозза дал Йоко?»

Я пожала плечами.

«Йоко сказала, что он дал ей хорошенько трахнуться.» Джон счастливо улыбался. «Не дурно, а? Я уж начал беспокоиться, что она не добьется этого.»

По вечерам Гарри, Джон и я продолжали развлекаться вместе, и Джон продолжал пить, но, хотя Гарри все время подбивал его, он не выходил из — под

контроля.

Все же, я чувствовала себя лучше, когда Гарри не было с нами. И очень скоро наступил день, когда мне снова пришлось поплакать: выступление братьев Смазерз в «Трубадуре».

Это дело было задумано как возвращение, как попытка дать новый толчок телевизионной карьере Рика и Томми, чтобы они могли продемонстрировать свое комедийное мастерство. Были приглашены представители всех ведущих теле — компаний в Лос — Анджелесе, а также множество знаменитостей, которые были друзьями и поклонниками Братьев Смазерз и хотели оказать им поддержку в тот важный вечер.

К нам присоединился Гарри, и прежде, чем мы отправились на концерт, они с Джоном несколько раз выпили. Возле клуба шатались орды фотографов, и когда я припарковала машину, мы стали протискиваться к входу. Как только фотографы увидели Джона, они защелкали аппаратами. К тому времени мы с Джоном знали, что если у нас нейтральный вид, фотографы концентрируют внимание на нем, а меня игнорируют.

Наконец мы вошли в «Трубадур», в котором все гудело в ожидании возвращения на сцену братьев Смазерз. Нас проводили в секцию ОВП. Правое крыло клуба всегда оставляли для знаменитостей, мы были посажен за длинный столик, за которым сидела группа людей, в том числе Питер Лофорд, Пэм Гриер, Джек Хейли — младший, писатель Гвен Дейвис и продюсер фильма «С возвращением, Коттер» Алан Сакс. Нас представили каждому, и все были нам очень рады. По их разговору было видно, что они с нетерпением ждут братьев Смазерз.

«Джон, мы сели за столик фанов», — сказала я.

Он улыбнулся: «Я тоже фан.»

Я заговорила с Питером Лофордом о моих любимых музыкальных фильмах, когда к столу подошла официантка принять заказ и напитки.

Джон уставился на нее. «Все верно, — сказал он. — Я — ебучий осел с «котексом» на голове.»

Этой фразы было достаточно, чтобы я поняла: «Джон пойдет в разнос. Гарри тоже это почувствовал. Кто — то предложил нам заказать «молочный коктейль» — двойной бренди александер, и Джон заказал. Как только принесли выпивку, он сразу ее проглотил.

«Давайте выпьем еще», — сказал Джон и заказала по второй порции.

В ожидании выпивки Джон начал тихо напевать один из своих любимых ритм — энд — блюзов «I Can't Stand The Rain» (Не выношу дождя). Мне показалось это зловещим предзнаменованием: это была песня, которую он хотел услышать в этом же самом клубе, когда произошел инцидент с «котексом». К нему присоединился Гарри, и они вдвоем начали громко петь, стуча ложками и ножами по бокалам и солонкам, изображая импровизированную ритм — секцию. Сидевшие за нашим столиком, похоже, были в восторге от этой музыки Джона и Гарри, однако было видно, что по их мнению сейчас не время и не место для этого. «Это очень здорово, — сказал Лофорд. — Отличное начало для братьев Смазерз.» Он улыбнулся Джону, Джон ответил тем же.

Питер Лофорд тоже пил бренди александер. Джон взял его бокал и проглотил его выпивку.

Гарри запел громче. В зале наступила тишина: все слушали их пение. Вдруг наш столик окружили фотографы. В один из моментов Джон наклонился ко мне и с улыбкой сказал: «Ты знаешь, что я люблю тебя?»

«Я люблю тебя.»

Джон обхватил меня и начал целовать. Фотографы неистово защелкали, и на наши лица обрушился каскад вспышек. «Джон, все узнают.»

«Плевать.» Он схватил мою руку и поцеловал меня еще крепче.

Послышались голоса репортеров: «Кто она? Как ее зовут?» Они заполучили сенсацию и понимали это.

Мне никогда не хотелось, чтобы пресса все разузнала про нас; Джону тоже, и мы договорились вести себя благоразумно на публике, если бы нас и сфотографировали вместе, доказательств нашей связи не было был. Теперь же наше фото на следующей неделе появится в «Тайм» и объявит всему миру о нашей связи. В одну минуту Джон свел на нет все семь месяцев нашей конспирации на публике и сделал это на глазах у всех голливудских газетчиков.

«Секрета больше нет, — пьяно сказал он. — Давай — ка еще выпьем.» До начала шоу он выпил еще два двойных.

Свет стал гаснуть — начинался концерт. Объявили

братьев Смазерз, но, несмотря ни на что, Джон и Гарри запели еще громче. Когда на сцену вышли Дик и Томми, публика устроила овацию. Когда аплодисменты стихли, оказалось, что Джон и Гарри по — прежнему поют. Комики начали свое выступление, и получилось одновременно два шоу: одно на сцене, другое — в аудитории.

«Они любят тебя, Джон!» — сказал Гарри.

Джон запел громче. Гарри вновь присоединился к нему, и они стучали по столу и пили.

Братья Смазерз продолжали, как истинные профессионалы. Вдруг Джон перестал петь, и я уж было подумала, что воцарился мир. Однако я ошиблась. Джон и Гарри любили Томми, но не выносили Дика. Когда Дик начал говорить, Джон посмотрел на сцену, пьяно улыбнулся и крикнул. «Эй, брат Смазерз, ебись конем!» Затем он снова запел. Потом опять крикнул на Дика Смазерса: «Ебать тебя, брат Смазерз!» Гарри тоже оранул, и Джон, стараясь перекричать его, крикнул еще громче: «Ебать тебя!»

«Гарри, скажи Джону, чтобы он перестал, — зашипела я на Гарри. — Скажи ему, чтобы перестал, или я убью тебя.»

«Им это нравится», — ответил Гарри. Затем он повернулся к Джону. «Эй, старина, они очень любят тебя.» Джон снова крикнул» «Ебать тебя.» Со сцены раздался спокойный голос Томми Смазерза: «Это мой хороший друг Гарри там шумит?»

К тому времени за нашим столиком все гудело. Гудел и весь зал. Со всех концов свистели и ругались. «Леннон, заткнись!» — начали выкрикивать из публики.

«Они любят тебя, — говорил Гарри Джону. — Видишь, как они тебя любят?»

Джон милостиво улыбнулся: «Ебать их всех!»

«Слушай, парень, Томми — мой друг», — сказал Алан Сакс Джону.

«Ебать тебя, парень», — ответил Джон.

Питер Лофорд возмущенно посмотрел на него. «Слушай, — сказал он, — я пришел смотреть не тебя, а братьев Смазерз», — и вышел из — за нашего столика.

Чем больше шумел Джон, тем больше шумела публика. «Не мешайте братьям Смазерз», — крикнула одна женщина.

«Их и так уже заебали, а теперь еще ты», — крикнул

кто — то другой.

«Они же артисты, как и ты. Им нужна твоя поддержка», — раздался еще чей — то голос.

Потом кто — то закричал: «Как ты будешь спать после такой подлянки этим двум ребятам, которые нуждаются в твоей помощи?»

Все эти выкрики не давали эффекта. Пение и ругань продолжались.

Тогда к нашему столику подошел менеджер братьев Смазерз Кен Фриц. «Слушай, — закричал он, — мы много работали над этим, и я не позволю тебе облажать нас.» Он схватил Джона за плечо, и Джон, в котором в такие моменты появлялась непонятная сила, в ярости вскочил и перевернул стол. В этот момент Питер Лофорд вместе с барменами устремился к нам, потому что разъяренная публика поперла на Джона.

В какой — то момент в толпе началась драка. Бармены и вышибалы окружили Гарри и Джона, образовав живую изгородь, и вели их сквозь обозленную публику к выходу. «Мэй, Мэй, где ты?» — закричал Джон в полной панике.

«Я позади тебя», — закричала я в ответ.

Наконец всех нас вытащили из «Трубадура» на бульвар Святой Моники. Перед клубом ожидала шарага фотографов, и одна из них вдруг заорала: «Леннон ударил меня!» Окруженный персоналом «Трубадура», Джон никого не мог ударить, и я подозреваю, что этого фотографа ударила распахнувшаяся дверь.

«Он ударил меня, он ударил меня!» — продолжала вопить она.

«Спокойно, мадам, спокойно!» — крикнула я.

В сопровождении толпы, мы добрались до автостоянки. Вдруг Джон прыгнул на обслуживающего стоянки и повалил его на землю. Служащий, молодой человек, был просто ошарашен тем, что на него вдруг свалился Джон Леннон. Прижатый к земле Джоном, он влюбленно смотрел на него и улыбался. Было очевидно, что это самый невероятный и чудесный момент в его жизни. Его влюбленные глаза мгновенно успокоили Джона, и он отпустил ошалевшего парня.

Когда мы наконец сели в машину, Гарри стал настаивать, чтобы мы поехали вместе с ним на другую вечеринку. «Я не хочу туда ехать», — сказал Джон.

«Тогда я поеду с Мэй», — Гарри обнял меня.

«Убери свои ебучие руки!» — закричала я.

Гарри никогда не слышал, как я ругаюсь. В изумлении он отпрянул. Я повела машину. Гарри стал указывать дорогу, а Джон велел мне слушаться его, и мы таким образом приехали на вечеринку в дом каких — то людей, которых никто из нас не знал. В течение часа Джон и ГАрри распевали серенады перед полной комнатой изумленных незнакомцев. Затем я отвезла Гарри в его квартиру. Джон не хотел ехать домой, но мне уже все осточертело. С меня было достаточно. «Выходи, — сказала я ему. — Я заберу тебя утром.»

Я оставила их вдвоем перед домом Гарри.

Рано утром мне в отель позвонила Йоко. Она была в бешенстве и названивала всю ночь, но не смогла добраться до Джона, чтобы согласовать их версии для прессы. «Где он?» — со злостью спросила она.

«Он отсыпается у Гарри.»

Спросив номер Гарри, Йоко сказала: «Как ты могла сделать это?»

«Я не делала этого, — сказала я. — Это они сделали.»

Йоко не слушала. «Как ты могла допустить это?»

«Йоко, я старалась не допустить этого.»

«В этом твоя вина.»

Я промолчала. У меня не было сил спорить.

«Ты понимаешь, что это твоя вина?» Я продолжала молчать. «Меня просто поражает то, что ты сделала.» Я не отвечала. Наконец, поняв, что я не собираюсь отвечать, она бросила трубку.

После ее звонка я спустилась в холл отеля и взяла утренние газеты. На первых страницах все было усыпано заголовками и крупными снимками, запечатлевшими нас с Джоном. Я прочитала, что там понаписали. Газетчики узнали мое имя и называли меня «личным секретарем Джона» и «новой загадочной женщиной в его жизни». Прочитав, я поняла, почему Йоко так злилась. Сказав клерку, что мы не отвечаем на звонки, я поднялась в номер и позвонила Джону, который был у Гарри. «Ты видел газеты?» — спросила я.

«Да. Я не мог сделать все это», — ответил он.

«Мог, Джон, мог.» Он попросил меня послать телеграммы с извинениями и цветы братьям Смазерз, Кену Фрицу, Питеру Лофорду и Джэку Хейли — младшему, что я и сделала.

«Звонила Йоко, — продолжал он. — Она была очень расстроена.»

«Она мне тоже звонила, Джон, — сказала я. — Ты уже можешь вернуться в отель?»

«Да.»

Когда я приехала к Гарри, его телефон звонил без перерыва. Я ответила на несколько звонков. Журналисты хотели узнать, почему Джон покинул Йоко, собирается ли он развестись и собираемся ли мы пожениться. Они звонили всем, кто был с нами в тот вечер. Я узнала, что после концерта Томми Смазерз приехал к Питеру Лофорду и вошел в гостиную в очках Джона, которые жена Томми подобрала вовремя свалки. Несмотря на то, что Джон там устроил, гости Лофорда были в восторге. Они провели остаток вечера, примеривая очки Джона, чтобы почувствовать, что это такое — быть Джоном Ленноном. Я также узнала, что о нас говорила Рона Баррет в передаче «С добрым утром, Америка». Как только я привезла Джона в отель, зазвонил телефон. Это была Йоко, которую оператор соединил с нами. Она хотела поговорить с Джоном, и по его ответам было видно, что она настаивает на том, что причиной всего происшедшего была каким — то образом я. Джону надоело, и он бросил трубку. Однако Йоко продолжала звонить до самого вечера.

«Нам нужно быть более осторожными», — сказал Джон между ее звонками. Потом добавил: «Мне нужно быть более осторожным.» Потом пожал плечами: «Теперь уже слишком поздно.»

В тот вечер мы должны были пойти в отель Сенчери Плаза на обед в честь Джеймса Кагни, который устраивал Институт Американского Кино. Этого события мы ждали уже несколько недель, потому что Кагни давно был нашим любимым киноактером.

Когда нас увидели газетчики, они чуть с ума не сошли. Нам буквально пришлось пробивать себе дорогу через них, некоторые кричали и цеплялись за нас.

«Мэй, Мэй, — кричали они, — Мэй, как насчет снимка?»

«Джон, обними ее.»

«Поцелуй ее для нас.»

Когда мы наконец пробрались в отель, Джон перевел дух и сказал: «Не могу в это поверить. Здесь было больше прессы, чем когда я был Битлом.»

Мне не хотелось, чтобы на меня обращали внимание. Я не привыкла к этому и не знала, как себя вести. Я также подозревала, что это может взбесить Йоко. Это было самое худшее мое подозрение.

В конце марта Джону преподнесли счет за месячное проживание в отеле Биверли Вилшир. Этот Счет составил около десяти тысяч долларов. Сумма набежала не только из — за нас, но и из — за расходов за угощения Ринго, Хилари, Гарри и их гостей. Хотя счет шел в Эппл, Джон был расстроен такой экстравагантностью и тем, что он вопреки своему желанию жить благоразумно вновь потерял над собой контроль.

Его также беспокоил Гарри. В то время, как он пил и кутил с ним, Джону не надо было петь на альбоме. Гарри же, ко всему прочему, накануне записей схватил грипп и ужасно кашлял. Мы решили все вместе съездить на следующей неделе в Палм Спрингз — «просушиться в пустыне». Гарри все устроил, и вот мы в тихом, уютном, сонном местечке у подножия горы на сорок отдыхающих. Позади был плавательный бассейн, а также горячий ключ.

«Не могу дождаться завтрашнего дня. Весь день буду лежать на солнце», — сказала я Джону.

Он улыбнулся: «Я тоже».

В ту субботу погода была просто великолепная, и, провалявшись до заката, Гарри сказал: «Здесь есть хороший ресторан на вершине горы. Давайте сходим туда закусить.»

Мы сели в машину и подъехали к фуникулеру, который доставлял туристов на вершину горы. В вагончике могло поместиться не более тридцати человек, сидений не было, и, когда в небо набивалось много народу, пассажирам приходилось стоять вплотную друг к другу. Медленно поднимаясь на гору, мы, стоя, разглядывали окрестности из окна.

Ресторан на вершине горы был просто очарователен. Гарри заказал всем нам кофе и бренди. Мне было так хорошо, что я даже сама выпила бренди.

«Пора выпить еще по разу», — объявил Гарри.

«Мне не надо», — сказала я.

Гарри заказал выпивку. Когда Джон выпил свою порцию, я увидела, что он немного забалдел. Вдруг стало очень прохладно.

Мы еще немного поболтали, а потом Гарри посмотрел на Джона и сказал: «Пойдемте». Мы все встали.

По дороге к фуникулеру мы смотрели на звезды. Ночь была замечательная. Небо казалось черным, и от этого звезды горели еще ярче.

Вагончик, последний в тот вечер, был очень набит пассажирами, и среди них было не мало подвыпивших и шумевших. Они махали Джону, и он тоже махал им в ответ.

Во время спуска в вагончике погас свет. Все засмеялись. Потом те, что стояли вокруг, начали обнимать нас. Кто — то взял меня за задницу, и я подпрыгнула. Затем я увидела, как чья — то рука потянулась к Джону. Еще одна рука принялась ласкать мои груди. Было очень темно, но не совсем. Мне было видно, как вокруг Гарри вьются руки. Весь вагон пришел в движение: люди хотели обнимать Джона и всех, кто был вместе с ним, потому что мы, по — видимому были освящены магией одного из БИТЛЗ. Я стояла, как парализованная, в то время, как по нам шарили изучающие руки, и смотрела, как незнакомые попутчики пытались мастурбировать Джона и Гарри.

Джон посмотрел на меня и тихо сказал: «Это ничего. С нами всегда так случалось, когда мы выходили на публику.»

«Что мне делать?» — спросила я.

«Наслаждайся», — сардонически ответил он.

Одна женщина, которой, должно быть, было за пятьдесят, ломанулась к нам, посмотрела на Джона и сказала: «Возьми меня за соски. Пожалуйста, возьми меня за соски.» Другие женщин продолжали тереться о Джона и Гарри. Все хотели покайфовать, обтираясь об нас своими интимными органами.

Все это было удивительно, очень смешно, и в то же время ужасно. Когда мы наконец приземлились, мы сразу же драпанули к своей машине. Толпа следовала за нами в надежде еще раз прикоснуться к нам до того, как мы уедем. Джон долго смеялся. Этот случай вновь напомнил мне о том, какой неестественной была жизнь для Джона, чья слава была стол экстраординарной, что ему практически было невозможно находиться в реальном мире.

Когда мы вернулись в отель, Гарри сказал: «Давайте

окунемся в ключе», и, как обычно, следуя его примеру, мы переоделись в купальные костюмы. Встретившись у ключа, мы увидели, что Гарри принес с собой бутылку спиртного, несмотря на то, что мы собирались «просыхать» здесь.

«За наше здоровье», — сказал он глотнул и передал пузырь по кругу. Джон тоже выпил. «Дерни еще», — сказал ему Гарри.

«Джону уже хватит», — сказала я.

Джон посмотрел на меня и нахмурился. Ему было весело, и он не хотел, чтобы я вмешивалась. Гарри дал ему бутылку, и он выпил еще. Половина бутылки была выпита, и Гарри сказал: «Теперь пора искупаться.»

Он вошел в воду, за ним Джон. Когда Гарри снова хотел передать пузырь Джону, я встала между ними. У меня не было намерения не давать ему бутылку, но ему показалось, что это именно так. Он повернулся и посмотрел на меня с обиженным выражением на лице. Он был пьян и очень не в себе. Медленно протянув руки, Джон схватил меня за горло и начал душить. Я закричала и попыталась вырваться, но он был невероятно силен. Все замерли. Похоже, что никто не мог поверить своим глазам. Все это длилось не более нескольких секунд, но мне они показались вечностью. Наконец Гарри ожил и оторвал от меня Джона. Должна сказать, что убеждена в том, что Гарри в тот вечер спас мне жизнь. Я рванула в наш номер в отеле.

Позже пришли остальные. Гарри потянулся к бутылке, и я покачала головой. Джон посмотрел на меня и мило улыбнулся. К тому времени он был так пьян, что смотрел невидящим взглядом. Он медленно подошел ко мне, поднял меня и швырнул через комнату. Я с грохотом приземлилась у стены. Поднявшись, я побежала в ванную и заперлась.

Я включила свет и посмотрелась в зеркало. На шее остались следы пальцев, а на спине были синяки. Я была в шоке и впервые подумала о том, чтобы уйти от Джона. Я понимала, что он не знал, что делает, но в то же время я понимала, что опьянение не меняет человека, а лишь дает выход тому, что у него внутри. Мне пришлось признать, что эта склонность к убийству, которая всегда была в Джоне, была неотъемлемой частью его личности. Те, кто видел его пьяным, соглашались, что он был самым страшным пьяным из всех, кого они видели, и

удивлялись той его физической силе, которая появлялась в нем, когда он был пьян. Как я могла жить с человеком, который был так опасен?

Мое сердце было разбито. Я так любила Джона, что мне было трудно винить его за то, что произошло. Но я была в ярости и всю вину взвалила на Гарри, который не был причиной такого поведения Джона, но определенно принимал в этом участие. Мне были ненавистны такие люди, как Гарри, которые играли на этой скрытой стороне Джона.

Я также понимала, что могу взбеситься, если еще будут происходить инциденты такого рода. Я сознавала, что, по — своему, тоже стала ребенком, как Джон. Я стала маленькой Мэй, серьезной, исполнительной девочкой, которая видела, как ее отец бил ее мать, и которую отец часто бил тоже. Из виденного мной в детстве выходило, что, когда ты живешь с любимым мужчиной, он тебя бьет. Моей семье (хотите верьте, хотите — нет) никому такое поведение мужчины не нравилось, однако это не считалось чем — то экстраординарным.

Тем не менее, я уже давно забыла о такой жизни и не считала такие отношения между мужчиной и женщиной нормой. Моя мама всегда хотела выдать меня замуж, чтобы я жила, как она. Я могла просто жить с Джоном Ленноном, ноя думала, что Джон поможет мне избежать той участи, которую готовили для меня родители. И вот я увидела, что попала в ту ситуацию, которую всегда решительно считала для себя неприемлемой. Это меня очень злило.

В течение получаса я слышала выкрики и смешки. Мне было противно думать о том, что происходит. Наконец шум смолк, и я услышала, что все вышли.

Открыв дверь, я прошла назад в гостиную, а потом выглянула из номера. В коридоре тоже никого не было. Я пошла в номер Мэла Эванса спросить, можно ли мне у него переночевать. Подойдя к его двери, я увидела, как Гарри и Джон завернули за угол отеля. Гарри был голый. В Палм Спрингз по ночам было очень тихо, а Джон и Гарри были достаточно возбуждены, чтобы разбудить весь город. Однако я тут ничего не могла поделать и, пробравшись в соседнюю комнату, легла спать на кушетке.

На следующее утро я была все еще там, когда вошел

Джон, улыбающийся и сияющий. «Ты сегодня рано встала, моя маленькая Фанг Йи.»

«Джон, сядь», — сказала я. Он сел. Я описала ему, что произошло вечером. Джон посмотрел на мою шею и спину. После этого он встал на колени и заплакал. «Ты так добра ко мне. Зачем я это сделал? Пожалуйста, скажи, что ты прощаешь меня. Скажи, что ты прощаешь», — говорил он сквозь слезы.

Все еще подавленная тем, что случилось, я очень мало говорила. Несколько позже мы узнали, что управляющий отелем застал ночью Джона и Гарри, резвившихся на газоне. Он спокойно попросил их уйти утром, не вызвав полицию и желая сохранить мирную обстановку.

По дороге назад в Лос — Анджелес я изо всех сил старалась скрыть свои раны, но у меня было нервное потрясение.

* * *

Следующие несколько дней прошли очень спокойно, и Джон был со мной мягок и любезен. За тем у него возникла неожиданная идея.

«Где — нибудь должен быть приют для старых рок — н-роллщиков. Чтобы, когда мы все свихнемся, нас можно было там разместить по палатам.» Он секунду поразмыслил. «Давай откроем приют. Нам всем надо арендовать дом и жить вместе. Там мы сможем видеть Гарри, экономить деньги и следить, чтобы все музыканты приходили в студию вовремя, когда будем работать над альбомом Гарри.»

Я просто содрогнулась от этой мысли. Тем временем Джона рассказал Гарри, которому, естественно, эта идея очень понравилась, и он, всегда организатор, попросил Брюса Грэкала подыскать дом. До того, как я узнала об этом, Джон и Гарри пригласили жить с нами Ринго, Кита Муна, Хилари Джерарда и Клауса Формана с его подругой Синтией Уэбб.

Джон любил океан и хотел жить возле него, и через пару дней был намечен один большой дом на Санта — Моника Бич — дом с пятью спальными комнатами. Мы съездили посмотреть на него. Это был большой, просторный, двухэтажный дом с бассейном позади, и от

него был прямой доступ к пляжу. На первом этаже находилась кухня, столовая, маленький кабинет, а также большая гостиная, в которой помещались рояль и биллиардный стол. Спиральная лестница вела в спальные комнаты и небольшой рабочий кабинет. Агент по найму жилья сказал нам, что дом был построен Луисом Би Мейером, и в нем однажды жил Питер Лофорд. Ходили слухи, что здесь проходили любовные свидания Мэрилин с Джоном и Бобом Кеннеди. Джон был заинтригован тем, что мы будем спать в той самой спальне, где, якобы, все это и было.

В вечер нашего переезда я сказала Джону: «Знаешь, Джон, март был немного безумным. Я надеюсь, что апрель будет несколько приятней.»

Он засмеялся. «Что ты будешь делать, когда мы все одновременно спятим?»

Мое лицо, должно быть, стало пепельного цвета. Джон обнял меня и тихо сказал: «Не бойся. Теперь я не собираюсь сходить с ума. Что я собираюсь делать, так это закончить ебучий альбом Гарри.»

Несмотря на то, что Джон сказал мне, я была уверена, что вселяюсь в приют для сумасшедших. Однако, обнаружилось, что жильцы нашего пляжного дома могли быть безумными только ночью. Скованные дневным светом, они оставались спокойными и тихими до заката. Рано вечером мы все устремлялись в студию и записывались до одиннадцати или двенадцати. К полуночи Гарри, Кит и Ринго горели энергией и обычно отправлялись в «Рейнбоу» или «Он зе Рок», чтобы вернуться к рассвету.

Джон, однако, не ходил с ними и поэтому не позволял себе выходить из — под контроля. Моя жизнь на побережье была много, много легче, чем я ожидала.

Джон мог сомневаться в своем пении и игре и быть недовольным тем, что до сих пор еще не выпустил своего сольного альбома, который стал бы номером один, но он, как всегда, был в отличной форме и настроении в студии. Сессии с Нильсоном не были исключением. Джон добивался, чтобы каждый музыкант понимал его цель и что от него требуется. Во время тех записей, хотя материал был недостаточно отработан, Джон распоряжался всем сам. Все были в таком восторге, что никто, похоже, не чувствовал, что результаты были вовсе не такими, какими они могли быть — даже Джон. Тот

факт, что Джон был в отличной форме и много работал, но не понимал, что альбом не удавался, удивлял меня. Я предположила, что у него было что — то на уме, о чем он умалчивал. Так или иначе, сказала я себе, с такими способными музыкантами альбом должен будет получиться.

* * *

Поскольку все любили Джона и были рады жить с ним, в нашем доме царила хорошая атмосфера. Когда мы вселились, мы с Джоном заняли спальню хозяев, а Клаус Форман с Синтией Уебб поселились в такой же крохотной спальне рядом с Китом, в то время, как Гарри и Хилари заняли две маленькие спальни на другом конце этажа. Ринго, однако, хотел спальню рядом с ванной комнатой, поэтому мы переделали рабочий кабинет через холл от нас в спальню для него. Единственной декорацией в этом кабинете была фотография Джона Ф. Кеннеди в рамке. Ринго, которому не нравился дневной свет, все время держал шторы задернутыми. Я в шутку назвала его спальню «мрачный кабинет».

В доме была постоянная прислуга — мексиканская чета по имени Армандо и Нита. Я была в восторге, ибо в противном случае я бы закрутилась в хлопотах не только о Джоне, но и остальных. Армандо и Нита не очень хорошо говорили по — английски, но у них был большой опыт по уходу за большим домом. Для них было много работы, так как все гости, как и Джон, привыкли жить в отелях или к домашнему обслуживанию. Они никогда не вешали свою одежду, никогда не заправляли свою постель, никогда не стирали и даже не кипятили воду для чашки кофе. Они привыкли к круглосуточному обслуживанию, как к само собой разумеющемуся в своей жизни, и ждали, что их комнаты будут убраны, белье постирано и еда готова в любое время дня и ночи.

Армандо и Нита стали своего рода эквивалентом прислуги в отеле. «Я голоден, Армандо», — было все, что вам надо сказать, и Армандо мгновенно выдавал тарелку свиных отбивных с горячим чилийским соусом или вкуснейшей мексиканской колбасой и яйцами. Супружеская пара, похоже, с удовольствием кормила

наших мужчин, которые никогда не думали о еде до того, как проголодаются, и были рады, что есть кому их кормить.

Обычно первыми вставали Клаус и Синтия. Они были вегетарианцами и поэтому сами готовили себе. Покончив с завтраком, они проводили утро, плавая в бассейне.

Следующей вставала я (обычно около десяти), а за мной через час — Джон. Потом вставали Ринго и Гарри. Они всегда выходили в купальных халатах и в темных очках. Ринго смотрел вверх, щурился и говорил: «Не выношу дневной свет». Выпив кофе они тащились к бассейну и, тихо сидя там, пытались очухаться после своих ночных кутежей. И когда наконец к ним присоединялся Кит, наш дом весьма походил на убежище рок — н-ролльщиков.

Самым красочным было появление Кита Муна. Он надевал на голое тело длинный кожаный плащ коричневого цвета и с разрезом, так что когда он поворачивался спиной, его голая задница была у всех на виду. Потом он надевал высокие до икр ботинки и длинный белый шарф. Он также делал на голове прямой пробор и прилизывал волосы. С дипломатом в руке, Кит спускался по лестнице.

Как только Джон замечал его появление, он церемонно вставал. «Барон поднялся. Как вы сегодня, барон фон Мун?»

«Отлично, мистер Леннон, отлично.» Затем Муни приветствовал всех, кто уже встал и возвращался к себе, чтобы переодеться в джинсы. Когда он появлялся вновь, одетый и выпивший, Кит уже говорил со скоростью сто двадцать слов в минуту.

«Мистер Леннон, я рассказывал вам о том, как однажды я решил, что моя комната в отеле будет выглядеть лучше, если мебель прибить к потолку?» — спросил барон фон Мун.

«Расскажите нам», — попросил Джон.

«Это было большое предприятие, мистер Леннон. Я нанял дорожных рабочих, и мы начали с кровати. У нас были лестницы, и сначала мы привязали матрас к кровати. Затем приклеили подушки, простыни и прибили кровать несколькими большими гвоздями к потолку. Зрелище было классное.»

«А что вы сделали потом?»

«Следующим шел письменный стол — конечно, мы сначала вытащили ящички. Перед тем как приклеить к нему лампу, мы приклеили к лампе абажур. Нам также пришлось приклеить стулья. Они оказались самыми скользкими и трудными. Но мы не останавливались, пока все не сделали. Это было небольшое усовершенствование.»

В ответ Джон только восторженно покачал головой.

* * *

Наша первая сессия была назначена на следующий день после переезда, и она прошла великолепно — так великолепно, что всего за четыре часа были записаны основные инструментальные и вокальные партии «Ностальгического блюза». Когда эти партии были завершены, музыканты не захотели расходиться и продолжали импровизировать вместе или просто упражняться в игре. В полночь, однако, Ринго и Кит ушли. В это время они обычно отправлялись кутить в город.

Через полчаса заявились гости. Это были Пол и Линда МакКартни. Мне показалось сверхъестественным, что они решили зайти в студию именно в первый день записей. Пол и Линда потом говорили, что это было просто совпадением, но верилось с трудом, потому что все рок — н-ролльные сплетники знали, что мы начинаем записываться в тот вечер.

Пол направился прямо к Джону. «Привет, Джон», — радостно сказал он.

Джон, однако, изобразил бесстрастность. «Как дела, Пол?» — мягко ответил он.

«Отлично. А у тебя?»

«Нормально.»

«Привет, парниша», — сказала Джону Линда, целуя его в щеку.

«Привет, Линда.»

Джон и Пол немного поболтали, как если был они разговаривали по телефону два или три раза в день и последний разговорили всего каких — нибудь несколько часов назад. Это была одна из самых непринужденных бесед, какие мне доводилось слышать. Они совсем не походили на двух человек, которые не только делали

ядовитые выпады друг против друга на публике, но также наняли целые армии юристов, сражавшихся между собой за раздел их мультимиллионерской империи. Они казались просто двумя старыми друзьями во время приятной встречи между делом.

«Как здорово, что мы встретились, — сказала Линда, когда нас с ней познакомили. — Я все прочитала о тебе в английских газетах.» Я была удивлена английскому акценту Линды. Никогда не слышала, чтобы кто — то был таким «британским».

Вдруг Пол, как одержимый, вскочил и направился прямо к ударной установке Ринго и начал стучать. «Давай сыграем!» — воскликнул он.

Линда немедленно направилась к органу. «Давай сыграем!» — отозвалась она эхом. Их невозможно было остановить.

Джон перекинул через плечо ремень своей гитары и начал играть «Midnight Special", одну из тех вещей, которые БИТЛЗ обычно делали, когда только начинали. К нему присоединились Джесси Эд Дейвис и Дэнни «Куч» Корчмар, а Гарри пел.

Затем нанес визит Стиви Уандер, который тоже записывался на Рекорд Плант. «Стиви, Пол здесь, и мы хотим поиграть вместе», — крикнул Джон.

«О'кей», — сказал Стиви. Он пошел к электропиано.

«Давайте запишемся», — сказал Джон.

«Давай», — согласился Пол.

Джон вдруг загорелся энтузиазмом. В нашей студии не было басиста, и мы с ним пошли поискать кого — нибудь. «Нам нужен бас — гитарист, — сказал он остолбеневшему продюсеру в соседней студии. — Мы с Полом хотим поиграть вместе.»

«Я играю на басу!» — воскликнул продюсер и, бросив свою сессию, рванул к нам.

«Фанг Йи, я хочу, чтобы ты тоже поиграла, — сказал мне Джон, когда мы вернулись в нашу студию. — Возьми тамбурин.»

Я встала и присоединилась к музыкантам.

«Погнали», — сказал Джон.

Впервые с 1969 года, когда они записывали «Abbey Road», Джон и Пол играли вместе, и это звучало здорово. Дуэт Леннон — МакКартни воссоединился с поразительной легкостью. После того, как они записали песню, Джон повернулся к Полу. «Не мог бы ты сказать

своему органисту убавить громкость? Я не слышу мистера Уандера», — сказал он ему.

Джон и Пол сыграли вещь снова, и запись получилась еще лучше. В ту ночь они делали веселую музыку. Подобно записи Леннона — Джэггера «У Семи Нянек» («Too Many Cooks»), лента с записью «Midnight Special» — единственный раз, когда Джон и Пол, вместе со Стиви Уандером и Гарри Нильсоном, играли вместе после распада БИТЛЗ — существует до сих пор.

Кончив играть, Джон и Пол продолжили свой разговор, как будто и не играли вовсе. Потом Джон сказал: «Почему бы тебе не придти к нам в гости?»

«А где вы живете?» — спросил Пол, и я объяснила Линде, как к нам добраться.

По дороге домой я была в возбуждении. «Мне не верится, что все так легко прошло. Как будто вы и не прекращали играть вместе. Тебе понравилось снова играть с ним?»

«Это было интересно», — ответил Джон.

«Ты удивился, когда они вошли?»

Он промолчал. Нейтральное выражение на его лице могло означать все, что угодно. Единственное, что я смогла понять — это то, что он не хочет больше слышать вопросы об этом.

Весь следующий день мы не видели Ринго до того, как он пришел в студию. Он вошел и прошел прямо к своим барабанам. Подкрутив их, Ринго остановился, а потом снова стал подкручивать. «Кто — то возился с моим рабочим барабаном», — раздраженно сказал он.

«Вчера был Пол. Он играл на них», — объяснил Джон.

«Он всегда доебывается до моих вещей!»

Это звучало так, словно Ринго опять был в Ливерпуле и все они были подростками, и ничего в их жизни не переменилось с тех пор, как они впервые стали играть вместе. Я поняла тогда, что бы между ними не произошло, они всегда будут так относиться друг к другу.

* * *

Через несколько дней после этого к нам домой приехали Пол и Линда, чтобы провести с нами

послеобеденное время. Они привезли с собой своих трех дочерей: Мэри, которой тогда было пять лет, Стеллу, которой, видимо, было года три, и Хитер, двенадцатилетнюю дочь Линды от первого брака.

Дети были прелестны, и я попросила Армандо проследить, чтобы у них были напитки и что — нибудь поесть.

Мы показали Полу и Линде дом, а потом уселись в гостиной поговорить. Во время беседы Пол все время смотрел на рояль. Наконец он не вытерпел, встал и пошел к нему. Джон, увидев, что Пол идет к роялю, смотался из комнаты. За ним последовала Линда. Ринго тоже быстренько улизнул.

Потом Джон сказал мне, что Линда расспрашивала его обо мне. Она хотела знать, кто я, откуда я, и что мы планируем на будущее. Она также хотела выпытать у него кое — что о делах. Ее вопросы очень не понравились Джону.

Я осталась в гостиной, когда Пол начал петь и играть шлягеры 30–х годов. Когда он играл, его пятилетняя дочь Мэри сказала: «Папочка, ты что, какая — нибудь поп — звезда, да?». Все расхохотались.

Концерт продолжался, и Гарри с Китом стали петь вместе с Полом. Когда вернулась Линда, я заметила, что у нее туфли на платформе. Наш дом, как у многих в Южной Калифорнии, был застелен ворсистым ковром, и Линда все время спотыкалась на нем. «Линда, почему бы тебе не скинуть туфли? Так будет удобней», — сказала я ей.

«Нормально. В конце концов это все — таки британские туфли», — ответила она на своем ультраанглийском акценте.

Позже мы все пошли погулять по пляжу, а потом осели возле бассейна, загорая, пока девочки купались. Разговор по — прежнему велся непринужденно, поскольку Джон и Пол не обсуждали никаких спорных вопросов. Сплетен было не много, и день прошел очень приятно. После позднего ленча Линда пустилась в пространные восхваления жизни в Англии. Когда она кончила, она повернулась к Джону и сказала: «А ты не скучаешь по Англии?»

«Честно говоря, — ответил Джон, — я скучаю по Парижу.»

Девочки начали зевать — было уже поздно. Пол и

Линда собрали своих детей. «Давай снова видеться друг с другом», — сказал перед уходом Пол.

«Давай», — ответил Джон.

«Спокойной ночи, парниша», — сказала ему Линда.

Мы проводили их до машины, помахали в след и вернулись домой. «Сегодня был хороший день», — сказала я Джону.

«Было интересно.»

«Ты думаешь, что у Пола что — то на уме?»

Он не ответил.

«У Линды английский акцент.»

Джон улыбнулся. «Не плохо по сравнению с японским», — сказал он с кривой усмешкой, повернулся и пошел наверх.

* * *

В течение следующей недели записи продолжали занимать центральное место в нашей жизни, и в один вечер произошла просто фантастическая импровизация между Ринго, Китом и Джимом Келтнером, которые вместе барабанили в " ".

Все шло очень хорошо, пока у Гарри вдруг не срезался голос. Он отчаянно хотел петь как можно лучше и перенапряг свои связки из — за многочисленных проб. Чем хуже у него получалось, тем настойчивее он записывал партию снова, несмотря на то, что каждый новый вариант получался еще хуже. Он как будто верил, что если он только будет продолжать петь, то любимый всеми голос Нильсона каким — то чудесным образом вновь зазвучит. После того, как Гарри спел свою песню «Старый Забытый Солдат», Джон повернулся ко мне и сказал: «Мне не нужна такая запись. Я не могу это слышать.»

Тем временем Гарри настоял на том, чтобы повторить песню, и у Джона не хватило духу отказать ему. Это была мрачная, отчаянная песня об одиночестве, старости и неудавшейся жизни. Невозможно было вынести спокойно этого сочетания агонизирующего голоса Гарри и подавляющей лирики. Гарри пел ее снова и снова. Мы все были в ужасе. «Пойдем», — сказал Джон. Он был очень расстроен и заставил меня отвезти его домой.

«Гарри заебался со своим голосом, — сказал мне Дон в ту ночь. — Нам придется переписать весь вокал заново.»

* * *

В течение того месяца Йоко продолжала звонить непрерывно. Они с Джоном дружески разговаривали, и ничто из сказанного ею не огорчало его. Тем не менее к концу месяца поведение Джона стало меняться. С каждым днем он становился все более тихим и один раз лег в десять вечера и встал поздно утром.

«Джон, с тобой все в порядке?» — спросила я.

«Да, да.»

На следующий день он встал раньше меня, и я нашла его во дворе, читающим. «Ты хочешь позавтракать?» — спросила я.

Джон не ответил. Наконец он встал и пошел в дом. Поев, снова вышел, сел и продолжил чтение. В полдень, когда все пошли к бассейну, он встал и снова пошел в дом.

Позже я вошла в спальню.

«Что — нибудь не так?» — спросила я.

«Мне нужно побыть одному.» Он отвернулся.

Так продолжалось несколько дней. Хотя Джон, казалось, отстранился от меня, физически страсть между нами вовсе не исчезла. У Джона был взрывной характер, и, очевидно, он вдруг стал отдаляться от своих друзей и от меня в своих мыслях, но те телом. Я не понимала, что происходит, и с каждым днем становилась все более обескураженной и нервозной.

Внезапно Джон перестал пить и отказался от поставок наркотиков. Все, чего он хотел, это читать и быть одному.

«Я что — нибудь сделала?» — спросила я.

«Мне нужно побыть одному!»

Его угрюмым выражением лица сказано было все.

В тот вечер, однако, когда мы снова отправились в студию, он наконец открылся.

«Гарри сказал мне, что харкал кровью. Должно быть, подхватил этот ебучий грипп, а потом так много пел в разгар болезни. Мне следовало остановить его. Я должен был дать ему отдохнуть.»

Джон посмотрел на меня. Он был по — настоящему напуган. «Я не хочу, чтобы меня вздрючили, — сказал он. — Я чертовски боюсь.»

В ту ночь мы проговорили целый час до того, как отправиться спать. Я подумала, что поняла, отчего Джон был задумчив и была рада, что он наконец захотел рассказать о том, что у него на уме. Мы нежно занимались любовью, а потом уснули.

Утром, однако, Джон снова замолчал и оставался таким следующие несколько дней. Я опять занервничала и чувствовала себя неспокойно. Все остальные в доме, похоже, не замечали в Джоне перемены, и мне не с кем было поговорить, отчего я чувствовала себя еще более неуверенно.

Я сидела в одиночестве возле бассейна, когда ко мне присоединились Клаус и Синтия. «Мы слышали, что Джон собирается в Нью — Йорк», — сказал между прочим Клаус во время разговора.

Я встала и разыскала Джона. «Мы уезжаем в Нью — Йорк?» — Спросила я.

«Я уезжаю, а не ты.»

«Что ты задумал?»

«Я свожу Гарри в Нью — Йорк. Если мы с ним уберемся из Лос — Анджелеса, у меня будет больше шансов добиться, чтобы он записал вокал.»

«Джон, я не хочу оставаться здесь одна.»

«Мне нужно побыть одному. Тебе нельзя ехать со мной», — резко ответил он.

«Сколько времени тебя не будет?»

«Не знаю. Я позвоню тебе.»

Мы смотрели друг на друга, но ни один из нас не проронил больше ни слова. Я вернулась к бассейну и села, стараясь не заплакать. Джон мог предложить мне поехать домой в свою квартиру вместо того, чтобы оставить меня одну в Лос — Анджелесе. Он мог спросить, хватит ли у меня денег, чтобы жить здесь одной. Снова мое благосостояние как — будто абсолютно ничего не значило для него. Мне было очень обидно, ноя так любила его, что даже не позволила себе выразить свой гнев. Я просто решила принять бравый вид и держаться. В воскресенье вечером Джон уехал в Нью — Йорк. Гарри должен был последовать за ним через несколько дней. Расстались мы довольно холодно. Джон слегка поцеловал меня и сел в лимузин. В начале

месяца я боялась, что он разбуянится в новом доме. Какая ирония! Он совершенно протрезвел и вдруг решил действовать дальше без меня. Я чувствовала себя обиженной, разгневанной и смятенной. Мне было не понятно, почему же Джон решил покинуть меня.

Я спрашивала себя: может, это конец? Эта мысль была мне противна, но с Джоном конец мог быть в любой момент. Я решила дать ему две недели. Если все не нормализуется, я воспользуюсь той тысячей долларов, выданной нам на жизнь Кэпитол Рекордз, чтобы вернуться в Нью — Йорк и начать новую жизнь.

***

Я не могла дождаться, когда пройдут эти две недели. С момента отъезда Джона отношение ко мне в нашем доме заметно изменилось. Я поняла, что меня принимали всего лишь как девчонку Джона. Без него меня стали просто не замечать. Один Мун находил время посидеть со мной не так, словно я была невидимкой или всего лишь какой — то шлюшкой, а как с товарищем.

Однажды, когда мы с Китом ехали в машине, он сказал: «Знаешь, Мэй, я рад, что ты с Джоном.»

«Почему, Муни?»

«Потому что он стал снова таким, каким был в старые времена. Никто не мог поверить в то, как он вдруг покинул всех своих старых друзей. И было чудом видеть его снова дружелюбным, счастливым и снова с удовольствием работающим.»

Это было чудо — чудо, которое непонятным образом исчезло. С каждым днем я все больше скучала по Джону, но в то же время без него я становилась более независимой. С ростом своей независимости я начала больше нравится себе. Все же я очень ждала звонка Джона. Я любила, и Джон был самым главным в моей жизни. В самом конце второй недели он позвонил. Хотя он должен был знать, что я всегда буду его, если он захочет меня, он был так неуверен в себе, что ему было необходимо во время телефонного разговора убедиться, что я по — прежнему неравнодушна к нему. Отказавшись от меня, Джон сам же и боялся, что я откажусь от него. Я почувствовала, что он нащупывает почву, изображая, на сколько возможно, бесстрастность и в то же время

определяя, каково мое отношение к нему.

«Как ты провела день?» — начал он.

Я описала свой день. «А как ты?»

ОН рассказал мне об альбоме Гарри. В его голосе звучал энтузиазм. «Мне хотелось бы, чтобы ты послушала его», — сказал Джон, рассказав немного о записях в Нью — Йорке.

Мы поговорили еще несколько минут, а потом Джон вдруг спросил: «Ты слышишь стук в дверь? Мы с Гарри живем в одном номере, и он всегда забывает ключ. Он всегда так делает. Я не собираюсь отвечать, но он продолжает стучать». Стук становился все громче. НАконец Джон не вытерпел. «Не вешай трубку, я открою дверь.» После перерыва, он, похоже, стал чувствовать себя неуютно и с трудом поддерживал разговор. Видимо один лишь вид Гарри испортил ему настроение. Немного поколебавшись, он сказал: «Я позвоню тебе завтра.»

Джон позвонил на следующий вечер, и мы оба чувствовали себя свободней. Он стал рассказывать о предыдущих двух неделях, сказав, что Гарри снова споил его. Конечно же, Джон ничего не помнил о том, что происходило, когда он был пьян. Гарри же помнил все. На следующий вечер Джон, позвонив мне, сказал, что снова бросил пить. «Я просто устал все время сходить с ума.» Затем он рассказал об инциденте накануне, который убедил его остановиться. Он попросил Пола Саймона и Арта Гарфанкеля пойти с ним в студию и поиграть вместе с ним и Гарри. Ко времени прихода Саймона и Гарфанкеля Джон был так пьян, что с трудом держал гитару.

«Пол и Арт пришли и начали оба выпендриваться, — рассказывал мне Джон. — Бог мой, как они были серьезны! Деннис провел их в студию, мы поздоровались, и я сказал: «Хотите полабать вместе?» — «Конечно». — Мы с Гарри начали, а Полу я сказал: «Я скажу тебе, когда надо вступать.» И так мы играли и играли, а он все время вступал, когда не надо. И наконец я сказал ему, чтобы он перестал играть. Он слишком нетерпелив. Тогда Пол пошел в эту ебучую контрольную кабину и стал там околачиваться. Было видно, как он что — то бормочет себе под нос. Деннис потом сказал мне, что он был обижен тем, что его обоссали, и сказал: «Может, от и один из БИТЛЗ, зато я — Пол Саймон.»

«Я вошел туда, потому что увидел, что Деннису

немного не по себе, и Полу немного не по себе, и хотел сгладить неловкость — прочистить атмосферу, и я спросил его, что ему не нравится. Этот друган просто закипел от злости и сказал: «Мне плевать на ваши дела.» Тогда я сказал ему, что он ебучее хамло!»

«Не может быть!» — воскликнула я.

«Но он в самом деле был ебучим хамлом.»

«И что было потом?»

«Тут вошел Гарри, ни о чем не подозревая, и я рассказал ему, что произошло.»

«И что же он сделал?»

«Гарри подхватил это дело и сказал им, чтобы они уебывали. Они поорали друг на друга, а потом Арт, который таращился на меня весь вечер, говорит: «Ну, спокойной ночи. Было очень мило.» Они направились к двери. Пол все продолжал ругаться и орать. Я просто не мог в это поверить! Можешь представить себе эту сценку? Все эти люди только и могут, что ругаться. Просто невероятно!»

Джон, все еще раздраженный поведением Саймона, тем не менее отдавал себе отчет в том, что Пол Саймон, в отличие от большинства тех, кто контачил с Джоном, знал себе цену и не терпел дурного обращения с собой.

«Меня так утомило все это, что я тоже ушел. И сегодня я все еще чувствую усталость. Вот почему я больше не собираюсь пить.»

На следующий вечер Джон снова позвонил. И так в течение полутора недель мы с ним часами разговаривали по телефону каждый вечер. Вовремя этих разговоров Джон проигрывал вещи из «Кошечек» — альбома Гарри — и мы обсуждали, как получилось микширование. Он также сказал, что виделся с Йоко.

«Как она?» — спросила я.

«Отлично. Раньше она сердилась, потому что ей не нравилось, как мы с Гарри вели себя в обществе. А сейчас все в порядке. Сейчас я веду себя наилучшим образом, потому что не хочу теперь, чтобы люди думали, что я не живу с ней, чтобы они не относились к ней сочувственно. Ты же знаешь ее самолюбие. Для нее возможно, чтобы люди знали, что я по — прежнему возле нее, хотя в действительности это не так. Ты же знаешь, как легко задеть ее чувства.»

«Как ты выглядишь?» — спросил он.

«Мой загар становится темней. Я все темнею и

темнею с каждым днем», — подразнила я его.

«Рад слышать. Хотелось бы мне увидеть этот загар.»

«В самом деле?»

«Ты же знаешь. А как еще ты выглядишь?»

«Джон, ты знаешь, как я выгляжу.»

Мы оба засмеялись.

К тому времени я уже перестала сердиться на него и была очень рада этим звонкам. На третью неделю Джон стал звонить сначала утром, а потом еще раз вечером. В конце четвертой недели (уже наступал июнь) он позвонил в семь утра и спросил, как у меня дела. Я ответила, что в этот день мы собирались устроить вечеринку по случаю дня рождения Мэла Эванса. Через несколько часов Джон снова позвонил и вдруг сказал: «Ты разве не хочешь приехать домой?»

«Конечно, хочу», — взволнованно сказала я.

«Я хочу, чтобы ты приехала домой. Выясни, когда ты сможешь это сделать. Желательно как можно скорей.»

Я была в экстазе. Положив трубку, я собрала все свои вещи. Не известно, что ждало меня в Нью — Йорке, но что бы ни случилось, я решила, что смогу справиться с этим. Мне не терпелось убраться из Лос — Анджелеса и не терпелось увидеть Джона. Добравшись до аэропорта, я взяла билет на первый же самолет. Он прибывал в Нью — Йорк в полночь. До посадки я позвонила Джону и попросила, чтобы ему передали о времени моего прибытия.

В ту ночь, добравшись до отеля «Пьерре» в Нью — Йорке, я позвонила с телефона в приемной в номер Джона. Ответа не было. К тому времени я уже знала, что совсем не обязательно, что Джон будет меня ждать, когда я к нему приезжаю. Ничуть не удивленная и не рассерженная, я села ждать в холле. Через полчаса в дверях показался Гарри. На его руке висела красивая девчонка, и оба они были пьяные.

«Добрый вечер, мистер Нильсон», — сказал швейцар.

«Добрый вечер, мистер Нильсон», — сказал регистратор, когда Гарри подвалил к столу узнать, есть ли для него что — нибудь.

Тут Гарри заметил меня. «Мэй!» — закричал он и пустился в непристойных выражениях описывать всякие сексуальные штучки, которые он хотел проделать со мной.

Регистратор отвел глаза, то же самое — швейцар.

«Где Джон?» — требовательно спросила я.

«Разве он не наверху?»

Гарри объяснил, что в номере две спальни, и, по его подозрению, Джон, который снова стал рано ложиться, спит в своей спальне, а телефон, вероятно, оставил в комнате Гарри. Мы поднялись. «Вот спальня Джона», — сказал Гарри, показывая пальцем на закрытую дверь. Я, нервничая, подошла к ней. Что если Джон там с другой? С Джоном все возможно, однако я постучала.

«Кто там?» — сонно спросил Джон.

«Это Мэй».

Он подбежал к двери и открыл ее. «Это ты, пидорасина, ты! А я думал, что ты только завтра приедешь.» Он неверно понял, что я ему передавала, и думал, что я приезжаю завтра в полдень. «Иди сюда. Дай мне посмотреть на тебя.» Джон включил свет. «Бог мой, как я рад, что ты здесь.»

Он начал целовать меня, и это был один из таких моментов, когда наша обоюдная страсть затмевала все, момент, какого у меня не могло быть ни с кем другим.

На следующий день, выпив утром кофе, Джон наклонился и поцеловал меня. «На меня было слишком большое давление, — объяснил он, — так что я просто вынужден был уехать. Я не мог больше оставаться в Лос — Анджелесе. Это сводило меня с ума. Больше не хочу пить, потому что все смотрят на меня, как на безумца.» Он схватил мою руку и взволнованно сказал: «нам нужно подыскать себе дом, потому что Джулиан собирается приехать ко мне, и ему надо будет пожить с нами. К тому же я готов записать альбом из своих новых вещей. Так что ебать этого Спектора, пока не найду его записи.»

«Это просто чудесно!»

«Ты должна обещать мне, что не будешь подходить близко к Гарри», — продолжал он. Я увидела, как в его глазах промелькнула искорка ревности. Ему не нравилось даже то, что я провела всего двадцать минут наедине с Гарри прошлой ночью.

«Не беспокойся. Тебе ни к чему брать с меня такое обещание.»

«Кроме того не отвечай на телефонные звонки. Когда я разговаривал с Йоко несколько дней назад, то сказал ей, что подумываю взять тебя назад, и хочу, чтобы ты вернулась домой. Она взглянула на меня и сказала: «Ты уверен в этом?» Я ответил: «Да», но не сказал, когда.

Откуда мне было знать, что я позвоню тебе через десять минут после этого разговора?»

В первый раз я поняла, что это была идея Джона и только Джона — чтобы мы были вместе. На этот раз он действовал не по инструкции Йоко. На это ушел месяц, но Джон в конце концов решил, что он хочет быть со мной.

Это была самая лучшая новость из всех, что до сих пор меня ожидали.

Джон все еще встречался со своими юристами, и его позиция оставалась неизменной: «Я хочу все это уладить, но я должен узнать, что каждый хочет от меня и что я должен уступить. И я не хочу отдавать ничего из того, что мне принадлежит.»

Слава Богу, он хотя бы покончил с «Пусси Кэтс». «В этот альбом я вложил душу, и это самое лучшее, что я мог сделать из того, что я чувствовал, когда записывал его.»

Улыбнувшись, Джон добавил: «По правде сказать, мне это было нужно, чтобы подготовиться к записи своего собственного альбома.»

Он потянулся за своей гитарой. «Хочешь послушать новые вещи, Фанг Йи?»

Джон вытащил стопку бумаги. На некоторых листах были нацарапаны фразы, на других — законченные тексты песен. Еще были листы с аккордами, обозначавшими мелодии, для которых у него не было текстов. Эти записи были основой нового альбома Джона, альбома, который он назовет «Стены и Мосты».

Джон работал инстинктивно. Песни рождались в его голове, когда он засыпал и во время сна. Лишь когда он закончил «Стены и Мосты», Джон понял, что сделал этот альбом для того, чтобы сказать Йоко о том, что произошло, сказать ей о своей боли и о печали, которую он чувствовал после того, как они расстались. Тогда он сказал мне: «Видимо мне хотелось, чтобы она знала, как я был напуган. Знаешь, как это бывает: большая любовь, и ты не веришь, что она кончится, а она кончается…» Джон сказал, что понял также, что написал этот альбом и для меня. «Я хотел сказать тебе о том удивлении, которое чувствуешь, когда проходит время и ты вдруг — невероятно — влюбляешься в кого — то еще.»

Однако, когда он только еще решил сделать этот альбом, Джон ничего этого не осознавал. Он только

сказал: «Я хочу вставить туда одну песню для Йоко и одну — для тебя.» Моей песней была «Surprise Surprise» (Сюрприз, Сюрприз) — песня, которую Джон начал писать на следующий день после того, как у нас с ним впервые была близость. Джон сыграл ее для меня, внимательно глядя на меня, пока пел. «Я был слепым, она взорвала мой рассудок… Я люблю ее.»

Закончив, он спросил: «Ну как, нравится?»

По моим щекам текли слезы. «Конечно, нравится.»

«Правда?»

«Правда.» Я обняла и поцеловала его.

«Джон…»

«Да?»

«Спасибо тебе. Большое спасибо. Эта песня — лучший подарок, какой я могла когда — либо получить от тебя.»

Джону, похоже, было очень приятно. Потом он сыграл мне песню, написанную для Йоко — нежную балладу, которую он назвал «Благословляю Тебя».

«Как ты думаешь, ей понравится?» — спросил Джон, спев песню.

«Это прекрасная песня. Она полюбит ее.»

Затем он пробежался по остальным песням, объясняя каждую перед тем, как сыграть. Одна из них — «Scared» (Боюсь) произвела на меня сильное впечатление.

Джон, похоже, точно понял о чем я думаю. «Знаешь, какую из своих старых песен я люблю больше всего? «Help!».» Он помолчал. «Когда — нибудь я хотел бы переделать «Help!». В том варианте, как мы ее играли, она не отражала истины.» Джон хотел сделать более душевную, мягкую версию этой песни. Он был убежден, что такое исполнение «Help!» будет давать более эмоциональное воздействие. Джон хотел, чтобы люди переживали сильные эмоции, когда слушают его песни.

«Некоторые из этих песен столь же забойные, как и твои старые вещи, но ты также пишешь и очень нежно», — сказала я ему.

«Я просто хотел выразить свои чувства. Эти песни — о прошедших восьми месяцах. Они — о становлении.»

Он посмотрел на меня, и я поняла, что он ждет моей реакции на все то, что я услышала. Его творческий всплеск просто ошеломил меня. «Ты снова стал уверенным в себе! — воскликнула я. Я слышу тебя в этих песнях. Джон, мне нравится то, что я слышу. Я очень

счастлива.»

Он положил гитару, притянул меня к себе и стал нежно целовать. Потом сказал: «Ты готова к работе?»

«Готова!»

Джон хотел начать записывать через две недели. Вместе с некоторыми нью — йоркскими музыкантами он хотел, чтобы в записи этого альбома приняли участие Джим Келтнер, Джесси Эд Дейвис, Клаус Форман и Ники Хопкинс из Лос — Анджелеса. Джон собирался работать в Рекорд Плант в Нью — Йорке и хотел, чтобы инженерами были Рой Сикала и Джимми Йовин. Он также хотел написать весь альбом до начала записей, чтобы можно было порепетировать с музыкантами до того, как они отправятся в студию. На этот раз он хотел сделать все, как положено!

Джон был, как никогда, исполнен энтузиазма. Мы назначили начало записей на 17 июня, что давало мне две недели на то, чтобы все организовать в студии, пока Джон дописывал вещи для своего альбома. Надо было нанимать музыкантов, и я решила сразу позвонить им.

Джон сказал мне проследить, чтобы каждый музыкант имел все необходимое. Он хотел, чтобы во время сессий была праздничная атмосфера. Он также сказал мне, чтобы я позволила всем привести с собой в Нью — Йорк своих жен или подруг. Ранее это не приветствовалось на записях Джона. Йоко как — то сказала: «Студия — то место, чтобы работать». Результатом этого афоризма явилось неофициальное правило, запрещавшее всем женщинам, исключая ее и меня, находиться в студии во время записей.

В течение двух часов я дозвонилась до всех музыкантов, с которыми Джон хотел работать. «Вот подождите, когда услышите эти песни, они вам очень понравятся. Джон сейчас пишет лучше, чем когда — либо.»

Все были в восторге от такой новости. Эти музыканты любили Джона и его музыку и с нетерпением ждали начала. Все они активно включались в организацию их приезда в Нью — Йорк, и я чувствовала, что это было началом чудесного предприятия. Я заказала для них билеты, затем заказала часы работы в студии и сняла помещение для репетиций на два дня до начала записей. К тому времени, когда я закончилась, у меня от возбуждения кружилась голова.

Затем Джон взял телефон, позвонил Йоко и напрямик сказал ей, что я приехала. Позже этим днем она позвонила, и мы вежливо поговорили. Во время нашего разговора я поглядывала на Джона, который, скрестив ноги, сидел на кровати. Перед ним лежал его блокнот, и он играл на гитаре, время от времени останавливаясь, чтобы записать фразу или строку. Иногда он вскакивал, подходил ко мне и пел какой — нибудь припев, желая узнать мое мнение.

«Я уже много лет не писал так быстро, — возбужденно сказал он. — Давно я не был в такой хорошей форме.»

Джон был так счастлив, что не терпел никаких помех. поэтому, несмотря на то, что Гарри все еще был в Нью — Йорке, он старался не тратить на него слишком много времени. Как — то утром он сказал мне: «До того как Гарри вернется в Лос — Анджелес, мы должны сходить в Эр — си — эй.»

Когда Джон желал расстаться с каким — нибудь своим партнером, он хотел сначала выразить ему публично свою большую любовь и уважение. Он не мог допустить, чтобы кто — то, кого он любит, подумал о нем плохо. Несмотря на многие проблемы с «Пусси Кэтс», Джон гордился этой работой. Он считал, что это — лучшее, что он мог сделать при таких обстоятельствах. Ему хотелось хорошо расстаться с Гарри, и это привело его на последнюю встречу в Эр — си — эй, где Гарри вел переговоры о новом контракте на запись. Хорошо зная о своем обаянии и эффектности своих слов, когда он говорил без обиняков, Джон сказал: «Этот альбом — потрясная работа. Вы заполучили клевого артиста. Безумие терять его тогда, когда он может так работать.»

Вскоре после этого Гарри уехал в Лос — Анджелес и позже позвонил из Калифорнии, чтобы сказать Джону, что новый контракт подписан.

После отъезда Гарри мы продолжили рьяную работу по подготовке к началу записей 17 июня. И вот всего за несколько дней до начала нашей работы на наше заседание в Рекорд Плант нагрянул Эл Коури, шеф филиала Кэпитол в Калифорнии.

«Я нашел их! — объявил он. — Вот они.» Коури имел в виду записи Спектора, которые уже несколько месяцев, как пропали.

«Не может быть!» — воскликнул Джон.

Тем не менее они лежали перед ним. Изумленный Джон обвел их взглядом. «Я и не знал, что их так много. Не могу поверить.» Потом он пожал плечами. «Придется отложить их, пока я не решу, что с ними делать.»

Пять месяцев мы, как безумные, пытались найти эти записи у Спектора, а теперь оказались так заняты новым альбомом, что решили пока запереть их в сейфе Рекорд Плант.

В тот вечер, когда мы вернулись в отель, Джону из Лос — Анджелеса позвонил Ринго.

«Ты не поверишь, как хорошо все складывается», — сказал ему Джон. Ринго был в восторге. Однако он сказал Джону, что беспокоится о своем новом альбоме, продюсером которого будет Ричард Перри, сделавший чрезвычайно успешный альбом «Ринго» в 1973 году.

«Мне по зарез нужен новый материал», — сказал Ринго. Джон написал в тот раз для альбома «Ринго» песню — бестселлер «I'm The Greatest» («Я Самый Великий»).

«Не беспокойся, старина, я посмотрю, что смогу сделать.»

Закончив разговор, Джон сказал, что обирается послать Ринго «Спокойной ночи, Вена» — песню, которую держал для себя. «Когда мы будем в студии, я с группой сделаю демонстрационную запись этой песни для Ринго», — заявил он.

За исключением одной, все песни для нового альбома Джона были записаны. Джон решил использовать оркестровую аранжировку, которую сделал для «Надо Пересечь Много Рек» на альбоме Гарри. Он хотел написать к ней слова и вставить в свой новый альбом. У него были три первые слова для начала песни: «So long ago…» (Это было так давно…) и больше ничего. Это была последняя песня, которую Джону надо было закончить.

«Ты закончил «Это Было Давно»?» — спросила я.

Вещь все еще не была написана, и я знала, что Джону нужен толчок.

«Эта мелодия очень красива», — польстила я ему. Весь день я то и дело напоминала Джону, что с нетерпением жду, когда эта песня будет закончена.

Через один или два дня, когда Джон проснулся, он рассказал мне о том, какой видел сон.

«Там были две женщины. Они, как эхо, повторяли мое имя. Это было очень странно. Казалось, меня несет какой — то вихрь.» Он начал писать в своем блокноте. Во сне он слышал снова «а, бавакава, пуссе», которые и записал в блокнот.

Через два дня Джон закончил свою песню — сон. «Я готов», — объявил он. Как он и обещал, весь материал был закончен ко времени первой репетиции.

* * *

В первый день Джон вошел в студию и поприветствовал Джима Келтнера, Джеси Эда Дейвиса, Кенни Ашера, Ники Хопкинса и Клауса Формана. Над альбомом должны были работать также гитарист Эдди Мотто и перкуссионист Артур Дженкинс. поздоровавшись со всеми, Джон сказал: «О'кей, сейчас пойдем работать, а потом устроим вечеринку.» На этот раз не должно было быть никакой выпивки или сигарет с травкой. Джон вытащил тексты песен с проставленными на них аккордами, взял гитару и начал играть свои новые песни. Музыканты напряженно слушали. Было очевидно, что им нравится то, что они слышат. Когда Джон кончил, посыпались поздравления и похвалы.

Меня особенно интересовало, как все будут реагировать на «Боюсь», но никто, похоже, не прочувствовал эту песню так глубоко, как я. Музыкантов интересовала музыка, а не размышление над содержанием песен Джона. Все они очень хорошо знали Джона, но Джона — профессионала, Джона, который выходил из — под контроля, только когда был пьян. Они мало что знали о его глубинных переживаниях, о которых знала я. Все, что они хотели, — это сразу взяться за дело, что они и сделали.

Под руководством Джона музыканты занялись аранжировкой песен. Почти сразу они попали под музыкальный авторитет Джона, и это было просто сногсшибательно. Один раз, например, когда Кенни Ашер был за роялем, Джон остановил его. «Нет, нет, нет, — сказал он. — Не меняй мелодию.» Кенни добавил одну восьмую к нотному рисунку Джона, и тот сразу же услышал это легкое изменение.

«Ну и слух у тебя, парень», — отметил Кенни.

Когда Кенни должен был сделать аранжировку для струнных, Джон просто напел ему струнную партию. Кенни подобрал ее, а потом внес свои предложения.

«Как хочешь, но звучать должно так, как слышу я», — сказал Джон.

К концу второго дня репетиций альбом полностью был обработан. На следующий день должны были начаться сессии.

По ночам, когда мы возвращались в отель после этих сессий, Джон то и дело говорил мне: «Фанг Йи, это будет самый быстрый, самый легкий альбом из всех, какие я делал. Просто удивительно.»

В самом деле, дело двигалось так быстро, что во время одной из своих сессий Джон наскоро записал «Спокойной ночи, Вена» для Ринго. Я сразу же отправила эту ленту Ринго в Лос — Анджелес.

* * *

В конце июня музыканты, оставшиеся под большим впечатлением, разъехались по домам, а мы съехали из «Пьерре» и вернулись в мою квартиру. «Я хочу, чтобы Джулиан смог жить с нами, когда он приедет сюда. Так что, нам надо найти квартиру с комнатой для него. Я знаю, что тебе нравится это место, Фанг Йи. Мне — тоже, но сейчас надо найти квартиру побольше», — сказал Джон после того, как мы распаковали вещи.

С того времени, когда Джулиан после Нового Года вернулся домой, я приучила Джона звонить ему один или два раза в неделю. Джон не только принял тот факт, что у него есть сын, но также и получал удовольствие, разговаривая с ним, и убеждаясь, что Джулиан был вполне умным маленьким мужчиной.

* * *

В моей квартире было невозможно оставаться еще из — за того, что теплая летняя погода позволяла людям мотаться по улице день и ночь. Поклонники стали узнавать микроавтобус Джона, на котором мы ездили со времени моего возвращения в Нью — Йорк в начале июня, и толпились вокруг него. Когда мы выходили, эти

фаны пытались вовлечь Джона в разговор. Он обычно обменивался парой слов с ними до того, как мы уезжали, и уверена, что никто из них не подозревал, как все это действовало Джону на нервы. Похоже было, что даже в Нью — Йорке ему невозможно уединиться.

Как — то в студии мы объявили, что ищем квартиру, и спросили, нет ли у кого — либо чего — нибудь на примете. Через несколько дней Эдди Джермано, в то время управлявший делами в Рекорд Плант, сказал нам, что в его доме сдается небольшая квартира с видом на Ист — Ривер.

«Это хорошая мысль. Надо посмотреть ее. По меньшей мере у нас будут друзья в этом доме.» Джону нравилось также то, что у Эдди был сын такого же возраста, как Джулиан.

На следующий день, во время одного из своих звонков, Йоко объявила, что хочет нанести нам визит. Мы с Йоко больше почти не разговаривали, и я не могла представить себе, что она когда — либо придет в мою квартиру.

«Чего она хочет?«спросила я Джона.

Он пожал плечами и ничего не сказал.

Через час подкатил удлиненный лимузин, и из него вышла Йоко. Я нажала кнопку блокировки двери, и она вошла в дом. Поднявшись на третий этаж, Йоко подошла к моей двери, которую я открыла и сказала: «Привет, Йоко. Входи, пожалуйста.» Она выглядела очень угрюмой.

«Привет, Йоко», — сказал Джон.

Йоко не ответила. Она посмотрела вокруг и нахмурилась. У нее было такое выражение лица, будто она входит в грязную общественную уборную. Она закурила «Кул» и зашагала взад и вперед, уйдя в свои мысли. Наконец села и уставилась на Джона, ничего не говоря. Мы с Джоном тоже уставились на нее.

«Джон, — мягко сказала она, — как ты можешь жить в этой мусорке?» Потом повернулась ко мне. «Мэй, ты что, вечно собираешься жить в этой мусорке?»

«По — моему, это прекрасная квартира», — ответила я.

Йоко выглядела опечаленной. «Ты собираешься жить здесь вечно. Ты что, не понимаешь, что есть места получше?»

«Ничуть не сомневаюсь», — ответил Джон.

«Я хочу, чтобы вы съехали отсюда. Мне больно видеть, что ты так живешь.» У Йоко был обиженный вид.

«Мы можем сделать это, Йоко», — сказал Джон.

«Для тебя важно жить в комфорте. Я думаю, что вы хотели бы жить более комфортно.»

«Мы хотим», — сказала я ей.

«Мне невыносимо, что вы живете некомфортно.»

Джон промолчал, я тоже промолчала.

«Вы знаете, что всем нам будет лучше, если вы переедете.»

Мы по — прежнему молчали.

«Не могу понять, как вы можете быть здесь счастливы.»

Мы не отвечали.

«Это так просто, если уж вы решили найти место получше. Знаете что? — спросила она. — В Дакоте есть пустая квартира. Вы не хотели бы ее снять?»

«Есть квартира?» — спросил Джон.

Я постаралась сохранят невозмутимость, хотя и была в ужасе. Мысль о том, чтобы жить с Джоном в том же самом доме, что и Йоко, казалось мне дикой.

«Я выясню и позвоню тебе.» Йоко посеяла семя, и я не знала, как на это ответит Джон.

Еще весь следующий час Йоко долбала нас обоих. Решив, наконец, что она убедила нас в том, что мы должны переехать, она сказала: «Теперь мне пора идти» и встала. Подойдя к двери, обернулась: «Знаешь, что?» — спросила она.

«Что?» — спросил Джон.

«Джон, я думаю, что ты будешь очень счастлив в большой квартире.»

«Я не хочу жить в Дакоте», — резко сказала я, как только Джон закрыл дверь.

«Мне кажется, что она думает, будто я хочу выселить ее из Дакоты, чтобы мы могли поселиться там, — ответил Джон. — Просто смешно. Она бы не перенесла этого. Для нее важно жить в Дакоте. Ей нравится этот адрес, потому что это Первый дом на западной семьдесят второй улице. Ей нравится, что там живут знаменитости.»

Он помолчал; я — тоже.

«Там есть квартира. Было бы забавно, если бы мы поселились в ней, а? Люди не знали бы, что и подумать.»

«Мы можем поселиться в доме Эдди Джермано.»

Джон поразмыслил пару минут. «Дакота — клевое местечко, но я всегда хотел жить возле реки.»

* * *

Дом, где жил Джермано, был небольшим двенадцатиэтажным зданием прямо возле Ист — Ривер (Восточная Река) на Восточной пятьдесят торой улице. Эдди сказал нам, что эти апартаменты называют Тауэром (Башней). Это была очаровательная фешенебельная квартира на крыше небоскреба. Там была гостиная с камином, который топился дровами, маленькая кухня и небольшая, но вместительная спальня. Через стеклянные двери в гостиной можно было выйти на крошечную террасу с видом на реку. Окно в кухне открывалось на крышу. Поселившись, мы имели бы в своем распоряжении всю крышу.

Джон быстро прошелся по квартире. «Фанг Йи, кухня слишком мала», — заметил он.

В то утро Джон поднимал вопрос о квартире в Дакоте. Тауэр был более разумным вариантом, и я решительно стояла за него.

«Мы почти и не едим дома, — сказала я ему. — Этой кухни нам хватит. По — моему, это очень хорошая квартира.»

«Тебе действительно нравится?» — снова спросил он.

«Очень нравится.»

Джон повернулся к Эдди. «Какова рента?»

Рента составляла 800 долларов, что по сегодняшним меркам не много, однако в 1974 году это была весьма серьезная сумма для тех, кто старался придерживаться бюджета. Джон нахмурился.

«Давайте, я поговорю с владельцем дома, — сказал Джермано. — Мы с ним в очень хороших отношениях. Думаю, что можно будет снизить ренту.» Эдди очень хотел, чтобы мы жили в этом доме.

В тот вечер в студии он сказал нам, что рента снижена до 750 долларов. «Берем», — сказал Джон, сияя от сделки в пятьдесят долларов.

Когда Эдди Джермано сказал ему, что в этом квартале живет Грета Гарбо, Джон был весьма заинтригован. «Я хотел бы увидеть ее, — сказал он. —

Давай будем внимательны.»

Встав на следующее утро, мы стали планировать наш переезд. Мы перебрали мои пожитки, решая, что взять с собой. Только теперь до меня дошло, что Джон всерьез хотел, чтобы я оставила свою квартиру и жила с ним в новой.

«Джон, нам надо поговорить», — тихо сказала я.

«В чем дело?»

«Мне страшно расставаться с этой квартирой. Это первая и единственная, какую я могла себе позволить.»

«Послушай, Фанг Йи, мы с тобой вместе не первый день и уже жили в разных местах. А теперь нам пора жить в своем собственном. Так что, не беспокойся. Все будет нормально.»

«Ты знаешь, я люблю тебя и хочу жить с тобой в нашей собственной квартире. Но я все равно нервничаю.»

«Все будет хорошо. Разве до этого не было все хорошо?»

Было не только хорошо, было чудесно. Мы прожили месяц безо всяких инцидентов, а Джон, не привыкший в основном принимать решения сам, сам решал все и, похоже, был намерен продолжать в таком же духе. Он не пил, не ходил на поводу у Йоко и был, как никогда, любящим. Я не знала, что может случиться, но не хотела терять шанс. Я глубоко вздохнула, посмотрела на Джона и решила отбросить свои страхи и кинуться в этот омут. «Если ты готов, я готова», — сказала я, и мы, словно молодожены, занялись списком необходимых нам вещей.

«Как насчет кровати?» — спросил Джон.

Я взяла «Виллидж Войс» и полистала, остановившись на рекламе Локрафта, дорогого магазина, где продавались кровати. «Поехали», — сказал Джон. Мы взяли такси и поехали в центр к этому магазину. Обычно мы не долго раздумывали во время покупок, и к тому времени, когда служащие пришли в себя от изумления, что к ним зашел Джон, мы уже выбрали одну кровать и заплатили за нее кредитной карточкой Джона «Американ Экспресс». После обеда я с Джоном Хендриксом, личным ассистентом Йоко, съездила в Мейсиз и купила там матрас.

На следующий день мы с Джоном отправились в магазин Карлайл Кастом, где продавались диван — кровати, чтобы купить софу для Джулиана. Прохаживаясь по выставочному залу, Джон заметил

коричневый бархатный диван и указал на него. Он был просто прелестным. Мы попробовали посидеть на нем — было очень удобно. Попробовали разложить — это было легко даже для ребенка.

«То, что надо», — сказал Джон, и мы купили его.

Наша новая гостиная казалась Джону слишком маленькой, и он хотел создать иллюзию большего пространства. «Надо повесить зеркала над камином», — сказал он. Джон Хендрикс нашел человека, который пошел в наше квартиру снять размеры для дымчатых зеркал, которые будет установлены позже.

Мы знали, что Рой Сикала может устроить нам через Рекордз Плант стерео — аппаратуру со скидкой в цене. Они с Джоном хотели поставить в квартире колонки «Атлек» высотой и шириной в один метр. Мы также достали через Роя телевизор.

«Слушай, мы же привезли из Титтенхерст Парка ковры. Они всегда валялись свернутыми, и как раз подходят сюда по размеру.» Джон имел в виду несколько красивых ковров, белых и черных, которые соткали в Китае специально для его дома в Эскоте. Он позвонил Джону Хендриксу и попросил его найти эти ковры и доставить их. Когда он сказал об этом Йоко, та ответила, что это чудесная мысль.

Чуть позже Йоко позвонила и попросила позвать к телефону Джона. «Да ну… хорошенькое дело», — слышались слова Джона. Потом он бросил трубку. «Йоко боится, что ее обставляют, — сказал он. — Теперь она хочет эти ковры.»

Джон и Йоко стали перезваниваться, обсуждая проблему ковров. Наконец Джон сказал: «Мы возьмем один белый, остальное пусть остается ей. Этого будет достаточно.» Во время следующего звонка он твердо стоял на своем, и вопрос был решен.

Еще раз осмотрев нашу новую квартиру, Джон сказал: «Послушай, нам нужна отдельная комната для Джулиана. Мы будем спать в гостиной, а он сможет спать в другой комнате.»

Мы постелили белый ковер в передней комнате и поставили там свою кровать. Джон перевез из Дакоты свое пианино, и мы также поставили его в этой комнате. Потом Рой прислал своего человека, и мы установили здесь же стерео — систему.

Когда привезли телевизор, мы поставили его перед

кроватью. Потом мы купили два директорских стула и также поставили их в комнате. Поле того, как над камином были повешены зеркала, мы внесли в комнату Джулиана новый диван, и квартира, за исключением крыши, была меблирована.

Через некоторое время Джон затащил на крышу большое дерево. Оно выглядело там довольно одиноко и причудливо. «Это только начало, — сказал Джон. — Кто знает, что мы затащим на эту крышу до того как съедем отсюда.»

Как — то вечером, когда Джон был в студии, я поехала навестить свою маму и рассказать ей об этом переезде. Она уже несколько месяцев знала о том, что я живу с Джоном, но воздерживалась от вопросов. Пока я рассказывала ей, она молчала, но было видно, что она нервничает. «Я не хочу, чтобы ты расстраивалась», — сказала я.

«Мэй, с тех пор, как ты не живешь со мной, ты принимаешь решения самостоятельно. Что тут скажешь?!» — ответила она.

«Я нервничаю, как и ты, — сказала я, — но я люблю этого человека.»

Она посмотрела на меня, и было видно, что она озадачена. В ее мире мужчину не любили, а работали на него. «Я хотела бы, чтобы ты встретилась с Джоном», — сказала я. «Когда ты увидишь его, ты будешь лучше относиться ко всему этому.» Мысль о том, чтобы встретиться с Джоном, похоже, взволновала ее. Она не могла и допустить, что, хотя ее дочь и живет с этим мужчиной, она может когда — нибудь познакомиться с таким знаменитым человеком, как Джон Леннон. Тем не менее она улыбнулась. «Мне хотелось бы встретиться с ним», — смущенно сказала она.

«Ну как?» — спросил Джон, когда я вернулась в студию.

«Немного нервничала, но все прошло отлично.»

«Хорошо».

«Джон, мне было бы гораздо легче, если бы ты повидался с ней. Она тебе очень понравится. Она очень приятная женщина.»

Волнение моей мамы относительно встречи с Джоном было сущим пустяком по сравнению с его страхом встретиться с ней.

«Я не могу. Я не могу. Я не хочу встречаться ни с

чьей матерью.»

«Все, что тебе нужно, это поздороваться с ней, и только.»

«Не могу. Никак не могу.» Потом он сказал, как бы объясняя: «Йоко не выносит своих родителей.»

«Джон, есть большая разница между моей мамой, маленькой китайской женщиной, которая работала, не покладая рук, всю свою жизнь, и матерью Йоко, женой президента японского банка.»

Джон не желал слушать и вопрос был закрыт — к моему большому сожалению.

Я постаралась как можно тактичней объяснить своей маме, что Джон не выносил семейного окружения из — за своего собственного детства. Я знала, что она не сможет понять, почему какой — то взрослый человек боится встретиться с ней. «Я понимаю, — мягко сказала она после моего объяснения. — Мне не хочется навязываться.» Было видно, что она немного задета. «Я все же хотела бы, если можно, приносить вам какую — нибудь еду время от времени.»

Мне казалось, что я поняла причины нежелания Джона встречаться с моей мамой, и постаралась объяснить ей, как могла. Тем не менее, в глубине души, хоть я и старалась не думать об этом, мне было обидно и досадно. Я была расстроена тем, что Джон мне мог быть любезен с моей мамой и мной и берег свои широкие жесты лишь для посторонних. Но поскольку я любила Джона и была с ним, я знала, что ничего хорошего это мне не даст — если я зациклюсь на его отказе.

Со времени нашего переезда, пару раз в неделю после работы, моя мама приходила в нашу квартиру с пакетами домашней китайской еды. Я открывала ей и встречала ее у двери. Мы стояли в проходе и разговаривали, а Джон скрывался внутри, ожидая, когда она уйдет. Закончив разговор, она вручала мне пакеты. Поскольку у нее было мало денег, я всегда предлагала заплатить за еду, но она не брала ни гроша. Я благодарила ее и целовала на прощание. Она возвращалась домой в испанский Гарлем к моему отцу, а я шла к Джону, которому не терпелось приняться за еду.

Когда наша квартира была почти полностью готова, и можно было переезжать, мы получили известие от Тони Кинга, который сказал нам, что возвращается в Штаты. Он планировал приехать в середине июля вместе

с Элтоном Джоном на пароходе «Франция».

Джон был весьма возбужден. «Мне хочется скорее увидеться с Тони и Элтоном!» — воскликнул он. Немного позже ему пришла в голову одна мысль. «Будет отлично, если Джулиан поедет вместе с ними. Они смогут присматривать за ним на борту.»

Я позвонила Тони, и ему понравилась мысль о том, чтобы сопровождать Джулиана в Штаты. Потом я позвонила Синтии и сказала ей о плане Джона.

Разговаривая с Синтией, он был чрезвычайно любезен. «О'кей… отлично… хорошо», — отвечал он, желая закончить разговор как можно скорее.

В следующий раз Джон разговаривал с Джулианом, и тот сказал ему, что Синтия собирается ехать вместе с ним. Джон был в ярости. Он рассчитывал, что Джулиан приедет один. Мне пришлось приложить все усилия, чтобы убедить его позволить Синтии сопровождать своего сына.

После нескольких телефонных звонков была достигнута договоренность о том, что, когда Синтия и Джулиан прибудут в Нью — Йорк, Джулиан будет жить с нами, а Синтия — у своих друзей.

Джон не хотел жить в нашей новой квартире, пока там не будет установлен телефон, и мы снова поселились на пару дней в «Пьерре».

Мне стало смешно. То, как мы жили, напоминало мыльную оперу, в которой мы все время собирали свои чемоданы и куда — нибудь переезжали.

Живя в «Пьерре», мы продолжали ходить в студию, где Джон работал над наложением вокала. В один вечер предстояло накладывать вокал в песне, которую Джон видел во сне "# 9 Dream», но вокальная группа не пришла. Джон специально хотел, чтобы были два мужских и два женских голоса. Он также хотел, чтобы один женский голос, как в его сне, периодически звал: «Джон… Джон…» Он хотел, чтобы роль этого духа исполняла я, но не хотел, чтобы я пела.

«Я могу подпевать», — сказала я ему.

«Мне не хочется, чтобы ты занималась этим.»

«Это же не трудно, и ты знаешь, что я могу спеть. Дай мне попробовать.»

«Нет.»

Джон привлек одного мальчика и жену Роя Сикалы, Лори Бертон. Ему нужен был еще один женский голос.

Он решил сам петь партию второго мужского голоса и, не найдя второго женского, в отчаянии сказал: «Фанг Йи, попробуй».

Мне было не трудно подпевать. Но когда настало время произносить «Джон… Джон…», огни от лампочек в кабине замерцали перед моими глазами, потому что мне было трудно произносить эти сексуальные, эротические зазывания, когда он смотрит на меня. Тем не менее Джон был доволен.

«Я же говорила, что ты можешь довериться мне», — сказала я.

«Ты была права.» Он все еще, похоже, нервничал.

«Ты не должен беспокоиться обо мне, Джон, — сказала я ему. — Я не хочу делать сольную карьеру и выступать в Кенниз Каставейз.»

Он засмеялся: «Ты всегда читаешь мои мысли.»

Через три дня после того, как мы поселились в «Пьерре» и уже готовились оттуда съехать, приехали Синтия, Джулиан, Элтон и Тони. Увидев Синтию, Джон тихо сказал: «Привет, Син». Когда он увидел Джулиана, он крепко обнял его. Потом Джон обнялся с Элтоном и Тони.

У них была великолепная поездка через океан. «Джулиан был чудом, — сказал Джону Элтон. — Он ждал нас возле наших кают, сопровождал нас в столовую, всегда следя за тем, чтобы у нас были хорошие места во время всех мероприятий.»

«Слушайте, ребята, у нас новая квартира и новый альбом.» Джон положил руку на мое плечо. «С тех пор, как вы видели нас в последний раз, у нас было очень много дел.» Он повернулся к Джулиану. «А у тебя будет своя собственная комната.»

«Когда вы переезжаете?» — спросила Синтия.

«Завтра.»

Она засмеялась. Синтия знала, что такое жизнь с Джоном. Все происходит мгновенно.

Мы пробыли в своей новой квартире всего час, когда зазвонил телефон. Первый звонок нам был от Пола МакКартни. В Лос — Анджелесе мы сказали Полу и Линде, что они всегда могут узнать наш номер, позвонив в Дакоту. Когда Пол узнал, что мы только что переехали, он захотел навестить нас. У МакКартни была какая — то сверхъестественная способность появляться, когда в нашей жизни происходило какое — то новое событие.

В тот вечер они пришли к нам. Джулиан уже много лет не видел Пола, и для него это был еще один сюрприз в добавление к новой квартире Джона. У десятилетнего Джулиана было много воспоминаний о своем детстве, когда он был сыном одного из БИТЛЗ, и он сказал Полу, что хорошо помнит, как они с его отцом играли вместе.

Джон с Полом поболтали о том, о сем. Как и в прошлый раз, их беседа была очень непринужденной. Они нравились друг другу, хотя, похоже, чувствовали некоторую неуверенность и зыбкость и старались изображать, что ничего такого между ними не было. Каждый, казалось, избегал говорить о чем — нибудь значительном, чтобы исключить всякие споры и не испортить этим возрождение добрых отношений, которые могли позволить им снова работать вместе.

Если в комнате, где находился Пол, был какой — нибудь музыкальный инструмент, его глаза автоматически то и дело устремлялись в его сторону. Разговаривая с Джоном, Пол, как всегда, не сводил глаз с его пианино. Наконец он не мог больше сдерживаться. Пол встал, пошел к пианино и стал играть и петь. Линда заулыбалась. Через несколько минут я увидела, что Джона это начинало раздражать, но он ничего не сказал и сохранял невозмутимую улыбку во время всего концерта Пола.

В течение всего вечера я замечала, что Линда наблюдает за мной. Я почувствовала, что она пытается определить, кто я такая и как сюда попала.

Пробыв два часа, Пол и Линда стали прощаться. «Давай снова видеться друг с другом», — сказал Пол.

«Давай», — ответил Джон.

Когда они ушли, мы налили себе по бокалу вина, выпили друг за друга и вышли на террасу, чтобы посидеть и посмотреть на звезды. Когда нас потянуло в сон, мы вернулись в комнату, разделись и легли в постель.

Мы были счастливы, как никогда.

На следующий вечер у нас был еще один гость — Мик Джэггер, который стал нам позванивать и спрашивать, можно ли ему зайти. Мы всегда были рады видеть его. Опрятно одетый и всегда с жуликоватым выражением лица, Мик обычно приносил с собой выпивку. Они с Джоном сидели вдвоем весь вечер, выпивая и отдыхая. Мик любил китайскую пищу, и в

такие вечера я обычно звонила и заказывала наши любимые блюда. Потом, после ужина, Джон и Мик иногда играли на гитарах и немного пели, или же мы смотрели телевизор.

Визиты Мика проходили спокойно, однако я все время чувствовала какое — то беспокойство в отношении его. В любой момент он мог выкинуть что — нибудь эдакое, и все, в том числе и он сам, об этом знали. Мы с Джоном, любя, прозвали его «Фантом». Мы никогда не знали, когда он появится, сколько времени пробудет, когда позвонит снова и что в действительности скрывается за этими дьявольскими глазами и большими надутыми губами. Со временем я с ним подружилась, и он стал очень нравиться мне. Он был самостоятельным человеком и, казалось, наслаждался своим успехом и своей жизнью. Однако он всегда казался немного отдаленным, как актер, который с удовольствием играет роль, но в то же время помнит, что он играет, и наблюдает за своим собственным представлением.

На третий день к нам заскочили Элтон и Тони. Когда бы Элтон и Джон ни увиделись, они всегда пускались в сплетни об общих знакомых. Таким образом, перебрасываясь шуточками и остроумными замечаниями, они развлекались на протяжении часа.

Когда наконец они насмеялись вдоволь, Джон сыграл Элтону вещи из «Стен и Мостов». На Элтона это произвело большое впечатление.

«Мне хотелось бы, чтобы ты сделал что — нибудь на этом альбоме», — сказал Джон.

«Все, что угодно», — ответил Элтон.

«В какой вещи ты хотел бы сыграть?»

Подумав, Элтон сказал: «Whatever Gets You Thru The Night» (Чтобы не помогло тебе скоротать эту ночь).

«Она мне меньше всех нравится!» — фыркнул Джон.

«Это забойная вещь. Она может стать номером один», — сказал ему Тони.

Джон, однако, отнесся к этому скептически.

«Джон, в этой вещи мне есть, где развернуться», — объяснил Элтон.

Через несколько дней Элтон и Тони пришли в студию. Так же, как и Джон, Элтон работал быстро. Он еще раз послушал эту песню, а потом сел за рояль и начал мастерски подбирать партию. Джон внимательно следил за руками Элтона, пока тот играл.»

«Хотелось бы мне играть так же быстро», — сказал он мне с искренним восхищением. После двух проб партия рояля была записана. Джон еще не сделал вокал, и было решено, что они споют вместе. Они очень легко подобрали двухголосие и пару раз спели вместе. Их дуэт придал песне какое — то заразительное чувство бесшабашности.

Закончив, Джон сказал мне: «Я хотел бы чтобы Элтон спел вторым голосом в «Surprise Surprise». Он знал, в каком восторге я буду, если Элтон примет участие в песне, которую Джон написал для меня.

«Давай сделаем», — сказал Элтон. Джон уже записал свой вокал, и Элтон понимал, что его второй голос должен в точности сочетаться тем, что поет Джон. После нескольких проб Элтон почувствовал некоторое разочарование. «У тебя какая — то специфическая манера», — сказал он Джону. Решив в точности подделаться под фразировку Джона, он сделал еще несколько проб, но безуспешно. Это только подзадорило его. В два ночи, после двухчасовой работы, Элтон совершенно выбился из сил.

«О'кей, Элтон, все отлично», — сказал Джон.

«Замечательно!» — Элтон повернулся и быстро ушел.

Хотя было невозможно добиться полного сочетания голосов, Джон с большим уважением отнесся к настойчивости Элтона и понял, почему тот так неожиданно вышел.

* * *

В течение тех дней я решила посвятить себя тому, чтобы сделать нашу квартиру уютным домом для Джона и Джулиана. Я достала поваренную книгу и в первое воскресенье, после нашего переезда, занялась ритуалом, который обожал Джон. я сделала воскресный английский завтрак для нас троих. Этот завтрак состоял из ветчины с яичницей, тушеных помидор, поджаренных бобов и жареного картофеля. Джон любил черный пудинг, и я нашла мясника, у которого был специальный сорт колбасы, и сделала его. Я также нашла газетный киоск, в котором были английские газеты, и заказала их доставку в нашу квартиру. После завтрака мы пили кофе и читали газеты.

Джон любил быть у воды, а у Джермано была лодка, стоявшая на якоре возле пляжа «Фруктовый сад» в Бронксе. Мы замечательно проводили наши уик — энды. По субботам, рано утром, Джон, Джулиан и я садились в лодку, отчаливали и просто тихо лежали на солнце, а лодка плыла по течению. После пикника, мы еще некоторое время отдыхали, а потом остаток дня купались. Мы все трое получали большое удовольствие от того, что просто были вместе, тихо бездельничая под летним солнцем.

По вечерам, когда мы записывались, мы всегда брали Джулиана с собой в студию. У него были летние каникулы, и, по нашему мнению, не было ничего страшного в том, что он задерживается в студии до одиннадцати или двенадцати, так как он мог отоспаться на следующий день. Он также мог вздремнуть в студии. Джулиан во время записей всюду следовал за Джоном, с благоговением наблюдая, как его отец работает над альбомом. Между делом Джон объяснял Джулиану всякие вещи, позволяя ему сидеть за пультом, чтобы тот мог работать с аппаратурой бок о бок с Джоном.

Как — то Джулиан практиковался на рабочем барабане, и Джон сказал инженерам включить запись. Потом пошел в студию и спел и сыграл «Йа, Йа» — старый шлягер, который он делал во времена ранних БИТЛЗ — в то время как Джулиан аккомпанировал ему. Позже, когда вышел альбом «Стены и Мосты», Джон

преподнес Джулиану огромный сюрприз. Он сказал Джулиану, что то, что они тогда сыграли, включено этот альбом.

Джулиан был изумлен. «Зачем ты это сделал? — огорченно разинул он рот. — Если бы я знал, я сыграл бы лучше.»

Джон был изумлен в свою очередь. Он повернулся ко мне и сказал: «Я думаю, он чертовски преуспеет в этом.»

«Видишь, — ответила я, — он такой же пристрастный музыкант, как и ты.»

Джон по — прежнему не хотел разговаривать с Синтией, и я поддерживала с ней связь сама. Она оказалась в одиночестве — ее друзей куда — то вызвали. Я чувствовала, что она одинока, но Синтия всегда была веселой со мной и ничего не требовала. Ей было очень приятно, что Джон вдруг заинтересовался Джулианом, и она решила ничем не провоцировать его.

Когда бы ни позвонила Йоко, Джон был радушным, но держался на расстоянии. Из их коротких разговоров Йоко узнала, что все шло отлично: альбом заканчивался в положенный срок, и всем, кто его слышал, он нравился; Джону очень нравилась новая квартира; он был в восторге от Джулиана; Синтия ничем не огорчила его; мы с Джоном были счастливы, как никогда, друг с другом. Затем Йоко вдруг решила поехать в сольное турне по Японии. Джона это не вдохновило. «Ты знаешь, сколько будет стоить тебе и твоей группе полет в Японию, жизнь в отелях и поездки по стране? Мы не сможем продать достаточного количества твоих пластинок, чтобы покрыть расходы на это турне.»

Йоко была непреклонна. «В Японии обо мне очень хорошего мнения», — все время говорила она Джону, предполагая, что отказываясь оплатить ее турне, он не дает ей возможности продолжать карьеру, хотя сам активно действует. «Она получит ужасные отзывы в прессе, — говорил мне Джон. — Ей же будет хуже. Мне не хочется, чтобы она ехала.»

Они стали сплошь и яростно названивать друг другу. Наконец, утомившись, Джон капитулировал. С этого момента у Йоко появилась причина звонить еще чаще, сообщая ему все подробности своего турне. Ее самой большой проблемой, похоже, было то, что Дейвид Спинозза отказался ехать с ней в Японию под предлогом того, что у него уже есть другие обязательства. Он

пообещал ей, однако, что порепетирует с группой до их отъезда. Джон сказал ей, чтобы она наняла любого гитариста по своему выбору.

Я почувствовала опасность. Мне казалось, что, как бы Йоко не старалась все контролировать, ее жизнь была полна сюрпризов. Я была уверена, что для нее было сюрпризом, когда Джон сбежал со мной; потом я была уверена, что для нее было сюрпризом, когда Спинозза отказался ехать с ней в Японию. Сюрпризы только придавали ей еще больше отчаяния, а я знала, что ее отчаяние причиняло одно беспокойство.

В течение следующей недели было множество звонков в связи с ее турне, и я узнала от друзей, которые были близки и Спиноззе и другим членам группы Йоко, что этому гитаристу надоело высокомерное поведение Йоко по отношению к Джону. Сообщали, что Спинозза и Йоко постоянно спорили о том, как Джон и Йоко могут представлять себя всему миру как «пару мира и любви», когда Йоко так презрительно относится к Джону и все время высказывается, что Джон похож на ребенка, который сделает все, о чем его попросят. В конце концов благоразумный Спинозза отказался от турне.

Когда Йоко была в Японии, Джону позвонил Ринго и пригласил его в Лос — Анджелес помочь ему записать «Спокойной Ночи, Вена». Потом позвонил Тони Кинг и сказал нам, что Элтон собирается записывать свой новый альбом на Ранчо Кариба в Колорадо. Тони сказал Джону, что Элтон хочет сделать «Люси В Небесах С Алмазами» и намекнул, что он хотел бы, чтобы Джон спел вместе с ним в этой записи. Эти два приглашения воодушевили Джона.

«Я хотел бы помочь Ринго и Элтону и посмотреть Карибу», — сказал он мне. Джону было любопытно побывать в этой легендарной студии звукозаписи, где музыканты жили в прекрасном, изолированном помещении и могли полностью сосредоточиться на своей музыке.

Я покачала головой. «Я никогда не поеду снова в Лос — Анджелес.»

«Почему?»

«Ты знаешь, как на меня действует это место.»

«Но я должен это сделать для Ринго. Это займет всего несколько дней.»

В действительности меня пугала мысль о том, что

Джон может снова закуролесить, если начнет вести ночную жизнь в Лос — Анджелесе. Джону пришлось потрудиться, чтобы уговорить меня поехать. Он настойчиво повторял, что мы будем там только три дня и он не будет там ни пить, ни мотаться по городу. Я сказала ему, что если мы останемся на четвертый день, я уезжаю, с ним или без него.

Мы договорились, что поедем на три дня в Лос — Анджелес, потом слетаем на два — три дня в Карибу, а потом возвращаемся в Нью — Йорк. Я была обрадована, когда Джон согласился, чтобы Синтия и Джулиан поехали с нами в Лос — Анджелес.

Запись «Спокойной Ночи, Вена», песни, которую Джон написал для Ринго, прошла быстро и гладко. Джон дал совет продюсеру Ринго, Ричарду Перри, как должна быть сделана эта вещь, и Перри, под его руководством, мастерски провел эту сессию. Ринго был в восторге.

На следующий день в студии Ринго сказал: «Нам еще не хватает одной песни.» Джон задумался и тут же сказал: «Я хотел сам сделать эту вещь, но отдам ее тебе.» Он пошел в кабину вокалиста и спел и сыграл старый хит Плэттерз «Only You» (Только Ты). Ринго и Джим Келтнер аккомпанировали ему на барабанах. Он хотел замедлить темп этой песни, сделав ее более нежной и прочувствованной, чем у Плэттерз.

Ринго и Ричард Перри немедленно приступили к работе и в тот же день записали «Только Ты» в исполнении Ринго, и эта песня вошла в «горячую» десятку. Во время тех сессий Перри и Джон работали очень слаженно. Было видно, что Перри уступил лидерство Джону, чтобы доставить ему удовольствие. «Он держался наилучшим образом, — сказал мне Джон. — По — моему, он хочет быть моим продюсером.»

Когда мы прослушали готовую запись, я убедилась, что в голосе Ринго буквально просачивался голос Джона и его версия «Только Ты» не была испорчена. Джон согласился со мной, и эта мысль долго сидела в его голове. Он даже сказал Мику Джэггеру: «Когда — нибудь я приду к Ричарду Перри и спрошу его: «А где моя версия той записи?» Джон был прав; его версия «Только Ты» существует до сих пор.

Через три дня, как и обещал Джон, мы собрались отправиться в Ранчо Кариба в Колорадо поработать с Элтоном. Когда Джон сказал Джулиану, что мы уезжаем,

тот отказался ехать с нами. Было видно, что ему не хочется оставить Синтию одну. Мы с Джоном пробовали отговорить Джулиана, но он не хотел ехать. Я чувствовала, что ему надо передохнуть — все эти перелеты и все эти суперзвезды, похоже, утомили его, и он хотел побыть просто со своей мамой.

Как бы то ни было, мы вдвоем отправились в Карибу без него. Мы прилетели в Денвер, откуда должны были два часа ехать в горы на Ранчо. Вокруг нас был восхитительный пейзаж. Студия находилась в большой бревенчатой хижине, и исполнители жили тоже в бревенчатых домах, уставленных античной мебелью и красивыми медными четырехопорными кроватями. Эти дома были окружены горными потоками и озерами, а на одном краю ранчо стоял заброшенный город. Кариба была спокойным и красивым местом, и нам там очень понравилось. Из — за большой высоты, воздух был очень разреженным, и в первый день Джону было трудно дышать.

В тот вечер, распаковав свои вещи, мы пришли в студию к Элтону. Увидев друг друга, Джон и Элтон обнялись. Как всегда при встрече, они стали перебрасываться шуточками. Оба были в прекрасной форме, и все вокруг смеялись. Затем началась сессия, которой руководил продюсер Элтона, Гас Даджеон, одетый в стиле вестерн. Во время записи Джон предложил, чтобы в версии Элтона «Люси» был использован элемент рэгги, что и сделали. Сессия была долгой и мучительной. Все работали продуктивно, получая указания от Джона и Элтона и стараясь, чтобы запись получилась совершенной.

В конце сессии, когда мы отправились из студии в нашу хижину, была прекрасная летняя ночь. Воздух был чистым, и на небе мерцали звезды. «Я валяюсь», — театрально сказал Джон.

Тремя днями позже мы были в Нью — Йорке.

На следующее утро мы по телефону сообщили ряду знакомых, что вернулись из своей недельной поездки по студиям в Лос — Анджелесе и Колорадо. Днем я также позвонила в офис Эппл в Лондоне и узнала две странные вещи о Йоко. Мне сказали, что после турне по Японии она приехала в Лондон и, явившись в офис Эппл, попросила поменять ей йены на фунты. Эти деньги она получила от японских репортеров за свои интервью.

Зная, что Джон отказался ограничить ее чрезмерные расходы, я удивилась, зачем ей надо было зарабатывать деньги на стороне. Потом мне сказали, что Йоко нанесла визит тете Джона, Мими Смит, которая вырастила Джона и к которой он относился с большой нежностью. Йоко сказала ей, что Джона собираются департировать из Штатов, что его жизнь будет разбита, что он живет с другой женщиной, на которой не женат, и что она, Йоко, единственный человек, способный спасти его. Миссис Смит в панике позвонила в Эппл.

Я видела, что Йоко пошла на отчаянные меры, а когда она действовала отчаянно, мне это трепало нервы. Я ничего не сказала Джону. В таких делах я знала, что, что бы я ни сделала, все кончалось не в мою пользу.

Остаток лета прошел в суматохе. Во время одного из своих звонков Йоко предложила Джону позвонить Аллену Клайну, с которым она только что разговаривала. Джон тут же позвонил Аллену — было довольно неприятно видеть, как быстро он отвечает на предложения Йоко, — и к моему изумлению я узнаю, что мы едем в Гамтон в гости к Аллену Клайну.

«Мы позабавимся, — сказал Джон. — Мне очень нравится Аллен.»

Клайн оказался очень радушным хозяином и великолепным собеседником. Когда на следующий день он ушел из дома, Джон сказал: «Давай, дернем немного кислоты». Он уже несколько месяцев носил в своем бумажнике несколько таблеток Windowpane. Должно быть на моем лице отразилась паника.

«Не бойся. Тебе понравится. Это клево. До передачи Джонни Карсона у тебя все пройдет», — сказал он.

После обеда Джон сказал: «Давай сейчас глотнем. Я хочу, чтобы когда будет закат, мы с тобой были в улете.» Мы растянулись на кровати в доме Клайна, и я должна сказать, что мне было очень страшно принимать наркотик. «Я позабочусь о тебе», — сказал Джон. Когда кислота дала эффект, я вдруг разразилась слезами. Джон тоже заплакал.

Мы то разговаривали, то плакали, и казалось, что это длится уже много часов. Потом у нас начались галлюцинации. Я сказала Джону, что вижу его, изменившим свою форму. Посмотрев наверх, мы увидели два треугольника: треугольник — Мэй и треугольник — Джон. Нам захотелось соединить эти треугольники.

Когда мы поцеловались, треугольники подвинулись друг к другу, и мы очень обрадовались. Мы поцеловались еще и треугольники сблизились еще больше, добавив нам радости.

Мы скинули одежду и занялись любовью. Только тогда треугольники соединились полностью, и мы были в восторге. Казалось, что мы с Джоном занимались любовью до бесконечности. Я не могла поверить, что что — то могло бы сделать меня такой страстной. Все чувства были невероятно обостренными, и мы оба кричали в экстазе. Наконец мы откинулись на кровати, тяжело дыша. Потом, когда все стало проходить, мы оделись и пошли прогуляться по пляжу.

Песок сверкал разными цветами. Я посмотрела на луну, и мне показалось, что она поет мне. Все это было невероятно прекрасно.

Когда мы вернулись в дом. Джон включил телевизор, и мы услышали голос: «У микрофона Джонни!» Мы рассмеялись и в течение всего шоу Карсона поглядывали друг на друга и хихикали.

«Могу я принять еще?» — спросила я Джона.

«Тебе так понравилось?»

«Да»

Он покачал головой. Я даже подумала, что он сомневается, что у меня будет такой же эффект. У него больше не было таблеток, и мы просто повалились на кровать и, обнявшись, заснули.

* * *

Когда Джулиан и Синтия вернулись из Лос — Анджелеса, Синтия отправилась в отель, а Джулиан — к нам. Он пробыл с нами еще неделю, и мы водили его по городу. Потом пришло время возвращаться в Англию.

«Джулиан, ты приедешь ко мне снова на Рождество, — сказал Джон своему сыну перед отъездом, — и к тому времени ты будешь уже достаточно большим, чтобы приехать одному.»

* * *

Однажды вечером в конце августа, я, выйдя из — под

душа, услышала крик Джона: «Фанг Йи, иди сюда».

«Минуту», — ответила я.

«Скорей, Фанг Йи, скорей!» — закричал он.

Его голос звучал панически, и я побежала в гостиную. Увидев, что он, голый, стоит на террасе, я подбежала к нему.

«Что случилось?» — спросила я.

«Посмотри туда!» Он указал на небо. «Скажи, что ты видишь.» Я посмотрела вверх и не поверила своим глазам. Там был какой — то объект в форме тарелки, окруженный мерцающими белыми огнями, скользящий по небу. Я была уверена, что это НЛО.

«Невероятно!» — воскликнула я.

«Ты видишь то же, что и я.»

«Я была в изумлении, а потом стала смеяться.

«Над чем ты смеешься?» — спросил Джон.

«Представь, что они смотрят на нас. Они могут подумать, что все, кто живут на Ист — Сайде, выходят голыми на террасу по вечерам. Мы выглядим, как Адам и Ева.»

Мы понаблюдали за объектом, который скользил по небу. Потом принесли из комнаты телескоп и поизучали его еще. «Сначала я не хотел звать тебя, — сказал Джон. — Боялся, что ты мне не поверишь. Я думал, мне вообще никто не поверит.»

Мы пошли к телефону и позвонили Гарольду Сидеру и Эллиоту Минцу рассказать им об НЛО. Сидер отнесся скептически, а Эллиот, конечно, с интересом. Джон позвонил Бобу Груену, фотографу, много работавшему с ним, попросил его приехать и по телефону выяснить, видел ли кто — нибудь еще этот объект. Груен узнал, что были сообщения в местную полицию, а также в газеты. Это событие потом записали в официальные дневники по наблюдению за НЛО. На конверте альбома «Стены и Мосты» Джон написал: «23 августа 1974 года в 9 часов я видел НЛО. — Дж. Л.»

Мы не могли наговориться об НЛО. «Я никогда не верила раньше в эти штуки, — сказала я. — Теперь я это видела и верю в это.»

«Это было вполне реально», — сказал Джон.

Когда позвонила Йоко, Джон рассказал ей об этом космическом корабле.

«Что она сказала?» — спросила я, когда он отошел от телефона.

«Она расстроилась, что не видела его.»

Йоко снова позвонила два или три раза, сокрушаясь, что пропустила такой случай.

В ту ночь мы продолжали говорить об этом в постели.

Перед тем, как заснуть, Джон тихо сказал: «Хотелось бы мне, чтобы он увез нас обоих отсюда.»

Если бы так случилось на самом деле, это было бы намного лучше для нас обоих.

Прошло лето, и впереди была полная забот осень. Мы с Джоном обсудили все, что нам предстояло сделать. В конце сентября должен был выйти альбом «Стены и Мосты» и сингл из него «Что Бы Не Помогло Тебе Скоротать Эту Ночь», и Эл Коури, рекламный агент в Кэпитол Рекордз, хотел, чтобы Джон присутствовал на нескольких встречах по рекламе этого альбома. Затем Гарольд Сидер сообщил Джону, что переговоры по разделу Эппл подходят к концу. Он хотел, чтобы Джон пришел на несколько встреч со всеми юристами обсудить последние вопросы.

Гарольд также напомнил Джону об еще одной проблеме: вопрос об авторских правах издателя Морриса Леви. Для того, чтобы замять обвинение со стороны Леви в нарушении авторских прав в песне «Come Together» Джон обязался включить в свой следующий альбом три песни, опубликованные Леви. Когда достигалось это соглашение, ожидалось, что следующим будет альбом Спектора, как нельзя лучше подходивший для старых золотых хитов Леви. Но те записи были приостановлены, а «следующим» альбомом Джона оказался «Стены и Мосты». Джон очень серьезно воспринял дело Леви. Он был профессионалом и смотрел на тот факт, что бне сдержал своего слова в сделке с Леви, как на непрофессионализм. Он решил исправить это лично.

Джон считал, что необходимо закончить альбом Спектора и включить туда три песни Леви.

Ленты Спектора лежали в хранилище Рекорд Плант с конца июня. Обычно Джон не выносил, когда какой — нибудь альбом оставался незаконченным, но тот альбом вызывал в нем такие скверные воспоминания, что ему не хотелось и видеть эти записи.

Я сказала ему, что мы должны прослушать их.

«Я не хочу их слушать», — ответил он.

Через одну или две недели он смягчился. «Давай

послушаем их», — сказал он.

В тот вечер мы пошли в студию и прослушали девять из одиннадцати вещей, записанный Спектором в Лос — Анджелесе десять месяцев назад. (По договору Спектор взял две вещи себе.) Джон прослушал все смикшированные Спектором песни. Каждый раз он говорил: «Это все ужасно. Я должен испытывать ужас от того, что сделал это.»

Похоже было, что Спектор включал на запись сразу все двадцать четыре дорожки, и ни одна из инструментальных партий не была достаточной чистой. Сквозь клавишные прослушивались гитары, а сквозь акустические гитары слышались электрогитары.

«Неужели нельзя повыкидывать что — нибудь из его «стены»?» — спросила я Джона, имея в виду технику записи Спектора.

Он нахмурился и стал снова слушать.

Закончив прослушивание, мы сидели в глубоком раздумье. Во — первых, музыка была ужасной, а, во — вторых, она напомнила нам о ночных кошмарах в Лос — Анджелесе. «Ну ладно, — сказал наконец Джон, — что было, то было. По крайней мере теперь я знаю, что мне надо делать.»

Его разочарование еще больше усилилось выходом альбома «Кошечки» и предшествующим ему синглом «Надо Пересечь Много Рек». Сингл не разошелся, и это неизбежно уготавливало печальную участь и альбому. У Джона было много логических обоснований этой коммерческой неудачи, но он был так разочарован, что предпочел просто выкинуть все это из головы.

Через несколько дней позвонил Гарольд и сказал Джону, что договорился о встречи с Леви. Хотя его волновала эта встреча лицом к лицу с Леви, Джон был настроен уладить этот вопрос. Когда мы пришли на встречу, он откровенно объяснил, почем вышла задержка с «Рок — н-роллом». Теперь, когда «Стены и Мосты» закончен, заключил Джон, он намерен доделать альбом Спектора.

К облегчению Джона, встреча прошла гладко и быстро, и когда мы вернулись домой, он сказал мне, что в восхищении от Леви.

«Почему?» — спросила я.

«Оригинальная личность.»

«Мне он показался просто бизнесменом.»

«Он бизнесмен, но и оригинальная личность.»

Через несколько дней позвонил Леви и назначил еще одну встречу. В течение сентября мы несколько раз виделись с ним. Встречи эти были неофициальными, и на них не было адвокатов, хотя в основном обсуждался материал, который Джон будет записывать, чтобы закончить альбом Спектора. Джон был так дружелюбен, что Леви должно было казаться, что он приобрел нового друга — легендарного Джона Леннона. Моррис сказал, что у него есть молочная ферма в северно части штата Нью — Йорк и он приглашает Джона с музыкантами приехать туда в октябре и порепетировать до того, как отправиться в студию. Джон охотно принял приглашение Леви.

Когда он сказал об этом Гарольду Сидеру, тот сказал: «По — моему, тебе не следует туда ехать». Он напомнил Джону, что по существу они с Леви противники и им не следует заводить дружбу, пока все их деловые вопросы не будут улажены и Леви не будет ничего иметь против Джона.

Джон проигнорировал совет Гарольда. Время от времени кто — нибудь овладевал его воображением так, что получал власть над Джоном, и Джон не слушал никаких советов. Как всегда непредсказуемо, Джоном овладело восхищение Моррисом Леви.

Я ничего не могла поделать с этим, и мне пришлось заняться организацией репетиций. Мы вызвали в Нью — Йорк Клауса Формана, Джима Келтнера и Джесси Эда Дейвиса, которые должны были присоединиться к Кенни Ашеру и гитаристу Эдди Мотто. Из Нью — Йорка группу должны были привезти на лимузинах на ферму Морриса Леви.

Музыканты были в таком же смущении, как и я. Они никак не ожидали, что в следующий раз будут играть с Джоном на молочной ферме, принадлежащей Моррису Леви.

* * *

Не удивительно, что днем Джон изрядно выматывался, и по вечерам мы отдыхали, встречаясь с друзьями. Пол и Линда, а также Мик продолжали заходить к нам. Мик, однако, всегда сначала звонил.

Обычно они приходили с бутылочкой вина, и мы сидели вокруг столика, разговаривая о музыке и сплетничая об общих знакомых. Как — то Мик привел с собой Глина Джонса. Глин работал инженером у БИТЛЗ и Роллинг Стоунз.

Отведя меня в сторону, Мик, сверкая глазами, сказал: «Глин очень зол на Джона.

«Почему?» — спросила я.

«Из — за одного высказывания Джона.»

Мы с Миком стали шептаться, и я засмеялась в предвкушении. Он умел подразнить. Потом я заметила, что Джон косится на нас. Когда какой — нибудь мужчина заговаривал со мной, он тут же начинал ревновать. Мик тоже заметил это и сказал вдруг:

«Глин, почему ты не скажешь Джону, что у тебя на душе?»

«В чем дело?» — спросил Джон.

«Он сердится на тебя.»

«Что такое, Глин?» — Джон всегда беспокоился, когда кто — то сердился на него.

«Я стараюсь злится на тебя, но ты так любезен, что это нелегко», — ответил Глин. Потом он объяснил, что расстроен из — за того, что было сказано о нем в интервью «Леннон Вспоминает». Джон сказал тогда, что «Abbey Road», которая была вновь смикширована Глином, получилась паршивой по звучанию, и Глин, настоящий профессионал, был оскорблен этим замечанием Джона.

Джон же совершенно не помнил этих слов и очень смутился. Он объяснил: «Я тогда только что прошел примитивную терапию. Я просто выпускал пар. В том интервью вообще было много злости.»

Глин уставился на него. Слова Джона задели его: он никак не ожидал, что Джон может не помнить своих слов, и не понимал, как это можно отмахнуться от сказанного, назвав это «просто выпусканием пара». Как и все, он верил всему, что говорил Джон на публике и относился к нему очень серьезно.

Джон несколько раз извинился перед Глином, и в конце концов дело замяли. Ни Мик, ни Глин ничего не сказали, но я видела, что они были искренне изумлены тем, что интервью Джона, оказавшие на многих такое влияние и которые они воспринимали как громогласную правду, были для него случаем выпустить пар, а потом

забыть, что он сказал. Даже им пришлось принять во внимание разницу между Джоном — публичным мифом, который считался человеком необыкновенной правдивости и искренности, и Джоном — реальным человеком, который мог вести себя так же капризно, как и все мы.

Мы также снова стали встречаться с Тони Кингом и с Дейвидом Боуи, который горел желанием узнать мнение Джона о его многочисленных новых проектах.

* * *

Мик и Бианка провели лето и начало осени на побережье, остановившись в доме Энди Уорхола в Монтоке, и благодаря им, мы провели свой осенний отдых у океана.

Они приехали в город в конце сентября, чтобы присутствовать на открытии музея искусств Метрополитен. Перед открытием Мик позвонил и спросил, можно ли к нам заскочить. Он пришел в темном осеннем костюме и выглядел, как всегда, великолепно. Пробыв час, он собрался уходить и вдруг сказал: «Почему бы вам обоим не пойти с нами в музей. А потом мы все вместе поедем в Монток.»

Джону понравилась идея поехать на побережье, но открытие музея его не привлекало. Мик стал трясти его за руку, уговаривая пойти. Джон упрямился, а Мик не отставал. «Ну ладно, поедем», — сказал наконец Джон.

«Что мне надеть?» — спросила я. Мик щелкнул по лацкану своего костюма. «Поедемте как есть», — сказал он.

Джон был в джинсах и тенниске, а я — в спортивном костюме.

Джон посмотрел на меня. Я знала, что если попросить его надеть что — нибудь более официальное, у него сразу пропадет желание идти. Поэтому я очень спокойно посмотрела на него и сказала: «Я готова, если ты идешь. Дай мне только положить кое — что в сумочку.» Мы накинули свои одинаковые вельветовые куртки, я собрала сумку, и мы все пошли в лимузин Мика и поехали в отель за Бианкой. Когда Мик вышел из машины, чтобы позвать свою жену, Джон, который уже встречался с Бианкой, сказал: «Теперь ты наконец

познакомишься с этой мифической женой.» Я засмеялась. «Потом, когда мы будем в их доме, мы познакомимся с их мифическим ребенком», — добавил он. Никто из нас не видел дочь Мика, Джейд.

Через десять минут Мик вернулся с Бианкой. «Это Би», — сказал он. Бианка была элегантно одета в красивый черный костюм с двойной грудью. Она улыбнулась и поприветствовала нас, а потом молча уселась на заднем сиденье.

«Я хотел лететь в Монток на самолете, — сказал Мик, — и позвонил в аэропорт, но из — за сильного тумана не смог нанять самолета. Так что я решил пока держать лимузин и отправить его назад в Нью — Йорк после того, как он отвезет нас.»

Открытие музея носило официальный характер, и у входа стоял контролер, собирающий приглашения, который остановил нас. «Извините, сэр, но я не могу вас впустить, вы не так одеты.»

«Это Джон Леннон», — сказал Мик.

«Извините, не могу.»

Джон собрался уходить, но Мик не мог допустить этого. Он стал убеждать охранника. «Как же вы можете прогнать Джона Леннона? Я не могу поверить, что вы не впустите Джона Леннона.» Затем выступила вперед Бианка. Сначала она говорила очень обаятельно, потом очень твердо, а потом снова очаровательно. Ее решимость была внушающей, и охранник наконец сдался и впустил нас всех.

Музей был полон богатых, элегантных женщин, сопровождаемых мужчинами в строгих костюмах. НА втором этаже был устроен бар. Здесь Мик и Джон стали сплетничать о гостях, отмечая во что они одеты и как они выглядят. Тем временем Бианка расхаживала по музею, чрезвычайно спокойная и собранная. Хозяйничала на открытии Диана Фриланд, которая тепло приветствовала Бианку.

Среди гостей была Жаклин Онассис. Когда она заметила Джона, она улыбнулась и сказала: «Привет, как поживаешь?» — протянула руку. Потом Джон представил меня миссис Онассис, с которой я была рада официально познакомиться.

Я впервые была в таком экстраординарном обществе. Должна признать, что мне понравилось, и до этого я не думала о том, насколько неэлегантен мир рок — н-

ролла. Это прикосновение к утонченности было мне очень приятно.

Где — то через час мы были готовы уходить. По дороге к побережью мы все сидели на заднем сидении лимузина, и я сидела между Джоном и Миком. В машине был бар, и Мик, который любил изображать хозяина, все время угощал нас вином. Сначала он поворачивался к Джону, и они обычно болтали что — нибудь о музыке. Когда тема была исчерпана, Мик поворачивался к Бианке. Поговорив с Бианкой, он снова поворачивался к Джону. Похоже, он прекрасно существовал в двух противоположных мирах и брал лучшее из них обоих.

Когда мы добрались до Монтока, было очень поздно. «Мы позвоним вам в конце недели, чтобы вы могли приехать и забрать мистера Леннона», — сказал Мик водителю до того, как отправить машину назад в Нью — Йорк. Затем мы последовали за Миком и Бианкой в дом Уорхола. Мы с Джоном здорово устали и, пожелав спокойной ночи, сразу отправились спать.

Утром мы осмотрели дом. Это был старый особняк на берегу океана, очень большой и какой — то громоздкий с виду, что нам с Джоном совсем не понравилось. У Джэггеров была своя домашняя хозяйка, а также няня для Джейд, и домохозяйка приготовила завтрак для Бианки во дворе. Мы присоединились к ней, и она представила нас Джейд, очаровательной маленькой девочке.

Мик, как и Джон, считал, что не следует фотографировать детей знаменитостей. По его мнению, это давало детям иллюзию того, что они необыкновенные только потому, что их родители знамениты. Они оба опасались, что это также может сделать детей идеальными кандидатами для похищения с целью шантажа. Вот почему почти не было публичных снимков Джейд.

Когда вышел Мик, девочка подбежала к отцу и обхватила его руками. Видно было, что она обожает Мика и любит дразнить его и играть с его волосами. Джон шепнул мне: «Какая славная девочка.» Я была такого же мнения.

После завтрака Мик сказал: «Чем займемся?»

«А что ты предложишь?» — спросил Джон.

«Пойдем рыбачить!»

«Я с удовольствием, — согласилась Бианка. — Но

сначала мне надо переодеться.» Она встала и пошла в дом. Пока мы ждали ее возле машины, Мик все больше и больше терял терпение. Наконец он зарычал: «Что она там столько возится?» Бианка переодевалась сорок пять минут и появилась в костюме женщины — адмирала: желтые брюки, голубая фланелевая куртка, туфли на высокой резиновой платформе и капитанская фуражка на голове.

Мик ездил на взятой в прокат машине. Мы все запрыгнули в нее, подъехали к пирсу. Он меня не ускользнуло, что Мику было приятно предводительствовать. На пирсе стояли торговцы моллюсками. «Я люблю моллюсков!» — объявила Бианка, выйдя из машины, и купила себе тарелку. Тем временем Мик нанял рыбацкую шхуну. Она была изрядно побита, и ей управляла команда из четырех человек. Как только мы оказались на борту, я стала разговаривать с Джейд. Вдруг я увидела, что Бианка смотрит на нас. У нее был недовольный вид. «Джейд! Джейд!» — позвала она, побежав по палубе к дочери. Вдруг, споткнувшись, она упала и закричала от боли. Мы все побежали к ней, и Мик помог ей подняться. «Ты в порядке?» — спросил он.

«Ничего.»

«Не похоже на ничего», — сказал Мик.

«Все будет нормально». Лицо Бианки корчилось от боли.

«Ты уверена, что будет нормально? — снова спросил Мик, — Может, тебе надо в больницу?»

«По — моему, я порвала связку в колене. У меня уже так было. Тут ничего не сделаешь.» С бравым видом, она склонилась над перекладиной на борту плывущей шхуны. Мы все беспокоились за нее, но Бианка только отмахивалась от нас. Наконец она сказала: «Что мне нужно — так это шарф или платок, чтобы перевязать колено. У вас есть шарф?» Ни у кого из нас не было, и она, хромая, пошла поговорить с командой. Один из них снял платок со своей шеи, в который собирался пот, стекавший у него с лица. Бианка повязала его вокруг своего колена.

«Только моя жена могла найти платок, соответствующий по цвету», — отметил Мик.

Когда шхуна вошла в залив, Джон различил вдали дом, возвышавшийся на утесе. «Мне нравится этот

дом! — воскликнул он. — Смотрите, он каменный. Я бы хотел жить в таком доме.»

Он повернулся к капитану, который сказал ему: «По — моему, он свободен, я случайно узнал, что он продается.»

«Я хотел бы посмотреть его», — ответил Джон.

Шхуна подошла ближе к дому. Маленький каменный коттедж походил на домик из сказки. Увидев его, я тоже, буквально, влюбилась в него.

После полудня мы порыбачили. Больше всех рыбы наловила Бианка. С гримасой боли на лице, она мастерски подсекала и, сматывая, каждый раз с ликованием вытаскивала рыбу. То и дело она вмешивалась в разговор Мика и Джона. «Да, Би, ты права, Би», — отвечал Мик. Таким образом он усмирял ее, не отвлекая свое внимание от Джона.

К вечеру, когда шхуна причалила к пирсу, Мик отвез Бианку домой — она сказала, что ей очень больно и она должна ехать домой, а потом он повез нас к тому каменному дому, который Джон увидел со шхуны. Ключ был у соседа, и он позволил нам войти. Мы вошли в гостиную, в которой был камин, топившийся дровами. Солнце как раз садилось, и комната была залита последней волной солнечного света. Там были также две маленькие, но уютные спальни и крохотная кухня. Кухонная утварь была старой, а деревянный пол — прогнившим. Тем не менее, дом вызывал какое — то чудесное ощущение. Сосед сказал нам, что есть еще проблема эрозии: море постепенно вымывает грунт, на основании которого стоит эта постройка.

«Интересно, сколько они просят», — сказал Джон. Дом продавался за 250 000 долларов. Он взял номер телефона агента по продаже недвижимости, и мы поехали назад. Ужин был готов, и нас ждал стол, накрытый на четверых. Бианка, однако. сказала, что не будет ужинать с нами. «Я слишком плохо чувствую себя, чтобы есть. Лучше пойду лягу.»

«Ты уверена, что тебе не надо в больницу?» — спросил Мик.

«Нет.» Бианка сморщилась от боли и посмотрела на Мика. «Все идет нормально. Спокойной ночи.» Она, хромая, пошла в спальню.

После ужина мы втроем посидели за столом. Мик бренчал на гитаре, и они с Джоном выпили несколько

бокалов. Было хорошо и уютно. Джон видел, что Мик много пьет. Джон в тот вечер пил мало. У нас был утомительный день, и Мик начал клевать носом. «Пойду посмотрю на Би, — сказал Джон. — Надо убедиться, что все нормально, прежде чем лечь спать.» Он беспокоился, что пьяный Мик не сможет помочь Бианке, если ей плохо.

Когда Джон вышел из комнаты, Мик вдруг открыл глаза и плотоядно посмотрел на меня. «Какие у тебя красивые ноги, — проворковал он. — Я и не подозревал, что они такие длинные.» Мик был такой обаятельный, кокетливый и озорной, что я хихикнула. Он тоже хихикнул. В этот момент он был Миком Джэггером, и мы оба знали это.

Когда Джон вернулся, он сказал нам, что Бианке хорошо. Было еще не поздно, но нам обоим хотелось спать, и мы отправились в постель.

Я решила сразу заснуть, а Джону хотелось почитать перед сном (он читал историю крестовых походов). Я уже начинала отключаться, когда он сказал: «Знаешь, мне очень нравится этот дом. Нам надо попросить Гарольда заняться им.» Потом он спросил: «А ты точно сможешь управляться в такой кухне?»

«Мне все нравится в этом доме», — ответила я.

Чуть погодя, он посмотрел на меня. «Бианка в точности как Йоко, — сказал он. — Она хочет, чтобы всё внимание уделялось ей, и она всегда находит способ добиться этого.»

Через несколько минут мы услышали, как к дому подъехала машина. Огни ее фонарей залили светом нашу спальню.

«Может, это Кит», — сказал Джон.

«Зачем Кит будет так поздно приезжать?»

В этот момент раздался стук в дверь. «Джон, — раздался голос Мика, — у меня нет наличных. Не можешь дать мне взаймы? Это полиция.»

Джон открыл дверь. Мик сильно нервничал, и у него был расстроенный вид. Джон дал ему всю нашу наличность — сто долларов. Мик взял деньги и ушел. Потом мы услышали голоса в доме.

Я встала и выглянула в окно. Все, что я смогла увидеть в темноте, — это три автомобиля, стоящие на подъезде к дому. На крыше каждого из ни горели мигалки. Потом я увидела, как из дома сопровождении

полиции вышли Мик и Бианка. Джон запаниковал.

Для него полиция означала облаву, и ему не улыбалась мысль, что мы вдвоем будем лежать в постели, беспомощные и беззащитные, в то время как полиция ворвется в комнату. Это напомнило ему 1968 год, когда была устроена облава на них с Йоко. Его тогда осудили за хранение марихуаны, что стало причиной его продолжающихся проблем с иммиграционными службами Соединенных Штатов.

Вскоре зазвонил телефон. «Возьми трубку», — сказал Джон. Я встала и подошла к телефону. Это был Мик: «Все нормально», — сказал он мне. По голосу он был очень пьян. «Когда мы все сидели в гостиной, Бианка позвонила в больницу, и они прислали эту ебучую полицию, скорую и ебучую пожарную машину. Сейчас мы в больницу, и ей латают колено.»

Я положила трубку и рассказала Джону. «Почему она не сказала ему, что позвонила? — сказал он. — Не выношу такие сюрпризы.» До того, как я снова легла спать, он сказал: «Видишь, она совсем как Йоко».

С таким сравнением можно было согласиться. Однако днем я заметила, что когда Бианка начинала приставать к Мику, он успокаивал ее, но не поддавался на ее игры. Он всегда был сам по себе. Один Джон среагировал на театральный прием Бианки и пошел в ее спальню узнать, в порядке ли она.

На следующее утро Бианка вышла к завтраку с костылем. После завтрака она заменила его тростью и все утро так и ходила: то с костылем, то с тростью.

Приехали с визитом Джон Филлипс и Женевьева Уэйт. «Тут уже толпы собираются», — сказал мне Джон.

Мы вызвали лимузин, чтобы нас отвезли назад в Нью — Йорк.

Утром Джон позвонил Гарольду Сидеру и попросил его связаться с агентом по недвижимости в Монтоке.

«Следующее лето будет еще лучше, чем это, — сказал он мне, отойдя от телефона. — Следующим летом у нас будет свой ебучий дом.»

* * *

Через несколько дней после нашего возвращения из Монтока Мик и Чарли Уоттс пригласили нас на

вечеринку в квартире Бада Праегера. Праегер был мэнеджером рок — групп. Через некоторое время после того, 4как мы пришли туда, я увидела, как Джон с какой — то девицей прошел в ванную. Я не стала пускать дело на самотек и подойдя к ванной, забарабанила в дверь. Джон открыл и трусовато посмотрел на меня. Потом он объяснил, что эта девица предложила ему кокаин.

На следующий вечер он решил сходить к Йоко. Через час после его ухода зазвонил телефон. «Послушай, Мэй, — сказала Йоко, — Джон плохо себя чувствует. Это все его нервы. Ты же знаешь, каким он бывает нервным. Он слишком плох, чтобы ехать домой. Я оставлю его на ночь и отправлю домой утром.» Мне это не понравилось, но делать было нечего. когда утром Джон пришел, я спросила: «Как ты себя чувствуешь?»

«Лучше, — ответил он. — Лучше.» Это все, что он мог сказать о своей ночи с Йоко.

Через несколько дней рано утром после звонка Тони Кинга Джон куда — то ушел. Когда он вернулся, у него был смущенный вид. «Фанг Йи, я должен поговорить с тобой», — сказал он. Мы сели рядом. «В тот вечер, после того как я на вечеринке познакомился с той подругой, я встретился с ней.»

«А я думала, ты был у Йоко.»

«Я позвонил Йоко и уговорил ее соврать тебе.»

Я была огорчена поведением Джона и озадачена поступком Йоко. Зачем она прикрывала Джона? Может, она что — то задумала?

«Я водил эту девицу в Боттом Лайн, и ебучие фотографы сняли нас. Сегодня этот снимок в утренних газетах, которые идут в розницу. Я бегал по всему городу, пытаясь скупить все экземпляры, чтобы ты не увидела его, но без толку. Так что мне пришлось рассказать тебе.»

Я свирепо посмотрела на Джона. Он соврал мне, Йоко соврала мне, и вот снова Джон не смог позаботиться о том, чтобы не поставить меня в дурацкое положение перед обществом. Хоть я и была расстроена, но все же не так. Уже четыре месяца между нами не было и тени недоразумений, и этот инцидент — как бы неприятен он ни был — все же был совсем не то, что чудовищные пьяные буйства в Калифорнии и когда он чуть не задушил меня в источнике в Палм Спрингз. «Я не ебал ту подругу, — сказал Джон. — В самом деле.» «Дело

не в том, что ты делал с ней или что ты позволял ей делать с собой, Джон. Дело в том, что ты соврал мне.» «Я люблю тебя. Это меня пугает. Это так меня пугает, что я должен был что — то сделать. Когда все идет хорошо, мне нужно что — тол сделать. Теперь я это сделал, и все кончено.»

Вновь мне было напомнено, что чем лучше шли дела, тем больше было шансов для какой — нибудь неприятности. Я вспомнила, как в Калифорнии Джон попросил меня уехать, потому что мы стали слишком близки. То, что Джон так боялся близости, ужаснуло меня.

Он обнял меня и попросил простить его. «Я не хочу, чтобы ты снова причинял мне боль», — сказала я. «Я постараюсь. Постараюсь.»

Потом позвонила эта девица. Джон отказывался говорить с ней, и она продолжала названивать. Я поднесла ему телефон. «Твоя подруга звонит», — сказала я. Он взял трубку и заорал в микрофон: «Я не хочу с ней разговаривать и не хочу ее видеть», после чего бросил трубку.

Позже позвонила Йоко. «Джон сказал, что попросил тебя соврать мне и ты…» — начала я.

«Слушай, Мэй, — перебила она, — так было лучше для тебя.»

«В каком смысле?»

Слова Йоко ошеломили меня.

«Ты знаешь, что Джон дал той девице номер вашего телефона? Зачем он это сделал? У него на это должна была быть причина. Если бы ему было на нее наплевать, он не дал бы ей телефон.»

«Я не знаю, зачем Джон дал ей номер.»

«Затем, что он собирался избавиться от тебя и взять ее на твое место — вот почему.» Я была поражена. «Знаешь, что мне пришлось сделать? Мне пришлось уговорить его остаться с тобой. Это было очень трудно, но я уговорила его. Так что, если мне и пришлось немного соврать, так это было для твоей пользы. Мэй, знай, что ты должна доверять мне. Верь мне.»

Я посмотрела на телефон, потом на Джона. В тот момент я не знала, кому верить. Вдруг меня захлестнули все мои старые дурные предчувствия, и я почувствовала себя в ловушке. Как бы хорошо ни было у нас с Джоном, все время мне приподносились сюрпризы — гадкие

сюрпризы. Я снова почувствовала себя, словно я под водой и не знаю, когда Джон и Йоко вытащат пробку. Джон улыбнулся мне. Единственным моим ощущением в тот момент был леденящий страх.

Мы были вместе уже четырнадцать месяцев, и скоро приближались наши дни рождения. 9 октября Джону исполнялось тридцать четыре, а 24 октября — мне двадцать четыре. Джону нравилось звучание ситара, и мы с Джимми Йовином шатались по магазинам, где продавались подержанные гитары, пока, наконец, не нашли старый ситар — гитару, модель, которую больше не производили. Мне сделали планку с надписью «Со всей моей любовью», и я прикрепила ее к задней стенке инструмента. Джон любил шоколад, и я купила ему еще дорогой шоколадный торт у его любимого кондитера Вильяма Гринберга — младшего.

На следующий день после его дня рождения, когда Йоко позвонила, она сказала: «Джон очень смущен тем, что ты написала на подарке. Он думает, что ты хочешь выйти за него. Это его очень расстроило. Он очень нервничает. Тебе не следовало бы делать такие вещи.»

Через неделю прибыл подарок Элтона. Джон развязал фирменную коробочку «Ван Клиф и Арпелз», в которой был медальон из оникса на золотой цепочке. У медальона был золотой ободок, на котором была надпись от Элтона. На лицевой стороне золотом и платиной, означавшими золотые и платиновые пластинки, были изображены стена (золотом) и мост (платиной). Элтон салютовал альбому Джона «Стены и Мосты». На другой стороне переливающимися камнями была сделана надпись «Уинстон О'Буги» — один из любимых псевдонимов Джона.

Джон пристально разглядел эту надпись. «Это поддельные камни», — сказал он. Его врожденная прижимистость заставляла его сомневаться в щедрости других.

«Не думаю. Если бы Элтон хотел купить фальшивые камни, он не пошел бы в магазин «Ван Клиф и Арпелз».

Джон еще пару минут поизучал медальон и бросил его на пол возле кровати.

Позже, разговаривая с Тони Кингом, я спросила его: «Скажи мне правду. Эти камни — поддельные?»

«Ты что, смеешься? — ответил Тони. — Это алмазы, дорогая моя!»

Когда я сказала Джону, он чуть не свалился с кровати. Подняв медальон, он внимательно рассмотрел надпись. Камни были бриллиантовые. Он бережно положил подарок на полку над нашей кроватью.

В тот уик — энд Джон репетировал с музыкантами, с которыми он хотел записывать альбом Спектора, и в понедельник мы взяли их в студию и быстро записали основные партии вещей для завершения альбома, который Джон назвал «Рок — н-ролл».

В октябре и ноябре Джон также много работал над рекламой альбома «Стены и Мосты». Его усилия окупились: альбом и сингл Джона возглавили американские списки популярности того времени. Такой великолепный успех очень удивил и обрадовал его. Наконец — то у него были свои хиты номер один.

«Это то, чего я всегда хотел, Фанг Йи, — возбужденно сказал он. — Я не думал, что смогу это сделать, но смог.»

Когда в то утро позвонила Йоко, я сообщила ей эту новость о триумфе Джона. Джон все еще спал.

«Мэй, все знают, что это все — хайп (хайпинг — популярность вследствие рекламы. — прим. перев.), вот и все». Я ничего не ответила. В ее голосе была такая горечь и ревность, что я даже не могла говорить. Однако, когда Джон позвонил ей, она рассыпалась в поздравлениях по случаю его триумфа.

Через пару дней поздравить Джона позвонил и Элтон. Он напомнил Джону, что тот обещал исполнить вместе с ним «Whatever Gets You Thru The Night» в Нью — Йоркском Мэдисон — сквер Гарден, если эта песня станет хитом номер один.

Посмотрев на Джона, я увидела, что он запаниковал. «Да, я обещал», — сказал он Элтону.

«Ты можешь отказаться, если не хочешь, — великодушно сказал Элтон. — Мы же просто дурачились.»

«Нет, нет. Обещал — значит обещал… Мы еще поговорим об этом…»

Старые друзья также уговорили Джона принять участие в постановке шоу по музыке БИТЛЗ — «Оркестр Клуба Одиноких Сердец Сержанта Пеппера в Пути», премьера которого была запланирована на 14 ноября в театре «Маяк». Джон пригласил на это шоу Йоко, но она не захотела пойти.

Я знала, что она все же придет. Было просто невероятным, чтобы она упустила случай поставить Джона в затруднительное положение на публике своим присутствием, тогда как он будет со мной. Я сказала ему об этом.

«Она сказала мне, что не идет», — твердо ответил Джон.

В тот вечер, когда мы прибыли на премьеру и заняли свои места, к нам подошел Гарольд Сидер. «Йоко здесь, — сказал он, — и она не хочет сидеть сзади.»

Джон похолодел, а потом беспомощно посмотрел на меня. Я была права. Йоко, которая пришла с Арлин Рексон и ее парнем, решила публично испытать Джона. Если бы я осталась на месте, я знала, что он не станет просить, чтобы я пересела от него. Тем не менее, Джон неизбежно кончит тем, что погрязнет в своем чувстве вины в том, что он так обошелся с Йоко, и не известно, что меня будет ожидать в этом случае. Такая перспектива мне совсем не улыбалась. «Может, будет лучше, если я поменяюсь с ней местами?»

Джон на мгновение задумался, а потом резко сказал Гарольду: «Скажи ей, что она должна будет сидеть сзади.»

Я была изумлена. Джон знал, что я охотно поменяюсь местами с Йоко, чтобы она смогла сохранить лицо. В первый раз Джон показывал публике, что он со мной, а не с ней. Арлин рассказала мне, что Йоко никак не прореагировала вслух на это решение Джона. т Во время представления она сказала: «А знаете, многие из этих песен весьма хороши.» Она впервые удосужилась послушать все эти классические песни Леннона — МакКартни, хотя была с Джоном уже семь лет. Музыка БИТЛЗ для нее просто ничего не значила.

В конце представления мы встали и рванули в проход, чтобы не застрять в толпе. Мы шли так быстро, что не увидели, как Йоко встала и последовала за нами, выкрикивая: «Джон… Джон…» Она даже стояла на улице, видя, как отъезжает наш лимузин, и продолжала кричать Джону, чтобы он остановился. У нее был угрюмый вид — особенно из — за того, что толпа вокруг театра увидела, что Джон игнорировал ее.

В лимузине Джон сказал: «Кто мог подумать, что Йоко придет в театр.» Тут он осекся, натянуто улыбнулся мне, и мы больше об этом не говорили.

После этого шоу была устроена вечеринка в дискотеке, которая называлась «Гиппопотам». Как только мы прибыли туда, Джон пошел прямо в бар. Выпив пару порций, он начал заигрывать с каждой проходившей мимо женщиной. Скоро женщины уже обнимали и целовали его и сидели у него на коленях. Я посмотрела на это несколько минут, а потом сказала: «Если ты не прекратишь это, я уезжаю.»

Он быстро опьянел, его глаза остекленели, и он даже не слышал меня. На этот раз я решила не дожидаться, пока он снова учинит пьяный дебош.

«Я ухожу», — снова сказала я, встала и вышла. Через несколько часов стало ясно, что он не придет домой. Подозревая, что он может как — нибудь использовать Йоко, чтобы каким — то образом обмануть меня, я позвонила ей.

«Джона нет дома, — сказала я. — Он с тобой?»

«Нет, Мэй.»

«Он не звонил тебе?»

«Нет, Мэй.»

«Ты не знаешь, где он?»

«Нет, Мэй.»

«Если что — нибудь узнаешь, сообщи мне», — сказала я.

«Он напился?» — спросила Йоко.

«Да».

«Кокаин был?»

«Да».

Мы помолчали. Потом Йоко сказала: «Знаешь, Мэй, я думаю взять его назад.»

«Что ты говоришь?»

«Я думаю взять его назад.»

Хотя она сказала это спокойно и без тени эмоций, я знала, что это не просто так. Она никогда ничего не говорила просто так. Точно так же, как она захотела, чтобы мы с Джоном были вместе, и добилась этого, так и, захотев забрать его назад, я знала, она добьется этого. Джон публично пренебрег ею и поставил ее в затруднительное положение, и ей надо было вновь утвердить свою власть над ним и отомстить за свое унижение. Я знала, что мне придется заплатить в тысячу раз больше за то приятное мгновение, которое выпало мне несколько часов назад, когда Джон сказал Йоко, чтобы она села на задний ряд. Я почувствовала себя

убитой и просидела всю ночь до рассвета, откинувшись в кресле. Вновь и вновь слова Йоко звучали в моей голове: «Я думаю взять его назад.» Слезы катились по моим щекам, я знала, что это было началом конца.

* * *

Когда на следующий день Джон вернулся, он рассказал мне, что ушел из «Гиппопотама» с группой людей и смотался на квартиру к одной хорошо известной черной манекенщице. Потом он смотался на квартиру к черной жене какого — то музыкального бизнесмена.

«Я не ебал ее, — сказал он. — В самом деле.»

Я промолчала.

«Фанг Йи, ты прямо как ревнивая жена.»

«Ошибаешься, — ответила я. — Ревнивые жены пасут и оберегают свою собственность. А я ушла, потому что видела, что ты будешь безумствовать. Меня беспокоит лишь то, что ты пьешь и оправдываешь этим свое буйство. А что особенно меня беспокоит, так это то, что когда я разговаривала с Йоко, она сказала мне, что думает взять тебя назад. Это значит, что у нее есть план забрать тебя, и я знаю, что она возьмет тебя назад.»

Джон застыл. «Это в ее духе», — сказал он наконец.

«Ты прав. Это в ее духе, и вот почему я расстроена. Я не хочу больше никаких сюрпризов. Если ты думаешь уходить, я хочу знать об этом.»

«Я не собираюсь уходить к ней.»

Он свирепо посмотрел на меня, и я не стала противоречить ему, хотя не верила ему. С того момента он стал держаться очень холодно с Йоко по телефону. Я видела, что он старался противостоять ей. Вспоминая о том времени, я жалею только о том, что мало помогала ему в этом.

Через несколько дней для нас была устроена поездка на концерт Элтона в Бостон Гарден перед тем, как Джон выступит с ним в Мэдисон Сквер Гарден. Турне Элтона по сорока четырем городам было организовано так, что во время выступлений в восточной части страны он мог жить в нью — йоркском отеле «Шерри Низерланд», прилетать на концерты в зафрахтованном реактивном самолете «Старшип — Два», а потом возвращаться на

нем в Нью — Йорк и спать в отеле.

Элтон очень любил Джона, и я вновь убедилась в эффективности его организаций. Он сделал все, чтобы с того момента, как мы выйдем из дома, и до нашего возвращения из Бостона поздней ночью мы чувствовали себя хорошо и комфортно. Элтон был очень великодушен и заботлив по отношению к Джону.

Нам с Джоном понравился этот концерт с самого начала, когда Элтон появился на сцене, пританцовывая, в огромном головном уборе из страусовых перьев, и до конца — выступление длилось почти три часа.

После того, как Элтон сделал первые три вещи, Джон повернулся ко мне и сказал: «Во мне это вызывает желание тоже выступать. Я хотел бы совершить турне.» К концу этого шоу его настроение переменилось: «Знаешь, для меня это слишком большая ответственность. По крайней мере, в БИТЛЗ этот груз делили четверо, а теперь это буду я один. Не думаю, что смогу сделать это все сам.»

После концерта Джон и Элтон обнялись. Выступление было большим триумфом. Возвращаясь назад в Нью — Йорк мы говорили о том, как появление Джона в Мэдисон Сквер Гарден добавит еще больше перца в шоу Элтона.

Джон продолжал целыми днями микшировать «Рок — н-ролл». Когда он закончил грубое микширование, он сказал: «Я хочу дать Моррису (Леви) эту копию. Это покажет ему, что я честно держу слово.» Гарольд Сидер вновь предостерег его. «Ты — сумасшедший, — сказал он. — Зачем ему эта запись? Ты можешь послать ему альбом, когда он будет закончен.»

«Моррис вел себя со мной как истинный джентльмен, — ответил Джон. — И кроме того, эта копия слишком черновая, чтобы кто — то на нее позарился.»

* * *

В течение двух недель до Дня Благодарения (официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса в последний четверг ноября. — прим. перев.), когда должен был состояться концерт в Мэдисон Сквер Гарден, мы провели много времени с Элтоном. Однажды вечером кто — то постучал в номер Элтона в

отеле «Шерри Низерланд», и он открыл дверь. В коридоре стояла группа полицейских. Они сказали Элтону, что неизвестный позвонил в полицию и заявил. что он, вооруженный револьвером, находится в отеле и ищет Элтона. Полицейские предупредили Элтона быть на всякий случай осторожным.

После ухода полиции все погрустнели. Больше всех разнервничался Джон, поскольку он впервые за последние три года собирался появиться на сцене.

Накануне начала выступлений Элтона в Нью — Йорке мы пришли туда, где была запланирована репетиция в Рекорд Плант. Элтон уже полностью все отрепетировал. Он любил доводить все до совершенства и был горд тем, что Джон желал выступить с ним. Решив, что они с Джоном должны звучать в точности, как на пластинке, Элтон добился, чтобы саксофонист играл свою партию нота в ноту, как на альбоме. Точность была просто изумительной.

Репетиция проходила быстро и гладко. После того, как они прогнали «Whatever Gets You Thru The Night» и «Lucy», они стали обсуждать, что сделать на бис. Кто — то предложил «Imagine», которую Джон сразу отклонил… «Мы сделали одну песню Элтона и одну — мою. Давайте возьмем какую — нибудь нейтральную вещь.» Чуть подумав, он сказал: «Давайте сделаем что — нибудь старенькое.»

«Как насчет «I Saw Her Standing There»? — спросил Элтон.

Джону эта мысль понравилась. «Это одна из немногих песен БИТЛЗ, в которых я не пел ведущую партию.»

Песню быстро проработали, и репетиция закончилась. Джон пришел домой изрядно разбитый.

В течение недели Элтон поддерживал с ним тесный контакт, стараясь, чтобы у Джона не пропал энтузиазм. Он очень хотел, чтобы Джон выступил.

Когда позвонила Йоко, Джон рассказал ей о подготовке к шоу. Она сказала ему, что хочет придти. «Она не хочет остаться вне такого события», — заключил Джон.

Я подумала, что она опасается, что если заявится без предупреждения, Джон опять скажет ей сесть сзади.

Я позвонила Тони Кингу. «Ты не мог бы устроить билеты для Йоко и привезти ее туда? — попросила я. —

На этот раз она хочет пойти.»

И хотя в будущем Джон будет говорить газетчикам, что не знал, кто будет там в тот вечер, он не только знал, но Йоко также неоднократно выражала ему свое недовольство тем, какое ей дали место.

Вечером накануне концерта мы навестили Элтона в его отеле. Весь вечер в его номере толкались люди. Мы все чувствовали себя превосходно и хорошо отдохнули.

Когда мы пришли домой, Джон побежал в ванную и его вырвало. Его лицо позеленело. Я видела, что в тот вечер он выпил несколько бокалов шампанского.

«От чего это?» — спросила я.

«От кокаина.»

Я не видела, чтобы кто — то предлагал Джону наркотики.

«Когда это ты успел?»

«Когда ты ходила в туалет.»

«Кто дал?»

«Не знаю, кто это был?»

«Кто это был?» — снова спросила я.

«Не скажу. Ты будешь орать на него.»

«Сколько ты втянул?»

«Много.»

Если есть такая вещь, как отравление кокаином и шампанским, то у Джона именно это и было. Он еще некоторое время корчился в ванной, а я отправилась в постель. Выйдя, он подошел к кровати, взобрался на меня сверху и стал целовать. Джон был очень ласков, ему хотелось, чтобы я крепко обняла его. Потом он заплакал.

«Что с тобой?» — спросила я.

«Пожалуйста, прости меня.»

«За что?»

«Прости меня. Я не хотел тебя обидеть. я знаю, что обижал тебя раньше. Я не хочу больше этого делать.»

«Все нормально, Джон. Все нормально.»

Я покачивала его на руках и гладила по голове.

«В самом деле, — рыдал он. — Я действительно не хочу обижать тебя.»

Я продолжала успокаивать его, снова и снова уверяя, что все нормально, и наконец успокоила его. Джон благодарно посмотрел на меня, и мы, счастливые, прозанимались любовью до самого утра. Днем, когда он встал, ему все еще было плохо. Весь день Джон страдал

приступами рвоты и поноса. Мы то и дело перезванивались с Элтоном, который сказал, что тоже плохо себя чувствует.

«Это все из — за нервозности, — говорила я всем, кто звонил. — Но он будет выступать.» Я хотела, чтобы Джон выступил. Он только что утвердил себя в качестве сольно записывающегося музыканта, и было важно, чтобы он поверил, что может также выступать и перед живой аудиторией.

Я, как могла, поддерживала в нем уверенность. «Я больше не волнуюсь, — сказал он. — Мне слишком плохо, чтобы волноваться.»

С наступлением вечера он угрюмо поднялся и оделся в свой черный костюм. Потом он надел медальон Элтона, и мы молча пошли к лимузину. Доехав до «Шерри Низерланд», мы взяли Элтона и поехали в Мэдисон Сквер Гарден. Все сидели тихо. Было такое чувство, словно мы едем на поминки.

За кулисами в Гардене стояла какая — то жуткая тишина. Йоко послала по одному большому цветку Джону и Элтону, и Джон прикрепил свой к отвороту пиджака. Нас провели в гримерную Джона, и мы остались там вдвоем.

«Скорее бы все кончилось», — сказал он.

«Не волнуйся, все будет отлично.»

«Мне очень плохо.»

«Все будут в восторге от тебя.»

Джон встал и посмотрел в зеркало. «Как я выгляжу?»

«Чудесно.»

«Ты уверена?»

«Конечно.»

В течение двух часов я потихоньку старалась подбадривать его.

«Фанг Йи, — наконец сказал он, — будь рядом, когда я буду на сцене, чтобы я мог видеть тебя.»

«Все, что скажешь, Джон.»

Когда его позвали, мы оба встали на краю сцены. Потом Элтон объявил Джона, и Джон вышел в центр сцены под невероятную овацию зала. Я подошла к колонкам возле рояля Элтона, чтобы Джон мог видеть меня. Разница между Джоном — человеком и выступающим перед публикой была поразительной. Когда он начал петь, он заметно нервничал, но быстро вошел в форму. Время от времени он поворачивался и

смотрел на меня. Я пела и танцевала, ободряюще улыбаясь ему, и с каждой нотой он все больше набирал силы. Выступление прошло изумительно, и аудитория сходила с ума. Мне показалось, что когда исполняли «I Saw Her Standing There», все здание просто сотрясалось.

После концерта мы отправились на вечеринку в «Пьерре». Джон был в праздничном настроении, но не хотел портить вечер и не стал напиваться. Мы решили, что просто посидим немного за столом. К нам присоединилась и Йоко. Они с Джоном поболтали минут двадцать, но он держался очень отчужденно. За соседним столом сидел Ури Геллер, медиум, демонстрировавший телекинез с ключами, и Джон предпочел смотреть его фокусы. Мы с ним встали, оставив Йоко, и перешли к столу Геллера. Потом нам сказали, что он так погнул ключи одной молодой пары, что они не смогли отпереть дверь своей квартиры.

Когда мы с Джоном ушли, он даже не попрощался с Йоко. Он попрежнему старался не поддаваться ей и не разговаривать с ней слишком долго по телефону.

* * *

В начале декабря Джон сказал, что надо подготовить приезд Джулиана на Рождество. В тот день позвонил Моррис Леви, и Джон сказал ему о Джулиане. У Морриса был сын, Адам, приблизительно такого же возраста, и он предложил нам провести праздники вместе в его имении во Флориде. Джон охотно согласился.

Когда Джон рассказал об этом Гарольду Сидеру, тот сказал: «По — моему, тебе не следует ехать. Твое дело с Моррисом еще не улажено.»

Но Джон был непреклонен, отчасти потому, что хотел показать Джулиану Дисней.

Тем временем тяжба с «Эппл» заканчивалась, и в Штаты приехал на гастроли Джордж Харрисон. Однажды вечером адвокаты Джорджа посетили нашу квартиру. Раздел «Эппл» тянулся уже несколько лет. Джон уже множество раз встречался с адвокатами, делал запросы, и ему присылали все копии документов. Все это дело было утомительным и чрезвычайно сложным. В тот вечер Джон заказал китайскую еду, и мы ужинали, сидя в постели, в то время как Гарольд, Майкл Грэхем и Дэйвид

Долженос объясняли нам детали. Джон иногда задавал вопросы, но было видно, что ему не терпится покончить со всем этим.

Когда они кончили, Гарольд поднял вопрос о Ли Истмане, отце Линды МакКартни, который был тогда менеджером Пола. «Ли Истман намерен вывести Пола из этого соглашения. Он хочет, чтобы Пол получал свои гонорары напрямую, и готов заплатить, чтобы уладить это. Для тебя это будет очень выгодно, Джон. Мы и не надеялись, что ты сможешь так хорошо выпутаться из этого дела. По — моему, тебе следует подписать.»

«Я рад, что все кончилось, — ответил Джон. — Давайте покончим с этим ебучим делом.» Когда адвокаты ушли, Джон включил телевизор. Я знала, что ему не хочется размышлять ни о каких официальных аспектах конца БИТЛЗ, и не стала задавать вопросов.

Джон как — то очень странно относился ко всему этому. Ранее он намекал мне, что его уход из БИТЛЗ был идеей Йоко. Теперь, без нее, у него были противоречивые чувства по отношению к официальному концу БИТЛЗ. К тому же, он был склонен всегда противостоять Полу МакКартни. Полу отчаянно хотелось подписать это соглашение, а Джон из принципа был склонен не подписывать, хоть это ему и выгодно.

Тем временем Джон узнал, что гастроли Джорджа проходят неудачно, и о нем плохо отзываются в прессе. Джордж был так расстроен, что подумывал отменить выступления в Нью — Йорке.

«Скажи ему, что я сделаю все, что смогу, чтобы помочь», — сказал он Нилу Аспиналу, который был одним из директоров «Эппл» и приехал в Нью — Йорк для последних переговоров.

Через несколько дней, когда Джордж после концерта в Вашингтоне приехал в Нью — Йорк, Джон позвонил ему в отель «Плаза» и сказал, что мы хотели бы встретиться с ним в отеле. Джордж встретил нас вместе со своей подругой Оливией Ариас, симпатичной молодой американкой мексиканского происхождения, которая была его секретарем и представителем компании «Dark Horse Records» в Штатах, и на которой Джордж впоследствии женился.

Джордж выглядел очень усталым и расстроенным. Трудности, которые он испытывал со своим турне, отражались на его лице. Казалось, что он стесняется

меня, пока они с Джоном здоровались и усаживались. Джордж помнил меня с того времени, когда мы встретились с ним во время моей работы в АВКСО, и сказал Джону: «Я рад, что ты с Мэй. Она такая милая девушка.» Джордж невзлюбил Йоко по крайней мере с первых записей «Imagine» в 1971 году.

Джон благодарно улыбнулся. «Я знаю, что это так. Рад, что она тебе тоже нравится.»

Джон был настроен открыто и дружелюбно, Джордж, однако, был довольно замкнут и лишь вежливо отвечал на вопросы. Прошел долгий час, в течение которого разговор то и дело возвращался к гастролям Джорджа. Наконец Джон намекнул, что с удовольствием сыграл бы с Джорджем в Мэдисон Сквер Гардене. «Может быть, я смогу помочь тебе», — сказал он. «Это было бы здорово.»

Джордж сердито взглянул на Джона. Потом его прорвало. «Где ты был раньше!» — выпалил он. Это был первый из целой серии взрывов, последовавших друг за другом, прерываемых только моментами напряженной тишины. «Я делала все, как ты говорил, но тебя никогда не было рядом», — повторял он.

«Ты всегда знал, как меня найти», — спокойно отвечал Джон на каждый из этих взрывов.

Глядя на них обоих, я отчетливо поняла, что злость на Джона копилась в Джордже годами. Это была как раз одна из тех ситуаций, которых Джон обычно старался избегать. Но в этот момент я осознала, что он любит Джорджа достаточно для того чтобы оставаться спокойным, пока тот «пилит» его.

Джордж говорил, что в прошлом он неизменно пел именно то, что хотел Джон, и говорил именно то, что хотел Джон. Только потому что так хотел Джон, Джордж решил поддержать Аллена Клайна. Но вот уже почти четыре года, как Джон буквально игнорирует его — этот факт глубоко ранил Джорджа. Его голос стал еще более резким, когда он начал проклинать Джона за его внезапное появление, словно из ниоткуда, и предложение помощи стоимостью в один вечер.

Джордж еще раз повторил в бешенстве: «Я делал ВСЕ, что ты от меня хотел, но тебя не было рядом.»

Неожиданно он уставился на Джона. «Слушай, Джон, — прорычал он, — я хочу видеть твои глаза. Я не вижу твоих глаз.»

На Джоне были солнцезащитные очки. Он протянул

руку, быстро снял их и одел обычные. Он готов был сделать что угодно, только чтобы успокоить Джорджа. Но этого оказалось недостаточно. Казалось, что сейчас Джордж врежет Джону. «Я все равно не вижу твоих глаз.» Внезапно он сорвал очки с лица Джона и швырнул их на пол. Его лицо превратилось в маску бешенства и презрения; я никогда не видела более разозленного человека. Его гнев почти парализовал Джона. Я знала, как Джон начинал паниковать, если не мог видеть. Я ждала, что он сейчас вскочит и ударит Джорджа. Я боялась, что Джордж удовлетворится только дракой.

Тем не менее, каким — то чудесным образом, Джон остался спокойным. Воцарилась долгая тишина. Потом Джордж вернулся к основной теме своей злости, но я видела, что худший момент уже позади.

Глубоко за полночь все это, наконец, кончилось. И Джон, и я устали до потери сознания и заказали номер здесь же, в «Плазе». Когда мы остались одни, Джон сказал мне: «Я видел, что Джорджу очень больно, и я знаю, почему. Поэтому я позволил ему сделать это. Я помогу ему и сделаю все, что он от меня захочет. Если он захочет, чтобы я вышел на сцену, я выйду.»

Джон посмотрел на меня. Я плакала.

«Вы оба — как братья, — сказала я. — Я не могу видеть этого, — когда люди, любящие друг друга так сильно, как вы, не могут поладить.» Теперь уже у меня была истерика. Сцена в номере Джорджа так на меня подействовала, что мне было не справиться с чувствами, и в эту ночь после всего, что произошло у Джорджа, Джону пришлось еще целый час успокаивать и меня.

На другой день мы встретились с Джорджем, и все было прекрасно. Как только Джордж увидел Джона, он крепко обнял и поцеловал его. «Пожалуйста, прости меня, — сказал он. — Вчера мне было плохо. Я не хотел тебя обидеть.» Все было так, будто прошлой ночью ничего не произошло. И снова я поняла, какими непредсказуемыми были они ВСЕ!

В тот вечер мы поехали на концерт Джорджа в «Нассау Колизеюм». Джон обрадовался, когда узнал, что Рави Шанкар, игравший в первом отделении, заболел. «Слава богу, — сказал он. — По крайней мере хоть этого не будет.»

Мы стояли на краю сцены, и какие — то подростки на первом ряду заметили нас и стали выкрикивать имя

Джона. Мы отошли вглубь. Джон не хотел отвлекать внимание от Джорджа, а тот не просил его выходить.

Под конец концерта Джон, который видел, что шоу — неудачное, сказал: «Я могу помочь ему». Он чувствовал, что его неожиданное появление придаст концерту забойность, которой здесь явно не хватало.

По пути назад в Нью — Йорк Джон снова сказал Джорджу, что хочет сыграть с ним.

«Спасибо», — тихо сказал Джордж, и больше об этом не говорили.

* * *

К тому времени, когда Джордж должен был играть в Гардене, в Нью — Йорк приехал Пол. В день концерта должен был также приехать и Джулиан. Джона предупредили, что дело «Эппл» заканчивается и в полночь, после концерта Джорджа, он должен будет подписать документы. Трое из четверых БИТЛЗ должны были встретиться, чтобы подписать бумаги, официально расторгавшие их партнерство. («Ринго пребывал в Лондоне, избегая повестки в суд от Аллена Клайна, и должен был подписывать там.)

Когда Джону сообщили об этом, мы были в спальне. Он ничего не сказал, и я пошла на кухню. Вдруг он хлопнул дверью и закрылся на замок.

«Джон, что случилось?» — закричала я.

«Я не буду подписывать это соглашение», — сказал он через дверь.

«Что?»

«Это несправедливо. Мне приходится платить вдвое больше налогов, чем всем остальным. С меня берут два налога.»

Я подошла к двери и попыталась образумить его.

«Гарольд же говорил тебе, что это самый лучший выход. Он и не надеялся на такое. На это угробили столько лет. По — моему, тебе следует подписать.»

Джон молчал.

«Открой дверь.»

Снова молчание.

«Что происходит?»

Он не хотел говорить. Я стояла за дверью, соображая, что делать. Я знала, что соглашение включает

пункт, по которому Джон платит 1 000 000 долларов налогов Соединенным Штатам за свой доход во время пребывания в Америке. Гарольд Сидер объяснил, что с этим ничего нельзя поделать. Однако теперь Джон вдруг испугался, что его обманывают и вытягивают из него как можно больше денег. Ему также было трудно смириться с тем, что БИТЛЗ официально перестают существовать, и что Пол будет торжествовать. Я продолжала его уговаривать открыть дверь, но он никак не реагировал. Это был один из тех ужасных моментов, когда я понимала, что единственная вещь, которую я могу сделать, это позвонить Йоко, попросить помощи и надеяться, что ОНА, в свою очередь, будет благоразумна.

Я набрала номер, позвала ее и сказала: «Джон решил, что не хочет подписывать соглашение. Он очень расстроен и заперся от меня в спальне. Йоко, ты знаешь, на то, чтобы достичь этого соглашения, ушло много времени. Ты же знаешь, что это в ваших общих интересах, подписать его. Я не часто тебя прошу о помощи, но на этот раз она нужна. Я хочу, чтобы ты сказала ему подписать соглашение.»

«Я так и знала. Я знала, что будут неприятности», — ответила она.

«Дело не в этом. Дело в том, как их избежать.»

«Не говори ему, что звонила мне. Я должна подумать. Потом позвоню.»

Через полчаса Джон отпер дверь. Он весь дрожал. Позвонив Гарольду, он сказал, что решил не подписывать. Гарольд ответил, что обо всем позаботится и попросил не волноваться. Чуть позже приехал Джулиан, и Джон очень тепло его встретил, хотя и был расстроен. Мы втроем пошли прогуляться и закусить, а потом отправились с Хилари Джеррардом на первый из двух концертов Джорджа в Гарден. Когда мы вернулись домой, Джона ждало письмо от Йоко. Он поднял его с пола и распечатал.

Его реакция была удивительной. «Астролог Йоко сказал, что мне не следует подписывать, и она написала мне, чтобы предупредить. Здорово, а?»

«Здорово», — ответила я. Это было чертовски здорово.

* * *

Джордж позвонил прямо перед концертом. «Хочешь поговорить с Джоном?» — спросила я. «Нет.» Джордж уже слышал о решении Джона, и был сердит. «Скажи ему, что я сам начал это турне, и сам его и кончу», — проворчал он и положил трубку.

Позже в этот вечер позвонил Пол. В отличие от Джорджа, он был исключительно выдержан. Джон объяснил ему свои опасения о налогах, и они согласились, что нужно найти решение.

На следующий день Джон вдруг решил отправиться к Ли Истману, которого он решил взять себе в адвокаты. Когда позвонили Пол и Линда, Джон сказал Линде: «Мы собираемся сегодня вечером к твоему отцу.»

«Отлично! Я очень рада!» — зачирикала она.

В тот вечер у Джорджа был второй концерт в Гардене, и перед уходом Джон отправил туда Джулиана с Хилари, попросив передать Джорджу, что пошел к Ли Истману попытаться решить проблему.

Истманы жили на Парк — авеню в огромной элегантной квартире, увешанной коллекцией из картин Пикассо, Корнелла и Де Кунинга. Истман пожал Джону руку и провел нас в свой кабинет. Мы сели на диван, а Нил Аспинол, сопровождавший нас, устроился на стуле в стороне.

Мне не показалось, что Истман не был в восторге от визита Джона. Они проговорили в течение часа, во время которого было легко заметить холодность Истмана. Для него Джон был просто хулиганом: он был единственным, кто настаивал на том, чтобы менеджером БИТЛЗ был Аллен Клайн, и он был единственным, кто отказался подписывать соглашение. К концу довольно — таки неприятного часа Истман сказал презрительно: «Джон, ты просто не понимаешь, какие от тебя неприятности. Во всем виноват один ты. Поэтому и Джордж ненавидит тебя. Он никогда не простит тебя. Он больше не будет разговаривать с тобой. Он никогда больше не заговорит с тобой.»

«Это мы еще посмотрим, Ли. Но я просто хочу разобраться», — ответил Джон.

«Здесь не в чем разбираться.» Затем Истман снова попытался заставить Джона подписать соглашение, без перерыва повторяя, что Джордж ненавидит Джона, и что единственная вещь, которой Джон может оправдаться в глазах Джорджа, чтобы остаться его другом, — это

подписать документ.

Они еще полчаса перетягивали канат, когда зазвонил телефон, и Истман взял трубку.

Это был Джулиан. Он позвал Джона, и Джон попросил меня поговорить с ним. Я перешла в соседнюю комнату. «Я только что видел Джорджа, — возбужденно говорил Джулиан. — Он хочет передать папе, что все прощено, и что он по — прежнему любит его и хочет, чтобы он пришел на вечеринку к Джорджу сегодня вечером.»

Я вернулась в кабинет и объявила: «Джулиан передал послание от Джорджа Джону.»

«Да?» — сказал Джон.

«Джордж говорит, что все прощено, и он по — прежнему любит тебя. Он хочет, чтобы ты пришел к нему на вечеринку сегодня вечером.»

Джон сиял. Я тоже. Истман был в ужасе. Через пять минут встреча закончилась, Нил отвез нас на вечеринку к Джорджу в дискотеку «Гиппопотам», и мы все чудесно провели время. Джон в конце концов подписал это соглашение в начале января.

В ближайшие за этим дни мы съездили с Джулианом в Монток — посмотреть тот самый каменный дом, который Джон подумывал купить. «Следующим летом он уже будет нашим, — сказал ему Джон. — На следующее лето ты приедешь сюда к нам.» Потом мы отправились во Флориду, где отпраздновали начало Рождества. Когда мы вернулись в Нью — Йорк, мы решили устроить для Джулиана второе Рождество и купили подарки и елку. Джон сказал, что сам нарядит елку и завернет подарки, видя, как я устала. С благодарностью я отправилась в постель. Когда я проснулась, Джон мирно спал рядом со мной. Я встала, и мы вместе с Джулианом установили и украсили елку и завернули все подарки. В два часа Джон наконец проснулся и обнаружил, что все уже сделано.

Затем снова начала звонить Йоко, чтобы сообщить Джону, как она соскучилась по Джулиану, и как хочет его повидать, несмотря на то, что однажды она дала мне понять, что общение с Джулианом ее очень расстраивает, поскольку Джулиан был с Джоном, а Киоко с ней не было. Все же она продолжала настаивать на встрече с Джулианом, и было запланировано время для ее визита. Как только Йоко вошла в квартиру, она обняла Джулиана за шею и поцеловала его. «Я очень скучала по тебе», —

сказала она. Потом она повела легкую, милую беседу о его жизни и школе. Она молола языком, не переставая.

Она была очень сердечна и со мной. Джон и я показали ей нашу квартиру. Ей особенно понравилось зеркало над камином. Оглядевшись вокруг, она повернулась ко мне и сказала: «Совсем неплохо». Позже она вделала зеркало в потолок над своей кроватью. Через час она поцеловала Джулиана и попрощалась.

Потом она начала звонить, упрашивая Джона привезти Джулиана в гости к ней в «Дакоту». Джон свозил его туда вскоре после Нового Года и перед отъездом Джулиана в Англию. За последние два месяца это была единственная встреча Джона с Йоко, а которой я не присутствовала.

Джулиан уехал вскоре после Нового Года, и Джон вернулся к работе над «Рок — Н-Роллом», а также начал писать новые песни.

Я догадывалась, что он хочет сделать новый альбом.

Как — то вечером мы встретились с Полом и Линдой. Вдруг Полу пришла в голову идея: «Давайте позвоним Дэйвиду.» Мы позвонили Дэйвиду Боуи, и он пригласил нас в свой номер в «Пьерре». Мы с Джоном встречались с ним пару раз еще до Рождества, и каждый раз он настойчиво предлагал послушать записи к его новому альбому, который он позже назовет «Молодые Американцы» («Young Americans»). На этот раз он проиграл альбом для Пола и Линды, хотя мы с Джоном слышали его уже сто раз. Как только альбом кончался, он проигрывал его снова. Я заметила, что Пол начинает беспокоиться. «А можно послушать еще какой — нибудь альбом?» — спросил он. Дэйвид не обратил на него никакого внимания, но когда он собрался поставить альбом в третий раз, Джон сказал: «Он великолепен. Но, может, у тебя есть еще что — нибудь интересное послушать?»

Боуи на мгновение оцепенел, а потом улыбнулся и сказал мне поставить какой — нибудь другой диск. Я выбрала альбом Ареты Франклин и поставила на проигрыватель. Тогда Дэйвид сказал: «Извините, я на минутку». И вышел вон из комнаты.

«По — моему, ты задел его чувства», — сказала я Джону.

«Пол весь вечер просил его сменить пластинку», — ответил Джон.

«Он обиделся, Джон.»

«О, нет. Просто, так уж он устроен», — неожиданно прощебетала Линда.

Как только мы вернулись домой этим же вечером, Джону позвонил Дэйвид. Они тихо поговорили какое — то время, а когда Джон повесил трубку, он сказал мне: «Дэйвид действительно обиделся, когда я попросил его сменить пластинку. Он был очень расстроен. Я без конца твердил ему, что не хотел его обидеть.» Джон был очень огорчен реакцией Дэйвида.

«Когда Дэйвид смотрит на тебя, его глаза так и светятся восхищением, — сказала я ему. — Тебе нужно быть особенно внимательным, когда вокруг тебя люди такого рода, потому что каждое твое слово и жест очень много значат для них. Нравится тебе это или нет, но тебе придется быть осторожней.»

Мы продолжали говорить о том, как трудно быть Джоном Ленноном даже в компании таких рок — звезд, как Дэйвид Боуи. «Ты расскажешь Полу?» — спросила я его.

Джон поморщился. «Ты смеешься? — огрызнулся он. — Не имеет смысла. Он все равно не понял бы.»

Вскоре после этого Дэйвид позвонил и пригласил нас на сессии окончательной записи «Young Americans». Во время сессий Джон устроил джэм с гитаристом Карлосом Аломаром, и вышла интересная вещь. Дэйвид за полчаса накатал текст, и получилась песня «Fame» («Слава»). В соавторстве с Джоном, «Fame» стала первым хитом N 1 Дэйвида.

* * *

Неожиданно Джон узнал, что Моррис Леви собирается продавать подаренную ему Джоном черновую запись «Рок — Н-Ролла», как продавали теле — версии альбомов, под названием «Roots» («Корни»). «Но он не может этого сделать. Запись ужасна. Ее никто не будет слушать. Нельзя допустить, чтобы ее кто — нибудь услышал.»

Но было уже слишком поздно. Ролики уже начали прокручивать по телевидению. Джон был в бешенстве. Я опасалась, что он начнет пить, но этого не произошло. Он решил ускорить выпуск «Рок — Н-Ролла», а потом

раскрутить его так быстро, как только возможно. Он хотел судиться с Леви и был настроен выиграть дело. В конце концов они встретились в суде.

День или два спустя зазвонил телефон. Я сняла трубку. «Джон, это Йоко.» Я сказала, что позову его. Как только Джон взял подошел к телефону, он сразу же разозлился. Прежде чем она успела произнести хоть слово, он крикнул: «Йоко! У меня нет времени разговаривать с тобой», — и он бросил трубку.

Джон повернулся ко мне: «Вот так. С меня хватит.»

Телефон зазвонил снова. Йоко была в ярости. «Мэй, я не желаю, чтобы ты снова поступала так со мной. Он бросил трубку. Я не понимаю, что происходит. Я не понимаю, почему ты так поступаешь со мной.»

«Я позвала Джона к телефону, как обычно.»

«Но он взбесился. Как ты можешь говорить «как обычно», раз он такой злой?»

«Если по правде, он не был злым, пока не подошел к телефону.»

Йоко помолчала. «А сейчас он злится?»

«Нет.»

Йоко снова помолчала. «Мэй, никогда не делай так больше. Этого больше не должно повторяться.»

«Йоко, — ответила я, готовая зайти так далеко, как еще никогда не заходила с ней, — я не могу ничего поделать с тем, как он ведет себя, когда собирается разговаривать с тобой. Это ваши проблемы.»

Она не ответила и бросила трубку.

Когда она позвонила позже, Джон отказался разговаривать с ней. Йоко продолжала названивать весь вечер и весь следующий день. Когда бы она ни просила поговорить с ним, он говорил мне передать, что он не подойдет к телефону. Она продолжала попытки еще день или два, а потом прекратила звонки, и мы ничего не слышали о ней в течение недели. Когда она наконец позвонила снова, Джон решил поздороваться с ней.

Он слушал, пока Йоко что — то говорила ему. Я видела, как меняется выражение его лица, пока он слушал. Он все больше начинал интересоваться тем, что она рассказывала. «Это действительно действует?.. Сколько на это нужно времени?.. Как ты себя чувствуешь?» — спрашивал он возбужденно.

«Она бросила курить! — воскликнул Джон, когда повесил трубку. — Она не курит уже целую неделю. Она

собирается помочь мне тоже бросить.»

«А как она бросила?»

«Йоко говорит, что нашла новый метод. Но она не сказала, в чем он заключается. Она ни разу не захотела выкурить сигарету с того самого момента, как бросила. Разве не удивительно, особенно если учесть, сколько она курит!»

«Очень похоже на Йоко.»

«Я хотел бы попробовать.» Джон действительно хотел бросить курить. Его расстраивал тот факт, что две пачки «Голуаз» в день затрудняли его дыхание и вызывали хроническое покашливание. Через час Йоко позвонила снова, и было назначено время встречи Джона с тем человеком, который помог ей бросить курить. Я помню, что это было в понедельник. Джон был полон энтузиазма.

Я почувствовала опасность. «Все идет так хорошо. Пожалуйста, не начинай опять этих игр», — сказала я ему.

«О, Фанг Йи, все кончено, и Йоко знает это. Все, что она хочет, это помочь мне.»

«Я хочу пойти с тобой на это лечение», — ответила я.

«Нет, нет. Йоко не хочет видеть тебя, а я не хочу расстраивать ее. Все это касается только нас двоих.» Джон взглянул на меня. Он не хотел больше разговаривать об этом.

В течение следующих нескольких дней Йоко звонила Джону постоянно, чтобы сообщить ему, как успешно идет лечение. Она не переставая повторяла, что не выкурила ни одной сигареты, но не хотела рассказать ничего о самом «лечении». Каждый раз Джоном овладевало все большее возбуждение и любопытство.

«Она играет с тобой», — сказала я.

«Не будь глупенькой," — ответил Джон.

Было бы логично оторвать Джона от этой забавы. Я не хотела признавать этого, но я знала, что снова попалась в ловушку. Как бы там ни было, но в понедельник утром — в тот день, когда Джон должен был ехать в «Дакоту», позвонила Йоко.

«Звезды расположены неудачно, — сказала она ему. — Я отменила встречу.» Она сказала, что позвонит в более подходящее время. В тот же день Йоко позвонила и назначила встречу на Среду, на семь часов вечера. Джон был очень доволен.

«Джон, — сказала я, — ты что, не видишь, что тебя раздразнили?»

Он не ответил. То, что он не хотел видеть, он игнорировал.

В тот вечер нам позвонили Пол и Линда. Они собирались в Новый Орлеан для записи нового альбома, который превратится в «Венеру и Марса». «Мы хотели бы встретиться там с вами», — сказал Пол Джону.

«Мне бы действительно хотелось поехать, — сказал мне Джон после его звонка. — Я никогда не был в Новом Орлеане, а сейчас сезон в «Марди Грас». Мне бы хотелось посмотреть. Было бы забавно послушать запись Пола.»

Я была уверена, что, если только Джон поедет в Новый Орлеан, Пол затащит его в студию и уговорит записываться вместе с ним. Это был волнующий проект, но я ничего не сказала, боясь разохотить Джона. Но он продолжал говорить об этой поездке и каждый раз он возвращался к этой теме все с большим энтузиазмом. Он ничего не говорил о возможности снова записываться вместе с Полом, но в глубине души, я думаю, и он, и Пол осознавали, что они наконец — то готовы снова работать вместе. На тот вечер была назначена встреча с Элом Коури и Гарольдом Сидером, чтобы обсудить рекламу и продажу «Рок — Н-Ролла». «Фанг Йи, послушай — ка ленту вместе со мной», — сказал Джон. После того как Джон проиграл пленку, он посмотрел на меня и пожал плечами. «Джон, ты хотел, чтобы это был классический альбом Спектора. У меня не лучший в мире слух, но я знаю, что в классических хитах Спектора низы и верхи идут на пределе. А на этих дорожках все идет по среднему.»

По тому, как он молчал, я поняла, что он слушает серьезно.

«Тебе нужно взять лучшие из этих вещей, и работать с ними. Этот альбом — несбывшаяся мечта. Годы спустя, когда люди будут слушать этот альбом, они поймут, как тебе было плохо, пока ты не собрался и не сделал «Стены и Мосты».

Джона не расстроили мои слова. «Надо подумать», — сказал он.

На встрече в тот вечер Джон решил, что выкинет из альбома «Angel Baby» и «Be My Baby». Он пришел к тому же заключению, что и я: чем меньше будет на этом альбоме, тем лучше.

«Что ты думаешь о моем решении?» — спросил он, когда мы вернулись домой.

«Если ты уверен, что это самые слабые дорожки, то и нужно было их выкинуть из альбома.»

Джон сменил тему разговора, не желая думать больше об альбоме. «Знаешь, что я хочу сделать в этот уик — энд? Я хочу поехать в Монток, взглянуть на дом. Только мы вдвоем. Наконец — то мы будем одни. Будет зима, будет так красиво — я хочу взглянуть на него еще разок.»

Это звучало чудесно.

«Потом, на следующей неделе, мы отправимся в Нью — Орлеан, потом я вернусь и закончу «Рок — Н-Ролл», ну а потом мы начнем записывать новый альбом. Что ты думаешь об этом?»

«Я — за, обеими руками!»

«Я на подъеме. Я хочу продолжать в том же духе… Поэтому, когда вернемся, подумаем о новом альбоме.»

Я была очень счастлива. Больше всего я любила Джона, когда он был деятелен, увлечен записью новой прекрасной музыки.

Мы разделись, немного посмотрели телевизор, а потом занялись любовью. Потом одновременно мы погрузились в сон.

Утром, как только Джон проснулся, он начал писать в своем блокноте. Он провел большую часть дня, записывая вещи для альбома, который планировал сделать по возвращении из Нью — Орлеана. То и дело он останавливался, чтобы проиграть мне то, что он записал и услышать мою реакцию. Джон работал над грустной песней, которую он назвал «Теннесси» («Tennessee»). Он был вдохновлен заново перечитанной им книгой Теннесси Уильямса «Трамвай по имени Желание». Мне она очень нравилась — так я ему и говорила.

Казалось, Джон был настроен написать для нового альбома так много, как только он мог, и к концу дня появилась еще одна песня — «Попкорн» («Popcorn») — очень забавная, запоминающаяся мелодия. Йоко звонила два или три раза в этот день, чтобы напомнить ему о назначенной на этот день встрече, и наконец — то сказала ему, что примененный к ней метод лечения был «новой формой гипноза». Джон был так занят записыванием песен, что клал трубку при первой же возможности.

Когда Джон уже готов был уходить, Йоко снова позвонила. Звезды опять были расположены неудачно, и встречу отменили еще раз. Йоко звонила еще три или четыре раза, назначая, а затем перенося ее. В конце концов ее назначили на четыре часа вечера в четверг. В четверг последовали еще два «отменительных» звонка с переносом встречи на час. К тому времени Йоко уже две недели «подогревала» Джона обещаниями, что он бросит курить.

Каждый из этих звонков испытывал мое терпение. Я старалась контролировать себя, но я хотела, чтобы звонки прекратились; я больше не могла этого выносить. «Джон, неужели ты не понимаешь, что происходит? Ты можешь пойти к докторам, ты можешь пойти на встречи по лечению от курения, о которых кричат все газеты, ты можешь нанять своего собственного гипнотизера. Тебе совершенно незачем идти к гипнотизеру Йоко.»

«Йоко прекрасно умеет находить нужных людей такого рода.»

«Но ведь все и так идет прекрасно.»

«Фанг Йи, теперь ничего не может случиться, именно потому что все идет так прекрасно.»

Он был полон решимости пойти именно к гипнотизеру Йоко.

Мне стало так грустно, что я начала плакать.

Потом Йоко снова перенесла встречу на пятницу в шесть.

В пятнадцать минут шестого в пятницу Джон и я уставились на телефон. Я надеялась, что он снова зазвонит, и Йоко опять отменит встречу, но этого не произошло. «Эти ебучие звезды наконец — то в порядке, — сказал Джон. — Это займет всего несколько часов, а когда я вернусь домой — кто знает? — может быть, я уже не буду больше курильщиком. Давай потом пойдем куда — нибудь и поужинаем. А потом постараемся встать пораньше и поедем в Монток.»

Когда Джон подошел к двери, я неожиданно для себя позвала его: «Джон, Джон, пожалуйста, не уходи. Я никогда тебя ни о чем не просила, но я прошу тебя сейчас: не уходи!»

«Фанг Йи, ты делаешь из мухи слона.»

В этом весь Джон. Он никогда не слушал того, что не желал слышать. У дверей я обняла его и крепко прижала к себе.

«Ну, пока», — сказал он.

Я старалась держать себя в руках, но после ухода Джона меня охватила дрожь. Я знала, что он снова включится в ту игру, в которую они с Йоко играли, и знала, что эта игра слишком сложна для меня.

Я сделала себе кофе и стала смотреть телевизор. Прошло пять часов, а Джон все не возвращался. Я сняла трубку и позвонила в «Дакоту».

«Я не могу сейчас с тобой говорить, — сказала Йоко, как только услышала мой голос. — Я позвоню тебе позже.»

«Джон у тебя?»

«Да.» Она повесила трубку.

Я подождала еще час, потом позвонила снова.

«Я все еще не могу разговаривать», — сказала она, вешая трубку.

Я знала, что нет способа заставить ее позвать Джона. Я была уничтожена. Я смотрела телевизор до самой последней программы, а потом вырубилась.

Когда утром я проснулась, Джона все еще не было. Я позвонила в «Дакоту».

«Я хотела бы поговорить с Джоном», — сказала я Йоко.

«Нельзя. Он очень устал. Лечение было очень трудным.»

«Ты уверена, что с ним все в порядке?»

«Все прекрасно. Прекрасно. Я скажу ему, чтобы он позвонил тебе попозже.»

Я просидела у телефона весь день. Но Джон не позвонил. Так я и просидела большую часть субботней ночи, снова уставившись в телевизор, стараясь изо всех сил не думать о том, что происходит в «Дакоте». Мой желудок сжимался, и, чтобы меня не вытошнило, я старалась не думать совсем. Я знала, что, понравится мне это или нет, я узнаю правду довольно скоро. В воскресенье утром я поднялась и стала ждать, когда зазвонит телефон. Он снова не зазвонил. Никогда в жизни я не чувствовала себя хуже. Мне нужны были хоть какие — нибудь известия, но я знала, что не получу их. Я не могла представить себе, почему Джон поступил со мной так жестоко. В два часа я позвонила Йоко.

«Йоко, — сказала я как только она ответила, — Я ДОЛЖНА поговорить с Джоном.»

«Он все еще спит.»

«Но ведь когда — нибудь ему нужно проснуться.»

«Когда он проснется, я попрошу его позвонить тебе.»

«Разбуди его сейчас. Я хочу поговорить с ним.»

«Мэй, я скажу ему, чтобы он позвонил тебе.»

Я знала, что она ни за что не соединит меня с ним. Мне ничего не оставалось, как только ждать.

В довершение ко всей этой глупой невероятной ситуации мы с ним должны были идти к дантисту на следующий день, в понедельник. Я собиралась пойти и надеялась, что и он пойдет тоже. Хоть он и не вернулся в эту ночь. Хоть он и не позвонил. Все шло так хорошо, и все же я не смогла не пустить Джона в «Дакоту». Я чувствовала свое бессилие, я чувствовала себя ужасно. В этот момент я ненавидела их обоих — ненавидела их за то что они оба такие непредсказуемые. И я ненавидела себя за то, что позволила себе стать жертвой их непредсказуемости, потому что я так сильно любила Джона, потому что я знала, что нашим отношениям пришел конец, а я не хотела, чтобы они кончались.

В понедельник я встала, оделась и провела все в утро в ожидании, когда будет пора идти к дантисту. Когда я взглянула в зеркало, я ужаснулась своему виду. Я почти не спала и не ела с пятницы и выглядела еще более изможденной, чем в ту ночь, когда Фил Спектор связал Джона, или в ту ночь, когда Джон обвинил меня в том, что я флиртую с Дэйвидом Кассиди, или в тот день, когда Джон внезапно попросил меня покинуть дом в Бель — Эйре, или в ту ночь, когда он набросился на меня в Палм Спрингз. Я выглядела такой истерзанной, что решила одеть темные очки. Джона не было в офисе дантиста, когда я пришла, но когда я вышла из кабинета, я встретила его в приемной. Он выглядел еще хуже, чем я. Его глаза покраснели, под ними были мешки. Он посмотрел на меня как — то сонно; казалось, он ошеломлен. Он посмотрел так, как смотрел обычно после ночи попойки, когда он просыпался и ничего не помнил.

«Привет», — сказала я.

«Привет.»

Помолчав, Джон встал и вошел в кабинет дантиста, а я села ждать его.

Когда он вышел, я встала и пошла по коридору. Джон молча пошел за мной.

«Куда ты идешь?» — спросил он, когда мы вышли на

улицу.

«Домой… А ты разве не идешь?»

Джон моргнул. «Э — э… ладно… о'кей.»

Он был совершенно дезориентирован. Я вглядывалась в него, стараясь понять, кого он мне сейчас напоминает. Он выглядел и говорил, как зомби.

Мы прошли в молчании три квартала до нашей квартиры. Когда мы поднялись по лестнице, я открыла нашу дверь, и Джон пропустил меня вперед.

«Думаю, что должен сказать тебе это прямо сейчас, — сказал он, войдя. — Йоко разрешила мне вернуться домой.»

Я подозревала это. Я это знала. И все же, когда я это услышала, я была потрясена.

«Что?»

«Йоко разрешила мне вернуться домой.»

Я уставилась на него.

«Я соберу кое — какие вещи и пойду.» Я рухнула в кресло. Я ничего не могла сказать Джону. Он был похож на автомат, и я знала, что не могу пробиться внутрь. Он достал чемодан и начал собираться. «Никто не виноват, просто так случилось», — сказал он, бросая свои носки и нижнее белье в чемодан. Он взглянул на меня, прищурившись: «Это не было задумано специально», — сказал он мягко, продолжая упаковывать одежду.

Слезы текли по моим щекам, но я была слишком подавлена, чтобы сказать хоть что — нибудь. Я оцепенела.

С того самого момента, как восемнадцать месяцев назад Йоко предложила мне пойти с Джоном, я должна была знать, что все решает она. По по мере того как наши отношения развивались, я позволила себе думать, что Джон изменился. Он перестал пить. Он поделился частью своей жизни с Джулианом. Он перестал быть затворником и снова научился быть с друзьями. И ОН ПИСАЛ ПЕСНИ. И все же в глубине души, хоть я и не желала признавать это, я знала, что Йоко всегда сможет заставить Джона делать то, что ей нравится.

Я должна была признать, что Джон смог уйти от меня в момент нашего наивысшего счастья. Правда была в том, что, чем ближе я становилась Джону, тем больше у меня было шансов потерять его. Это был момент триумфа Йоко, и я чувствовала себя униженной и обманутой. Не знаю, зачем я это сделала — не знаю до

сих пор — но я встала, подошла к телефону и набрала ее номер.

«Мои поздравления, Йоко, — сказала я ледяным тоном, когда она ответила. — Ты забрала Джона назад, и я уверена, что ты будешь очень счастлива.»

Ее ответ был сюрпризом. «Счастлива? Я не знаю, смогу ли я быть счастлива когда — нибудь», — сказала она с горечью. Я никогда не слышала, чтобы ее голос был таким тоскливым. Ее ответ потряс меня, а ее настроение было таким темным, что это мгновенно вывело меня из моего шока.

«Йоко, но разве не этого ты хотела?»

«Мэй, сейчас не время говорить об этом. Я позвоню тебе.»

«Я вернулась в гостиную и стала смотреть, как Джон заканчивает собираться. Когда он закончил, он взглянул на меня и улыбнулся.

«Расскажи мне о лечении», — попросила я.

«Это было ужасно.»

«Почему же лечение было таким ужасным?»

«Я не знаю. Это было как примальная терапия.»

«ПРИМАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ?» — я задохнулась.

«Меня тошнило все время. У меня все кишки выворачивало наизнанку. Потом я засыпал, а когда просыпался, они снова проделывали это со мной.»

Я не могла поверить своим ушам. Меня саму начало тошнить. На мгновение мне почудилось, что я оказалось в каком — то научном триллере, потом у меня мелькнула мысль, что я сама могу обратиться к другому гипнотизеру или примальному терапевту. Потом я осознала, как это глупо. Я знала, что, чтобы там ни сказал или ни сделал этот «гипнотизер», он затронул что — то очень глубокое в Джоне, что — то ИЗНАЧАЛЬНОЕ. Детские страхи Джона снова вышли на поверхность. Меня бесила эта его инфантильная сторона. Это было для меня самым трудным: осознать, что Джон снова хочет быть ребенком, ребенком, о котором заботится очень строгая мама. «Когда она сказала тебе, что ты можешь вернуться?» «Просто это случилось.» Он нервно взглянул на меня, на его лице было замешательство. «Я не знаю… просто так случилось. Никто этого не хотел… Все произошло само собой.» Он смутился еще больше. Потом беспомощно посмотрел на меня. «Просто так случилось», — снова повторил он. Хоть я и была в

бешенстве, но я так любила Джона, что его замешательство еще больше расстроило меня. Мне было плохо, оттого что Джон бросил меня, но я бы чувствовала себя немного лучше, если бы у него была хотя бы ясная причина поступить так. «А как же мы, Джон?» «Что ты имеешь в виду?» «Как же наша любовь, наша близость? Когда это кончилось?» «Я по — прежнему люблю тебя. Я очень люблю тебя.» «Джон…» Я громко зарыдала и не могла больше говорить. «Йоко знает, что я по — прежнему люблю тебя. Она разрешила мне продолжать видеться с тобой. Она сказала, что может быть женой, а ты можешь оставаться любовницей.»

Пока я была с Джоном, в моей голове толклось столько мыслей, к которым я не хотела прислушиваться. В этот момент у меня мелькнула мысль, что мы трое, вероятно, сумасшедшие.

Джон внезапно вскочил и пошел к своей куртке.

«Чуть не забыл. Йоко прислала тебе подарок.» Он достал из кармана два маленьких флакона и положил один мне на ладонь. «Один для тебя, а другой — для меня». Я уставилась на свой пузырек. Джон открыл его. «Я должен немного помазать тебя.» Он вылил немного жидкости себе на пальцы, а затем провел ими по моей шее. Запах был ужасным. «Понюхай мой», — сказал он. Он открыл свой флакон. Запах был приятным. Я закрыла свой пузырек — я знала, что в нем что — то ужасное — и отшвырнула на другой конец стола.

Джон сел рядом со мной, взял мою руку и погладил ее. «Все будет хорошо, — сказал он. — Вот увидишь.»

Джон наклонился и поцеловал меня. «Я скучал по тебе. Я так скучал по тебе. Я так сильно люблю тебя.»

Я была разбита и напугана, я была в отчаянии. Я крепко прижалась к Джону, не желая терять его. Джон начал раздевать меня.

Мы занимались любовью, и мне казалось, что ничего не изменилось. Он сказал мне правду. Он по — прежнему сильно хотел меня.

Когда мы кончили, Джон зажег сигарету, и мы просто тихо лежали, лаская друг друга. Потом Джон сказал: «Теперь я должен идти домой.» Он поднялся, а я смотрела, как он одевается. «Не беспокойся, — сказал он, — не беспокойся ни о чем. Все у нас будет нормально, вот увидишь. Я позвоню тебе завтра.»

Он оставил меня лежать. Я была потрясена. Наконец

я встала и провела остаток дня наедине с собой. Я была в таком оцепенении, что не могла пошевелиться.

Время от времени звонил телефон. Всем, кто звонил, я спокойно отвечала, что Джон вернулся к Йоко и давала им номер Джона в «Дакоте». Все были со мной очень любезны. Когда мои подруги узнали новости, они все, как одна, предложили придти, если я хочу. Никто не хотел оставить меня в одиночестве, но я была так разбита, что не хотела никого видеть, даже моих друзей.

Позвонил Мик, и мы поговорили несколько минут. Потом я сказала: «Мик, я должна тебе кое — что сказать. Джон вернулся к Йоко.»

Последовало долгое молчание.

«Кажется, я потерял друга», — ответил он.

Этой ночью я была предоставлена самой себе. Я посмотрела телевизор, затем выключила его и попыталась заснуть. Как только я легла, моя паника начала расти. Джон оставил меня без работы, без квартиры и совершенно без денег. Джону, конечно, и в голову не пришло подумать об этом, — это было бы на него не похоже, да и я была слишком не в себе, чтобы думать о таких вещах. Я не хотела думать о них. Я была слишком подавлена своим одиночеством, тем, что случилось и страхом перед будущим. Надежда умирает последней. Какая — то часть меня верила, что Джон может вернуться. Я даже думала, что Йоко может отправить его назад. Но я знала, что с каждым днем пребывания в «Дакоте» ему становится проще остаться там, даже если он все еще любит меня.

Я была так расстроена, что не могла оставаться в нашей постели. Я вышла на балкон, хотя было холодно. Я взглянула на небо и стала смотреть на то место, где мы с Джоном видели НЛО несколько месяцев назад. Никогда еще я не чувствовала себя более одинокой. Я посмотрела вниз, на улицу. Я знала, что я — не тот человек, который может покончить с собой. Я была слишком разозлена. Я любила Джона. Но как я могла любить человека, который так плохо относится ко мне? Неужели я была просто ослеплена тем, что этот человек — Джон Леннон? Неужели я спутала с любовью то сексуальное влечение, которое было между нами? Я не могла притворяться, что все кончилось внезапно, как снег на голову. Я всегда знала, что Джон способен на все, что угодно, но когда это случилось, я чувствовала себя

так ужасно, как никогда не могла себе даже представить. И все же, даже в момент самого глубокого стресса, я не была удивлена. В глубине души я всегда знала, что мои отношения с Джоном были инициированы, контролируемы и, наконец, прерваны Йоко. Любить Джона — это значит принять тот факт, что может случиться ВСЕ, что угодно.

Хотя мне было очень плохо, я снова легла в нашу постель и постаралась уснуть. Ко мне все время возвращалась одна и та же мысль: несмотря на пережитые мной боль и ужас, я, будь у меня возможность, повторила бы все заново.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда я проснулась во вторник, все было по — прежнему. Я была одна и чувствовала себя ужасно. В то утро я решила сделать две вещи, которых боялась. Я встала, выпила чашку чая и оделась. Потом я пошла поискать книги о гипнозе, хотя знала, что выяснить точно, был ли Джон загипнотизирован, мне не удастся. Вернувшись с книгами, я стала читать и узнала, что в состоянии гипноза человека легко можно заставить переживать заново свое прошлое. До этого мне было непонятно, почему Джону это напомнило первичную терапию, которая тоже уводит пациента в его прошлое. Я также узнала, что гипнозом невозможно заставить человека делать то, чего он не хочет делать. То, что произошло с Джоном во время «лечения», могло вернуть его в прошлое — к источнику его тоски, а потом могло быть предложено какое — нибудь специфическое решение — например, вернуться к Йоко. Но если все так и было, мне приходилось осознать, что в Джоне было что — то, что приняло это предложение.

Мне неприятно признавать это, но Джон был как ребенок. Он не хотел признавать тот факт, что не все, что ему нужно, может быть исполнено, и он вернулся в ту среду, в которой все, что ему нужно, будет делаться за него. У меня было подозрение, что со временем его жить будет становиться все проще и проще. Это было ужасно, но Джон чувствовал себя спокойней, если его жизнь, по большей части, была, как у ребенка.

Я закрыла книги, вновь осознав, что не мне противостоять импульсивности Джона и не мне тягаться по части стратегии с Йоко.

Оставалась еще одна вещь, которую я хотела сделать. После обеда я встретилась с одной своей подругой, говорившей по — испански, и мы вдвоем сходили в «ботанику» — магазин лекарственных трав, — чтобы выяснить значение «подарка» Йоко. Моя подруга показала тот флакон женщине за прилавком. Та открыла его, понюхала, зажмурилась и быстро закрыла. Потом она что — то сказала по — испански.

«Ты должна это выбросить прямо сейчас, — перевела моя подруга. — А то тебе будет плохо!»

«Что это?» — спросила я.

Мне сказали, что мои «духи» были смесью из серы, корня лука и чилийского порошка.

«Она говорит, что тот, кто дал это тебе, должен здорово тебя ненавидеть», — перевела моя подруга.

«Спроси ее, какая жидкость пахнет розой», — сказала я.

Мне сказали, что комбинация из розы, жасмина, гардении и лимонного масла дает жидкость, которую эта женщина назвала «Иди ко мне». Она может быть использована для усиления сексуального возбуждения.

«Это невероятно мощное средство», — перевела моя подруга.

* * *

Вернувшись домой, я сразу же вылила подарок Йоко в унитаз. Через несколько минут позвонил Джон.

«Как ты?» — спросил он.

«Прекрасно, как и следовало ожидать, Джон.»

«С тобой в самом деле все в порядке?»

«Нет, на самом деле со мной не все в порядке.»

«Я позвоню тебе попозже.»

В тот день он позвонил еще четыре раза. Во время последнего короткого разговора он попросил меня придти в «Рекорд Плант» — закончить работу над «Рок — Н-Роллом».

Я была очень смущена. Джон так хотел, чтобы я продолжала работать, и, не смотря на все, что я знала, я хотела быть с Джоном и работать с ним. Единственное, что я твердо усвоила, это сколько бы ты не учился, сколько бы ты не узнавал, ты можешь по — прежнему ничего не знать.

Когда на следующий день я пришла в «Рекорд Плант», Джон заулыбался. Он подбежал и начал целовать меня, а потом вдруг замер. Казалось, что он слышит в себе голос, говоривший ему остановиться. Он постоял одно — два мгновения, борясь с собой, а потом снова поцеловал меня.

Теперь в моей жизни были два Джона. Первый был со мной очень заботлив и ласков. На протяжении двух месяцев мы два — три раза в неделю работали вместе, после чего шли ко мне и занимались любовью. Как только мы кончали появлялся другой Джон —

чрезвычайно нервный. Он вскакивал, быстро принимал душ и одевался, а потом, снова надушившись розовыми духами, говорил «До встречи» и уходил.

Я понимала, что Джон, что бы Йоко ни говорила ему, не хотел, чтобы она знала, что он все еще встречается со мной.

Этот второй Джон был ужасен. Через несколько дней после нашего официального разрыва, когда мы лежали в постели, он повернулся ко мне и сказал: «Мы с Йоко хотим объявить через прессу, что мы снова вместе.»

Он посмотрел на меня, ожидая моей реакции, как обычно он ждал моего мнения о том, как смикширована вещь или каков макет конверта пластинки. Я не могла поверить в то, что он действительно ждет моего одобрения его заявления в прессе, и молчала. Но он, волнуясь, смотрел на меня и ждал ответа.

«По — моему, это прекрасно», — сказала я наконец.

«Хорошо.» Он улыбнулся, довольный моим положительным отношением.

Его нечуткость поразила меня. Будучи сам таким чувствительным и ранимым, он отказывался понимать, как меня мог ранить подобный разговор. Этот материал появился в «Ньюсуике» через несколько дней.

В начале следующей недели мне потребовалось согласовать с Джоном дату выхода в свет рекламной копии «Рок — Н-Ролла», прежде чем оформить авторские права, и я позвонила ему в «Дакоту».

К телефону подошел тот, другой Джон. «Никогда не звони сюда больше!» — закричал он. — Да что это с тобой такое?» После этого он бросил трубку.

Ближе к середине недели другой Джон позвонил и сказал, что придет с ассистентом Йоко, Джоном Хендриксом, который поможет ему переехать. Джон уже забрал всю свою одежду, и я не представляла, что еще ему могло потребоваться. Когда он пришел, я спросила: «Джон, что еще ты собираешься забрать?»

«Я не собираюсь забирать мебель, — сказал он очень нервно, — пока ты не найдешь себе другую квартиру. Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь», — добавил он быстро. Он не предложил мне помочь подыскать квартиру, ему не пришло в голову и то, что, поскольку у меня не было денег, я не могла никуда переехать вовсе. Казалось, он забыл, что я отказалась от своей старой квартиры — той, которая была мне по карману, — по его

настоянию. Джон сказал Хендриксу, что, как только я перееду, он отправит грузчиков перевезти его пианино, проигрыватель и письменный стол обратно в «Дакоту».

Джон отправился в спальню. Он вытащил кожаные штаны, которые купил мне. «Они мне подходят. Я их возьму.» Он передал их Хендриксу. Затем он прошелся по комнате, разыскивая другую мою одежду, которая могла бы подойти ему, и которую он мог бы забрать, однако он ничего не нашел. Потом он направился к комоду и начал рассматривать футболки; мы договорились делить их поровну между нами. Он передал Хендриксу то, что ему приглянулось. Когда он закончил, он отправил Хендрикса обратно в «Дакоту».

«Я дам тебе немного денег», — сказал он мне, после того как Хендрикс удалился. Он взглянул на меня умоляюще, ожидая, что я сама попрошу у него денег. Я знала его достаточно хорошо, я знала, что он чувствует, насколько расстраивает и нервирует меня обсуждение с ним денежной проблемы. Он знал меня очень хорошо, он знал, что для меня важно было оставаться честной в этом вопросе. Для меня было просто невозможно просить у него денег.

«Ты же знаешь, что я не могу просить у тебя денег. Я просто не могу», — сказала я ему.

Я думала, что Джон скажет: «Мы значили много друг для друга. Я знаю, что тебе трудно. Я хотел бы немного облегчить твою жизнь за то, что ты отдала мне восемнадцать месяцев своей жизни, ведь я возвращаюсь в «Дакоту», а тебе придется начать все сначала. Это только честно с моей стороны помочь тебе. Мы всегда будем друзьями, так почему бы мне не сделать твою жизнь немного легче…» Однако Джон не хотел ничего делать для меня. Он вел себя так, словно это было очень важно для него — сделать для меня как можно меньше. Джон не хотел ничего для меня сделать просто для того, чтобы доказать самому себе, что я жила с ним не потому, что он — Джон Леннон, а потому что действительно любила его. Только это его и волновало. Я вынуждена была принять тот факт, что человек, с которым я легла в постель в этот день, был человеком, относившимся ко мне во многом просто ужасно. Этот второй Джон хотел спать со мной, хотя его не волновало, казалось, то, что я могу оказаться на улице.

«Ты много работаешь с Джоном, заменяя целую

армию ассистентов и экономя ему деньги. Ты можешь оставаться его подругой, но теперь ты заслуживаешь зарплату за свою работу», — сказал мне Гарольд Сидер несколько дней спустя.

«Я не могу просить его о чем — либо, — ответила я. — Это не в моем характере.»

«Тогда позволь это сделать мне». Гарольд поговорил с Джоном и Йоко, и они пришли к соглашению: мне позволяют работать за 15000 долларов в год, но не платят за ту работу, которую я делала за эти восемнадцать месяцев. Это были достаточные деньги для того, чтобы начать подыскивать себе квартиру. Мне не терпелось заняться этим.

Пролетел месяц, и однажды, ближе к концу февраля, через месяц после нашего расставания, как только мы кончили заниматься любовью, второй Джон снова показал себя.

«Я должен попросить тебя об одном одолжении. Йоко хочет, чтобы мы впервые появились вместе публично на присуждении «Грэмми». Ты тоже собираешься пойти туда?»

«Да.»

«Если бы мы были вместе, мы не пропустили бы такого события, ведь ты это знаешь, так?» — закричал он.

«Да.»

«Но теперь мы не вместе, поэтому не думаю, что ты должна идти туда.»

«Да, меня нет с тобой, Джон, но когда я была одна, я всегда ходила на такие шоу.»

«Почему ты так хочешь пойти? Ты думаешь, что это поможет твоей карьере? Ты думаешь, что завяжешь там новые знакомства?» — Джон уже орал во весь голос.

Я села и уставилась на него.

«Ведь ни я, ни ты не думаем этого, так? Ты действительно веришь в это или просто повторяешь то, что тебе вбили обо мне в голову? Скажи мне правду, — закричала я, — ты действительно веришь в то, что присуждение «Грэмми» подтолкнет мою карьеру?»

Джон смотрел на меня. Он выглядел смущенным. Я не выносила этого выражения, появлявшегося на его лице.

«Скажи мне правду», — закричала я достаточно громко для того, чтобы пробиться сквозь его смущение.

Внезапно он заплакал.

«Ты не можешь больше кричать на меня, Джон.»

«Пожалуйста, не ходи туда», — сказал он тихо.

Я не пошла.

В феврале 1975 года наконец вышел альбом «Рок — Н-Ролл», работа над которым началась полтора года назад. Эта пластинка стала конкурировать с «Корнями» — записью, выпущенной Моррисом Леви. Джон был разочарован реакцией критики и продажей. Было продано около 340000 копий «Рок — Н-Ролла» («Стены и Мосты» разошлись в 425000). Последним альбомом Джона для «Кэпитол» должна была стать коллекция хитов «Shaved Fish» («Бритая Рыба»), и, хотя он писал песни для нового альбома, когда был со мной, Джон не будет записываться на протяжении последующих пяти лет.

В начале марта я готова была начать поиски новой квартиры. Я просмотрела множество квартир и наконец нашла подходящую недорогую симпатичную однокомнатную квартиру в Верхнем Ист — Сайде.

Джон был очень рад, когда я рассказала ему о квартире.

Ты можешь оставить себе кровать и диван, — сказал он, — для начала.»

Я засмеялась.

«Что в этом смешного?» — спросил он.

«На диване спал Джулиан, а на кровати — я, не удивительно, что они не подходят к декору Дакоты.»

«Я делаю все, что могу, Фанг Йи, — сказал он мягко, — это все, что я могу сделать.»

«Я знаю», — ответила я.

«После того как ты переедешь я пришлю грузчиков за остальной мебелью и телевизором.»

«Тебе действительно нужен телевизор? У тебя же их семь.»

«Мне нравится именно этот.»

«Джон, у меня на самом деле нет денег на новый телевизор.»

«Ты можешь пользоваться этим, пока не переедешь.»

Джон пристально посмотрел на меня. Я почувствовала, что это важно для него — показать, что он может забрать его назад; в конце концов он так и сделал.

В течение всего марта я продолжала видеться с

Джоном. В апреле меня отправили в Лондон работать в офисе «Эппл». Не было серьезной причины отправлять меня туда, и я почувствовала, что Джону сказали отправить меня из города. В Лондоне у меня была приятная встреча с тетей Джона, Мими Смит.

Вернувшись в Нью — Йорк я около трех недель не видела Джона, только разговаривала с ним по телефону. В его голосе всякий раз чувствовалось какое — то напряжение, и говорил он вполголоса.

Потом он пришел в мой офис в «Кэпитоле». «Пойдем прогуляемся, — сказал он. — Выпьем по чашечке кофе.»

Зайдя в ближайшее кафе, мы сделали заказ, и Джон сказал:

«По — моему, ты больше не можешь там работать.»

«Джон, я ждала этого. когда ты хочешь, чтобы я перестала приходить в офис?»

«Сейчас. Мне очень жаль, но тебе больше нельзя здесь работать.»

«Я вполне могу найти другую работу.»

Он посмотрел на меня смущенно. «Это все, что я могу сделать, Фанг Йи. Я действительно хочу помочь тебе, но ты же знаешь, что я не могу.»

«Джон, я достаточно хорошо знаю тебя, чтобы понять, что это — действительно все, что ты можешь сделать.»

Несколько минут мы помолчали. Потом Джон сказал: «Йоко беременна.» Помолчав, он добавил: «Мы почти никому об этом не говорим.»

Я не нашлась, что сказать ему.

«Это должен быть мальчик», — сказал он.

«Еще один сын! Как ты хочешь назвать его?»

«Не знаю. Единственное, что мне пока приходить в голову — это Парис.»

«Парис?»

«Да.» Потом Джон вдруг спросил: «Ты не хотела бы, чтобы это был твой ребенок?»

«Что ты хочешь этим сказать?»

«Ты могла забеременеть, чтобы удержать меня.»

«Это ты так думаешь, или тебе это сказали?»

Джон смутился.

«Да, ты прав, — ответила я. — Но я всегда была осторожной. Я никогда не хотела обмануть или подловить тебя. Ты действительно думаешь, что я хотела подловить тебя?»

«Нет, конечно нет, Фанг Йи.»

«Ты не должен верить ничему из того, что тебе говорят.»

Джону стало очень неловко, и, чтобы переменить тему, он спросил: «А какие у тебя новости?»

«У меня новый парень.»

«О.» Он улыбнулся. Это была улыбка, которая скрывала его настоящие чувства. Я знала, что ему это не нравится. «Расскажи мне о нем.»

«Он играет на басу. Я познакомилась с ним в «Доме». Он — ирландец.»

«Ирландец.» Джон, похоже, был недоволен.

«Джон, мне не хочется быть одной, а он хорошо относится ко мне.»

«Ричард Росс хочет встречаться с тобой.»

«Я не хочу встречаться с Ричардом.»

«Но он симпатичный и у него есть деньги.»

«Джон, не старайся сводничать. У тебя это не так хорошо получается, как у Йоко.»

«А как насчет Мика? Он тоже хочет встречаться с тобой. Ты ему очень нравишься…»

«Мне вполне хватит в жизни одной суперзвезды.»

Выпив кофе, мы пошли по Парк — авеню.

«Я слышал о Пите Хэме», — сказал Джон. Я немного встречалась с Питом Хэмом в 1971 году, когда он был членом «Бэдфингер», и мы оставались друзьями все эти годы. У Пита были неудачи, и он впал в глубокую депрессию. Несколько недель назад его нашли повесившимся в своем гараже в Лондоне. «Я хотел позвонить тебе, но не знал, что сказать. Мне было очень жаль его. Я чувствую себя виноватым в том, что плохо обращался с ним. Боже, не могу поверить в это.»

Джон всегда раскаивался, когда было уже слишком поздно.

«Люди потеряли интерес к Питу, им было все равно — жив он или умер, — сказала я Джону. — Я видела Пита, когда была в Лондоне, и видела, как из — за безразличия окружающих он теряет волю к жизни. Когда люди относятся к тебе так плохо, то это непростительно.»

«Это непростительно.»

«Я думаю, что лучше поступать правильно, чем игнорировать все окружающее только потому, что тебе не хватает смелости сделать то, что должно быть

сделано, чем чувствовать потом свою вину.»

«Все, что я могу сделать, это сказать тебе правду. Я попрежнему думаю о тебе. Я очень скучаю по тебе.»

«Я знаю.»

Мы в молчании прошли несколько кварталов.

«Пойдем куда — нибудь, где мы сможем быть одни», — сказал Джон.

Мы не могли пойти в мою новую квартиру, потому что я жила вместе с подругой, и Джон предложил пойти посмотреть нашу старую квартиру. У него все еще были ключи от нее.

Несмотря на все, что я только что сказала ему, и была зла на него, я не могла отрицать, что все еще люблю его и хочу быть с ним.

Квартира была совершенно пуста, только зеркала висели. Всего около месяца, как я съехала отсюда, но, казалось, прошла вечность с тех пор, как я здесь жила.

«Я хочу забрать эти зеркала, — сказал Джон, — но не могу. Думаю, я подарю их кому — нибудь.»

«Кому же ты их подаришь?»

«Не знаю.»

«Тебе никогда не приходило в голову, что мне они тоже могут нравиться? Джон, меня удивляет, как тебе трудно думать обо мне.»

«Ты знаешь, почему это трудно, не так ли?»

«Да, Джон. Думая обо мне, ты чувствуешь свою вину. Так зачем же тогда думать?»

Он смутился.

«Джон, у меня новая квартира, новый друг, а ты — дома, у тебя будет ребенок. Жизнь продолжается для нас обоих, и я надеюсь, мы всегда будем друзьями, как бы трудно нам ни было.»

Он обнял меня и нежно поцеловал.

Остаток того дня мы провели там, занимаясь любовью. Уходя, я последний раз взглянула на этот дом. Мне не хотелось больше возвращаться сюда, считая, что эта часть моей жизни закончилась. Тогда я и не предполагала, что на протяжении следующих трех лет, не смотря на всё большие трудности, мы с Джоном будем продолжать встречаться при каждом удобном случае.

* * *

Хотя пока у меня были средства на жизнь, я решила, что пора заняться реальной работой. За предыдущие восемнадцать месяцев я получила официальное признание за время работы над «Mind Games», «Pussy Cats», «Walls And Bridges» и «Rock — N–Roll» и многому научилась. Я была готова к работе в любой крупной компании звукозаписи.

После двух недель отказов один мой знакомый, работавший в этой сфере, сказал: «Давай, пойдем перекусим.»

«Слушай, — заговорил он, когда мы сели за столик, — по всем компаниям ходят слухи о тебе. У Джона кончается контракт с «Кэпитол». Все хотят теперь подписать с ним новый контракт и болтают, что он не пойдет туда, где работаешь ты. Не знаю, кто пустил этот слух, но, как мне ни жаль, Мэй, похоже, ты в черном списке.»

* * *

Вскоре Джон дал большое интервью журналу «Роллинг Стоун». Меня там не упоминали, чему я была рада. В этом интервью Джон сказал, что они с Йоко встретились за кулисами на концерте Элтона, и что эта встреча была неожиданной. Он сказал, что они молча смотрели друг на друга, в то время как их бешено фотографировали, и всем вокруг было ясно, что они очень любят друг друга.

Я знала, что ничего этого на самом деле не было, — так же, как и Джон. У меня не укладывалось в голове то, что он не хотел играть в открытую со мной, публикой, с самим собой; неужели он действительно хотел говорить всю эту ложь.

Через несколько дней он позвонил мне и сказал: «Ты знаешь, я говорил с прессой. Мне пришлось там кое — что сказать. Думаю, ты поймешь это.»

«Я понимаю, — холодно ответила я. — Я все прекрасно понимаю.»

В тот период Джон продолжал звонить мне один — два раза в неделю. Эти разговоры были напряженными и торопливыми. Я была очень расстроена тем, что мне все не удавалось найти работу. Во время переговоров с представителями фирм грамзаписи я видела, как они

нервничают. Мне не хотелось работать в другой сфере, но со временем становилось ясно, что, видимо, придется, и от этого я еще больше злилась на Джона и Йоко.

Как — то днем я позвонила Джимми Йовину, и он пригласил меня в «Эшли» — популярный музыкальный клуб на Нижней Пятой авеню.

Я отправилась в «Эшли» с двумя подругами. Когда я подходила к ресторану, какой — то человек вышел оттуда и прошел мимо меня. Мне показалось, что это Джон. «Джон… Джон», — позвала я.

Это действительно был Джон. Он подбежал и обнял меня за плечи. «Куда ты идешь?» — спросил он.

«Я здесь встречаюсь с Джимми Йовином.»

«Я с Альбертом Бруксом. Мы едем домой к одной девице.»

Он выглядел виноватым.

«Можешь не объяснять. Я тебе не жена и больше не подруга. По мне — иди куда хочешь.»

«Я вернусь за тобой. Не уходи. Обещай, что ты не уйдешь, пока я не вернусь.»

Я посмотрела на него скептически: «Увидимся, Джон».

Джон пошел к своему лимузину. Прежде чем сесть в него, он обернулся и позвал меня: «Не забудь, подожди меня.»

«Ладно, ладно, Джон. Я буду ждать тебя внутри», — ответила я и вошла в ресторан.

В то время я плохо спала по ночам: как только я ложилась в постель, я начинала думать о своем будущем. Вместо того чтобы возвращаться домой, я попросила Джимми отвезти нас с подругами в «Брассери». Там я столкнулась с Ричардом Россом, владельцем «Дома». Ричард был всецело поглощен Джоном; Джон был первым, о ком он начинал говорить.

«Мне сказали, что Джон искал меня в «Доме», но я упустил его», — сказал мне Ричард.

«Я видела его в «Эшли», — ответила я.

«Правда?»

«Правда.»

«Что ты делаешь сейчас?»

«Просто не хочу ехать домой.»

«Поехали, покатаемся.»

Мы отправились в Уэстчестер в его новенькой элегантной спортивной машине и позавтракали. Я

вернулась домой только к восьми утра. Стоило мне начать раздеваться, зазвонил телефон.

«Алло?»

«Фанг Йи, где же ты? — закричал Джон. — Я должен тебя обнять. Я вернулся за тобой, а тебя нет. Мне так плохо. Я думал, что потерял тебя.»

Я расписала ему по минутам, как провела эту ночь.

«Я должен тебя видеть. Я сейчас же хочу видеть тебя. Я чувствую себя ужасно. Мне плохо.»

«Где ты находишься?»

«Я в отеле «Дрэйк». В номере Альберта Брукса. Ты можешь приехать ненадолго? Я так скучаю по тебе.»

Зная, что ни один психиатр не поверил бы в нашу историю, и что я сама не поверила бы в нее, если бы мне рассказал ее кто — нибудь другой, но зная и то, что я люблю его и хочу быть с ним, я помчалась в «Дрэйк».

Как только Джон увидел меня, он поднял меня на руки, отнес меня на диван и уткнулся головой в мои колени. Брукс, как я поняла, спал в соседней комнате.

«Мне плохо, потому что я скучаю по тебе, — сказал Джон. — Я скучаю по тебе день и ночь. Фанг Йи, я не могу забыть тебя. Просто не могу. Ты нужна мне.»

Мы долго сидели молча в объятиях друг друга. Потом занялись любовью на диване. Когда кончили, я сказала: «Мне надо идти. Надо кое — что сделать.»

«Я не хочу, чтобы ты уходила.»

Неожиданно я осознала, что мне нужно жить своей собственной жизнью, хоть я все еще и любила Джона. Я подошла к двери и сказала: «Мне надо идти, Джон». Я не узнала собственного голоса.

Не оглядываясь, я вышла из номера.

* * *

После этой встречи Джон снова начал звонить мне два — три раза в неделю. Эти звонки были еще более напряженными и торопливыми. В это время наш общий друг Ричард Росс попал в больницу — у него была болезнь Ходгкина, и ему должны были пересадить селезенку и провести химиотерапию. Когда позвонил Джон, я сказала ему о Ричарде. «Черт, — сказал он, — не хочу, чтобы кто — то, кого я знаю, попадал в такую историю и оставался без моей помощи. Но как я объясню

Йоко, откуда я знаю про Ричарда? Подожди — ка минутку, я могу сказать, что кто — нибудь позвонил в офис, и я узнал оттуда. Что — нибудь придумаю.»

«Думаю, что, если ты сможешь, ты должен придти повидать Ричарда.»

«Я так и сделаю.»

Когда я пришла навестить Ричарда, я была шокирована его видом. Из — за химиотерапии у него выпала добрая половина волос, и он был ужасно истощен. Мы немного поговорили, и потом Ричард сказал, что Джон уже едет сюда. Когда Джон приехал, он тоже был потрясен видом Ричарда.

Мы с Джоном продолжали видеться в больнице. После этих визитов мы вместе гуляли по улицам. Я поняла, что моя злость на Джона прошла. Как всегда, нам было очень хорошо друг с другом. Мы были счастливы вместе. Нам хотелось найти какое — нибудь пристанище. Наша старая квартира была сдана, в моей мешала моя напарница, а своей кредитной карточкой Джон пользоваться боялся, потому что Йоко просматривала его счета, а наличными давала лишь на мелкие расходы. Мысль о том, чтобы завести тайную кредитную карточку или счет в банке, наводила на Джона панику. Таким образом, он ничего не предпринимал и плыл по течению.

В конце нашего очередного визита к Ричарду он, несмотря на свою болезнь, сказал нам: «По — моему, вам нужно место. Я уже устал от этой кровати — пойду прогуляюсь.»

«Ричард, ты уверен, что с тобой будет все в порядке?»

Ричард медленно выполз из кровати:

«Со мной все будет просто чудесно.»

Он вышел из своей палаты и закрыл за собой дверь.

Мы с Джоном забрались на кровать Ричарда и занялись любовью. Пусть это кажется безумным, но это было единственное место, где мы могли быть вдвоем.

В течение трех следующих недель мы с Джоном продолжали встречаться в больнице, где Ричард оставлял нас двоих в нашем «месте».

Когда Ричард вернулся домой, он естественным образом предложил быть нашим секретным агентом, устраивая у себя наши свидания.

В любой момент мог зазвонить телефон:

«Мэй, это Ричард.»

«Привет.»

«Друг звонил.»

«Да ну?»

«Он собирается зайти; хочет повидать тебя.»

Джон объяснял Йоко свое отсутствие тем, что навещает своего выздоравливающего друга Ричарда. Позднее Синтия Росс обнаружила, что у Джона с Ричардом были свои планы. Когда они уезжали вместе на некоторое время в Новую Англию, Ричард навещал свою собственную подругу.

Мы продолжали встречаться дома у Ричарда два — три раза в неделю. Поговорив несколько минут, Ричард уходил и оставлял нас вдвоем. Мы стали очень близки тогда, во время этих встреч. Мы много говорили друг с другом, и наша страсть еще больше возросла, возможно, еще и от того, что мы теперь не жили вместе постоянно. Лишь иногда по лицу Джона проскальзывало выражение пустоты и смущения, и он становился очень тихим. К счастью, эти зомбические моменты случались нечасто. Они меня очень нервировали. Иногда Джон заговаривал о своем предстоящем отцовстве. Ему особенно хотелось, чтобы ребенок родился под созвездием Скорпиона.

«Ты — Скорпион, — напоминал он мне то и дело. — Скорпионы — особенные люди.»

Джон говорил мне, что хочет воспитывать этого ребенка не так, как был воспитан Джулиан.

«Йоко сказала мне, что если она пройдет через ад этих девяти месяцев, то мне предстоит заботиться о ребенке с самого начала. Она отказывается выполнять роль матери просто потому, что этого требует от женщин общество.»

Однажды Синтия Росс сказала мне в разговоре: «Джон сказал, что ребенок должен родиться в начале ноября.» «Держу пари, он родится в день рождения Джона, — ответила я. «Но тогда это будет на месяц раньше.» «Тем не менее, держу пари, он родится 9 октября.» Я была уверена, что, когда родится ребенок, мы с Джоном перестанем встречаться. И оказалась права в обоих случаях. Шон родился 9 октября, и Джон перестал звонить.

Наступило Рождество, и я поняла, что от Джона ничего не было слышно уже больше двух месяцев. Я ненадолго съездила во Флориду, а когда вернулась,

швейцар сказал мне, что Джон разыскивал меня.

Пока меня не было Джон и Йоко отправились пообедать с Тони Кингом и Эллиотом Минцем. Неожиданно Джон повернулся к Йоко и начал кричать: «Я хочу Мэй! Я хочу Мэй! Я хочу Мэй! Я не хочу тебя!» Он становился все более возбужденным. «Приведите мне Мэй. Приведите мне Мэй.» Его было невозможно успокоить. Он показал на Йоко и отвернулся: «Увезите ее домой. Я не хочу ее! Увезите ее домой!» Тони увез Йоко из ресторана, пока Ричард Росс и Эллиот отправились разыскивать меня вместе с Джоном.

Неделю спустя я зашла к Эшли с парой друзей. У Эшли было два этажа. Внизу был ресторан, а наверху — дискотека и бар. Мы решили пойти в бар и стали подниматься по лестнице. Поднявшись наверх, я нос к носу столкнулась с Джоном. Джон улыбался, и я почувствовала, как уголки моих губ тоже стали растягиваться сами собой.

«О, привет», — сказала я.

«Привет.»

Джон повернулся и быстро вошел обратно в переполненный народом зал. Мы подошли к пустому в это время бару. Над ним было зеркало, в котором я могла видеть отражения Джона и Йоко, сидевших за столиком в углу вместе с Питером Бойлом и его подругой, Лорэйн Олтермэн. Глаза Йоко были прикованы ко мне. Мы заказали выпить. Вскоре Джон подошел и сел рядом со мной. Я была удивлена такой недипломатичностью. Джон должен был знать, что, подходя ко мне, огорчает одновременно и Йоко, и моего парня. Внимание Джона смущало меня, и мне не хотелось расстраивать своего друга, но я никогда не могла отшить Джона. Мне было очень неудобно.

«Я разыскивал тебя, — прошептал Джон, — знаешь, я действительно не хочу, чтобы ты была с ним. Мне кажется, что он не подходит тебе. Он злится на меня.»

Джон был прав. Мой парень злился и на меня тоже.

Мы поговорили еще несколько минут. Время от времени я поглядывала в зеркало. Йоко не сводила с меня глаз. Потом Джон сказал: «Я должен вернуться». Когда он ушел, я увидела его в зеркале и заметила, как взгляд Йоко уперся в мою спину. Через десять минут он снова подошел ко мне. «Я хочу напомнить тебе: что бы ты ни читала в газетах — то, что я говорю о том

времени, когда мы были вместе — это вещи, которые я вынужден говорить. Ты знаешь, что я на самом деле чувствую к тебе. И ты знаешь, почему я должен все это говорить», — сказал он.

И снова я ничего не ответила. Каждый раз, когда я читала эти интервью о «потерянном уикэнде» Джона, я страдала. Но я знала, что Джон больше думает о том, как угодить Йоко, чем о моих чувствах. Я знала: что бы я ни сказала, это ничего не изменит.

Я взглянула в зеркало. Йоко шепталась со своими спутниками. Потом Бойл встал, подошел к бару и сел рядом с Джоном.

Если Питер был послан, чтобы привести Джона обратно за столик, то он быстро передумал. Он сказал: «Думаю, вам здесь веселее, чем мне там, за столиком.»

Питер был очень остроумен, и мы все вместе посмеялись. Неожиданно подошел Эшли Пэндел, владелец ресторана, — поговорить с Джоном; Джон встал и пошел за ним. Потом Джон вернулся — он был очень возбужден. Он не обратил на меня внимания и стал шептаться с Питером. Питер встал и отправился вслед за Джоном.

Через несколько минут Лорэйн поднялась из — за столика, чтобы отыскать их обоих. Было ясно, что она не желает со мной разговаривать, хотя она была очень любезна, пока я была с Джоном. Йоко осталась за столиком одна и продолжала таращиться на меня. Потом Лорэйн вышла из задней комнаты, пошепталась с ней, и они вместе ушли.

Я не хотела больше оставаться там к тому времени, как они вернулись за столик. Совершенно неожиданно после того как Джон бросил вызов Йоко, поговорив со мной, он исчез при первом же легком подстрекательстве Эшли, и все дурные предчувствия и сомнения снова вернулись ко мне. Я вдруг поняла, что людям, которые бросают пагубную привычку к наркотику сразу и проходят через страшную ломку легче, чем людям, которые отвыкают постепенно. Каждый раз после того как я встречалась с Джоном я чувствовала себя кошмарно. Я повернулась к своему парню и сказала: «Для одного вечера волнений вполне достаточно. С меня хватит. Пошли.»

Когда мы уходили, одну из песен БИТЛЗ проигрывали на вертушке. Когда мы садились в машину

по радио играла «Mind Games». Зайдя в лифт моего дома я сказала: «Слава богу, хоть здесь не играет этот музон!»

Мой парень сказал: «Я встретился с Джоном Ленноном, и мне не нравится все, что произошло сегодня вечером, но я ничего не могу с собой поделать: я тоже попался к нему на крючок.»

Вскоре снова стал звонить Ричард и опять рассказывать мне о «друге», который хочет меня повидать. Я должна была честно признаться себе: единственная вещь, которой я хотела больше, чем освободиться от Джона — это быть с ним. Пришлось проглотить много горьких пилюль: интервью, которые давал Джон, и то, что для меня настали тяжелые времена, и то, что самый могущественный в шоу — бизнесе человек не почесался один — единственный раз набрать номер телефона для меня, хотя он продолжал говорить, как он любит меня и как скучает по мне. И я проглотила их. Пока я была с Джоном, я была так счастлива, что решила забыть всю свою злость. Я тосковала по нему, я хотела быть с ним.

С февраля 1976 и до конца 1977 года мы встречались у Ричарда раз в два — три месяца. Как — то ночью Ричард позвонил и сказал: «Твой друг — в «Доме». Не можешь ли ты приехать?» Когда я приехала, Ричард ждал меня у входа. Он проводил меня по лестнице в квартиру над рестораном, где меня ждал Джон. Эти встречи неизменно походили одна на другую. Джон вспоминал о том, как весело было нам, когда мы были вместе. Мы рассказывали друг другу истории о том времени, начиная с того дня, когда впервые встретились в декабре 1970 года — шесть лет назад. Мы вспоминали и о тяжелых временах, не только о хороших. Казалось, Джону необходимо было напоминать самому себе о прошлом. Как будто ему было запрещено вспоминать меня, и он обходил этот запрет, разговаривая со мной об ушедших днях. Он не переставая говорил, как скучает по мне. Джон называл Йоко то «мать», то «мадам», но не рассказывал мне почти ничего о своей жизни с ней и Шоном, понимая, что это может причинить мне боль. Я же, со своей стороны, ничего не говорила ему о трудностях, с которыми сталкивалась в поисках работы. Я знала, что единственное место, где я смогу по — настоящему работать — это музыкальный бизнес.

* * *

Я подрабатывала временно, когда кто — нибудь из друзей нанимал меня в качестве консультанта во время рекламных кампаний или для разработки стратегий по маркетингу. В конце концов, в 1977 году я получила свою первую постоянную работу, с тех пор как Джон оставил меня. Меня взяли помощником президента компании «Айлэнд Рекордз».

Во время собеседования я удостоилась комплимента относительно своих рекомендаций. Человек, который брал меня, знал все о нашей связи с Джоном и понимал, почему у меня были трудности с работой.

«Ерунда, — сказал он. — Джон Леннон никогда не подпишет контракт с этой компанией, а я знаю, что вы сможете выполнять эту работу.»

Когда Джон ушел от меня, у него был период творческого подъема. Он активно записывал свою музыку и был настроен стать первоклассным сольным артистом. В противоположность, тот Джон, с которым я встречалась в последующие годы, похоже, был начисто лишен амбиций. Во многом он совсем не походил на того человека, с которым я когда — то жила. Он был способен концентрировать свое мнимание лишь на короткий период времени. Порой он просто сидел и смотрел на меня сквозь очки. Его дух, остроумие, проницательность как будто исчезли, и в нем не было никакой энергии.

Джон рассказывал мне, что Йоко постоянно говорила ему, что нет ничего страшного в том, что он не записывается. Она говорила, что ему ни к чему доказывать свою силу в музыке, потому что он и так наверху. Он хотел, чтобы я согласилась с ней, но я не могла.

«Я думаю, что твой дух умирает, если ты отказываешься учиться и расти.» Похоже, я сильно задела его. «Правда в том, Джон, как мне кажется, что ты — в глубокой депрессии.»

«Нет, нет. Почему ты так говоришь?»

Я, конечно, не могла ему ничего доказать.

В одном, впрочем, Джон был верен себе. Он стал еще более страстным, чем раньше — в этих встречах раскрывалось его глубокое неистовое сексуальное желание — такое же, как в начале наших отношений.

После того как мы кончали заниматься любовью, он крепко прижимал меня к себе и держал так долгое время. Наконец, скрипя сердце, нам приходилось каждому идти по своим делам.

Однажды он тихо сказал: «Я хотел бы продолжать всю ночь. Я хочу просыпаться утром вместе с тобой, как раньше. Но каждый раз ты должна уходить.»

Я залилась слезами и села. Мы оделись и поцеловали друг друга на прощанье. Никто из нас не сказал больше ни слова.

Как — то раз в начале 1977 года мне позвонил Марио Касциано, молодой поклонник Джона. Он только что обедал вместе с Джоном.

«Угадай, что он мне сказал, — спросил Марио. — Он закрывает свой офис в «Кэпитол» и перевозит все назад в «Дакоту». Джон сказал, что у них с Йоко «время очищения».

«Извини, не поняла», — сказала я.

«Я сам спросил его, что это значит. Он сказал, что это способ оборвать пуповину, связывающую его с прошлым. Он сказал, что они с Йоко повесили над кроватью кинжал времен Гражданской войны, чтобы он напоминал им о том, что они перерезали все связи с прошлым. Ты не поверишь, что они еще сделали. Йоко заставила Джона повесить также свою гитару, потому что музыка — часть прошлого Джона. Гитара должна напоминать ему, что он распрощался и с музыкой.»

«Это ужасно. Он говорил серьезно?»

«Вполне. После обеда он попрощался и со мной, потому что я — тоже часть его прошлого. Все, что он раньше любил, — отрубается.»

У меня и раньше было опасение, что после того как Джон ушел от меня, он позволил свести масштаб своей жизни до микроскопических размеров. Звонок Марио подтвердил мои наихудшие предчувствия.

* * *

Я еще раз встретилась с Йоко весной 1977 года. Меня пригласили на встречу с Хилари Джерардом, менеджером Ринго: Нил Аспинал попросил меня приехать в отель «Плаза» по окончании встречи в «Эппл». Я подошла к лифту отеля в тот самый момент, когда

Йоко выходила оттуда. Ее сопровождали двое верзил.

«Привет, Йоко. Ты сегодня прекрасно выглядишь», — сказала я храбро и направилась к ней.

«Привет, Мэй.» Она отступила назад в панике; я пошла за ней. Я не могла поверить своим глазам: она убегала.

«Ты прекрасно выглядишь», — повторила я.

«Ты тоже.» Она повернулась и поспешила прочь. Я поняла, что есть такие моменты, когда даже она может бояться: в этот момент я могла бы преследовать ее по всему залу, в лифте, в вестибюле и по всей южной части Центрального Парка.

Почему мне это никогда не приходило в голову раньше? Почему это никому не приходило в голову? Меня снова поразило то, что все позволяли ей полностью контролировать ситуацию. Только Гарольд Сидер осмеливался возражать ей.

Позже, в конце осени 1977 года я встретилась на публике одновременно и с Джоном, и с Йоко. Роберт Палмер, Спенсер Дэвид и я были приглашены все вместе на вечеринку к Роду Стюарту в «Реджинсе», и мы вместе приехали туда. Через несколько минут пришли Джон и Йоко. Они только что были на свадьбе Питера Бойла и Лорэйн Олтермэн, и Бойлы приехали вместе с ними.

Когда Джон и Йоко вошли в комнату, они столкнулись со мной носом к носу. Джон остолбенел и уставился на меня. Йоко многозначительно улыбнулась. Внезапно один деятель от шоу — бизнеса — организатор мелких концертиков, которого мы с Джоном едва знали, вышел вперед, буквально задвигая меня так, чтобы Ленноны не могли меня видеть. Поразительно, до какой степени люди хотели быть в фаворе у Джона и Йоко. Не было никакой причины у этого человека поступать подобным образом, кроме его собственной фантазии о том, что когда — нибудь, возможно, он будет иметь деловые отношения с Джоном, и что Йоко, «менеджер» Джона, вспомнит об услуге. Джона и Йоко усадили за стол как раз рядом с моим: мой стул стоял спинка к спинке со стулом Джона. Я стала пробираться к своему месту, но тот самый человек, который оттеснил меня назад, уселся на него и вызывающе уставился на меня. Все окружили Джона. Я попробовала протиснуться к нему — я просто хотела поздороваться с ним — но это было невозможно. Я увидела, как Джон смотрит на меня

поверх окружавшей его толпы. Очень скоро он поднялся и ушел.

Неделей или двумя позже, когда мы встретились дома у Ричарда, Джон сказал: «Когда я вошел в комнату, сперва не мог поверить своим глазам. Ты была первой, кого я заметил. Я был в ужасе. Я не знал, что делать. Я был так близко от тебя и не мог даже поговорить с тобой. Это сводило меня с ума. Мне пришлось убраться оттуда.»

Я тоже хотела в тот вечер поговорить с Джоном, и снова мне было напомнено о том, как тщательно Джон устраивал свою жизнь таким образом, чтобы даже это для нас было невозможно.

Мы с Ричардом Россом уже давно были друзьями. Я представила его Джону и подталкивала Джона к тому, чтобы они тоже стали друзьями. Отношение Джона к Ричарду всегда было одним и тем же: Ричард был «сейфом» — надежным и безопасным, готовым всегда услужить Джону. Ричард, казалось, был всегда благодарен мне за это.

Между 1976 и 1977 годами отношение ко мне Ричарда стало круто меняться. В течение тех двух лет, когда бы мы не говорили с глазу на глаз, единственным его разговором был Джон и то, насколько он ближе к Джону, чем я. «Я знаю Джона лучше, чем кто — либо, — непрерывно твердил он. — Я знаю, что он думает. Я знаю, чего Джон хочет. Джон ничего не делает, не сказав сперва мне.»

Однажды Ричард позвонил мне: «Я не могу найти Джона. Он не с тобой?» — спросил он нервно.

«Нет.»

Ричард был озадачен. Ричард был уверен, что я — единственный человек, к которому Джон мог пойти, не сказав предварительно ему; он чувствовал, что это было покушением на его влияние на Джона. Я сама была фаном и всегда любила и уважала фанов. Они — что — то вроде священнослужителей, напоминающих, тем не менее, сумасшедших. Например, я слышала, что Эллиот Минц все еще поддерживает отношения с Джоном и Йоко. Люди звонили мне и рассказывали то, что слышали от Эллиота — как тот хвастался, что он — единственный человек в мире, кому позволено ежедневно общаться с Джоном. Он казался таким же одержимым, как и Ричард. Эта одержимость ужасала

Джона, хотя только таким людям, как Ричард и Эллиот, Йоко все еще позволяла общаться с Джоном.

По мнению Джона, единственным способом повидаться со мной — было использовать для этого Ричарда. Для Джона было немыслимо самому набрать мой номер и назначить встречу. Он всегда хотел, чтобы и эти наши встречи были кем — то устроены. Иногда Йоко оставляла его одного, — он мог бы позвонить в это время. Когда он был с Ричардом, он не пользовался телефоном, чтобы назначить встречу со мной: он не хотел обижать Ричарда тем, что выполняет за него его работу, и не хотел чувствовать себя виноватым. Он мог бы заставить Ричарда позвонить мне и проверить, позвонил ли тот, но это было бы не похоже на Джона.

Тем не менее в конце 1977 года он сам заговорил об этом во время одной из последних в том году наших встреч.

«Где ты пропадала все эти месяцы?» — спросил он.

«Я была дома или на работе.»

«Я все просил Ричарда позвонить тебе, а он говорил, что не может найти тебя.»

«А как часто ты просил его позвонить?»

«Раз десять, но он дозвонился только один раз.»

Джон задумался. Правда всегда с трудом доходила до него; он предпочитал игнорировать жестокую реальность. Игнорируя ее, он мог ничего не предпринимать. Помолчав, он сказал: «Он — ебучий ревнивец. Он ревнует к тебе. Он думает, что когда мы вместе, я меньше общаюсь с ним. Нам нужно подумать о ком — нибудь еще.»

«О ком?»

«А ты как думаешь?»

Джон находился в такой изоляции, что было просто не возможно о ком — нибудь подумать. Когда я предложила одно — два имени, Джон сказал: «Я не верю им. Люди болтливы. Как может кто — нибудь держать язык за зубами насчет этого?»

Мы оказались в западне и понимали это. Но было трудно поверить и еще труднее принять тот факт, что Джон оказался в зависимости от капризов Ричарда Росса.

* * *

Я не слышала больше ничего о Джоне до конца 1978 года. Со временем я стала думать, что Джон стал, наконец, частью моего прошлого, и старалась забыть его.

1978 год стал для меня годом реализма. Я чувствовала, что окончательно рассталась с Джоном и всю свою энергию направляла на то, чтобы сделать карьеру и найти кого — нибудь, с кем я действительно хотела бы разделить свою жизнь.

Но вот, в начале декабря 1978 года меня разбудил телефон.

Я сняла трубку: «Алло?» Все, что я услышала — это гудки на том конце провода. Через полчаса все повторилось снова. Я принимала душ, когда телефон зазвонил в третий раз. Я сняла трубку.

«Привет», — сказал Джон.

Я была изумлена. Прошло уже одиннадцать месяцев с тех пор, как я последний раз разговаривала с ним. Я не могла поверить в то, что он позвонил сам, особенно это было странно в стол ранний час.

«Привет, Джон», — мягко сказала я.

«Как дела?»

«Джон, ты пытался до этого как — нибудь связаться со мной?»

«Нет.»

Мы помолчали. Нам было очень не по себе.

«Что ты делаешь?»

«Собираюсь на работу.»

«У тебя есть время увидеться со мной?»

«Когда?»

«Как можно скорее.»

«Хорошо… Я думаю… это обязательно сегодня?»

«Хотелось бы сегодня.»

«Ладно, я позвоню на работу — скажусь больной.»

«Я приду к тебе.»

Я объяснила ему, как добраться до моего дома, и сказала, что встречу его на входе.

Я знала, каким это было трудным делом для Джона — позвонить самому, и я знала, что по дороге сюда он может еще миллион раз передумать. Я не хотела, чтобы он дошел только до моего подъезда, а потом впал в панику и убежал, подумав, что его могут узнать. Я очень хотела увидеть его и не хотела никаких непредвиденных обстоятельств. Я прождала целый час, в течение которого каждый из моих соседей, казалось, успел остановиться

поболтать со мной, пока наконец не появился Джон. День был дождливый, и он выглядел бледным и испуганным.

«Не мог взять такси, — сказал он. — Боже, это ужас. Я стоял на улице и не знал, что делать.»

Я проводила его в свою квартиру и усадила.

Его истеричность всегда проявлялась в каком — нибудь ужасном физическом симптоме, — он так нервничал, что дышал с присвистом. Он положил мою руку на свое сердце, и я почувствовала, как бешено оно колотится. «Успокойся, — нежно сказала я, — успокойся.» «Ты не можешь выключить радио? Слишком громко. Мне это действует на нервы.» Радио играло тихо, но я все же выключила его. Джон сидел, прищурившись и стараясь придти в равновесие. Через несколько минут он успокоился, притянул меня к себе, и мы посидели, обнявшись. Мажор и Минор, мои кошки, узнали его и принялись к нему ласться. «У меня сейчас тоже кошки, — сказал Джон. — У меня был котенок «русский голубой», но что — то с ним было не так. Я отвез его к ветеринару, а тот сказал, что его придется усыпить. Я держал его, пока ветеринар делал ему укол. Он был таким красивым. Я плакал.»

Я взяла Джона за руку и сжала ее.

«Мать уехала в Лондон на встречу в «Эппл». На «конкорде». Как только она ушла, я позвонил тебе, — объяснил он. — Я так боялся.»

«Почему?»

«Я думал, вдруг у тебя кто — то есть или ты замужем. Поэтому сделал сперва те два звонка, чтобы проверить, нет ли с тобой кого — нибудь.»

«Джон, если бы я вышла замуж, ты наверняка услышал бы об этом.»

«Наверное, — он улыбнулся. — Я не хочу, чтобы у тебя ктонибудь был.»

Джон совершенно не отдавал себе отчет в своем эгоизме, и я решила переменить тему.

«Как Шон?» — спросила я.

«Прекрасно.»

«Ты звонишь Джулиану?»

«Да.»

«Когда ты последний раз говорил с ним?»

«Как раз вчера.»

Я положила руки Джону на плечи, а он погладил

меня по волосам. Краешком глаза он внезапно заметил помещенную в рамку статью о нас в «Дэйли Палм Бичер», написанную, когда мы были у Морриса Леви в Вест Палм Бич.

«Я помню ее! — воскликнул он, вскочил и стал разглядывать ее. — «Позор Палм Бич». Это моя любимая статья. Мне нужна копия.»

«Давай махнемся, — сказала я. — Я хотела бы запись тех песен, которые ты писал перед тем, как мы расстались. Я люблю их.»

«Они тебе действительно нравятся?»

«Очень. Это твои лучшие вещи.»

Джон радостно улыбнулся.

«Джон, а ты хочешь записываться?»

«Конечно, хочу. Мне всегда хотелось продолжать заниматься музыкой.»

Вдруг появилось ощущение, что этого года, в течение которого мы не виделись, не было. Нам обоим было легко. Джон успокоился, его лицо порозовело, и его руки уже не были такими холодными и влажными, хотя он все еще был немного меланхоличен.

«Джон, ты счастлив?» — спросила я.

«Да. Мне нравится, что Йоко — мой менеджер. Это здорово, когда твоя жена — твой менеджер. Посмотри на Элизабет Джоэл и Билли Джоэла. У него все идет нормально.»

«Джон, Билли Джоэл записывает пластинки и дает концерты. Он занимается музыкой. Элизабет вдохновляет его.»

«У тебя хорошая квартира, Фанг Йи», — ответил он, быстро меняя тему.

Я взяла Джона за руку и провела по дому.

«Мне очень нравится, — сказал он. — Здесь так светло.»

Мы вернулись на диван. Джон был таким худым, что казался прозрачным.

«Боже, ты так похудел.»

«Я никогда не хотел весить больше тридцати пяти».

«У тебя пять футов одиннадцать дюймов роста! Ты мог бы весить чуть больше.»

«Я никогда не хотел весить больше тридцати пяти.»

Потом он сказал: «Берегись белой смерти». И прочитал мне короткую лекцию о вреде сахара и о строгой макробиотической диете, на которой он сидел. Я

нежно улыбнулась. Я почувствовала, что он не хочет, чтобы ему противоречили.

«А что ты слушаешь?» — спросил Джон.

Остаток утра мы провели, слушая пластинки, обнимаясь, целуясь и разговаривая. Я проиграла ему «Jealous Guy» в исполнении Фрэнки Миллера. Джону очень понравилось.

«Кто он?» — спросил Джон.

«Шотландец.»

«Он звучит, как белый Отис Реддинг.»

Джон лукаво посмотрел на меня: «Я слышал по радио одну песню. Она напоминает мне о нас, но я не знаю, кто ее поет.»

«Напой немного.» Он напел.

«Она называется «Reminiscing» («Воспоминания»). Это песня, которую я люблю.»

«А кто ее делает?»

«Литтл Ривер Бэнд (Little River Band).»

«Откуда они?»

«Из Австралии.»

«Похоже, у австралийцев появилась неплохая группа.»

«У меня есть эта пластинка, Джон!»

«Проиграй ее, проиграй.»

Я поставила пластинку и проиграла ее.

«Еще раз», — попросил он.

Мы вместе подпевали, а потом стали целоваться. Мы встали и отправились в спальню.

«Я так счастлив снова оказаться в своей старой кровати, Фанг Йи. Ты даже не представляешь, как я счастлив.»

«Я очень рада, Джон, — сказала я. — Но мне бы хотелось, чтобы ты приходил еще и потому, что и Я счастлива от этого.»

Какое — то время он смотрел на меня, как может смотреть только Джон, а потом поцеловал меня.

Весь остаток дня мы провалялись в постели, вставая лишь для того, чтобы снова и снова проиграть «Воспоминания». Должно быть, мы прослушали ее восемь или девять раз.

Когда мы одевались, Джон сказал: «Жаль, что мне так трудно видеться с тобой.»

«Разве тебе было так трудно позвонить?»

«Да. Мне пришлось ждать, пока мадам не уехала в

Англию. Перед тем как уйти, я запер спальню, чтобы никто не знал, там я или нет.»

Джон заметил замешательство на моем лице. Я не видела его почти год, и хотя я по — прежнему любила его, я была так далека от его игр с Йоко, что то, что он сказал, не могло вызвать никакого другого чувства. Как всегда, ему необходимо было получить от меня энергичное ободрение.

«Ты сегодня очень смелый, — сказала я мягко. — Надеюсь, это придаст тебе уверенности, для того чтобы снова позвонить мне.»

«Мы не можем полагаться на Ричарда. Мы оба знаем, что он из себя представляет. если я буду ждать, что он позвонит тебе, то так мы никогда не встретимся. Как только будет возможность, я позвоню тебе.»

Джон начинал нервничать. Я видела, что ему хочется позвонить, но знала, как ему трудно это сделать. Мне было очень грустно видеть, как он снова запутывается в своих проблемах. Я не выносила этого чувства.

«У меня был чудесный день сегодня, — сказала я. — Джон, я очень люблю тебя. Очень.»

«Я тоже люблю тебя.»

Я проводила его до двери и смотрела на него, пока он ждал лифта. Потом я послала ему воздушный поцелуй. Я не знала, что видела его в последний раз.

* * *

Это было в конце мая 1980 года, когда я проводила воскресный день с моими тремя подругами — Марджи, Джей и Нерсой. Мы только что прогулялись и возвратились в мою квартиру перекусить, как зазвонил телефон. Я взяла трубку. Оператор с сильным французским акцентом сказала: «Это оператор. Ваш номер….?» Она назвала мой номер телефона.

«Да, — ответила я. — Но, может быть, вы перепутали номер?» Я не допускала и мысли, что кто — то может звонить мне из Франции.

Вдруг раздался голос: «Я уверен, что не перепутал номер, Мэй.» Услышав голос Джона, я замерла. Мы не говорили и не виделись уже семнадцать месяцев.

«Джон, откуда ты звонишь?» — наконец спросила я.

«Это мой муж?» — спросила Нерса, мужа которой

тоже звали Джон. Я махнула ей, чтобы не шумела, взяла телефон и направилась в спальню.

«Угадай», — сказал Джон.

«Джон, ты, должно быть, звонишь из Франции».

До Нерсы вдруг дошло, и она изумленно застыла.

«Дальше, гораздо дальше.»

«Сдаюсь.» Я вошла в спальню, закрыла дверь и села на кровать.

«Я — в Кейптауне!» — воскликнул Джон.

«Кейптаун, Южная Африка?»

«Да.»

«Что ты там делаешь?»

Помолчав, Джон нерешительно ответил: «Мне было пора снова отправиться в путешествие.»

«А почему в Кейптаун?»

«Потому что я здесь был раньше, и мне нравится здесь.»

«Когда ты вернешься?»

«Вероятно, послезавтра», — ответил он как — то смутно.

Помолчав, Джон сказал: «Фанг Йи, у тебя есть время говорить со мной?»

«Конечно, Джон.»

«Подожди — я закурю.»

«Так ты опят куришь?»

«Житан». Он на секунду положил трубку, а потом снова взял.

«О'кей?»

«О'кей.» Снова наступило молчание. Я чувствовала, что Джон очень нервничает.

«Фанг Йи, — сказал он наконец, — чем ты сейчас занимаешься?»

Я рассказала ему о своей новой работе на радио ABC.

«Ты не в музыкальном бизнесе? Не могу в это поверить. Тебе нравится работать на радио?»

Я поколебалась, а потом ответила: «Я — рок — н-роллльщица. Мне хотелось бы по — прежнему работать в музыке.»

Похоже, Джон наконец понял, что из — за него мне пришлось искать работу в другой сфере.

«Мне хотелось бы что — нибудь сделать для тебя, — ответил он, — но я не могу. Я ничего не могу сделать. Я по — прежнему не могу ничего сделать.»

«Может, я кое — что скажу?» — шутя спросила я.

«Что ты имеешь в виду?»

«Джон, мы с тобой знаем друг друга уже почти десять лет. Может, теперь пора мне сделать «Пэнг Вспоминает»?

Джон засмеялся. «Тебе действительно есть о чем рассказать. К сожалению, я обращался с тобой не так хорошо, как хотелось бы.»

Голос Джона стал вдруг очень радостным. Я просто шутила, но видела, что ему понравилась эта идея. Это было в его духе — чтобы я освободила его от ответственности рассказать правду. Я решила переменить тему.

«Тебе нравится Кейптаун?»

«Здесь очень интересно… — Джон поискал, что бы еще сказать. — Фанг Йи, что ты слушаешь?»

«Претендерз. Тебе следует послушать их.»

«Ладно.»

Я не могла поверить в то, что Джон, пропадавший семнадцать месяцев и бывший за тысячи миль от меня, позвонил просто поболтать. У него на уме должно было быть что — то более важное. Он нащупывал почву, и я знала, что, когда он почувствует себя уверенно, он скажет это. Поэтому я решила быть очень спокойной и легкой в разговоре. Мы еще немного поговорили о музыке, а потом Джон начал расспрашивать меня о наших старых друзьях.

«Как Тони Кинг? — спросил он. — А Гарольд?» — и был доволен, что оба в порядке.

«Фанг Йи, ты знаешь, твой номер был у меня в потайном блокноте, который я спрятал. Ты знаешь меня: я так его спрятал, что потом не смог найти. Но потом я его нашел и втихаря захватил с собой сюда. Я знал, что в Кейптауне без проблем смогу позвонить тебе. Не хотел говорить, но я послал тебе открытку. Мне хотелось узнать, догадаешься ты или нет. Она хитро сделана.»

«Я всегда пойму.»

«Посмотрим. А сколько мы не виделись?»

«Последний раз мы виделись полтора года назад.»

«Неужели так давно? — Джон помолчал. — Я хочу увидеть тебя. Хочу взять тебя с собой в дом на Лонг — Айленде. Ты можешь достать машину?»

«Ты хочешь, чтобы я взяла машину?»

«Я не могу позвонить в «Эсквайр Лимузин Сервис» и

заказать.»

«Я достану машину, Джон. Мне тоже хочется увидеться с тобой», — такая перспектива сильно взволновала меня.

«Я даже не знаю, как туда добираться. Знаю только, что нужно ехать до Джерико Тернпайк (название магистрали. — прим. перев.)»

«Найдем. Мы всегда раньше находили.»

«Точно.» Мы оба засмеялись.

Потом Джон внезапно сменил тему разговора.

«Шон — такой чудесный, — сказал он. — Он очень умный, очень крепкий и ведет себя просто прекрасно.»

«Уверена, что он — потрясающий.»

«Фанг Йи, я хочу, чтобы ты увидела его. Я хочу, чтобы ты его узнала. Он тебе очень понравится.»

«Я очень хотела бы встретиться с Шоном.»

Потом я спросила Джона:

«Ты разговаривал с Джулианом?»

«Да, я звонил ему. Правда, звонил.»

«Не прерывай с ним связи, пожалуйста.»

«Я и не прерываю. Фанг Йи, ты уверена, что достанешь машину?»

«Уверена.»

Джон немного помолчал. «Я хочу снова увидеть тебя, но не могу, пока не закончу дела. Обещаю, что позвоню, когда все сделаю. Найди машину, и мы составим план.»

«Когда ты предполагаешь позвонить?» — спросила я.

«Точно не знаю. Ты же знаешь, как у меня со временем. Может, через неделю, а может, через шесть месяцев. Но я точно позвоню. Я снова записываюсь. Смогу позвонить только когда закончу.»

«У тебя готов материал для записи?»

Джон замешкался. «Я изменил тексты тех песен, которые тебе так нравились.»

«Зачем? Они были чудесными.»

«Я знаю. Но мне пришлось все равно их изменить. Я не мог использовать те тексты, которые написал с тобой. Вот так. Ты ведь понимаешь, да? Если я буду записываться, то позвоню, когда закончу. И потом мы смотаемся. О'кей?»

«Джон, я рада, что ты позвонил.»

«Фанг Йи, тебе пришлось много вытерпеть. Ты хотела только, чтобы мне было хорошо. Это все, что ты хотела. Ты ведь знаешь, что я понимаю это, да?»

«Я знаю, Джон!»
«Я позвоню. Обещаю, что позвоню.»
Этот разговор, наш последний, занял полтора часа.

* * *

Через четыре дня я получила открытку: Джон взял послание от одного своего поклонника, замазал свое имя и переадресовал мне.

* * *

Через два месяца после этого, в конце августа, мне позвонил один мой знакомый, работавший в «Хит Фэктори», и сказал, что Джон и Йоко неожиданно начали записывать вместе альбом. Я была рада, что Джон снова записывается, и знала, что он будет работать в студии два — три месяца. Я не ждала от него звонка до окончания этого альбома. Однажды мне позвонил другой приятель из «Хит Фэктори»: «Что это с ними? — спросил он. — Я ожидал, что они будут всю дорогу обниматься и целоваться, а они какие — то отчужденные друг с другом.»

В конце ноября я впервые услышала «Двойную Фантазию».

«Теннесси», которую Джон написал, когда был со мной, стала «Смотрю На Колеса». Мелодию песни «Прекрасный Мальчик» он тоже написал, когда мы были вместе.

Через несколько дней один человек дал мне копию интервью Джона и Йоко, которое должно было вскоре появиться в «Плейбое». Уже несколько лет Джон не давал большого интервью. Хоть я и знала его очень хорошо, я вновь была изумлена тем публичным Джоном, чьи замечания были искренними, прямыми и здравомыслящими. Это был Джон, которого люди смоделировали сами, и которого (сам Джон с грустью это понимал) в обыденной обстановке не существовало. В этом интервью вновь была дана односторонняя версия их разлуки с Йоко: Йоко выкинула Джона; Джон вдруг почувствовал себя одиноким и без друзей; у Джона был «потерянный уикэнд», который длился восемнадцать

месяцев; Джон хотел вернуться домой, но Йоко не пускала его, пока он не будет готов.

Хоть я и слышала и читала эту лажу много раз и раньше, и мне было совершенно ясно, что так же, как солнце будет всходить на небе, Джон под влиянием Йоко будет всегда это долдонить, меня по — прежнему это злило. Я слишком хорошо знала положение дел. Это интервью было запланировано опубликовать в начале ноября, и Джон знал, что я неизбежно прочитаю его. Я знала, что всего через несколько дней после того, как этот журнал появится в продаже, Джон позвонит мне и будет извиняться за всю ту ложь, которую он сказал.

THE END